

ИМИ
Г-91

МНЕНИЯ
О МИРЕ

Б.А.Грушин

И

МИР
МНЕНИЙ

Б. А. Грушин

МНЕНИЯ
О МИРЕ
— И —
МИР
МНЕНИЙ

*Проблемы
методологии исследования
общественного мнения*



ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1967

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена одному из сложных и малоисследованных явлений в жизни общества — природе общественного мнения и методологии его изучения. Автор, заведующий сектором Института философии АН СССР, руководитель Института общественного мнения «Комсомольской правды», обобщает в ней свой опыт конкретно-социологических исследований, проводившихся в течение ряда лет. Книга содержит богатый фактический материал и удачно сочетает глубокий теоретический анализ с доступной формой изложения. Она будет полезна всем интересующимся вопросами социологии.

• Предисловие •

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИ

Теперь уже невозможно не признать — конкретно-социологические исследования в Советском Союзе стали фактом. По мере их распространения уходят в область истории те абстрактные споры вокруг «вопроса о социологии», в том числе относительно значения и даже самой правомерности конкретно-социологических исследований, которые еще совсем недавно столь активно велись в университетских аудиториях, на страницах научных журналов и в бесконечных устных дискуссиях самими социологами и, главным образом, людьми, не проводшими ни одного конкретного исследования. Одновременно становится все более ясным и истинное содержание эволюции, переживаемой нашей философской наукой.

Очевидно прежде всего, что обращение философов к конкретно-социологическим исследованиям, равно как и сравнительно быстрое распространение этих исследований в стране,—факт не только одной научной жизни. Истоки этого явления имеют четко выраженный социальный характер. Они связаны прежде всего с тем обстоятельством, что на современном этапе общественного развития резко возрастает потребность в проведении научно обоснованной политики, в научном анализе и программировании социального процесса, а также в совершенном управлении им. Развитие общества поставило в повестку дня великое множество принципиально новых вопросов, касающихся экономики, классовой структуры, государства, права, семьи, связанных с воспитанием масс. Если раньше некоторые из этих вопросов ставились лишь в теоретической, то есть весьма общей форме, то теперь речь пошла и об их практическом, то есть предельно конкретном содержании. Сегодня для практики строительства уже недостаточно знать, что конечная цель движения предполагает высшее развитие производительных сил, стирание существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом и т. д.—ежедневная деятельность масс в сфере экономики, политики, культуры, воспитания выдвинула и выдвигает десятки

конкретных «как» и «почему» и требует на них конкретного научного ответа.

Вместе с тем интерес к конкретному научному анализу социальных явлений возрос не только в силу роста потребностей практики, но и в результате создания в стране таких общественно-политических условий, которые способствуют удовлетворению этих потребностей. Выступив против талмудизма и начетничества как против явлений, в корне несовместимых с творческим духом марксизма-ленинизма, партия призвала философов к глубокому изучению всех сторон процесса общественного развития. Результатом этого явилась еще более тесная связь социальной науки с жизнью. Тогда-то где-то в середине 50-х годов и замелькало в литературе и устных дискуссиях слово «социология».

Сам по себе этот термин не был сколько-нибудь новым для марксистской философии — ни в смысле обозначения общей теории общественной структуры и общественного развития, ни в смысле обозначения конкретных исследований социальных явлений. Что касается, в частности, первого его содержания, то марксизм явился как раз такой теорией: именно термином «социология» Ленин обозначал исторический материализм Маркса¹. Что же касается конкретно-социологических исследований, то они также самым широким образом и в различных формах использовались и классиками марксизма-ленинизма («Капитал», «Положение рабочего класса в Англии», «Экономическое содержание народничества», «Развитие капитализма в России»²) и советскими философами середины 20-х — начала 30-х годов.

И все же термин «социология» применительно к советской мар-

¹ Теория материалистического понимания истории, писал В. И. Ленин, «впервые возвела социологию на степень науки. До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив производственные отношения, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137).

² Имея в виду, например, свою работу над «Положением рабочего класса в Англии», Ф. Энгельс писал, обращаясь к своим героям: «Я искал большего, чем одно абстрактное знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 2, стр. 235). «В течение 21 месяца я имел возможность непосредст-

ксистской философии был встречен многими с недоверием, а то и просто в штыки³. Среди советских философов началась дискуссия, в центре которой встала проблема о соотношении социологии и исторического материализма.

Если оставить в стороне людей, даже и слышать не хотевших о возможности существования марксистской социологии, а также тех, кто занимал в споре различные промежуточные позиции, то в общем и целом было высказано три точки зрения.

Сторонники первой, в сущности, полностью отождествляли исторический материализм с социологией. По их мнению, теоретическая социология совпадала собственно с теорией исторического материализма, а конкретно-социологические исследования общественных явлений представляли «нижний этаж» этой науки: в нем «добывался» эмпирический материал, служащий пищей для теории.

Сторонники второй точки зрения полагали, что с историческим материализмом совпадает лишь часть социологии, а именно лишь теоретическая социология. Что же касается другой ее части, включающей в себя конкретно-социологические исследования, то тут мнения расходились: одни полагали, что эта часть представляет собой вполне самостоятельную науку — конкретную социологию, существующую наряду с историческим материализмом, другие же (противники конкретных исследований) — что она вовсе не должна существовать.

Наконец, третьи утверждали, что социология (вернее, социологии — поскольку в данном случае речь шла о множестве различных дисциплин) — вообще совершенно *самостоятельная наука*, относящаяся к историческому материализму принципиально так же, как к нему относятся все «конкретные» (в смысле: нефилософские) общественные науки — история, политическая экономия, этнография и др. С данной точки зрения исторический материализм следовало рассматривать исключительно как философско-методологическую основу социологических дисциплин.

венно, по личным наблюдениям и в личном общении, изучить английский пролетариат, его стремления, его страдания и радости, одновременно дополняя свои наблюдения сведениями из необходимых достоверных источников. В настоящей книге изложено то, что я видел, слышал и читал» (там же, стр. 238—239).

³ Еще в 1961 г. уральские философы М. Н. Руткевич и Л. Н. Коган вынуждены были писать: «...о содержании терминов «социология» и «конкретно-социологическое исследование» идут споры, а некоторые товарищи вообще считают, что они неприменимы в марксизме...» (М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган. О методах конкретно-социологического исследования. «Вопросы философии», 1961, № 3, стр. 123).

Природа этой дискуссии была понятной. В условиях, когда связь философской науки с практикой была недостаточной, термин «социология» фактически утратил какой-либо смысл и исчез из философского лексикона марксизма. Он был целиком отдан на откуп буржуазной философии, которая к тому же имела в данной области прочную традицию. Огромный размах социологических исследований, начавшийся в 20—30-х годах на Западе, и прежде всего в Соединенных Штатах, окончательно способствовал такому отождествлению буржуазных социологических исследований с социологией вообще. А принципиально ущербный характер многих из этих исследований, их подчас ненаучная теоретическая и методологическая база обеспечили довольно широкое распространение взглядов, согласно которым социология уже сама по себе считалась псевдонаукой, годной разве лишь для того, чтобы заниматься апологией сущего. Так в результате вместо противопоставления марксистской социологии, с одной стороны, и социологии немарксистской, с другой, возникло противопоставление марксизма и социологии вообще. В подобной ситуации вернуться к «проклятому» термину означало, по видимости, пойти на «уступку» буржуазной философии, на огульное признание ее заслуг и принятие ее методов.

Но вместе с тем развернувшаяся дискуссия не была только спором о словах. Она, пожалуй, даже меньше всего была именно таким спором — вопросы терминологии, безусловно, играют серьезную роль в науке, но в данном случае, если бы речь шла только об этой стороне дела, кажется, сравнительно нетрудно было договориться, будет ли исторический материализм называться марксистской социологией или нет.

Речь шла, прежде всего, о другом — о задачах, предмете и самой правомерности конкретных социальных, в частности социологических, исследований. И в этом смысле — о борьбе нового и старого в философской науке. За дискуссией часто вырисовывался главный вопрос: останется ли философия в рамках одной дедукции (или, как говорил В. И. Ленин, в рамках простого логического развития общей истины⁴), или она обратится к еще не исследованным фактам и будет с новой силой развивать лежащее в ее основе творческое начало. Особую остроту спору придавало то обстоятельство, что в нем переплетались интересы отдельных личностей: ведь позиция наиболее активных противников социологии, то есть конкретных исследований, объяснялась, помимо всего прочего, и тем, что, будучи знакомы лишь с одним видом научного исследования — «формально-дедуктивным», они не владели методами конкретного анализа фактического материала и сама мысль о необходимости переучиваться и идти «делать

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 14.

науку» на заводы и в колхозы казалась для них чем-то непоправимо катастрофическим.

Между тем, пока гремели эти теоретические споры, жизнь шла вперед. Практика предъявляла спрос на решение множества важных вопросов — в области труда, массовых коммуникаций, семьи, градостроительства, культуры, отношений между людьми и пр., и этот спрос, как всегда, определил предложение. Появились люди и даже целые организации, которые еще до решения кардинальных вопросов «о предмете социологии», «о соотношении социологии и исторического материализма», о правомерности конкретно-социологических исследований и т. д. приступили к проведению самих исследований. Нельзя сказать, чтобы они нигилистически или позитивистски относились к общим вопросам теории, — нет, они просто остро чувствовали потребности практики и полагали, вслед за Наполеоном, что сначала нужно ввязаться в бой, а там уже посмотреть⁵.

В результате первые шаги в развитии социологии — в развитии, так сказать, «на деле», а не только «на словах», — несмотря на всю их неуверенность и робкий характер, были сделаны. И уже этот первый после столь долгого перерыва опыт сразу же пролил свет на многие из тех вопросов, которые в рамках абстрактной дискуссии казались неразрешимыми. Разумеется, тогда можно и нужно было говорить и о недостатках и ошибках (в том числе весьма серьезных), допущенных в той или иной работе тем или иным исследователем. Но главное в этом опыте было другое: обнаружилась бесспорная необходимость и важность конкретных исследований для удовлетворения нужд как теории, так и практики.

В самом деле, ныне нельзя уже больше представить себе нормальное существование какой-либо общественной науки, не опирающейся на конкретное изучение своего предмета, на анализ соответствующего эмпирического материала. Проведение конкретных социальных исследований является необходимой составной частью и базой теоретических построений любой социальной науки — политической экономии и истории, правоведения и этнографии, эстетики и этики. И — исторического материализма. Эта последняя наука, изучающая наиболее общие закономерности развития общества, возник-

⁵ Следует отметить, что правомерность такого подхода к делу, когда вместо четкого определения предмета науки есть, по словам Гегеля, лишь «уверения в предмете», подтверждена всей историей науки. Советские философы имели возможность убедиться в этом еще раз совсем недавно, когда они от многолетних, крайне абстрактных по содержанию и потому совершенно бесплодных по своим результатам, разговоров о «предмете диалектической логики» и о ее «соотношении с логикой формальной» перешли наконец к конкретному анализу проблем методологии и логики современной науки — общественной, естественной и технической.

ла, развивалась и развивается на базе философского обобщения данных всех «частных» общественных наук — от антропологии до политической экономии. Но вместе с тем ее развитие немыслимо без проведения конкретных исследований *внутри ее собственного предмета* — в области отношения общественного бытия (в различных его формах) к общественному сознанию (в различных же его формах).

С этой точки зрения очевидна вся ошибочность позиции тех, кто полагал или полагает, что исторический материализм по своему предмету вообще не связан с проведением конкретных исследований, что он представляет лишь «философско-методологическую основу» для самостоятельно существующих социологических дисциплин, относится к последним, как к другим «частным» наукам, и т. д. или что с историческим материализмом совпадает лишь так называемая «теоретическая социология», в то время как так называемая «конкретная социология» представляет собой самостоятельную науку или даже вовсе не должна существовать. Тут неверно уже само деление наук на «абстрактные» и «конкретные», на связанные с конкретным изучением своего предмета и «свободные» от такого изучения⁶. А главное — подобные взгляды обрекают исторический материализм на худосочие и даже полное бесплодие⁷.

⁶ С целью обоснования данного взгляда иногда ссылаются на факт существования теоретической политэкономии и конкретной экономики. Однако ясно, что подобные ссылки могут рассматриваться скорее лишь в плане семантических недоразумений: ведь самая что ни на есть «теоретическая» политэкономия (например, та, что изложена в «Капитале») включает в себя конкретные социальные исследования (своего предмета) в не меньшей степени, чем самая что ни на есть «конкретная» экономика (имеющая дело с совсем другим предметом).

⁷ Этот вывод был четко сформулирован на международной встрече социологов-марксистов, состоявшейся осенью 1961 г. в редакции журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага), где присутствовал пишущий эти строки: «...Открытое или же скрытое пренебрежение к конкретным социологическим исследованиям, — единодушно отметили участники совещания, — представляет собой одно из проявлений догматизма в марксистско-ленинской науке об обществе. Утверждая, что материалистическое понимание истории исчерпывает собой всю марксистскую социологическую науку, догматики пытаются теоретически оправдать свой отказ от изучения и обобщения новых социальных явлений и процессов, возникающих в ходе строительства социализма и коммунизма. Склонные к догматизму ученые хотели бы ограничить «распространение положений диалектического материализма на область общественных явлений» просто дедуцированием, т. е. выведением одних «абсолютных истин» из других, еще более общих. Избегая непосредственного изучения конкретной действительности, подобные исследователи склонны превратить марксистско-ленинскую науку об обществе в своего рода социологический пасьянс» («Встреча социологов-марксистов». «Проблемы мира и социализма», 1962, № 2, стр. 83).

Другое дело, что исторический материализм отнюдь не включает в себя все возможные конкретные социальные исследования, что применительно к этой науке речь должна идти лишь об эмпирических исследованиях внутри ее собственного, строго очерченного предмета. Наряду же с ними, в рамках различных общественных наук, существует масса других конкретных социальных исследований — экономических, этнографических, исторических и т. д.

Одновременно первый опыт конкретно-социологических исследований пролил достаточно света и на другой вопрос — о возможности существования какой-либо «самостоятельной» социологии (каких-либо самостоятельных социологических дисциплин) наряду с историческим материализмом. Такая постановка вопроса кажется вполне правомерной, коль скоро речь идет о науках, предмет которых отличается от предмета исторического материализма. И, что самое интересное, она не противоречит (как это ни парадоксально, на первый взгляд!) тезису о совпадении понятий «исторический материализм» и «марксистская социология».

Дело в том, что в настоящее время в науке наряду с ярко выраженным процессом интеграции, отмечающим успехи человеческого мышления в обнаружении общих закономерностей мира, бурно идет и процесс дифференциации, отмечающий этапы углубления нашего познания в мир вещей. Это верно как в отношении естествознания, так и в отношении общественных наук, в том числе философии. Как известно, предмет этой некогда «науки наук» подвергается дифференциации на протяжении всей истории ее развития, причем уже в последнее время из нее выделились в качестве вполне самостоятельных дисциплин этика и эстетика. И нет оснований считать данный процесс сколько-нибудь завершенным. Скорее даже наоборот. «По мере развития и углубления конкретных социальных исследований,— отмечали участники пражского совещания социологов,— изучение относительной самостоятельности отдельных общественных явлений и процессов, естественно, сопровождается дифференциацией в науке, созданием новых научных дисциплин, вроде социологии труда, социологии семьи и быта, социологии города и т. д.»⁸.

Во всяком случае, бесспорным представляется тот факт, что в настоящее время существует целый ряд явлений общественной жизни — *социальных отношений*, которые в соответствии с острейшими потребностями практики и теории должны быть предметом самого тщательного, самого глубокого и пристального анализа. Будет ли этот анализ осуществляться в рамках исторического материализма или других общественных наук (этики, демографии и др.), или он «раз-

⁸ «Встреча социологов-марксистов», стр. 84.

растется» до размеров самостоятельных наук — «социологии семьи», «социологии пола», «социологии религии», «социальной психологии» и др., — покажет ближайшая история⁹.

Практический опыт проведения социальных исследований не только внес большую или меньшую ясность в различные стороны общего «вопроса о социологии», но и поставил перед советской социологической наукой целый ряд новых важных проблем. Наиболее актуальными из них, на наш взгляд, являются три.

В первую очередь — проблема синтеза эмпирического исследования и теоретического анализа, проблема преодоления опасности эмпиризма в социологии.

Как известно, в свое время крупные американские исследователи, крайне обеспокоенные этим явлением, выражали надежду на то, что им удастся преодолеть надвигающийся кризис. «Стереотип социального теоретика, парящего в эмпиреях чистых идей, не запятанных низменными фактами, — писал Р. Мертон, — ныне так же устаревает, как и стереотип социального исследователя, вооруженного анкетой и карандашом, который гоняется за изолированными и бессмысленными статистическими данными. Ибо при построении здания социологии за последнее десятилетие теоретик и эмпирик научились работать совместно. Более того, они научились разговаривать друг с другом. Иногда это означает только то, что социолог научился разговаривать сам с собой, поскольку все больше и больше один человек занимается и теорией и исследованием»¹⁰.

Однако данному предсказанию не суждено было осуществиться. Лишенные общей научной теории социальной структуры и социального развития, социологи Запада до сих пор, по их собственным признаниям¹¹, буквально тонут в море разного рода эмпирических исследований (Соммервилл остроумно назвал их «зонтиковедческими»), о большинстве из которых невозможно сказать, какое значение они имеют для науки об обществе и даже с какой целью они проводятся!..

⁹ Следует отметить, что с точки зрения практики это вопрос второстепенный; главное — что сегодня названные явления не изучаются с должной серьезностью ни одной наукой (в том числе и историческим материализмом) и что их изучение остро необходимо в интересах общественного развития.

¹⁰ R. Merton. Social Theory and Social Structure. N. Y., 1949, p. 97.

¹¹ Тот же Р. Мертон сетовал 10 лет спустя, что «социологи играют проблемами», которые являются «безответственно мелкими» (цит. по ст. Г. Андреевой «Приемы и методы эмпирических исследований в современной буржуазной социологии». В кн.: «Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований». Росвузиздат, 1963, стр. 99).

Советские философы находятся в этом смысле в ином положении. Они обладают общей теорией — марксистским историческим материализмом. Однако, как показывает опыт, одно лишь обладание теорией само по себе еще не избавляет от опасности эмпиризма при проведении конкретных исследований. Речь должна идти об органическом увязывании этих двух аспектов социальной науки. Ясно, что конкретное изучение социальной действительности, которая всегда оказывается *новой социальной действительностью*, с необходимостью должно обогащать теорию, вести к новому знанию в теории. Ясно и то, что существующая теория должна направлять конкретные исследования, определять их цели, структуру, методологию и т. д. Задача состоит в том, чтобы довести эту ясность до «рабочего состояния». Только тогда можно быть гарантированным от появления работ, проводимых «вслепую» и *немогущих* — несмотря на все обилие заключенных в них цифр и фактов — ничего дать ни теории, ни практике.

Вторая важнейшая проблема, реально возникшая перед нашей социологией, — проблема *методологии и методики* конкретно-социологических исследований. Смысл ее состоит в том, что социальные исследования в нашей стране начали осуществляться (и сравнительно широко) в массе случаев еще до овладения социологами необходимой методологией и методикой работы. В результате в этой работе оказалось множество ошибок, в том числе самых грубых, которые не только значительно снижают эффективность получаемых результатов, но и зачастую подрывают репутацию конкретной социологии вообще. Значение этого обстоятельства тем важнее, что задача советских социологов состоит не только и даже не столько в том, чтобы *изучить* методологию и методику конкретных исследований, уже имеющуюся в распоряжении социологической науки, сколько в том, чтобы самостоятельно *разработать* ее применительно к *специфическим* условиям социалистического общества.

Образно говоря, наша социология получила (наконец!) помещение, куда предстояло завезти современное научное социологическое оборудование.

И это техническое вооружение социологической мастерской не завершилось еще до сих пор и является актуальной задачей советской социологической науки — как в смысле «пригонки» уже имеющегося добротного оборудования, так и в смысле изготовления нового, собственного инструмента.

Наконец, крайнюю актуальность приобрела сегодня еще одна, третья проблема, которая в известном смысле является даже первоочередной (поскольку именно в ее решение во многом упирается решение других названных проблем). Мы имеем в виду проблему

организации социологической науки в стране. Ясно, что социология принесет зримую пользу для теории и практики социального строительства тогда, когда она получит «законное», естественное для всякой «нормальной» науки организационно-материальное выражение, когда начнется широкая подготовка специальных социологических кадров и т. д.

Вполне понятно, что каждая из названных проблем предполагает свои пути и средства решения. В настоящей книге мы хотели бы остановиться на рассмотрении лишь одной из них, именно второй проблемы, касающейся разработки методологии и методики социологических исследований. При этом речь идет отнюдь не о том, чтобы взять предмет во всем его необъятном виде. Наша цель значительно уже. Мы ограничимся рассмотрением вопросов методологии (преимущественно) и методики применительно лишь к одному из частных разделов социологической науки — социологии общественного мнения. Что же касается более конкретных границ и характера нашего исследования, то они определяются в первую очередь его материалом: в качестве последнего выступает главным образом опыт работы Института общественного мнения «Комсомольской правды» за первые 3¹/₂ года его деятельности.

Этот Институт возник в мае 1960 г. по инициативе работников редакции и с точки зрения официальных академических институтов явился типичным «незаконнорожденным ребенком». Впрочем, в то время тягу к конкретной социологии испытывали довольно многие учреждения и организации не академического толка — партийные и советские органы, администрация заводов, правления колхозов и т. п. Институт общественного мнения выгодно отличался от всех этих самодельных центров тем, что ему на редкость повезло с «матерью»: авторитет и популярность «Комсомольской правды», ее большие технические и организационные возможности позволили придать делу с самого начала сравнительно большой размах и общественное звучание.

Открывая Институт, редакция газеты в специальном обращении к читателям объясняла его происхождение и цели¹². Несмотря на некоторую скромность изложения, эта программа тем не менее содержала в себе указания на основные задачи созданного Института и основные особенности его деятельности. Возникший в рамках редакции, Институт общественного мнения, бесспорно, не мог не ставить перед собой задач, продиктованных пропагандистскими и прочими интересами газеты, как таковой. Однако главная цель его была иной. Современный этап в развитии общественной жизни страны во

¹² См. «Комсомольская правда», 19 мая 1960 г.

весь рост поставил вопрос о необходимости *научного*, квалифицированного и целенаправленного, изучения общественного мнения. Именно с целью хотя бы частичного решения этого вопроса редакция «Комсомольской правды» предприняла попытку пойти в данном направлении.

Выполняя намеченную программу, Институт провел за первые 3½ года своей деятельности 8 массовых опросов общественного мнения, большинство из которых имело всесоюзный, а два — международный характер¹³.

Ради экономии дальнейшего изложения назовем здесь их темы:

I опрос. Удастся ли человечеству предотвратить войну? (1960, май. 1000 человек.)

II опрос. Как изменился уровень Вашей жизни? (1960, конец лета. 1399 человек.)

III опрос. Что Вы думаете о своем поколении? (1961, январь. 17 446 человек.) (Одновременно был проведен опрос по анкете «Что Вы думаете о советской молодежи?» среди людей старших поколений, в том числе среди «100 авторитетов» — широко известных в стране государственных и политических деятелей, ученых, рабочих, колхозников, писателей, педагогов и др.)

IV опрос. Что Вы думаете о разведчиках будущего? (1961, август — октябрь. 1295 человек + 367 коллективов коммунистического труда.)

V опрос. Ваше мнение о молодой семье? (1961, декабрь. 12 104 человека.)

VI опрос. Что означают слова...? (1962, январь — февраль. 1000 детей — учеников 3-х классов.)

VII опрос. Во имя чего Вы учитесь? (1962, весна, осень. 2000 студентов Москвы и Парижа.)

VIII опрос. Как Вы проводите свободное время? (1963. 10 392 + + 2730 человек.)

Само собой разумеется, в задачи настоящей книги не входит рассмотрение конкретных результатов того или иного опроса, тем бо-

¹³ В 1963—1965 гг., после временного ухода автора из «Комсомольской правды», Институт продолжал работу. В этот период им были проведены четыре массовых опроса: 1) «На Марс — с чем?» (1963. 6425 человек), 2) «Проектируем сами» (1964, июнь — июль. 14 150 человек), 3) Опрос-конкурс «Новинка просит имя» (1964—1965. 43 тыс. человек) и 4) «Хорошо ли Вас обслуживают?» (1964, ноябрь — декабрь. 6127 человек). В 1966 г., когда автор вновь вернулся в Институт, было проведено еще три всесоюзных исследования — посвященных проблемам комсомола, ежегодных отпусков и аудитории массовой печати. Материалы всех этих опросов в настоящей книге использованы в самой незначительной степени.

лее что основная часть их уже (частично или полностью) опубликована¹⁴. Как было сказано, предмет книги — вопросы методологии изучения общественного мнения.

Задача овладения методологией и методикой исследования стояла перед Институтом с первых шагов его деятельности — как в смысле освоения уже имеющегося опыта, так и особенно в смысле творческой разработки вопросов метода: дело в том, что Институт с самого начала столкнулся со спецификой изучения общественного мнения в условиях СССР, делавшей недостаточным, а то и невозможным простое перенесение принятой на Западе методологии и методики. Однако, к огромному сожалению, в силу условий, в которых протекала работа Института — утилитарные потребности редакции, отсутствие специально подготовленных, а на первом этапе — и просто элементарно свободных от ежедневного выпуска газеты людей и т. д., — этой весьма важной стороне дела уделялось крайне мало внимания. В сущности, первые два года работы Института представляли собой скорее медленное продвижение вперед по методу проб и ошибок, нежели планомерное, на современной научной базе поставленное изучение предмета. Предлагаемая теперь книга должна в какой-то мере восполнить этот пробел и путем критического анализа извлечь основные уроки из проделанной работы.

Можно ожидать, что подобное ограничение темы — выделение внутри социологии общественного мнения преимущественно вопросов методологии изучения общественного мнения — вызовет возражения со стороны некоторых исследователей. Во всяком случае, как бы предвидя такое наше намерение, А. К. Уледов (один из немногих советских философов, занимающихся данным предметом) писал: «Конечно, изучение методов получения материала, необходимого для анализа общественного мнения, является одной из задач социологии,

¹⁴ Результаты I и II опросов см. в кн.: Б. Грушин, В. Чикин. Во имя счастья человеческого. Изд. «Правда», М., 1960; результаты III — в кн.: Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения. Изд. «Молодая гвардия», М., 1962, а также в ст.: Б. Грушин. Взгляд в будущее («Проблемы мира и социализма», 1962, № 10, стр. 27—34) и В. Грочин. Du nouveau au sein de la jeunesse sovietique («La nouvelle critique», № 144, avril 1963, p. 38—64); результаты IV — в ст.: Б. Грушин, В. Чикин. Проблемы движения за коммунистический труд в СССР («История СССР», 1962, № 5, стр. 17—44); частичные результаты V — в ст.: Б. Грушин. «Слушается дело о разводе...» О так называемых «легкомысленных браках» («Молодая гвардия», 1964, № 6, стр. 164—191, и № 7, стр. 255—282); результаты VI — в материалах «Комсомольской правды» от 2 августа 1964 г.; наконец, результаты VIII — в кн.: Б. Грушин. Свободное время. Актуальные проблемы. Изд. «Мысль», 1967.

но оно не представляет единственной и тем более главной задачи социологии в области исследования мнений». Главными вопросами являются: определение специфики общественного мнения, изучение закономерностей его формирования и развития, выяснение его роли в жизни общества и др.¹⁵

И все же мы решили сузить свою задачу. И не только в силу тяготения наших личных интересов прежде всего к методологическим проблемам — на то были и более веские, принципиальные соображения.

Разумеется, невозможно спорить с тем, что изучение методов исследования общественного мнения не является единственной задачей социологии общественного мнения. Равно невозможно сколько-нибудь умалять и значение таких проблем, как закономерности формирования общественного мнения, особенности его функционирования и т. д. Но с чем нужно решительно спорить — это с механическим противопоставлением одного из названных аспектов исследования другому. Думается, в подобном подходе снова проявляется старая ошибка — стремление к некоей общей теории, оторванной от конкретного анализа конкретного материала, в свою очередь невозможного без разработанной методологии и методики такого анализа.

В действительности «теория» общественного мнения и «методология» его изучения — две стороны одной медали. Здесь нет главного и второстепенного. Эти аспекты связаны друг с другом даже гораздо органичнее, нежели это обычно изображается в традиционной аналогии со строительством здания: ведь если верхние этажи здания действительно не могут быть воздвигнуты без фундамента, то фундамент все же сооружается до сооружения этих верхних этажей. Иное дело здесь. Субстанциальный анализ социальных явлений предполагает разработанную методологию изучения этих явлений в такой же мере, в какой сама разработка этой методологии предполагает знание природы, субстанции социального.

Другое дело, что в силу существующего в науке разделения труда вовсе не обязательно, чтобы каждый «теоретик-социолог» был одновременно и «социологом-методологом». Вполне допустимо — а в жизни так и бывает, — что одни исследователи отдают предпочтение преимущественному изучению «субстанции» общественного мнения, в то время как другие — процессам его выявления и научного изучения. Такое положение, повторяем, вполне нормально. И оно целиком оправдывает проведенное нами ограничение темы. Что же касается момента, переживаемого в настоящее время советской соци-

¹⁵ См. А. К. Уледов. Общественное мнение как предмет социологического исследования. «Вопросы философии», 1959, № 3, стр. 44.

логической наукой, то такое акцентирование внимания прежде всего на проблемах методологии и методики является, как мы уже отмечали, вообще в высшей степени актуальным.

Ограничивая таким образом предмет своего исследования, мы, в свете сказанного, не сможем полностью отвлечься от проблем «субстанционального анализа» феномена общественного мнения. Более того, мы уделим этому анализу достаточно много внимания. Однако понятно, что степень глубины, полноты и форма рассмотрения этой стороны дела в каждом случае будет определяться потребностями решения нашей *главной задачи*.

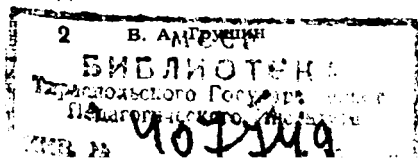
В этой связи следует отметить и еще два момента, уточняющих выделенный нами объект анализа.

Во-первых, речь пойдет о методологии исследований, осуществляемых в рамках и условиях *советского общества*. Это значит, что в наши задачи не будут входить специальное рассмотрение разного рода буржуазных теорий общественного мнения и критика методологии его изучения на Западе. Хотя, разумеется, мы не сможем вовсе отвлечься от этой стороны дела.

А во-вторых, в соответствии с имеющимся практическим опытом работы Института общественного мнения «Комсомольской правды», речь будет идти преимущественно об анализе одного из методов изучения общественного мнения, а именно *метода выборочного анкетного опроса*. Это значит, что все иные формы изучения общественного мнения — такие, например, как анализ прессы или позиций политических лидеров, как голосование на выборах, референдумы или получившие в последнее время широкое распространение открытые всенародные обсуждения и др., будут рассматриваться нами лишь в связи с характеристикой выборочного анкетного опроса. Впрочем, данный метод является одним из важнейших в системе конкретно-социологических исследований вообще, и потому он заслуживает самой детальной разработки применительно к условиям социалистического общества.

Общественное мнение... Мы ежедневно сталкиваемся с этим понятием в газетах, постоянно слышим о нем по радио, в разговорах: общественное мнение «выражает горячую поддержку...», оно «негодует...», «одобряет...», «беспокоится...», «требует...». К общественному мнению то и дело взывают политические лидеры, на него ссылаются, от его имени говорят, наконец, его исследуют... И все же вряд ли найдется сегодня в социологии другое понятие, содержание которого было бы столь неясно и вызывало бы столь многочисленные споры.

Многие западные социологи, даже те из них, что непосредственно занимаются изучением общественного мнения, прямо признают свою беспомощность перед лицом этого феномена. Подобно руководителю Британского института общественного мнения Г. Дюренту, они с прискорбием констатируют, что общественное мнение, несмотря на бесчисленные манипуляции с ним, «представляет собой вещь чрезвычайно трудную с точки зрения реального анализа ее характеристик. Общественное мнение, несомненно, не поддается описанию, неуловимо для определения, его трудно измерить и невозможно увидеть. Оно напоминает ригорический и часто повторяемый вопрос Ласки: «Если я встречу всеобщую волю прогуливающейся по улице, как я смогу узнать ее?»» По словам Г. Дюрента, «если мы обратимся к трудам и статьям исследователей общественного мнения, мы обнаружим малую теоретическую ясность. Луи Гуттман в бесчисленном числе статей и Поль Лазарсфельд, в частности в «The American Soldier», пытаются дать некоторого рода теоретический анализ того феномена, который они всю жизнь измеряют. Но в обоих случаях их анализ имеет тенденцию выродиться в математическую символику: объясняются отноше-



ния внутри некоей реальности, в некоторых случаях даже отношение этой реальности к другим понятиям, но природа самой реальности остается скрытой...»¹

Разумеется, в подобных признаниях иногда находит свое выражение и весьма распространенный в современной философии и социологии агностицизм. Но с другой стороны, совсем не случайно, что злокачественная опухоль агностицизма поражает именно эту сферу социологии: общественное мнение в действительности отличается *исключительной сложностью* с точки зрения его научного анализа.

Эту сложность вынуждены отмечать и советские социологи, приступившие к анализу рассматриваемого явления с позиций марксистской науки в сущности совсем недавно: «Сейчас еще рано говорить о сколько-нибудь удовлетворительном определении общественного мнения, поскольку нет серьезных исследований этой проблемы. Но несомненно, что при его определении нужно учитывать как характер отражения, т. е. специфику суждений, выступающих как мнение, так и вопрос о том, кто является носителем мнения»².

Что и говорить, весьма нелегко анализировать явление, которое, по остроумному выражению Дж. Р. Лоуэлла, напоминает атмосферное давление: невидимо невооруженным глазом, но весьма чувствительно. Однако главная трудность его анализа связана не с этой его особенностью, но с *исключительной сложностью внутреннего строения*. Структура данного явления включает в себя множество различных сторон, из которых каждая должна быть с необходимостью зафиксирована в конечном определении. И дело не только в количестве сторон, но и — еще больше — в различии их природы: общественное мнение представляет собой некий органический сплав *социальных, идеологических, психологических, логических* и других элементов.

В результате любое из имеющихся в науке определений общественного мнения отличается, как правило, прежде всего большей или меньшей неполнотой. Этим недостатком страдает даже такой непревзойденный мастер определений, как Гегель, который в § 316 своей «Философии права» писал:

¹ Henry Durant. Public Opinion, Polls and Foreign Policy. The British Journal of Sociology, vol. VI, № 2, June, 1955, p. 152.

² А. К. Уледов. Общественное мнение как предмет социологического исследования, стр. 47.

«Формальная, субъективная свобода, состоящая в том, что единичные лица как таковые имеют и выражают свое собственное мнение, суждение о всеобщих делах и подают совет относительно них, проявляется в той совместности, которая называется *общественным мнением*. В себе и для себя *всеобщее, субстанциальное и истинное* связано в нем со своей противоположностью, со стоящим само по себе *своеобразным и особенным мнением* многих. Это существование есть поэтому наличное противоречие самому себе, познание как *явление*; оно есть столь же непосредственно *существование*, как и несуществование»³.

Разумеется, речь не идет теперь о том, чтобы рассматривать приведенное определение Гегеля в качестве актуального. Это невозможно хотя бы уже в силу того, что общественное мнение представляет собой категорию историческую: гегелевская характеристика буржуазного общественного мнения столь же мало может быть отнесена к новейшим условиям социализма, как и к эпохе древнегреческих государств. А потом Гегель занимал в этом вопросе скорее реакционную, нежели прогрессивную позицию: в отличие от многих других, более демократически настроенных исследователей-современников, он полагал, что общественное мнение есть всего лишь «неорганический способ обнаружения того, чего народ хочет и что он думает», между тем как «то, что действительно проявляет себя в государстве, должно, разумеется, действовать органически, и это имеет место в государственном строе»⁴. Но даже если оставить в стороне эти пороки гегелевского анализа и ограничить разговор рамками буржуазного общества, то и тогда следует признать, что приведенное определение отличается известной недоговоренностью, содержит в себе гораздо больше вопросов, чем ответов.

Гегель выделяет в общественном мнении целый ряд структурных элементов. Он говорит, во-первых, об условиях существования общественного мнения (опять же не будем касаться его взглядов по существу, хотя нетрудно видеть, что названные условия, сводимые лишь к фактору «субъективной свободы», понимаются Гегелем крайне формально и ограниченно). Затем, хотя и в очень абстрактной

³ Гегель. Сочинения, т. VII. Философия права. Соцэкгиз, М.—Л., 1934, стр. 336.

⁴ Там же.

форме («суждение о всеобщих делах»), ставится вопрос об объекте (содержании) общественного мнения. В определении говорится, далее (также весьма абстрактно), о носителе общественного мнения (под субъектом понимается некая «совместность»); о характере суждения, выступающего в качестве общественного мнения («совет»); наконец, ставится вопрос о соотношении «всеобщего» и «особенного» мнений, о сочетании и «противоположности» в «явлении» элементов истины и лжи. Вместе с тем ряд других, в том числе важнейших, составляющих структуры рассматриваемого явления, связанных с социальной природой общественного мнения, с формами его выражения, его функциями и др., Гегелем вовсе опускаются.

Такой же, если не большей, неполнотой отличаются и те определения общественного мнения, которые содержатся в работах большинства современных социологов.

Но, с другой стороны, очевидно, что опыт их работы не может не приниматься во внимание каждым, кто берется за работу заново. В частности, этот опыт обнаруживает, что довольно распространенная ошибка исследователей заключается в том, что они постоянно выхватывают в изучаемом явлении то одни, то другие отдельные его стороны, в то время как задача состоит в том, чтобы представить *все* аспекты выявляемой структуры в виде единой органической системы или хотя бы некоего целостного комплекса. Точно так же довольно часто исследователи останавливаются в изумлении перед противоречащими, даже исключаящими друг друга характеристиками общественного мнения или пытаются как-то «избавиться» от этих противоречий, как-то «замазать», «примирить» их и т. д.; между тем действительная задача состоит как раз в том, чтобы зафиксировать рассматриваемое явление именно в этой его противоречивой сущности.

Наконец, опыт исследования общественного мнения показывает, что тут меньше всего можно рассчитывать на достижение неких формальных определений типа *per genus proximum et differentia specifica*. Речь должна идти о другом: о фиксации *всех существенных элементов, составляющих структуру общественного мнения, и выявлении связей между ними*. Только путем такого анализа исследователь может если и не «увидеть» общественное мнение, как того хотел бы Г. Дюрент, то во всяком случае все же «описать» и «определить» его и на этом основании

сделать осуществимым его «измерение». Содержание же этого анализа сводится к получению ответов на серию вопросов:

Какое место занимает общественное мнение в ряду явлений общественного сознания?

Какова его социальная и гносеологическая природа?

Какую роль оно играет в жизни общества?

По какому поводу высказывается?

Кем?

В какой форме?

И т. д. и т. п.

ПРИРОДА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Как мы уже сказали, общественное мнение представляет собой органический сплав весьма различных по своей природе явлений. При анализе это обстоятельство оборачивается, между прочим, той сложностью, что оказывается невозможным рассматривать одну сторону дела без предварительного рассмотрения всех остальных. Например, нельзя говорить о природе общественного мнения, не имея предварительно общего определения этого явления, не зная его внешних признаков, не имея, в частности, ответа на вопрос, какой именно тип суждения мы называем общественным мнением, то есть, иными словами, не зная, природу чего, собственно, мы собираемся исследовать.

И все же для того, чтобы анализ сдвинулся с места, необходимо избрать какую-то последовательность в рассмотрении всех сторон предмета. И прежде всего, как кажется, нужно ответить на вопрос: *К какому типу, к какому разряду явлений в общей структуре социального целого относится тот феномен, который получил название общественного мнения?* Что же касается выделения признаков этого явления, позволяющих хотя бы вчерне очертить его границы и исключить из анализа все не относящееся к делу, то тут на первых порах вполне можно довольствоваться представлением, в соответствии с которым общественным мнением считается определенное коллективное суждение людей.

Куда же нам следует направить стопы прежде всего?

1. ЕЩЕ ОДНА ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ?

Начать, очевидно, нужно с «азбуки». Как известно, в жизни отдельного человека различают его индивидуальное бытие и индивидуальное сознание. Подобно этому и все бес-

численное множество явлений, фактов и зависимостей, из которых складывается жизнь общества, распадается на два принципиальных ряда, находящихся друг относительно друга в сложном отношении: ряд явлений, фактов, зависимостей, существующих объективно, вне сознания человека и называемых общественным бытием, и ряд явлений, фактов, зависимостей, относящихся к сфере духовной жизни людей и называемых общественным сознанием.

Будет тавтологией сказать, что общественное мнение относится к сфере общественного сознания. Действительные проблемы, однако, возникают при детализации общего определения: какое место в структуре общественного сознания занимает общественное мнение? В каком отношении последнее находится к другим известным элементам общественного сознания? Существует ли какая-либо специфика в характере взаимодействия рассматриваемого типа общественного сознания с общественным бытием, в частности в характере отражения последнего в общественном мнении, и т. д.

Общественное сознание, как известно, представляет собой совокупность идей, теорий, взглядов, отражающих реальный жизненный процесс, общественное бытие и порожденных определенными материальными условиями жизни людей. Структура этой «совокупности» крайне сложна — как в смысле количества составляющих ее элементов, так и в смысле характера зависимостей между ними. В результате существует несколько способов расчленения этой структуры.

Важнейший из них связан с выделением *форм* общественного сознания. В соответствии с ним в современном обществе различают такие формы существования общественного сознания, как *политические идеи, правосознание, мораль, религия, наука, искусство и эстетические взгляды, философия*. Все эти формы отличаются друг от друга способом отражения действительности (ср., например, религию и науку), особенностями своего развития, ролью в жизни общества и т. д., но прежде всего своим *предметом*. Различные формы сознания отражают различные стороны действительности: наука, например, имеет дело с законами природы и общества, мораль — с нормами поведения человека в обществе, политическая идеология — с политическими отношениями (классовыми, партийными, государственными и т. д.) и пр.

В каком отношении к этим формам общественного сознания стоит общественное мнение?

Очевидно прежде всего, что его невозможно отождествить ни с одной из названных форм. Хотя бы потому, что предмет общественного мнения не может быть втиснут в рамки какой-либо одной формы: общественное мнение высказывает свое суждение равно как по вопросам морали, так и по вопросам искусства, как о фактах политики, так и о фантомах религии. Известный прогресс в области культуры и просвещения привел к тому, что общественное мнение, родившееся во второй раз, уже в новое время, в сфере политической борьбы, давно переросло ограниченные рамки своей колыбели и рискует вторгаться в те области сознания, которые извечно были святыя святых лишь узкой касты «посвященных»,— в сферу науки и даже «самой» философии. Достаточно вспомнить, например, историю с печально знаменитым «обезьяньим процессом» в США (1925 г.), когда прогрессивное общественное мнение в известном смысле встало на защиту теории Дарвина, против обскурантизма религии.

По той же самой причине — отсутствие «своего собственного», специфического предмета — общественное мнение не может быть признано и существующим *наряду* с названными формами общественного сознания, в качестве *еще одной*, дополнительной формы, аналогичной перечисленным. По своему предмету оно как бы *перекрывает* все существующие формы сознания или, может быть, лучше будет сказать, *входит* в каждую из них в качестве весьма своеобразного способа их существования.

Что мы имеем в виду? То, что каждая из форм общественного сознания оформляется и функционирует (хотя и в разной степени), в сущности, в двух видах: во-первых, в виде некоей более или менее законченной системы взглядов, вырабатываемых или принимаемых «извне» (как, например, в случае с религией и, частично, с наукой) господствующими силами и «официально» предписываемых ими всему обществу в качестве господствующих; и, во-вторых, в виде, так сказать, «неофициальной» позиции общества (или отдельных его «секторов») по тем или иным проблемам бытия — позиции, частично вырабатываемой непосредственными условиями жизни людей, а частично представляющей реминисценцию продукта сознательной деятельности разного рода теоретиков и идеологов. Разумеется, «официальная система взглядов» и «неофициальная позиция» общества могут совпадать

(полностью или отчасти) по своему содержанию. Однако этот факт ни в малой мере не отменяет объективного различия названных аспектов общественного сознания.

Общественное мнение связано как раз со вторым из них. Оно является «неофициальным» (в указанном смысле) сознанием, рассуждающим по вопросам политики и философии, религии и искусства. Причем в зависимости от специфики предмета отражения, в частности от его большей или меньшей сложности, от его практического значения в жизни общественности и т. д., оно входит в состав той или иной формы сознания с разной степенью интенсивности: меньше других оно распространено в сфере философии и науки, зато в сфере политики, морали, правосознания или искусства оно имеет самое широкое хождение и обладает весьма большой реальной силой.

2. «ПАРТИЙНАЯ» ИДЕОЛОГИЯ И «ОБЪЕКТИВНАЯ» НАУКА

Иным традиционным расчленением общественного сознания является выделение в нем элементов, окрашенных в тона *классовых*, «партийных» интересов, описываемых в терминах *классовой* принадлежности, и элементов *нейтральных* по отношению к тому или иному классу общества, содержащих в себе «объективное» знание. Применительно к антагонистическим обществам данное различие выступает обычно как различие, с одной стороны, *идеологии* и, с другой — *науки*¹.

Правда, довольно часто суть различия между наукой и идеологией усматривают в том, что первая-де является адек-

¹ «В развитии общественного сознания необходимо выделять две взаимно связанные друг с другом тенденции: во-первых, познавательный процесс, обусловленный интересами реальной жизненной практики общественного человека,— накопление объективных знаний о природе и обществе; во-вторых, идеологический процесс, обусловленный в антагонистических формациях интересами различных действовавших в истории классов,— возникновение, развитие и смена идеологий различных классов.

В реальной жизни эти две тенденции тесно переплетаются и иногда совпадают друг с другом и отделить их можно только путем теоретического анализа, в абстракции. В идеологическом процессе есть познавательный момент, а в развитии познания имеется идеологическая сторона. Но смешивать и отождествлять эти тенденции нельзя...» (В. Келле, М. Ковальзон. *Формы общественного сознания*. Госполитиздат, М., 1959, стр. 11).

ватным отражением действительности, в то время как вторая — типичный образец извращенного сознания. Однако подобный взгляд неверен. И прежде всего фактически. Как известно, наука никогда в жизни не представляла и не может представлять собой собрания одних абсолютных истин; в ее тексте наряду с точными знаниями всегда содержится немало ложных предложений. А с другой стороны, и идеология, в том числе идеология господствующих классов в условиях досоциалистических формаций, вовсе не является одним только ложным сознанием, полностью исключаящим элементы научного знания о мире; совсем наоборот: идеология французских материалистов и итальянских просветителей, Руссо и Локка, Спинозы и Гегеля сыграла роль важнейших вех на пути научного постижения закономерностей общественного развития.

Тем более неправомерно указанное противопоставление применительно к новой эпохе — эпохе становления и борьбы пролетариата. Идеология, вырабатываемая рабочим классом и получающая свое наивысшее выражение в марксизме, качественно отличается от всех предшествующих идеологий. «Коммунистическая революция,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»,— есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом по-рывает с идеями, унаследованными от прошлого»². И это коренное отличие состоит не только в *содержании* идей. С появлением марксизма коренным образом меняется *форма* идеологии — последняя впервые в истории становится *научной*, совпадает с ней по своей гносеологической природе.

Но даже и в той мере, в какой отмечаемое противопоставление идеологии как извращенного сознания и науки как точного знания о мире опирается на факты и, следовательно, содержит элементы истины, оно все равно не схватывает главного, существенного в отношении между наукой и идеологией. Дело в том, что по своему содержанию это противопоставление выражает *значительно более широкое отношение* — между *истиной* (которая, как известно, не является специфической принадлежностью одной лишь науки, но может входить, скажем, и в состав «практического рассудка») и *ложью* (чья сфера опять же значительно шире, нежели

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 446.

только идеология, так как охватывает, к примеру, и так называемое обыденное сознание). Поэтому, если иметь в виду проблему отношения общественного мнения к идеологии и науке, последние никак нельзя рассматривать в качестве синонимов понятий соответственно лжи и истины — вопрос об отношении общественного мнения к истинному и ложному знанию представляет собой самостоятельную проблему и должен быть проанализирован особо и в своем месте.

Суть различия между идеологией и наукой, независимо от того, идет ли речь об их положении в антагонистических обществах или при социализме, состоит, как мы уже сказали вначале, в том, что в рамках первой знание (пусть самое точное, адекватное действительности) всегда неизбежно окрашено в «цвет» того или иного класса, непосредственно выражает классовые интересы или, так или иначе, приспособлено к ним, в то время как в рамках второй оно «нейтрально», одинаково приемлемо для всех классов, в том числе и для классов с антагонистическими интересами. Разумеется, и в текст науки (даже самой отдаленной от социальных проблем, например, в естествознание) входят предложения, несущие на себе более или менее сильно выраженный отпечаток классовой принадлежности. Однако когда и поскольку мы сталкиваемся с подобным явлением, тогда и постольку мы как раз и говорим, что в данную науку включен «идеологический момент».

В свете настоящего различия уже вполне правомерным является вопрос: к какой из рассматриваемых сфер общественного сознания — науке или идеологии — следует отнести общественное мнение? И ответ на него, как и в случае с рассмотрением форм общественного сознания, снова не может быть дан в рамках строгой дизъюнкции.

С одной стороны, субъективный мир людей является отражением их объективного, социального положения, поэтому естественно, что в классовом обществе границы мнений по многим вопросам сплошь и рядом совпадают с границами классов и социальных групп, особенно, если речь идет о вопросах, так или иначе затрагивающих непосредственные социальные — материальные или духовные — интересы людей. В таких случаях мы сталкиваемся с положением, при котором, скажем, рабочий класс, именно как класс в целом, имеет мнение, отличное от мнения, разделяемого классом капиталистов, равно как и от мнений других социальных сред — крестьянства, мелкой буржуазии города,

интеллигенции и т. д. И в этом смысле, следовательно, можно говорить о том, что общественное мнение имеет (может иметь) классовый характер, то есть представляет собой известное *идеологическое образование*.

Но, с другой стороны, не менее известно, что существуют и такие вопросы, мнение по которым складывается *независимо* от принадлежности людей к той или иной социальной среде, точнее, разделяется (может разделяться) одновременно различными социальными группами и классами. Именно в такие моменты появляется на свет термин «народное мнение». Его реальность можно было наблюдать задолго до наших дней, например в период Великой французской революции, когда действовало единое антифеодалное мнение, разделяемое как восходящей буржуазией, так и эксплуатируемыми трудящимися массами. Особенно же резко возможность существования такого общественного мнения возрастает сейчас, в современных условиях, в связи с изменившимся характером проблематики, по которой высказываются мнения, с развитием технических возможностей для формирования и распространения мнений, наконец, с возникновением и развитием качественно нового типа общества, характеризующегося уже с момента своего зарождения довольно сильным единым народным мнением.

Впрочем, все эти вопросы мы еще будем специально рассматривать ниже. Сейчас же о них упоминается лишь для того, чтобы подчеркнуть, что общественное мнение не может быть умещено в альтернативу: «объективная» наука — «классовая» идеология. В зависимости от обстоятельств оно может быть то «партийным», пристрастным, то, напротив, «беспартийным», нейтральным.

3. ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ ИЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ?

С точки зрения постижения природы общественного мнения очень важным является еще одно расчленение общественного сознания: в зависимости от *уровня, степени глубины*, с которой это сознание отражает действительность. Имея в виду эту сторону дела, в общественном сознании обычно различают, во-первых, научные взгляды и построения, являющиеся результатом особой теоретической деятельности людей, так называемое *теоретическое сознание*, и, во-вторых, взгляды и представления, порождаемые повсе-

дневной, будничной практикой масс, то, что Ф. Энгельс называл *обыденным, повседневным сознанием*³.

Разумеется, в реальной жизни эти два вида общественного сознания не разграничены друг от друга жесткими, непроходимыми линиями, но находятся в состоянии подвижного взаимодействия⁴. Вместе с тем их существенное отличие друг от друга не может вызывать никаких сомнений и необходимо должно учитываться наукой. Нужно даже сказать большее: пунктов, в которых теоретическое сознание отличается от сознания обыденного, не совпадает с последним, значительно больше в "количественном отношении и они гораздо весомее по существу, нежели пункты, в которых эти сферы соприкасаются, совпадают друг с другом.

Линии водораздела

Начать нужно, видимо, с самого процесса формирования рассматриваемых видов сознания. Базой образования обыденного сознания является непосредственный *практический опыт* людей, их повседневная, будничная деятельность. Собственно говоря, обыденное сознание и представляет собой *непосредственное стихийное отражение* этого опыта в головах людей⁵. Напротив, научное знание — результат специ-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 14.

⁴ Как справедливо отмечают В. Келле и М. Ковальзон, эти уровни сознания «переплетаются, влияют друг на друга и даже в известной мере взаимно проникают друг в друга. Обыденное сознание во все эпохи было источником, питающим развитие различных форм общественного сознания. Ученые, идеологи, художники, разрабатывая различные теории, создавая художественные образы и т. д., часто исходят из обыденного сознания и в определенной мере опираются на него. Так, например, великие деятели искусства и литературы широко используют народное творчество; философский материализм сознательно кладет в основу теории познания «наивный реализм» массы людей. В то же время реакционная идеология широко использует различные суеверия, предрассудки, реакционные традиции, имеющиеся в обыденном сознании, и опирается на них. С другой стороны, в сознание широких масс в большей или меньшей степени (в зависимости от конкретно-исторических условий) проникают научные знания, различные теории и идеологические построения, разработанные идеологами и учеными...» (В. Келле, М. Ковальзон. *Формы общественного сознания*, стр. 24—25).

⁵ «Различие между научным и обыденным сознанием лежит в специфике его формирования. Во-первых, исторически сначала появляется обыденное сознание... Во-вторых, обыденное сознание складывается непосредственно под влиянием общественной практической деятельности людей, складывается стихийно. Оно является несистематизированным сознанием» (В. Я. Ельмеев, М. Я. Корнеев. *Возрастание роли науки в строительстве коммунизма*. Изд. ЛГУ, 1962, стр. 70).

фической, выделяемой в процессе общественного разделения труда, сознательной анализирующей деятельности человека. Наука представляет собой сложную форму отражения объективной действительности (в том числе практической деятельности людей), опосредствованную специфическими средствами теоретического анализа, так называемыми научными методами исследования. Субъектом обыденного сознания являются *все члены* общества, поскольку они в состоянии нормально, логически мыслить; наука, напротив, — продукт творчества особой *группы* людей, мыслителей *par excellence* — ученых, теоретиков, исследователей, идеологов и т. д.

Принципиально различается и *содержание* этих двух видов знания. Однако, как и в случае с отношением «идеология — наука», отношение между ними снова отнюдь не совпадает с делением по принципу «ложно — истинно». Совершенно неверно полагать (хотя подобные взгляды не редкость), что обыденное сознание — исключительно ложное знание. Напротив, в его состав входит огромная масса верных представлений и взглядов, многократно проверенных опытом, практикой и откристаллизовавшихся в тех аксиомах практического рассудка, которые называются «народной мудростью». А с другой стороны, крайне наивно рассматривать в качестве синонима истины и науку, чьи многочисленные предложения и формулы постоянно, по мере развития познания меняются, то есть отменяются в качестве ложных.

Говоря о специфике обыденного сознания в отличие от научного, Маркс подчеркивал, что суть дела заключается в том, что первое ограничено *миром явлений*, в состоянии схватить лишь *внешние связи*, не способно проникнуть в мир сущностей и закономерностей. Наука, напротив, проникает в глубь вещей; ее содержание — прежде всего *внутренние*, существенные, не видимые невооруженным глазом, не улавливаемые в непосредственном опыте связи и отношения действительности, объективные *законы*. В этой связи важно подчеркнуть, что если обыденное сознание фиксирует лишь *прошедшие и настоящие* ситуации, а относительно будущего может высказываться лишь в плане разного рода пожеланий, стремлений, надежд, не имеющих, как легко понять, никакой обязательной силы, то наука, на основании познанной необходимости, оказывается в состоянии строго *предвидеть будущее* и, следовательно, дает человеку воз-

возможность планомерно и сознательно строить свою деятельность с целью достижения тех или иных результатов.

Из сказанного становится ясным и различие в *форме существования* обыденного сознания и научного знания. Первое, в своем атомарном состоянии, осуществляется в виде выраженных в словесно-чувственной форме *представлений* человека, то есть в виде так называемых *эмпирических суждений*. Огромное место в нем занимает *эмоциональная* сторона; обыденное сознание — это не только взгляды и идеи, высказываемые в форме суждений, но и чувства, влечения, настроения людей, закрепляемые в традициях, обычаях, негласных нормах поведения и т. д. Словом, область обыденного сознания включает в себя элементы социальной психологии⁶. Теоретическое же сознание, в своем атомарном состоянии, осуществляется в форме *предложений науки* — в виде *логических суждений, формул, графиков* и т. д. Эмоциональная сторона здесь хотя и присутствует, но подчинена *абстрактному языку* логических законов.

Анализируемое различие становится еще более резким, если обратиться к структуре обыденного сознания и науки, рассматриваемых как целое. Последняя, как известно, представляет собой стройную, всегда более или менее законченную *систему суждений*, построенную в соответствии с законами логики. Обыденное сознание никогда не является такой системой, это, скорее, — *конгломерат* взглядов и настроений, образовавшихся в разное время, под воздействием различных условий, как правило, вне связи друг с другом. Конечно, нельзя считать, что эти взгляды вовсе не связаны между собой. Бесспорно, связь между многими из них существует, но она имеет не только логическую природу. Это — связь и в силу разного рода внешних, не имеющих отношения к содержанию высказываемых суждений моментов, например в силу эмоционального состояния людей и т. д. В результате в рамках обыденного сознания могут находиться и часто находятся суждения, взаимно исключаящие друг друга по своему содержанию, — явление, совершенно невоз-

⁶ Одно из существующих в нашей литературе определений социальной психологии дается В. А. Ядовым: «Совокупность чувств, настроений, эмоций, направленности воли, мыслей, иллюзий, навыков, привычек, особых черт характера, стихийно возникающих у данной социальной группы людей благодаря общности социально-экономических условий их жизни» (В. А. Ядов. Идеология как форма духовной деятельности общества. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 53).

можное в рамках науки, если только речь не идет об этапе гипотетических построений.

Наконец, необходимо сказать о принципиальном различии и в способах сохранения и распространения обоих видов сознания. Элементы обыденного сознания и исторически, и в каждый данный момент передаются от человека к человеку посредством стихийно складывающегося процесса — народных традиций, непосредственных коммуникаций, в которые люди вступают между собой, молвы, слухов и т. д. Разумеется, научное знание также может передаваться в процессе непосредственного (в том числе сугубо личного) общения людей, однако такой способ функционирования и распространения для науки не является определяющим. В отличие от повседневного сознания, которое складывается и распространяется и в процессе труда и в ходе дружеской пирушки, наука для своего распространения нуждается в школьном классе и университетской аудитории. Этот тип сознания предполагает целенаправленный и систематический процесс обучения, находящий свое выражение в различных системах образования.

**Поле
формирования
общественного
мнения**

Теперь, после всего сказанного, мы снова можем спросить: к какому же из рассмотренных типов сознания следует отнести общественное мнение? На каком уровне оно формируется? Совпадает ли

оно по своему содержанию с обыденными представлениями или, напротив, с научным, теоретическим пониманием мира?

За ответом на эти вопросы обратимся к практике изучения общественного мнения. Приведем несколько взятых почти наугад мнений из нашего I опроса, обосновывающих уверенность людей в возможности предотвратить войну.

(1) «Моя уверенность основана на том, что война не является средством для решения международных споров, — это доказывает история двух последних мировых войн. Люди разных убеждений уже пришли к этому выводу, и вылазки поджигателей войны (а их абсолютное меньшинство) не дадут им ничего». И. К., машинист погрузочной машины, 39 лет, г. Никель⁷.

(2) «Моя уверенность основана на том, что наши ученые

⁷ Здесь, как и во всех остальных случаях цитирования анкет, мы даем лишь инициалы их авторов, хотя в анкетах очень часто присутствует полная подпись опрашиваемого.

создали мощную ракету, которая сразу смогла сбить американский самолет». Р. Г., рабочая, 22 года, г. Лахденпохья.

(3) «Я просто не могу представить, что разразится война — ужасная катастрофа в жизни людей. Люди, вместо того чтобы жить счастливо, благоустроенно, верить каждый в свое светлое будущее, будут свидетелями развалин и руин, в которые превратится мир. Я верю в человечность и гуманность людей мира, перед которыми поджигатели войны бессильны». Бригадир-полевод, 21 год.

(4) «В положительные результаты переговоров я не верю, особенно если США будет представлять Никсон или ему подобные. Но их (западные державы) пугают и сдерживают наши достижения, особенно в области ракетной техники». С., старший инженер, 30 лет, г. Ленинград.

(5) «Нам пользы от войны нет никакой, мы в колхозе восстановили свое хозяйство, которое было разрушено врагами. Мы сейчас стали хорошо жить. Моя старая мать говорит, что никогда так не жили, как сейчас. Наша армия еще сильнее и могучее, так что капиталисты не посмеют на нас напасть». А., бригадир колхоза, 34 года, Дновский район Псковской области.

(6) «Моя уверенность основана на силе Советского Союза и нашей доблестной армии, на силе социалистического лагеря, на нежелании войны большинством людей земного шара, на наличии огромного количества стран, которые поддерживают нашу миролюбивую политику, хотя они и являются буржуазными». С. С., старший преподаватель пединститута, 45 лет, г. Витебск.

(7) «Каждое живое хочет жить, особенно когда жизнь хороша и счастлива. Ведь нет на земле цветка красивее, чем жизнь в полном расцвете сил. И это стремление к жизни должно победить в мировом масштабе». И. Я., чистильщик паровозных топок, 32 года, г. Фастов.

Это — всего лишь семь высказываний, семь из тысячи⁸. Однако и их вполне достаточно, чтобы понять, что представляет собой общественное мнение с точки зрения уровня отражения действительности.

Прежде всего ясно, что, имея в виду мнения различных групп, невозможно говорить о каком-либо одном уровне такого отражения, что нужно говорить о *различных* уровнях

⁸ См. Б. Грушин, В. Чикин. Во имя счастья человеческого, стр. 8—26.

отражения действительности в рамках единого общественного мнения — люди мыслят и воспринимают окружающий их мир с различной степенью глубины.

Далее, из приведенных ответов ясно, что некоторые секторы общественного мнения *целиком* лежат в области *обыденного сознания*.

Вообще говоря, проблема возможности предотвращения войны в современную эпоху не относится к числу тех, чье решение, так сказать, встает непосредственно из самой ткани повседневной, будничной жизни людей, — ответ на этот вопрос дает лишь теоретическое сознание, осуществляемое или в форме науки или в форме идеологии. Поэтому исследователь, обратившийся по данному вопросу к общественному мнению, должен был бы, казалось, столкнуться с дилеммой, когда человек или имеет какое-либо мнение — и тогда оно должно совпадать (в той или иной степени, разумеется, — в зависимости от образования, грамотности человека и пр.) с теоретическим знанием, почерпнутым этим человеком из научных или пропагандистских источников, или вовсе не имеет никакого мнения. Однако в действительности этого не происходит. Как видно из приведенных высказываний, даже по проблемам, имеющим чисто теоретическое решение, общественное мнение может складываться на уровне исключительно *обыденного сознания*. Достаточно обратить внимание на (3), (5) и (7) высказывания — все они выдержаны в тонах «веры», «желаний», «долженствования», и ни одно в тоне сколько-нибудь строгого учета и анализа фактов действительности; эмоциональный, чувственный, «психологический» подход *целиком* заменяет здесь подход рациональный, «теоретический». И тем более это нужно сказать об общественном мнении, высказываемом по проблемам, имеющим не только теоретическое, но и эмпирическое, основанное на непосредственном опыте решение: оно сплошь и рядом складывается на уровне этого последнего решения, то есть на уровне *обыденного сознания*.

Вместе с тем другая часть выявленных в опросе мнений должна быть, безусловно, отнесена по их уровню скорее к *сфере научного знания*. Таково, например, (6) высказывание. Оно содержит перечисление как раз тех факторов (по крайней мере, их части), которые, по свидетельству теоретического мышления, устраняют неизбежность войн в обществе. Ясно, что это мнение заимствовано из арсенала научных истин, или, вернее сказать, научное знание превратилось в

данном случае в индивидуальное мнение людей. И с подобным явлением исследователю общественного мнения приходится сталкиваться постоянно: общественное мнение в некоторых своих секторах складывается на уровне теоретического сознания. Причем к числу таких секторов относятся не только те, что включают в себя «наиболее думающую» часть общества, так называемых интеллектуалов, чье индивидуальное сознание в силу приобретенного образования, характера деятельности и т. д. является по преимуществу научным, но и те секторы, которые включают в себя людей, преимущественно занятых физическим трудом. Мнения, высказываемые последними, также могут быть в своей основе научными, сложившимися на уровне теоретического сознания.

Наконец, если на одном полюсе общественного мнения группируются представления, рожденные в сфере обыденного сознания, а на другом его полюсе — предложения, сформулированные теоретическим мышлением, то все «пространство» между этими полюсами заполнено суждениями, представляющими собой различные комбинации обеих уровней сознания. Можно предположить, что в современном обществе, характеризующемся большим или меньшим проникновением науки в массы, это «пространство» в рамках единого общественного мнения представляет довольно значительную величину.

Таким образом, возвращаясь к поставленному выше вопросу, мы должны признать, что общественное мнение не может быть отнесено исключительно к обыденному сознанию или к теоретическому знанию; оно может формироваться и в действительности всегда формируется как на том, так и на другом уровнях отражения действительности.

4. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ — ОСОЗНАННОЕ БЫТИЕ

Теперь, прежде чем переходить к подведению некоторых итогов в определении природы общественного мнения, остановимся еще на одной проблеме: в каком отношении к отражаемой действительности (предмету высказывания) находится общественное мнение по своему содержанию? или иначе: каков характер отражения действительности в том секторе, в том типе общественного сознания, которое называется общественным мнением?

В современной немарксистской социологии на этот счет существует несколько точек зрения, однако все они так или иначе сводятся к двум прямо противоположным по своей направленности тенденциям.

Смысл первой состоит в отождествлении содержания общественного мнения и предмета высказывания — объективной действительности, если речь во мнениях идет о фактах бытия, или субъективной действительности, если речь идет о фактах сознания. Согласно этой тенденции, знать *мнение* о *факте* равносильно тому, чтобы знать *сам факт*. Субъективное отражение оказывается зеркальным изображением отражаемого и рассматривается в качестве такового.

Если оставить теперь в стороне более сложные случаи, когда общественное мнение высказывается о фактах сознания, и взять вопрос в его, что называется, классическом виде (предмет высказывания — объективная действительность), нетрудно будет обнаружить корни рассматриваемой тенденции, прежде всего гносеологические. Дело в том, что исключительная сложность объективного механизма общественных отношений, создающая поистине непреодолимые трудности при анализе, вынуждает исследователей, не владеющих материалистическим методом, сплошь и рядом покидать эту область исследования и «искать спасения» в мире духа. В результате социологи снова и снова — в который уже раз в истории философии! — в туманных образованиях, складывающихся в головах людей, пытаются обнаружить заветный ключ к социальному механизму...

А с другой стороны, у отмечаемой тенденции есть и иные, имеющие ярко выраженный идеологический, классовый характер корни. Если говорить грубо, они заключаются в том, что в современную эпоху существует немало социальных сил, которые отнюдь не заинтересованы в постижении истины относительно реальных исторических процессов, которые отказываются от анализа объективной социальной действительности, стремятся подменить его анализом иллюзорного сознания, порожденного этой действительностью, затемняющего ее подлинную сущность и подлинные тенденции ее развития.

Не случайно рассматриваемая концепция в понимании общественного мнения нашла свое применение на Западе в такой, казалось бы, далекой от проблем общественного мнения области, как теория классов и классовой борьбы. Анализ объективных процессов, происходящих в классовой струк-

туре современного буржуазного общества, объективного положения различных социальных групп с необходимостью должен был бы привести к выводу, что в современном обществе идет бурный процесс социальной поляризации, находящий свое выражение в пролетаризации широких масс населения (крестьянства, интеллигенции, мелкой буржуазии города, служащих и т. д.), в обострении противоречий между монополистическим капиталом, с одной стороны, и всеми остальными слоями общества, с другой, и т. д. Однако некоторые социологи ставят перед собой совсем иные задачи — доказать, к примеру, что для современного капиталистического общества характерен процесс стирания классовых различий, осуществляющийся в форме «социальной мобильности», роста «средних классов» и пр. Понятно, что решить эти задачи невозможно в рамках анализа объективных фактов, мира вещей. И тогда социологи обращаются к миру идей. Происходит совершенно неслыханная с точки зрения точной науки вещь — о человеке начинают судить не по тому, что он есть на самом деле, а по тому, что он сам о себе думает; социальную структуру общества начинают воспроизводить не на основе ее объективного анализа, а на основе данных, полученных в результате опросов общественного мнения (так называемых «социальных оценок индивида»).

Именно таким образом поступили, например, австралийские социологи, сделавшие вывод о «расширении средних классов» в обществе на том только основании, что многие из 370 (к тому же что за мизерная цифра!!) опрошенных ими жителей Мельбурна... сами отнесли себя к этой группе, поскольку термин «средний класс» «представляется им в качестве личного символа более убедительным, нежели термины «рабочий» или «высший класс»⁹. И такой подход не редкость. Некоторые из социологов Запада решаются даже сформулировать общее требование на этот счет: к «среднему классу» следует относить каждого, «кто сам считает себя членом среднего класса, независимо от его действительного положения»¹⁰.

Существо другой тенденции в решении проблемы отношения общественного мнения к общественному бытию

⁹ Social Structure and Personality in a City. Melbourne, 1957, p. 297.

¹⁰ Helmut Schelsky. Die Wandlungen der deutschen Familie in der Gegenwart. Hamburg, 1954. (Курсив мой. — Б. Г.)

(вообще — предмету высказывания) заключается, напротив, в абсолютном *отрыве, противопоставлении* содержания первого содержанию второго. Согласно этой тенденции, знать *мнение о факте* равносильно тому, чтобы не знать о мире фактов *ничего*, поскольку субъективное (отражение) по существу никак не изображает объективного (отражаемого), не находится с ним ни в каких «сочленениях».

Пропитанный духом субъективистского релятивизма, такой подход в теории как раз объявляет общественное мнение «не поддающимся описанию феноменом». Разумеется, он не означает отрицания полезности и необходимости изучения мира сознания (скорее наоборот — фигура подобного агностика среди исследователей общественного мнения на Западе весьма распространена), но он означает, что анализ субъективного не может (и не должен!) выходить за рамки самого субъективного, ничего не может дать исследователю для понимания объективных социальных отношений. Сохранение этого оторванного от его земной основы общественного мнения объявляется замкнутым в самом себе и чисто условным — оно определяется каждый раз людьми, выступающими в роли исследователей общественного мнения. Именно такой подход мы встречаем, в частности, у Г. Дюрента, утверждающего, что общественное мнение «может рассматриваться в качестве обозначения того, чем его считают лица, проводящие подсчет голосов при опросах общественного мнения, то есть в качестве условного измерителя, с помощью которого мнение одного лица более или менее приравнивается к мнению других лиц»¹¹.

На практике же рассматриваемая тенденция оборачивается появлением великого множества исследований, аналитическая мысль в которых подобна змее, кусающей самое себя за хвост, — она начинает с констатации фактов сознания и с оперирования бесчисленными рядами цифр и кончает той же констатацией и той же математической эквилибристикой, не будучи в силах раскрыть подлинное содержание обнаруженных фактов и усмотреть реальные нити общественных связей за таблицами числовых отношений.

О том, насколько глубоко распространена эта тенденция, утверждающая принцип «бессодержательного содержания» общественного мнения, можно судить хотя бы по тому, что

¹¹ Henry Durant. Public Opinion, Polls and Foreign Policy, p. 151.

в плену ее подчас оказываются даже такие социологи, как президент Института общественного мнения Франции Жан Стетцель. Например, его доклад «Поведение избирателей во Франции», прочитанный на Собрании Британской социологической ассоциации в 1955 году¹², вылился в простое фактологическое описание различных групп избирателей, в простую констатацию изменения политических симпатий и антипатий различных групп и не содержал даже попытки вскрыть социальную природу этих явлений духовного мира¹³.

Очевидно, ни одна из рассмотренных тенденций не является правильной. И конечно же нельзя сказать, какая из них лучше. «Обе хуже»!.. Первая, по сути, представляет собой метафизическое преувеличение, возведение в абсолют *одной стороны* общественного мнения — его способности отражать общественное бытие (вообще — предмет высказывания); вторая — такое же метафизическое преувеличение, такое же возведение в абсолют *другой стороны* общественного мнения — его неспособности отражать общественные явления, вернее, его неспособности отражать последние точно, адекватно.

Истина же заключена «посредине»: общественное мнение представляет собой единство этих двух противоречивых сторон. К нему целиком относятся слова Маркса и Энгельса, сказанные в отношении общественного сознания в целом: оно «никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием... Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками»¹⁴.

¹² Jean Stoetzel. Voting Behaviour in France. The British Journal of Sociology, vol. VI, № 2, June 1955, pp. 104—122.

¹³ Справедливо упрекая Ж. Стетцеля в том, что он «задерживается на описании», известный польский социолог Зигмунт Бауман писал по этому поводу: «Мы здесь имеем дело, к сожалению, с позитивистским игнорированием вопроса «почему», «по какой причине», с полным отказом от выяснения классовых — экономических и политических — причин исследуемых процессов... Автор оперирует цифрами, произвольно выхваченными из их исторического контекста...» (З. Бауман. Социальные исследования, но какие?.. «Вопросы философии», 1956, № 5, стр. 214) (Mysl Filozoficzna, 1956, N 2 (22)).

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 25.

Иными словами, общественное мнение всегда, во всех случаях так или иначе отражает действительность. За взглядами, представлениями, оценками людей стоят реальные общественные отношения, которые данные представления и взгляды порождают и которые в них отражаются. Поэтому исследователь общественного мнения не может ограничиться в своем анализе рассмотрением лишь «в самом себе заключенного» сознания, не может просто констатировать выявленную картину мнений или тем более «изумиться» при виде этой картины, объявив, по ходу, содержание мнения «условным», «неуловимым» и пр., но должен вскрыть «земное содержание» зафиксированного мнения, и прежде всего те материальные отношения в жизни общества, которые своеобразно преломились в сознании людей.

Вместе с тем сказать только это — значит выразить лишь часть истины. Другая же и не менее важная часть ее состоит в том, что рассматриваемое отражение никогда не бывает простым, зеркальным, но является сложным, противоречивым по своему характеру, испытывающим влияние массы различных факторов. Поэтому-то исследователь и не может просто поставить знака тождества между мнением о факте и самим фактом, но должен раскрыть характер, глубину, степень точности и т. д. отражения последнего в пер-вом.

Именно так подходит к проблеме марксистский анализ. «...Мы обязаны отличать содержание мнений и идеальных побуждений, то есть субъективное отношение к фактам социальной действительности, от самих этих фактов...— пишут А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов, исследовавшие проблему влияния различий в содержании и характере труда на отношение к труду.— Поэтому было бы непростительной ошибкой судить о мотивах трудовой деятельности на основе простого подсчета голосов — ответов на прямой вопрос вроде: «Что для Вас является ведущим мотивом труда?» Если бы задача решалась так просто, не требовалось бы никаких специальных исследований. Путем простого голосования мы могли бы устанавливать «закономерности» общественного сознания в «чистом виде». В действительности дело обстоит сложнее. Человеку может казаться, что из совокупности разных побуждений то-то и то-то является определяющим, ведущим. Но то, что кажется главным, далеко не всегда в действительности таковым и является. Нужно

тщательно проанализировать и сопоставить разные мотивы, суждения, чтобы выяснить их реальную структуру и роль каждого в общей массе других мотивов и побуждений»¹⁵.

5. ДВЕ ФОРМЫ ОТРАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Поскольку речь идет об отношении содержания общественного мнения к социальной действительности и именно об отражении в первом второй, следует различать *две формы* такого отражения: непосредственное, *прямое* и опосредствованное, *косвенное* отражение.

Прямое отражение

Первое — это отражение в содержании общественного мнения самого *предмета высказывания*. О подобном отражении можно говорить применительно к *массе суждений* общественности, фиксирующих как факты и проблемы бытия, так факты и проблемы духовной жизни общества¹⁶. Во всяком случае ситуации, в которых общественное мнение, взятое в целом, во всех его секторах, *абсолютно* бы ошибалось в предмете своего суждения, не заключало бы в своем содержании даже зерна истины, — довольно большая редкость. Типичной картиной является иная: если общественное мне-

¹⁵ А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. Влияние различий в содержании и характере труда на отношение к труду (из опыта лаборатории социологических исследований Ленинградского университета). В кн.: «Опыт и методика конкретных социологических исследований». Изд. «Мысль». М., 1965, стр. 147.

Такую же характеристику проблемы дают М. Н. Руткевич и Л. Н. Коган. «...Для буржуазного социолога, — пишут они, — достаточно выяснить, что люди *думают* по интересующему его вопросу. Марксист не отрицает необходимости и значения исследования общественного мнения. Например, исследование общественного мнения советских людей по вопросу о насущных задачах развития нашего общества, проведенное не столь давно редакцией «Комсомольской правды», ярко засвидетельствовало стремление советских людей к мирному созидательному труду... Но для марксиста *мнение* людей — это более или менее точное, но иногда и превратное осознание, отражение реальных условий их бытия» (М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган. О методах конкретно-социологического исследования, стр. 128).

¹⁶ Ясно, что о прямом отражении действительности невозможно говорить применительно ко всем тем суждениям общественности, которые фиксируют не сами факты бытия и сознания, но отношение к этим фактам людей, то есть выявляют разного рода оценки, нормы, установки различных групп населения.

ние высказывается о том или ином факте действительно-сти — о его существовании или природе (содержании), то есть все основания полагать, что, при прочих равных обстоятельствах¹⁷, подобное высказывание так или иначе выражает реальное положение вещей, точнее, может выразить его.

Задача исследователя состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае определить меру и границы актуального осуществления этой возможности. При этом, если он сталкивается со *стихийно* выраженным общественным мнением, он обязан, так сказать, задним числом определить степень его отражательной способности (истинности), если же он *сознательно организует* исследование общественного мнения, то он с самого начала должен создать максимум объективных и субъективных условий для того, чтобы степень истинности высказанного мнения в его отношении к действительности могла быть, во-первых, предельно высокой, а во-вторых, измеренной с возможно большей точностью. (Вычислив в каждом конкретном случае, так сказать, «поправочный коэффициент», то есть определив характер, направление и величину *возможной ошибки*, допущенной общественным мнением, исследователь, таким образом, даже и в случае неточного мнения может реконструировать в нем те или иные явления действительности, составляющие содержание мнения.)

Например, одним из важнейших результатов нашего III опроса было выявление взглядов советской молодежи по поводу присущих ей качеств — положительных и отрицательных. В ответ на вопрос: «Какие черты советской молодежи являются, с Вашей точки зрения, наиболее сильными?» — опрошенные в числе первых десяти черт назвали: патриотизм, любовь к социалистической Родине; высокие моральные качества (воля, мужество, правдивость, чуткое отношение к людям и т. д.); преданность партии, идеям коммунизма; стремление к знаниям; сознательное отношение к труду, трудолюбие; коллективизм; жизненную активность, энтузиазм; стремление к новому; миролюбие; интернационализм, отсутствие национальной неприязни. (К этому перечню

¹⁷ Мы теперь исключаем случаи, когда общественное мнение *преднамеренно* «загоняется» исследователем в «тупиковую (ложную) поисковую область», ставится в такие условия, в которых высказываемое суждение уже а priori должно быть *ложным* (не может быть истинным).

должна быть добавлена еще одна черта — целеустремленность, которую подчеркнуло 85,3 процента опрошенных в ответ на вопрос: «Что, по-Вашему, больше свойственно Вашим сверстникам: целеустремленность или отсутствие цели?»)

К числу отрицательных черт (в ответ на вопрос: «Есть ли, на Ваш взгляд, у молодых людей отрицательные черты, имеющие широкое распространение? Если да, какие именно?») опрошенные в первую очередь отнесли: увлечение спиртными напитками; подражание западной моде, стиляжничество; невоспитанность чувств в этическом и эстетическом плане; недостаток культуры в поведении; пассивность; неуважение к труду; иждивенчество, несамостоятельность; мещанскую ограниченность интересов; стремление к обогащению; неуважение к старшим.

Можно ли в обоих этих случаях говорить о том, что общественное мнение отразило действительность — реальные черты облика молодого советского поколения? Несомненно.

Разумеется, исследователь должен учитывать тот факт, что он обнаружил непосредственно не сами объективные признаки «вселенной» «советская молодежь», но лишь *мнение* об этих признаках, причем мнение автохарактеристичное. Разумеется, исследователь не может брать этого мнения «на веру», то есть автоматически отождествлять картину сознания с картиной бытия. Но вместе с тем он не может и не считать, что картина сознания так или иначе отражает реальное положение вещей. Поэтому правомерным будет вывод, что советской молодежи не только в мнении, но и в действительности в той или иной мере (более точные границы явлений должны быть определены специальным анализом) присущи названные положительные и отрицательные качества. Поэтому и результатом опроса в данном случае следует полагать получение не только картины мнений молодежи о самой себе, но и своеобразных таблиц «плюсов» и «минусов» современного молодого поколения.

Переход от имеющегося знания о *мнении* к знанию об *объективной действительности*, по поводу которой высказывается мнение, осуществляется путем специфического анализа мнения — прежде всего путем его «испытания на истинность отражения». И уже теперь надо сказать, что подобный анализ (специально мы будем говорить о нем в своем месте) — дело весьма тонкое.

Взять, например, только что приведенные сводки мнений. При всем видимом сходстве они содержат в себе довольно различные возможности для выводов относительно «скрывающейся» за ними реальной действительности. Применительно к первому перечню безусловно можно говорить, что он отражает реальный облик поколения лишь в том смысле, что все названные опрошенными черты действительно объективно присущи советской молодежи. Вместе с тем в соответствии с характером заданного вопроса зафиксированное мнение, давая знание о *мере ценности* тех или иных черт в глазах молодежи, не позволяет сделать каких-либо выводов о *мере присутствия* их самому поколению (с этой точки зрения замыкающий «шкалу ценностей» интернационализм может быть распространен среди молодежи не менее широко, чем стоящий на первом месте патриотизм). Другое дело — перечень «минусов». Исходя из него, можно делать выводы уже не только о наличии тех или иных качеств в среде молодежи, но и в известной мере (ср. вопросы анкеты) о степени их распространенности.

**Косвенное
отражение**

Другая форма отражения социальной действительности в общественном мнении — опосредствованное, точнее, косвенное отражение. В данном случае речь идет уже не о той действительности, которая составляет предмет высказывания и «вычленяется» в содержании мнения, но о той действительности, о тех объективных и субъективных процессах и отношениях, которые *порождают данный тип сознания*, то есть объясняют, почему по тому или иному вопросу складывается именно такое, а не другое мнение. Ясно, что о подобном отражении можно и нужно говорить применительно уже абсолютно ко всем суждениям общественности, к любому общественному мнению — независимо от его содержания, от того, фиксирует ли оно прямо факты общественного бытия и общественного сознания или выражает то или иное отношение к ним, а также независимо от его характера и качества, от того, является ли оно истинным или ошибочным, компетентным или иллюзорным.

В связи с этим задача исследователя общественного мнения состоит не только в том, чтобы проанализировать *природу «земного факта»*, выявляемого в содержании мнения, но и в том, чтобы раскрыть *«земную природу» мнения об этом факте*. И необходимость различения этих двух форм анализа тем важнее, что речь тут практически всегда идет

о разных, не совпадающих друг с другом сторонах социальной действительности¹⁸.

Возьмем пример из того же III опроса. В качестве наиболее распространенной отрицательной черты молодежи опрошенные, как мы уже сказали, назвали увлечение спиртными напитками. Учет различных форм отражения действительности в общественном мнении выдвинул перед исследователем две разные проблемы: 1) Насколько и почему молодежь увлекается алкоголем? Каковы действительные размеры и природа данного факта? и 2) Почему это явление было вынесено опрошенными на первое место? Какова природа данного мнения? Поиски ответа на эти вопросы привели в обоих случаях к выявлению определенных отношений в сфере общественного бытия.

Что касается первого вопроса, то тут анализ анкет вел к таким объективным явлениям, как сила дурной привычки, как отсутствие у некоторых людей подлинного интереса к жизни, невозможность или неумение разумно проводить свободное время и т. д. Что же касается второго вопроса, то столь активное осуждение молодыми людьми встречающегося в их среде «неумения веселиться без водки» объяснялось уже другим рядом причин: тем, что это явление действительно широко распространено и по своему характеру гораздо больше бросается в глаза, нежели другие, может быть более глубокие и серьезные, явления; тем, что с ним генетически связаны явления хулиганства, нарушения норм общественного поведения; что им вызывается ухудшение в отношениях между людьми, в частности и особенно в семейной жизни; тем, что большая часть молодежи стала испытывать ныне серьезную озабоченность по поводу бессмысленных потерь времени и сил, вызываемых пьянством; и т. д. и т. п.¹⁹

При этом в рассмотренном примере зафиксированное мнение имело своим предметом факты бытия и являлось

¹⁸ «...Между мнениями людей, с одной стороны, и осознанием того, как эти мнения складываются,— с другой, имеется существенное отличие. Механизм, управляющий формированием мнений и идеальных стремлений, часто вовсе не улавливается общественной психологией, и задача исследователя — вскрыть этот механизм и объяснить его...» (А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. Влияние различий в содержании и характере труда на отношение к труду, стр. 147).

¹⁹ См. Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения, стр. 154—161.

по своему содержанию в целом истинным. Однако ясно, что задача обнаружения «за» картиной мнения определенных отношений действительности, породивших данную картину, стоит перед исследователем и во всех других случаях. И тогда, когда он анализирует субъективные мотивы деятельности людей или выясняет, что люди сами думают по поводу их собственного сознания (хотя, разумеется, в данном случае спуститься до материального субстрата, лежащего в основе того или иного суждения, бывает значительно труднее), и тогда, когда он имеет дело с мнением ложным, иллюзорным, совершенно превратно отображающим действительность (в последнем случае, понятно, исследователя будет интересовать исключительно лишь косвенное отражение — те, по словам К. Маркса, «действительные отношения», благодаря которым мысли облеклись в «фантастический и призрачный образ»²⁰).

Все это позволяет рассматривать общественное мнение в качестве важнейшего орудия, средства познания действительности — объективной и субъективной, в качестве ее своеобразного *измерителя* (прямого и косвенного). И все это показывает, что в том числе и с этой целью общественное мнение должно «вызываться к жизни» и исследоваться. Впрочем, об этом мы еще будем говорить очень подробно.

6. СЛОЖНЫЙ ХАРАКТЕР ОТРАЖЕНИЯ

Вместе с тем, как было уже отмечено, анализирующий отношение общественного мнения к отражаемой в нем социальной действительности исследователь всегда должен помнить, что речь идет о сложном характере такого отражения.

Эта сложность связана уже с тем, что общественное мнение может быть не только истинным, но и ложным, не только адекватным действительности, но и иллюзорным. Причем суть дела заключается здесь не только и даже не столько в самом существовании возможности для общественного мнения оказаться правильным или ошибочным, сколько в том, что эти две крайности «спокойно» уживаются в нем: взятое в целом, общественное мнение практически никогда не бывает абсолютно истинным или абсолютно ложным, оно всегда есть своеобразное *смешение* точных знаний и иллюзий, *переплетение* элементов истины и фантастики.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 112—113.

Однако данный аспект не является единственным. О сложном характере отражения действительности в общественном мнении нужно говорить и тогда, когда налицо высказывания общественности, в общем и целом точно передающие объективную картину вещей.

**Многозначность
толкования
суждений**

В этом смысле весьма серьезное значение имеет, например, тот факт, что зафиксированное мнение может оказаться многозначным по своему содержанию, то есть допускать возможность *различного толкования* отраженных в нем явлений. Разумеется, многое в происхождении (и соответственно — в устранении) данной сложности зависит от самого исследователя: выдвигаемые им вопросы должны ставиться в такой форме, чтобы обеспечивать однозначность интерпретации ответов. Однако нередко суть дела заключается не в ошибках исследования (они возможны, но не о них речь), а в специфике самого процесса выражения мнений.

Именно с таким случаем мы столкнулись, в частности, в нашем II опросе. Перечисляя проблемы материального благосостояния по принципу первоочередности решения, общественное мнение несколько неожиданно назвало тогда в качестве третьей по счету проблемы (вслед за жилищным строительством и ростом заработной платы) «расширение сети детских учреждений». Момент неожиданности состоял в том, что эта проблема оттеснила на задний план такие проблемы, как «увеличение товаров широкого потребления» и «увеличение производства продуктов питания». Учитывая исключительную важность последних проблем в жизни народа, можно было прийти к выводу, что факт их относительно слабого подчеркивания в опросе — результат их относительно успешного решения в стране. Однако выявленное мнение допускало и иное заключение о реальных процессах, а именно позволяло сделать вывод о крайнем обострении за последние годы проблемы детских учреждений. Наконец, речь могла идти и о третьем варианте — о переплетении обоих названных явлений. Выявить действительное содержание зафиксированного мнения должен был специальный анализ.

И с таким сложным, многозначным характером высказываний исследователю общественного мнения приходится иметь дело постоянно. Скажем, человеку нравится его поколение, он доволен его делами. Спрашивается, как расце-

нивать подобное мнение с точки зрения понимания подлинного облика советской молодежи? На первый взгляд это мнение может казаться благоприятным, и в подавляющем большинстве случаев так оно и есть. Но с другой стороны, такой вывод можно сделать только в результате дополнительного анализа, связанного с выяснением личности говорящего или того, что именно вызывает его симпатии и антипатии. Ведь при абстрактном подходе к делу похвала сама по себе еще не говорит ни о чем: она может быть как похвалой друга, так и поцелуем Иуды. Равно как и критика: за ней может стоять и недовольство сущим, и брюзжание филистера.

Не будем голословными. Давая положительную оценку своему поколению, одни участники опроса писали: «Я думаю, что мое поколение — самое счастливое во все времена. Мы первыми увидели спутник и космический корабль, автоматы, работающие вместо людей, и первые телепередачи. Не только увидели, но и приняли участие в их создании. Мое поколение ведет сейчас самую святую борьбу на земле, и мне хочется, чтобы оно было первым, навсегда устранившим войну. Конечно, я влюблена в мое поколение, в мое время. У нас чуть не каждый день рождаются новые города и новые моря, производятся важные научные открытия и открытия мощных подземных кладов. Рождаются и новые отношения между людьми, новый человек коммунистического завтра»²¹. Но среди них были и такие, кто заявлял: «Поколение мне нравится, так как современная молодежь любит деньги, вино, женщин, свободу слова и действий. Самые сильные ее черты: эгоизм, эгоцентризм, жажда наживы и власти над плебеями...» Самая распространенная отрицательная черта — «так называемая идейность. Ее проявление выражается, в частности, в том, что открыли настоящий поход против аристократов духа»²².

**Момент
ситуативности**

Сложный характер отражения действительности в общественном мнении находит свое выражение, далее, и в том, что складывающееся на уровне обыденного сознания, окрашенное в тона социальной психологии общественное мнение высказывает суждения, содержание которых в каждом кон-

²¹ См. Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения, стр. 43.

²² См. там же, стр. 204.

кретном случае относительно, то есть отличается более или менее сильным моментом ситуативности²³.

Об этом моменте можно говорить прежде всего в широком смысле слова — как о влиянии на содержание высказываний *социальной психологии* опрашиваемого (говорящего). Именно этот аспект проблемы имел в виду А. Грамши, когда отмечал, что так называемое «поверхностно выраженное, или словесное» сознание, доставшееся «массе в наследство от прошлого» и воспринятое ею «без критики», «не бесплодно: оно привязывает к определенной социальной группе, влияет на моральное поведение, на направление воли...»²⁴

Однако не менее важен и более узкий аспект проблемы, заключающийся в том, что каждое высказывание общественности неизменно содержит в себе (в своем происхождении или содержании) определенное, большее или меньшее, число *эмоциональных* и даже *иррациональных* элементов. Их наличие придает всему делу своеобразную окраску и в известных условиях способно даже трансформировать содержание высказываемого мнения. В подобных случаях *реальное* содержание мнения может весьма значительно отличаться от того, за которое его *принимает* исследователь.

Именно с таким явлением мы частично столкнулись в III опросе при анализе отрицательных черт советской молодежи. Вопрос в анкете стоял тогда так: «Есть ли, на Ваш взгляд, у молодых людей отрицательные черты, имеющие широкое распространение? Если да, какие именно?» Иными словами, акцент делался на явлениях *наиболее распространенных*. Однако вместо этого речь в опросе во многом пошла совсем о другом — о явлениях *наиболее неприятных* для

²³ «...Приступая к анализу субъективных мнений и оценок,— пишут по этому поводу А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов,— мы должны помнить также, что эти мнения и оценки всегда конкретны и относительно. Они конкретны в том смысле, что выражают мнение данного лица по поводу данного явления. Они относительно в том смысле, что содержание и интонация этих субъективных оценок определяются конкретной ситуацией, в которой даются эти оценки. Учет конкретной ситуации особенно важен при анализе материалов всякого рода опросов: в одной ситуации мы выдвигаем на первый план одни мотивы и суждения, в другой — другие. Противоречия, которые возникают при сопоставлении таких мнений и оценок, суть противоречия, разрешение которых нужно искать в контексте ситуации» (А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. Влияние различий в содержании и характере труда на отношение к труду, стр. 148).

²⁴ А. Грамши. Избранные произведения в трех томах, т. 3. Госполитиздат, 1959, стр. 22—23.

масс, вызывающих их наибольшее осуждение. Нет спору, названные подходы отчасти смыкаются, но, как нетрудно понять, они все же далеко не совпадают друг с другом.

Эта своеобразная трансформация угла зрения общественного мнения проявилась прежде всего в том, что широкий разговор о недостатках поколения в явном противоречии с программой опроса повели и те его участники (их было ни много ни мало — 3101 человек), которые не видели в среде молодежи широко распространенных отрицательных явлений, то есть дали, по сути дела (а многие и формально), отрицательный ответ на главный вопрос.

О происшедшей частичной подмене понятия «наиболее распространенный» понятием «наиболее нетерпимый» говорил и содержательный анализ названных молодежью отрицательных черт. Например, наименьшую реакцию вызвали такие явления, как национализм и подверженность религии; первый подчеркнули всего 28 человек из 17446 (0,16 процента), вторую — немногим больше: 152 человека (0,8 процента). Что касается национализма, то это было вполне естественно: из массы источников известно, что эта черта в незначительной мере свойственна советской молодежи, ее проявления несут исключительный характер. Однако этого совсем нельзя было сказать о религиозных пережитках. Многочисленные выступления печати, официальная информация, наконец, специальные социологические исследования, проводившиеся в некоторых районах страны, дают основание полагать, что дело тут обстоит скорее как раз неблагоприятно. Подверженность молодых людей религии — нередко встречающееся явление, во всяком случае не менее распространенное, нежели, скажем, их увлечение «стилем». Между тем последнее было подчеркнуто в опросе почти в 3 тыс. анкет. Даже в деревне, где влияние религии на молодежь значительно сильнее, чем в городе, и где, напротив, «стиляги» встречаются крайне редко, опрошенные все же выдвинули на первый план «стиляжничество». Из 600 колхозников увлечение «стилем» в качестве наиболее распространенной отрицательной черты подчеркнули 54 человека, в то время как связь с церковью — лишь 9; из 1933 жителей сельской местности — соответственно 252 и 32.

Подобный факт невозможно было объяснить какой-либо технической ошибкой, допущенной исследователем при составлении анкеты (например, неудачной формулировкой вопроса). Что же в таком случае тут имело место? Недооценка

молодежью отрицательного значения религии? Переоценка некоторых других явлений, в частности «стиляжничества»? Бесспорно, и то, и другое. И источник этого смещения в оценках в обоих случаях был один: некоторые особенности функционирования массового сознания.

По всей вероятности, у опрошенных, как и у поколения в целом, не было никаких иллюзий на тот счет, что участие молодежи в религиозных праздниках и обрядах — явление значительно более распространенное, нежели ее участие в «оргиях с рок-н-роллом». Но одно дело — «распространенное», а другое — «опасное», «неприятное», вернее, *кажущееся* таковым. Религия — явление глубоко противное коммунистическому сознанию и всему укладу жизни социалистического общества. Это знает по крайней мере большинство молодых людей. Но с другой стороны, религия воспринимается психологически как нечто привычное, освященное многовековой традицией, к тому же связанное в массовом представлении прежде всего со старшими поколениями. Поэтому-то, видимо, молодые люди и не придали ей в опросе (как не придают и в жизни!) большого значения. Зато, напротив, «подражание западной моде» представляется многим сущим бельмом на глазу, и пусть оно встречается несравненно реже, оно все равно кажется более вызывающим, неприемлемым и опасным, чем религия. Именно эта эмоциональная окраска в восприятии явлений действительности наложила отпечаток на общественное мнение и именно она привела, выражаясь языком физики, к «возмущению» общественного мнения, к незаметному на первый взгляд смещению плоскости его высказывания.

**Явление
транзитивности**

Наконец, сложный, противоречивый характер отражения действительности в общественном мнении проявляется в том, что исследователю всегда бывает очень трудно провести границу между автохарактеристичными высказываниями и мнениями, содержание которых не характеризует говорящих.

Понятно, такой проблемы не существует в рамках исследования всей «вселенной» в целом. Ведь если, скажем, совокупность индивидов, образующих «вселенную», высказывает мнение о каких-либо признаках последней, само собой ясно (разумеется, при условии, что высказанное мнение истинно), что эти признаки характеризуют и самое высказывающуюся совокупность. Подобное мнение всегда обладает свойством

транзитивности: отмечаемый субъектом мнения признак является признаком самого говорящего субъекта, может быть «перенесен» на него.

Иное дело — мнения групп, выделяемых в составе более широкой «вселенной». Одни из них также могут рассматриваться в качестве автохарактеристик субъекта высказывания, другие — нет. Чтобы понять, с каким конкретно случаем мы имеем каждый раз дело, необходимо провести специальный анализ «на точность выражения мнения», затрагивающий как объект, так и субъект высказывания.

Возьмем, например, вопрос: «Есть ли, на Ваш взгляд, у молодых людей отрицательные черты, имеющие широкое распространение? Если да, какие именно?» 8,5 процента опрошенных ответили на него: равнодушие, пассивность. При этом по отдельным группам картина выглядела следующим образом (в процентах):

Группы по возрасту			Группы по образованию			Группы по месту жительства			
до 17 лет	18—22	23—30	ниже среднего	среднее	высшее	Москва	крупные города	прочие города	село
6,6	7,6	10,2	5,1	8,9	16,2	13,0	10,7	7,7	7,6

Естественно, исследователю важно было решить: можно ли тут было сделать какие-либо выводы относительно степени распространенности данной черты внутри той или иной группы? Можно ли было, например, на основании приведенной таблицы утверждать, что в старших группах молодежи равнодушных больше, чем в младших (и именно в 1,5 раза), что рост пассивности определяется ростом образования людей и т. д.?

Анализ показал, что такого вывода в данном случае сделать было нельзя. Конечно, известный рост равнодушия с возрастом происходить может (один из опрошенных студентов справедливо заметил, что эта черта тесно связана с «шишками, набитыми жизнью на лоб», а количество таких «шишек» прямо пропорционально возрасту). Однако ясно, что подобный вывод — даже в столь аморфном своем виде — отнюдь не исчерпывает всей проблемы до конца. И тем более неверными были бы попытки устанавливать здесь какие-либо точные количественные отношения между группами.

Почему? Потому, что, когда 30-летние говорят о болезни равнодушия, их суждение основывается на знакомстве не только со своими 30-летними же сверстниками, но со всей без исключения молодежью. Иными словами, возрастные группы, по крайней мере в границах взятого предмета высказывания, являются, так сказать, *открытыми, незамкнутыми*. Эмпирическая база образования их мнения не ограничена рамками самих этих групп, и потому такое мнение не обладает признаками транзитивности.

Аналогичное положение наблюдается и в группах по образованию. Заключение о том, будто число пассивных людей увеличивается по мере роста образования, было бы совсем уже ошибочным; ведь известно, что рост знаний и культуры ведет к расширению интересов людей, к их совершенствованию в той или иной области деятельности и т. д., то есть к усилению как раз тех факторов, которые противопоказаны распространению микроба равнодушия.

Следовательно, приведенные цифры скрывают в себе другие, более широкие зависимости, относящиеся всецело к субъективному миру людей. В частности, они позволяют сделать такой вывод: чем выше зрелость человека (а она приходит и с возрастом, и особенно с образованием), тем нетерпимее, критичнее он относится к явлению равнодушия, тем больший вред и опасность он усматривает в этой черте.

Напротив, выделенные в составе «вселенной» «экологические» группы (по месту жительства) являются в данном отношении группами *замкнутыми*: их мнение базируется на опыте, ограниченном преимущественно рамками самой группы. Поэтому такого рода мнение является в большей степени автохарактеристичным. Например, суждение москвичей основывается конечно же прежде всего на знакомстве с жизнью молодежи этого города, и потому оно может быть «перенесено» на объективную характеристику данной группы. Равно как и мнение деревенских жителей, основывающееся на опыте преимущественно сельском. Следовательно, применительно к таким группам цифры говорят уже не только о мире мнений, но и о мире реальных явлений. Исходя из них, можно сделать вывод (при прочих равных обстоятельствах), что равнодушие больше распространено в крупном городе, нежели в деревне ²⁵.

²⁵ Следует обратить особое внимание на оговорку: «при прочих равных обстоятельствах». Не приняв ее к сведению, очень легко

Следует подчеркнуть, что различие открытых и замкнутых групп носит относительный характер. Оно прямо связано с объектом обсуждения, поскольку применительно к различным объектам одни и те же группы могут выступать то как открытые, то как замкнутые. И особенно важным такое различие становится тогда, когда объект мнения связан с доступными непосредственному наблюдению явлениями, то есть когда в основе образования мнения лежат не теоретическое знание, не распространяемые средствами массовой коммуникации истины, а личные наблюдения, непосредственный опыт микросреды.

Характерным примером тут может быть отношение различных групп опрошенных к такому отрицательному явлению, как пристрастие к спиртным напиткам. Буквально все выделенные группы — возрастные, «экологические», по образованию, по роду деятельности и т. д. — назвали это явление самым большим недостатком, свойственным молодежи. Причем среди групп по роду деятельности такое мнение высказали (в процентах):

Рабочие	Инженеры	Колхозники	Служащие	Студенты	Военнослужащие	Лица свободных профессий	Школьники	Неработающие
26,0	22,0	22,7	22,8	19,9	23,6	21,0	19,5	21,0

Исходя из таблицы, никак нельзя утверждать, что употребление алкоголем распространено в среде служащих больше, скажем, чем в среде инженеров, меньше, чем среди военнослужащих, и т. п. И дело не только в незначительной разнице между цифрами. Главное — объект высказывания тут таков, что мы не можем рассматривать названные группы в качестве замкнутых.

В самом деле, рассматриваемое суждение существенным образом отличается с точки зрения процесса своего форми-

ваться в ошибку при выводе. Отмеченная разница в оценках может быть связана отнюдь не с замкнутым характером групп (и, следовательно, отражать отнюдь не объективное положение вещей в этих группах), но с некоторыми другими их характеристиками, например с большой разницей в образовании, культуре, политической активности, традициях и т. п. Жители крупных городов могут особенно активно критиковать равнодушие именно в силу этих обстоятельств.

рования от общественного мнения, складывающегося, к примеру, вокруг явления равнодушия. Разумеется, и тогда, когда служащие или инженеры говорят о пассивности молодежи, они также исходят при этом не только из фактов жизни своего учреждения или завода. Эмпирическая база образования такого мнения также значительно шире: она включает в себя опыт встреч с людьми в самых разнообразных условиях и сферах. И все же своя собственная социальная среда играет в данном случае при формировании мнения первостепенную роль. Иное дело — пьянство. Пьяный человек на улице, в общественных местах бросается в глаза всем. Восприятие такого явления не связано с продолжительными, устойчивыми, более или менее глубокими связями между людьми в рамках той или иной социальной общности, оно возможно и за пределами таких групп.

Зато «экологические» границы имеют тут снова довольно большое значение. Житель села, говорящий о распространности пьянства, как правило, судит об этом сугубо на основе «местного материала», «материал» города зачастую просто неизвестен ему. Точно так же житель крупного города, как правило, не принимает во внимание или даже вовсе не располагает знанием о положении вещей в деревне и всецело основывается в своем суждении на впечатлениях, связанных с жизнью семьи, ближайшего окружения, дома, улицы, городских центров и т. п. Поэтому, если в группе жителей Москвы и крупнейших городов увлечение спиртными напитками в качестве наиболее распространенной черты отметило 19,9 процента опрошенных, в группе жителей остальных городов и поселков — 24,0 процента, а в группе жителей села — 27,5 процента, то — при прочих равных обстоятельствах — отсюда можно было сделать вывод, что в среде сельской молодежи это отрицательное явление распространено более, чем в среде городской и особенно столичной.

Говоря о сложном характере отражения действительности в общественном мнении, можно было бы сослаться и на иные факторы, в частности на то обстоятельство, что общественное мнение может заключать в себе ту или иную установку группы, выражать приверженность группы к той или иной системе ценностей и т. д., то есть осуществляться в суждении, связанном с весьма сложными формами опосредствованного отражения социальной действительности. Однако, как кажется, и сказанного достаточно, чтобы

увидеть, что содержание высказываний общественности не может браться исследователем «на веру», приниматься как данное, без всестороннего критического рассмотрения. Напротив, подчеркивая роль общественного мнения в качестве измерителя действительности, мы одновременно с такой же силой должны подчеркнуть, что пользоваться этим орудием можно лишь со знанием дела. Разного рода «манипуляции» с общественным мнением не могут иметь какой-либо силы, если они не опираются на *научное исследование* высказываний общественности, не включают в себя критического анализа реального содержания выявленных мнений. В свою очередь такой подход предполагает владение методологией и методикой исследования, умение препарировать общественное мнение, испытывать его «на истинность отражения», «на точность выражения» и т. д. Но обо всем этом — ниже.

7. «GENUS PROXIMUM» ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Теперь же, после всего сказанного, необходимо подвести некоторые итоги в отношении природы общественного мнения. Правда, на первый взгляд могло создаться впечатление, что мы получили лишь серию отрицательных суждений об общественном мнении: узнали, что оно *не* совпадает ни с одной из существующих форм общественного сознания и *не* существует наряду с ними; *не* является ни сугубо «партийным», классовым, как идеология, ни сугубо «объективным», нейтральным, как наука; *не* тождественно ни обыденному сознанию, ни теоретическому знанию и т. д.; в таком случае говорить о каком-либо определении явления невозможно: формальная логика, как известно, исключает невозможность всякого *definitio per negatio*.

Однако в действительности мы узнали и нечто большее, нежели только чем *не* является общественное мнение: за рядом негативных определений скрывается *позитивное знание*. Мы видели, в частности, что, будучи взято в отношении к формам общественного сознания, общественное мнение представляет собой известный способ их функционирования, отличительными признаками которого являются неофициальность, стихийность и т. д. Мы видели, далее, что общественное мнение может быть окрашенным в классовые тона, а может быть и нейтральным по отношению к интересам того или иного класса, вернее, выражающим интересы одно-

временно нескольких различных социальных классов и групп. Рассмотренное с точки зрения уровней отражения действительности в сознании, общественное мнение, как было установлено, представляет собой такой вид общественного сознания, который снова ломает существующую альтернативу: «обыденное сознание — теоретическое знание», обнаруживая способность формироваться на обоих крайних уровнях. Наконец, мы видели, что, как и общественное сознание вообще, общественное мнение, будучи взято в отношении к действительности, оказывается не чем иным, как осознанным бытием, что оно всегда отражает реальные процессы жизни и что это отражение является неизменно сложным по своему характеру и содержанию.

Все это позволяет нам теперь предпринять попытку в *определении природы* рассматриваемого феномена.

**Состояние
массового
сознания**

Первый вывод, к которому мы неминуемо должны прийти, — это признание удивительного *синкретизма* общественного мнения. В самом деле, какое бы из принятых расчленений общественного сознания мы ни взяли, об общественном мнении никогда нельзя сказать, что оно представляет собой что-то одно, какой-то один полюс альтернативы, — оно всегда «и то», «и другое», а иногда «и третье»...

Именно в этом интегральном характере явления большинство исследователей усматривает основную трудность его определения²⁶. Одновременно здесь скрывается и корень распространенной ошибки: обнаружив невозможность «подвести» общественное мнение ни под один *genus proximum*, обнимающий существующие и уже описанные наукой «виды» (секторы, формы, сферы и т. д.) общественного сознания, социологи пытаются «изобрести» для него свой *собственный «род»*, существующий *наряду* с известными. В результате возникает стремление расчленить общественное сознание еще по одному, новому, основанию.

²⁶ «Общественное мнение есть определенная область общественного сознания, а последнее, как известно, подразделяется на общественную психологию и идеологию... Сложность определения его природы состоит, по нашему мнению, в том, что оно не сводится только к идеологии или только к общественной психологии и не существует наряду с названными формами как нечто отличное от них» (А. К. Уледов. Общественное мнение как предмет социологического исследования, стр. 45).

Именно так поступает, в частности, А. Уледов в книге «Общественное мнение советского общества»²⁷, где наряду с традиционными расчленениями общественного сознания (по принципу форм сознания, а также по принципу уровней сознания), вводится еще одно расчленение — по принципу *состояний сознания*.

Сам по себе термин «состояние сознания» кажется весьма удачным для характеристики такого явления, как общественное мнение. Однако использование его А. К. Уледовым в качестве наименования некоего «рода», существующего в рамках общественного сознания *наряду* с другими известными «родами», не представляется наилучшим. Специфической чертой этого *genus proximum* объявляется то, что будто бы лишь он ставит вопрос о *воздействии сознания на практическую деятельность человека*.

«Почему же важна постановка вопроса о состояниях сознания?» — спрашивает автор книги. И отвечает: «Она важна потому, что анализ общественного сознания в двух первых планах, т. е. с точки зрения специфических форм отражения и различных уровней отражения, не раскрывает активной роли сознания. Правда, при определении специфических форм сознания указывается, что каждая из них оказывает активное воздействие на жизнь общества, но в должной мере роль их не выясняется. И это прежде всего потому, что в реальной жизни формы сознания не существуют рядом друг с другом. Все они взаимосвязаны и взаимообусловлены, и действия их проявляются совместно»²⁸. «Состояние сознания непосредственно сопровождает практическую деятельность людей, или, лучше сказать, включено в нее. Поэтому вполне оправдано, на наш взгляд, сопоставлять сознание в целом как отражение действительности с присутствующими ему умственными, эмоциональными и волевыми моментами с сознанием, тоже взятым в целом, но уже как деятельностью, или, вернее, с сознанием, реализующимся в практической деятельности людей. Вот это последнее и выступает как состояние сознания, а первое — как отражение»²⁹. Понятно, что всякий «род» может являться таковым и рассматриваться в качестве такового лишь при условии, если он подразделяется на какие-то «виды». Поэтому А. К. Уле-

²⁷ А. К. Уледов. *Общественное мнение советского общества*. М., Соцэргиз, 1963.

²⁸ Там же, стр. 46.

²⁹ Там же, стр. 47—48.

дов вынужден поставить общественное мнение в ряд с другими, однопорядковыми с ним species. «Одним из состояний общественного сознания,— пишет он,— выступает общественное мнение»³⁰. «Таковыми же состояниями выступают социальные нормы поведения людей, традиции, программы политических партий»³¹.

В приведенных высказываниях нет, кажется, ни одного положения, которое не подлежало бы опровержению или, по меньшей мере, в истинности которого нельзя было бы усомниться.

Неверно, прежде всего, что анализ общественного сознания «в двух первых планах» «не раскрывает активной роли сознания». Почему, спрашивается? Разве политическая идеология, религия, мораль или искусство (а это все формы общественного сознания) оказывают на практическую деятельность людей меньшее влияние, чем общественное мнение? Отнюдь. Или разве можно говорить о науке, о теоретическом знании, как, впрочем, и об обыденном сознании (имея в виду уже расчленение общественного сознания «во втором плане»), лишь как об «отражении» действительности? Также нет. Особенно в наш век, когда практическая деятельность людей, идет ли речь об освоении природы или об освоении механизма социального развития, стремится опираться на сугубо научную основу.

А с другой стороны, совершенно неправомерно и рассмотрение общественного мнения как «состояния сознания» лишь в аспекте его *воздействия* на практическую деятельность людей (не говоря уж о рассмотрении его как самой «деятельности»): выше мы подробно говорили, что общественное мнение необходимо рассматривать и как *отражение* объективной действительности.

Наконец, совсем уже сомнительным, как в силу очевидной случайности подбора, так и в силу еще более очевидного смещения различных оснований деления, кажется постановка общественного мнения в один ряд с такими явлениями, как «социальные нормы поведения людей», «традиции» и «программы политических партий». Ведь что касается первых, то они, по словам самого же автора книги, представляют собой или «юридические законы», или «нравственные требования», то есть *целиком* входят или в состав

³⁰ Там же, стр. 49.

³¹ Там же, стр. 50.

правосознания (одной из форм общественного сознания), или в состав обыденного сознания. Ясно, что это лишает нас какой-либо возможности рассматривать их наряду с данными сферами общественного сознания, в качестве некоей самостоятельной субстанции — определенного «состояния сознания». Целиком к сфере обыденного сознания относятся и традиции; к тому же их рассмотрение *наряду* с общественным мнением неправомерно и потому, что они представляют собой «проявление доминирующего общественного мнения прошлого»³². Наконец, крайнее удивление вызывает выделение в некоторую самостоятельную субстанцию общественного сознания «программных документов партий». До сих пор казалось бесспорным, что эти документы являются лишь *одним из* выражений политической идеологии или политической науки. И конечно же к *любой* форме общественного сознания можно отнести слова А. К. Уледова, которыми он характеризует специфику программных документов в качестве «состояния сознания»: мол, «в них аккумулярован, отражен определенный уровень общественного сознания данной эпохи»³³.

Словом, попытка А. К. Уледова провести границу между общественным мнением, с одной стороны, и всеми другими подразделениями общественного сознания, с другой, по основанию «активного влияние на практику — пассивное отражение» должна быть оценена в целом как неудачная. И источник этой неудачи, как нам кажется, заложен в самой исходной идее — в стремлении во что бы то ни стало выделить «субстанцию» общественного мнения в качестве существующей *наряду* с иными «субстанциями» общественного сознания. Весь же «фокус» как раз состоит в том, что эта «субстанция» *не существует наряду*, но оказывается своеобразным *интегралом* всех иных «субстанций». Тот самый синкретизм общественного мнения, в котором обычно усматривают основную трудность для понимания и определения этого феномена, на наш взгляд, как раз содержит ключ к разгадке.

Если уж говорить о *genus proximum* общественного мнения (хотя это очень своеобразный род, включающий в себя один-единственный *species* — «общественное мнение»), то его можно определить как *сознание масс, массовое сознание*,

³² Там же, стр. 56.

³³ Там же, стр. 60—61.

или, если угодно, как состояние *массового сознания*. Выражаемое тем или иным образом общественное мнение — это массовое сознание *in actu*, в действии, или реакция массового сознания. И сущность этого сознания состоит отнюдь не в том, что оно более, чем другие типы сознания, способно влиять на практическую деятельность людей, но в том, что оно является своеобразным фокусом, в котором сходятся все существующие сечения общественного сознания, и потому наиболее емким, так сказать суммарным, выражением уровня или состояния общественного сознания той или иной эпохи, взятого в целом, пропущенного через призмы с самыми различными углами преломления: «классовым», «по глубине отражения действительности», «по сфере действия» и т. д. и т. п.

Общественное мнение характеризует *общественное сознание той или иной эпохи в его суммарном виде*. Это — общественное сознание со сломанными внутри него перегородками. Будучи, например, произведением классовых и внеклассовых элементов в сознании, общественное мнение характеризует общественное сознание эпохи как в целом более или менее окрашенное в классовые тона.

Но главное в этом типе сознания, конечно, то, что оно представляет собой *произведение двух величин — обыденного сознания и теоретического знания*. Ведь если верно, что общественное сознание включает в себя, с одной стороны, сознательно вырабатываемое теоретиками научное представление о мире, а с другой — стихийно вырабатываемое массами обыденное сознание, то не менее верно и другое — что в реальной действительности реальное сознание, характерное для той или иной эпохи, всегда представляет собой результат сложения, переплетения этих двух типов сознания. И этот результат находит свое выражение как раз в общественном мнении.

Что же касается *специфики* общественного мнения в сравнении с иными типами общественного сознания, то она заключается совсем не в том, будто в основе этого явления лежат какие-то иные, исключительно одному ему свойственные начала (совсем наоборот! еще раз повторяем: по своей природе общественное мнение есть органический сплав все тех же, уже известных начал), но в *особых закономерностях функционирования* данного феномена. Эти закономерности находят свое выражение в *специфическом объекте* рассматриваемого массового сознания, в его *специфическом субъекте*,

*специфических формах выражения, специфических способах воздействия на действительность*³⁴ и т. д. и т. п.

**Исторический
характер
определения**

И уже из данного определения природы общественного мнения вытекает та важнейшая его черта, что оно представляет собой *величину переменную, зависимую*.

В сущности, это — типичная функция, производная от общего числа, величины и качества различных ее составляющих. Именно поэтому тут правильнее говорить не просто о «массовом сознании», но о «состоянии массового сознания», или, точнее, о *тех или иных состояниях* массового сознания.

Общественное мнение — величина переменная прежде всего в *историческом плане*. Это можно было видеть уже при взгляде на явление через призму таких категорий, как «форма общественного сознания», «классовое сознание» и т. д.

В самом деле. По мере развития общества общественное мнение постоянно расширяет предмет своего высказывания, сферу своей компетенции: будучи некогда ограничено лишь областью политических отношений, нравственности или правосознания, оно со временем распространило и продолжает распространять свою власть и на другие области.

Исторический характер общественного мнения проявляется с полной отчетливостью и в том, что, имея в антагонистических обществах ярко классовый характер, оно с момента социалистического переворота постепенно начинает утрачивать его и в перспективе с необходимостью должно трансформироваться в единое общенародное мнение.

Меняется также и исторический субъект общественного мнения: свободные римские граждане, собравшиеся на бурный и своенравный форум, замещаются вполне пристойными депутатами буржуазных парламентов с их почтенной процедурой, а эти, в свою очередь, — снова народом, использующим для выражения своего мнения все новейшие средства массовой коммуникации и организации: прессу, общественные институты, политические свободы и т. д. Меняются и функции общественного мнения, его роль в жизни

³⁴ Речь, таким образом, должна идти не о том, что общественное мнение, в отличие от других типов сознания, *воздействует* на практическую деятельность людей, но о том, что воздействие общественного мнения на действительность, в отличие от воздействия на нее иных типов сознания, имеет *специфический характер*, отличается специфическими особенностями.

общества, меняются и способы его формирования, методы его выражения и т. д.

Наконец, исторически переменной величиной является и общий уровень отражения действительности в общественном мнении — то конкретное сочетание, переплетение быденного сознания и теоретического знания, которое определяется уровнем развития цивилизации, достигнутым тем или иным обществом, то есть степенью развития в нем производительных сил, в том числе науки, характером и шириной распространения культуры, в частности постановкой дела народного образования, и т. д., и которое бывает столь различным в каждую историческую эпоху.

С другой стороны, общественное мнение не есть нечто неизменное, постоянно данное и в том плане, когда оно берется *в рамках одной и той же* исторической эпохи, в пределах одного и того же исторического состояния массового сознания. Оно может меняться и практически меняется в зависимости от условий его формирования и функционирования, от характера проблемы, по которой оно высказывается (так, в рамках одного общества общественное мнение может быть то более, то менее компетентным, то более, то менее активным и т. д.), и многих иных факторов.

Все это не дает возможности говорить об определении общественного мнения *вообще*, о некоем его абстрактном определении, которое было бы одинаково верным применительно ко всем эпохам и обществам и ко всем случаям. Такое абстрактное определение неизбежно должно вылиться в ссылку на самую широкую по объему и потому весьма тощую по содержанию категорию — вроде той, к которой мы как к «ближайшему роду» прибегли выше. И вся недостаточность такой ссылки на *locus communis* очевидна: научный анализ должен брать историческое явление в его конкретно-исторической форме, в специфических условиях его функционирования и развития.

• Глава 2 •

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Историческая форма, которую общественное мнение принимает в социалистическом обществе, находит свое выражение в различных специфических характеристиках этого явления. Они касаются и объекта общественного мнения, и способов его формирования и выражения, его субъекта и т. д. Однако начать нужно, видимо, с выяснения места, которое общественное мнение занимает в общей структуре социальной жизни, с выявления его функций и роли в жизни общества.

Коль скоро речь заходит о сопоставлении каких-либо явлений капиталистического и социалистического обществ, многие советские философы и социологи до сих пор довольно часто прибегают к «дихотомическому» способу анализа. Согласно этому способу, явления, отмечаемые при капитализме знаком «плюс», автоматически награждаются применительно к социалистическому обществу знаком «минус», и наоборот: признание существования какого-либо явления при социализме вызывает автоматическое отрицание его существования при капитализме.

...Разумеется, Мефистофель был глубоко прав, когда, сравнивая науку с объективной действительностью, утверждал, что «теория» всегда оказывается «суше», «беднее» «пышно зеленеющего древа жизни». Однако ясно, что схематизм метода «да — нет», «нет — да» имеет совершенно иную основу, нежели общая природа абстрактного мышления, неизбежно «огрубляющего» действительность. Это особенно ясно видно при анализе проблем социалистической и капиталистической демократии и, в частности, общественного мнения. Желая подчеркнуть специфику социалистического общества, иные авторы статей и книг утверждают, что при капитализме общественное мнение вовсе «не играет ни-

какой роли», поскольку оно все целиком — «плод фальшивой буржуазной пропаганды», и т. д. Однако такой подход не имеет ничего общего ни с объективной действительностью, ни с представлениями о ее научном анализе. Вопреки иллюзиям недавних лет, он оказывается исключительно вредным и с политической точки зрения — с точки зрения завоевания масс в капиталистических странах на сторону коммунизма.

Именно поэтому против подобных методов так остро выступили ученые-марксисты, видные деятели международного коммунистического и рабочего движения, принявшие участие в дискуссии «Коммунисты и демократия», которая состоялась в начале 1963 г. в Праге.

«Взять хотя бы положение: «Демократия при капитализме — не что иное, как обман». Верно ли оно? — говорил на этом обмене мнениями канадский социолог-марксист Стэнли Райерсон. — Конечно, буржуазная демократия — обман в том смысле, что выборные институты и всеобщее избирательное право создают иллюзию правления большинства, тогда как практически налицо правление меньшинства, осуществляемое монополистически-капиталистическими хозяевами экономики и государственной машиной... Но хотя в этом, весьма важном, смысле буржуазная демократия и является обманом, она *вместе с тем* представляет собой и кое-что другое. Она воплощает (хотя и в ущербной, ограниченной, искаженной форме) завоевания великих революционно-демократических битв прошлого, завоевания, которые стали частью традиции, частью «национального характера»... частью превалирующих настроений масс...

...Значит, мы не можем ограничиваться одним разоблачением формального характера буржуазной демократии. Мы должны бороться в защиту и за использование тех реальных элементов этой демократии, которые были достигнуты в процессе преодоления феодального господства, которые продолжают существовать, несмотря на нападки монополистического капитала, и которые содержат в зародыше потенциальные элементы тысячекратного расширения демократии, приходящего с социализмом. Ограничивать вопрос о демократии при капитализме одним лишь разоблачением ее формального, иллюзорного аспекта — значит занимать сектантско-догматическую позицию. Такого рода позиция антиисторична; она отрицает прогресс в этой области, отмеченный преодолением феодальной автократии и завоеванием выборных институтов, гражданских прав и т. д. Такого рода

позиция ставит препятствия на пути преодоления иллюзий масс относительно самой буржуазной демократии, ибо, будучи механическим свехупрощением, она кажется отрицанием реальности, неправильным толкованием фактов, играет на руку антикоммунистическому утверждению, что мы против демократии, выступаем за ее уничтожение и т. д.»¹

С подобными рассуждениями нельзя не согласиться. Действительность оказывается намного сложнее, нежели это представляется схематическому мышлению, и заключает в себе гораздо больше красок, нежели только белую и черную.

В самом деле, невозможно недооценивать или тем более вовсе не замечать того факта, что общественное мнение в его формах, отличных от форм эпохи классической древности, исторически получило свое первоначальное развитие как раз в рамках буржуазной демократии, равно как и того, что именно здесь нашли свое распространение теория и практика изучения общественного мнения с помощью социологических методов. С другой стороны, о картине демократии в капиталистическом мире, в частности о характере функционирования в нем общественного мнения, нельзя говорить вообще, абстрактно, не видя всего многообразия форм, которые эта демократия принимает, отвлекаясь от различий, существующих в политической организации общества в различных странах.

Что же касается социализма, то высокие оценки социалистической демократии не должны подменять собой действительного анализа проблем, переживаемых обществом. Исторический опыт показал, что, хотя демократия и является для социализма объективной необходимостью, эта необходимость не воплощается в жизнь автоматически, уже в силу одного лишь обобществления средств производства, что в области осуществления народовластия и свободы личности в условиях социалистического общества возможны серьезные изъяны и отступления от нормы, заслуживающие самой острой и беспощадной критики.

¹ «Коммунисты и демократия» (Материалы обмена мнениями, состоявшегося в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», Прага, январь 1963 г.). Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР А. М. Румянцева. Изд. «Мир и социализм», Прага, 1964, стр. 179—181.

8. ГРАНИЦЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Говоря о стимулах изучения общественного мнения в буржуазном обществе, американский социолог А. Инкелес выделяет три группы интересов: а) так называемые *либеральные* интересы, вызванные отсутствием или недостаточностью контактов в обществе и преследующие цель — установить лучшее понимание между людьми; б) *коммерческие* интересы, имеющие своей целью развитие индустрии и торговли; и в) *правительственные* интересы, лежащие в плане развития и совершенствования пропаганды и контрпропаганды. Кроме того, добавляет автор, существует еще так называемый «чисто академический» интерес ученых, связанный с «научным любопытством», а также с желанием ухватить и контролировать феномен массовой коммуникации; однако и в последнем случае речь идет об изучении проблем, вызванных к жизни тремя отмеченными группами интересов, поскольку академическая работа нуждается в финансировании².

Подобная классификация задач изучения общественного мнения показательна: она обнаруживает, какое место в жизни буржуазного общества стремятся отвести общественному мнению господствующие группы, в какие рамки они пытаются поставить силу, которая в свое время так помогла их предкам одержать историческую победу над феодализмом и прийти к власти.

Антагонизм мнений

Разумеется, объективные границы функционирования общественного мнения внутри социального организма не совпадают с рамками, воздвигаемыми правящими классами. На деле эти границы значительно шире. История капиталистической формации, как и сегодняшний день многих стран капиталистического Запада, полна примеров, когда прогрессивное народное общественное мнение, явно вопреки мнению господствующих классов, оказывало и оказывает определяющее влияние на решение принципиальных вопросов политики и экономики, находило и находит свое выражение в различных законодательных актах, постановлениях и программах отдельных партий и буржуазного государства в целом.

² Alex Inkeles, *Public Opinion in Soviet Russia. A Study in Mass Persuasion*. Harvard University Press. Cambridge, 1950, p. 7.

Нынешняя Боннская республика, например, никак не может похвастать широким развитием демократии в своих стенах. Более того, здесь все активнее проявляется тенденция к восстановлению чисто фашистских форм и методов правления. И все же даже в подобных условиях общественное мнение прогрессивных слоев обладает довольно большой силой и весом³.

Руководящие группы капиталистического мира хорошо знают эту силу общественного мнения (как знали это и всегда)⁴ и довольно часто бывают вынуждены считаться с нею и уступать ей даже в тех случаях, когда их собственное мнение резко расходится с общественным. Но с точки зрения понимания существа буржуазного социального организма несравненно более важное значение имеет фиксирование принципиальной позиции, занимаемой стоящим у власти классом: ведь если несколько перефразировать Маркса, в антагонистическом обществе господствующими интересами всегда являются интересы господствующего класса. А эти

³ Проявлением этого были, например, решения VI съезда Объединенных немецких профсоюзов в защиту демократических прав граждан против законов «о чрезвычайном положении», предложенных правительством. Правое руководство СДП и правые лидеры ОНП были заинтересованы в том, чтобы VI съезд профсоюзов принципиально одобрил эти законы. Однако вместо этого съезд принял решение, отклоняющее чрезвычайное законодательство, так как оно «способно ограничить элементарные основные права, в частности право на коалицию и забастовку, а также право на свободное выражение мнений, и ослабить демократические силы в Федеративной республике» (см. «Коммунисты и демократия», стр. 89—95).

⁴ В современной социологической литературе Запада довольно широко распространены взгляды, согласно которым общественное мнение считается бессильным субъектом, не способным к сколь-нибудь активной роли в жизни общества. Как кажется, эти взгляды порождаются двумя прямо противоположными по своему содержанию явлениями. С одной стороны, они, бесспорно, отражают действительные трудности в функционировании широкого общественного мнения в условиях господства государственно-монополистического капитала и связанную с этими трудностями тенденцию к постоянному сокращению роли общественного мнения в решении социальных проблем. Но с другой стороны, аналогичные взгляды подчас преследуют и явно провокационную цель: перед лицом растущего сопротивления общественного мнения реакционным нападкам на демократию иные социологи пытаются уверить общественность в ее слабости, в бесполезности всех ее усилий что-либо изменить в мире и тем самым стремятся морально демобилизовать и разоружить ее. Не видеть этой второй основы нигилистического отношения к общественному мнению, принимать «пессимизм» подобного рода за чистую монету было бы ошибочно.

интересы давно уже утратили свой прогрессивный характер, вступили в конфликт с силами прогресса и по своему содержанию исключают интересы всех остальных групп и слоев современного общества.

В этом смысле свободное выражение (и тем более победа) любого иного, «негосподствующего» интереса, противоречащего интересу господствующих групп или даже просто отличающегося от этого последнего, должно рассматриваться скорее не как правило (хотя в философском смысле слова оно может быть *необходимым*, то есть закономерно порождаться объективными условиями жизни общества), но как исключение из правила, как отклонение от имманентно присущих данному обществу норм функционирования и развития. Напротив, правилом, нормой жизни современного буржуазного общества является *свобода выражения и победа мнения государственно-монополистического капитала*, сопровождаемая игнорированием, а то и полным подавлением любого иного мнения.

**Наступление
на общественность**

О чем, в сущности, говорит приведенное выше высказывание А. Инкелеса? О том, что современные лидеры капиталистического мира, во-первых, отнюдь не склонны отрицать огромную роль общественного мнения в жизни общества, а во-вторых, стремятся подчинить эту силу своему влиянию, использовать ее в своих прагматических интересах.

В настоящее время, пожалуй, нет ни одной развитой или просто крупной страны на Западе, где бы государство в лице своих различных институтов не занималось внимательным изучением, измерением общественного мнения и где бы результаты такого изучения так или иначе не использовались руководящими группами в их политике — международной, экономической, торговой, пропагандистской и т. д. Грубо говоря, опираясь на знание общественного мнения, государственно-монополистический капитал пытается совершенствовать свое искусство социального контроля, искусство управления общественными процессами и, в частности, массами.

Но при этом он стремится сохранить и укрепить свое собственное положение в качестве единственного (господствующего) субъекта исторического развития. И с этой целью он использует все средства экономического и политического характера, чтобы отстранить демократическое общественное мнение от непосредственного участия в управлении

обществом, по возможности сузить рамки его влияния на решение социальных проблем. «В буржуазной демократии,— писал В. И. Ленин,— капиталисты тысячами проделок — тем более искусных и верно действующих, чем развитие «чистая» демократия,— отталкивают массы от участия в управлении, от свободы собраний и печати и т. д.»⁵

Эта антидемократическая, антиобщественная политика осуществляется монополиями с тем большей силой, что именно по кардинальным проблемам развития буржуазного общества интересы государственно-монополистического капитала острее всего расходятся с интересами других классов и слоев общества. Такова объективная закономерность развития современного капитализма: общество резко поляризуется на две силы — союз монополий, с одной стороны, и демократический союз всех остальных классов и слоев населения, страдающих от господства монополий, с другой. В такой обстановке монополии и их государство начинают лишать права на участие в управлении делами общества даже и те слои, которые в недавнем прошлом выступали в роли союзников крупной буржуазии. Это наступление монополистического капитала на общественность идет сегодня с большей или меньшей силой во всех без исключения странах «свободного мира»⁶.

Разумеется, отмечаемое явление нельзя трактовать в том смысле, что современный капитализм *целиком* отменяет демократию, полностью устраняет общественное мнение различных немонополистических слоев и групп и т. д. (с такой крайней формой процесса ныне можно столкнуться лишь в немногих капиталистических странах, где господствует открытая фашистская диктатура; в большинстве же стран Запада, повторяем, силы демократии и прогресса оказывают решительное сопротивление действиям монополий и добиваются значительных успехов в своей борьбе). Речь тут идет и должна идти лишь о более или менее сильно выраженных *тенденциях* социального развития. Однако при этом очень важно подчеркнуть, что эти тенденции не могут недооцениваться, — они поддерживаются всей экономической мощью монополистического капитала, всем его государственно-бюрократическим аппаратом и потому являются ведущими в большинстве развитых стран «свободного мира».

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 256.

⁶ См. «Коммунисты и демократия», выступления Р. Балланже, Р. Хакса, М. Шефера, Э. Бернса и др.

В результате применительно к условиям современного капитализма можно говорить о различных функциях общественного мнения в жизни общества, но только не об его определяющей роли в *управлении общественными процессами*. Впрочем, если иметь в виду общественное мнение, охватывающее все население страны, или, иначе, народное общественное мнение, мнение широких трудящихся масс, то оно при капитализме практически никогда не играло роли субъекта истории; разве только на самой ранней заре буржуазной формации, когда представители «третьего сословия» взывали к широким народным массам и опирались в своей борьбе с феодализмом и абсолютизмом на силу их мнения, высказываемого к тому же и оружием. Что же касается последующей истории буржуазного общества, то она вся оказалась историей сокращения, сужения арены действия сил, оказывающих непосредственное влияние на решение кардинальных социальных проблем. Ныне, со вступлением капитализма в высшую фазу его развития, мы присутствуем при заключительном акте этого процесса: монополии добрались до самых основ буржуазной демократии и ревизуют их одну за другой. Сегодня роли субъекта лишается даже общественное мнение в рамках традиционного парламента; этот орган становится обузой для государственно-монополистического капитала, и последний повсеместно стремится заменить его своим послушным исполнительным аппаратом или — где это удастся — диктатурой одного лица.

**Отчуждение,
доведенное
до конца**

Однако этот процесс наступления монополистического капитала на демократию, выхолащивания традиционных демократических форм, процесс, уже сам по себе наносящий сильнейший удар по нормальному функционированию общественного мнения, еще не характеризует всех условий, в которых приходится действовать обществу в странах капитализма. С рассматриваемой точки зрения современный этап в развитии буржуазного общества чреват более глубокими и более разрушительными процессами. Суть дела заключается не только и даже не столько в том, что в этом обществе масса людей лишена, а теперь еще более лишается демократических прав и свобод. Суть дела состоит в том, что, даже будучи наделены всеми правами и свободами, широкие слои населения капиталистических стран (в том числе самых демократических из них) *по самому своему объективному положению в обществе, и*

прежде всего в процессе производства, все равно не могут принимать активного участия в управлении делами общества.

Буржуазная социология описывает это явление весьма своеобразным способом. «Невежество и отсутствие интереса публики к международной политике,— говорит, например, Г. Дюрент,— общеизвестны. Доктор Гэллалп показал, что в Америке после четырехмесячного обсуждения Е. Р. Р.— программы половина избирателей заявила, что она не читала и не слышала об этом. В этой стране только меньшинство слышало о плане Маршалла после того, как он существовал уже год. Даже сегодня в английских опросах среди избирателей можно обнаружить, что один из трех не знает, что собой представляет НАТО. Частично это вызвано сложностью международных проблем (Циммерн сказал однажды: нужно иметь высокотренированный мозг, чтобы читать газеты), частично — их отдаленностью»⁷.

Конечно, термины «невежество» или «отсутствие интереса» не годятся для анализа рассматриваемого явления. Они схватывают лишь самое поверхностное, производное от действия ряда других, более глубоких, факторов. В этом смысле для понимания природы социальной пассивности несравненно более существенное значение имеет, например, учет постановки информации, степени развитости демократических свобод и институтов и т. д. Однако, как показывает анализ, и это не все. В современном капиталистическом обществе, в условиях любых демократических режимов, масса членов общества, и в первую очередь из среды трудящихся, страдает не от того, что не имеет возможности высказать собственное мнение, а от того, что не имеет самого этого мнения и не может иметь его,— настолько чужд, недоступен и непонятен ей механизм общественной жизни,— а если и имеет такое мнение, то не располагает достаточными реальными средствами, чтобы осуществить свое мнение на практике⁸.

⁷ Henry Durant. Public Opinion, Polls and Foreign Policy, p. 154.

⁸ «Сегодня яснее, чем когда бы то ни было, становится то положение,— говорил на дискуссии «Коммунисты и демократия» Лючиано Группи (Италия),— что капитализм по самой своей социальной сути не может создать условий, обеспечивающих действительную свободу, действительный расцвет человеческой личности, даже в рамках самого демократического государства, даже там, где существует широкая система демократических прав и свобод...

Нетрудно видеть, что такая действительность страшно далека от формулы, выдвинутой в пору становления буржуазного общества его духовными предтечами и первыми идеологами: «Общественное мнение правит миром». Увы! современным «миром» правит отнюдь не общественное мнение, а совсем иные, как раз противостоящие общественности силы.

Однако сама по себе эта формула не является ложной. В свое время она представляла собой частично отражение *фактов* — поскольку общественное мнение «улицы», как, впрочем, и ранних буржуазных парламентов, действительно играло немаловажную роль в процессе формирования капиталистического общества, — частично отражение *иллюзий* относительно действительной сущности грядущего строя, иллюзий, аналогичных тем, которые связывались со знаменитыми лозунгами: «Свобода! Равенство! Братство!» Вместе с тем, подобно этим лозунгам, названная формула являла собой и выражение *надежд и стремлений*, которые прогрессивные умы человечества связывали в то время с

В Италии и других капиталистических странах сегодня можно наблюдать характернейшее явление: личность гражданина все более отождествляется с понятием «трудящийся», права первого и второго сливаются. Сегодня даже адвокат становится трудящимся на службе монополий, даже архитектор и преподаватель университета...

А с другой стороны, трудящийся все менее остается гражданином. Не в том смысле, что он не может участвовать в забастовке, читать газету по вкусу или говорить, что думает, — нет, при существующем в Италии режиме человек располагает этими свободами. Он *свободно может говорить, что думает*, но все дело заключается как раз в том, что он *все менее свободен думать*, поскольку управление обществом концентрируется в высших сферах монополистической системы. Сегодня мы видим, как те граждане, которые еще вчера играли некоторую роль в обществе (например, мелкие и средние капиталисты, руководители промышленности и др.), все больше отрываются от производственного процесса, располагают все меньшими возможностями понимать этот процесс и оказывать на него реальное влияние.

Этот разрыв внутри личности между трудящимся и гражданином становится все более глубоким и трагическим. Это то самое отчуждение, о котором говорил Маркс, но отчуждение, доведенное до крайней степени. Сегодня можно говорить о нем уже не только в том смысле, что трудящийся не является хозяином продукта своего труда. Сейчас отчуждение проникает также и в сферу потребления, потому что монополии господствуют над всеми этапами и формирования, и удовлетворения человеческих потребностей, искажая их естественную форму во имя своих прибылей» («Коммунисты и демократия», стр. 198—200).

представлениями о будущем человечества. В этом смысле эту формулу (как и названные лозунги) можно рассматривать как гениальное предвидение, как блестящее угадывание того, что еще только должно осуществиться в ходе истории. Просто гуманисты XVIII столетия ошиблись адресом. Требуется качественно иные исторические условия в сравнении с теми, что нес с собой капитализм, чтобы лозунги «Свобода! Равенство! Братство!» получили свое реальное осуществление. И лишь эти условия могут наполнить жизнью формулу: «Общественное мнение правит миром».

9. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Общественное мнение призвано стать подлинным субъектом исторического развития с победой коммунистической эры. И в основе этих перемен лежит качественное изменение положения народа, трудящихся масс в жизни общества. При коммунизме народ уже не «безмолвствует», как во времена средневекового Годунова; не появляется лишь в середине третьего акта, чтобы затем снова оставаться до конца действия за сценой, как об этом писал Уолтер Липпман, имея в виду современную Америку; и не выступает в роли хора, который, по мнению нынешних патерналистских лидеров Запада, должен лишь петь им «славу», или в роли зрителей, которые должны награждать тех же лидеров «горячими аплодисментами»; при коммунизме народ уже с первых строк увертюры призван играть роль осознающего себя и признанного миром героя всего действия. «...Социализм не может ввести меньшинство — партия, — писал В. И. Ленин. — Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами»; поэтому «для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся»⁹.

Разумеется, невозможно снимать со счетов те или иные конкретные исторические условия, в которых происходит формирование коммунистической системы в различных странах. В зависимости от многих факторов, как объективных, так и субъективных, форма осуществления народовла-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 53.

ствия на первой фазе нового общества может быть более или менее широкой. Однако это обстоятельство никак не меняет общего принципа — того, что в условиях коммунизма *власть народа должна быть единственно допускаемой и возможной формой правления.*

Абстрактная основа такого народовластия заключена уже в факте господства *общественной собственности* на орудия и средства производства. Общественная собственность предполагает общественное же управление производством. И именно поэтому прежде всего функции управления должны исполняться *всеми* членами общества, переставая быть *особыми* функциями «особого слоя людей»¹⁰.

Более конкретным выражением этого факта является господство в рассматриваемом обществе *принципа планирования.* Пронизывающий все сферы социальной жизни, этот принцип меняет традиционное соотношение в истории факторов стихийности и сознательности. Он является олицетворением сознательного руководства общественными процессами и предполагает в идеале, при своем полном осуществлении, учет мнения буквально всех — в рамках их функций и компетенции — граждан общества. Именно здесь лежит ключ к развитию свободной человеческой личности, к слиянию функций трудящегося и гражданина, которые разрываются в капиталистическом обществе: управление экономической жизнью, осуществляемое непосредственно самими массами, поставленное под контроль масс, превратится из средства подчинения индивида производству и потреблению, из средства лишения его исторической самостоятельности в средство подлинной эмансипации человеческой личности, кладущей конец всякому отчуждению.

Наконец, привлечение миллионной общественности к активной исторической деятельности становится необходимым и в силу *особенностей строительства* новой социальной системы: ведь речь идет о движении по неизведанным путям исторического развития, открывающим исключительные возможности для творческой самодеятельности и инициативы масс¹¹.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 50.

¹¹ Эту мысль В. И. Ленин подчеркивал в своей речи на первом съезде советов народного хозяйства в мае 1918 г.: «Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела

**Каналы
выражения
мнения масс**

Ставя своей целью поднять народные массы к сознательной творческой деятельности, коммунизм на первой стадии своего развития обеспечивает прежде всего формы, в которых может функционировать и находить свое выражение народное общественное мнение.

Такова, в частности, *представительная система власти*.

Известно, что с точки зрения структуры народного представительства, определяемой избирательной системой, Советы значительно превосходят самые демократичные парламенты буржуазного государства. Задача состоит в том, чтобы использовать это важнейшее преимущество социалистических органов. При этом речь идет прежде всего о качественном, принципиальном улучшении деятельности представительных органов власти, о превращении Советов в те «работающие корпорации», о которых говорили Маркс и Ленин.

...В свое время Жан-Жак Руссо полагал, что народовластие может быть осуществлено в его идеальном виде лишь в условиях карликовых государств, где народ решает все дела, собравшись на общий сход. Это была наивная утопия, порожденная недоверием (впрочем, вполне естественным для XVIII века) ко всякого рода представительным учреждениям. Дальнейшее развитие производства и международных отношений в принципе перечеркнуло идею обособленных друг от друга карликовых государств.

Однако, вопреки мнению Руссо, демократия и народовластие отнюдь не оказались беззащитными перед лицом этих объективных процессов. Уже «капиталистическая культура,— отмечал В. И. Ленин,— создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а на этой базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям...»¹² С тех же пор материальные возможности практического осуществления демократии возросли еще больше. Теперь и в условиях гигантских госу-

строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 380).

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 44.

дарств, благодаря телевидению, радио, современному транспорту и т. д., вполне возможно в самые короткие сроки собрать и распространить любую информацию, созвать любое заседание, обеспечить наблюдение за его работой для миллионов масс людей и т. д.

Вместе с тем в критике Руссо представительной системы власти скрывался большой смысл. Для осуществления подлинного народовластия эта система оказывается явно недостаточной: даже в самом развитии своем виде она не дает возможности обеспечить *поголовное* участие граждан в управлении делами общества.

Учитывая это, социализм ставит вопрос не только об использовании представительной демократии, но и о создании целого ряда принципиально новых форм вовлечения народа в управление, в частности о соединении выгод парламентаризма «с выгодами непосредственной и прямой демократии...»¹³

В современных условиях, имея в виду развитие прямого участия общественности в законодательной и исполнительной деятельности, можно говорить по крайней мере о трех основных направлениях осуществления этого процесса.

Прежде всего, это — *участие масс в обсуждениях и решении вопросов*, выдвигаемых государственными, хозяйственными и партийными органами как в масштабе всей страны, так и в местном масштабе. Во-вторых, это — *повышение роли общественных организаций*: профсоюзов, комсомола, кооперации и других, являющихся эффективными органами формирования и выражения общественного мнения масс. В-третьих, это — *появление разного рода органов народной самодеятельности*, нередко являющихся «общественными двойниками» соответствующих государственных органов и учреждений. Разумеется, говорить сейчас о широком распространении и большой эффективности последней формы прямой демократии пока еще преждевременно. Однако принципиальное значение ее не может быть переоценено. Именно здесь общественное мнение масс находит свое наиболее адекватное и наиболее действенное (не только в слове, но и в деле!) выражение. Именно непосредственная демократия полнее всего отражает то ленинское положение, что при социализме «впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимется до самостоятельного участия не

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 305.

только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении»¹⁴.

Наконец, наряду с представительной системой и системой непосредственной демократии в условиях социализма огромную роль играют и многие другие, старые и новые, формы и каналы, посредством которых осуществляется практическое выражение настроений и воли народа. В первую очередь, это — *общие собрания, митинги, манифестации трудящихся, обсуждение вопросов в микрогруппах* и конечно же *средства массовой коммуникации*. Значение последних особенно велико, и не только теоретически, но и практически: сотни тысяч людей используют советскую прессу, радио и телевидение в качестве важнейшего канала для выражения своего мнения, обращаясь туда со своими письмами и материалами.

Условия функционирования

Нормальное функционирование общественного мнения предполагает наличие не только соответствующих каналов для его выражения, но и целого ряда определенных благоприятных условий.

Речь идет прежде всего о некоторых *всеобщих условиях* жизни общества, лежащих в сфере экономики и политики и обнимаемых понятиями «цивилизация», «демократия», «уровень развития производительных сил» и др., или, более конкретно, понятиями «свобода слова», «свобода печати», «право на создание массовых организаций» и др.

Важнейшую роль в качестве предпосылки для нормального функционирования общественного мнения играют и некоторые экономические факторы, например такие, как *фонд свободного времени*, которым располагают те или иные социальные группы: ведь при прочих равных обстоятельствах (уровень культуры, образования, возраст людей, положение группы в системе социальной жизни и т. д.) существует прямая зависимость между величиной свободного времени, имеющегося у человека, и степенью активности, с которой человек принимает участие в общественной жизни, в частности в управлении делами своей организации, предприятия, района¹⁵. «Социализм,— писал в этой связи В. И. Ленин,— сократит рабочий день, поднимет массы к новой жизни, поставит большинство населения в условия, позволяющие

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 116.

¹⁵ Эта зависимость была эмпирически выявлена нами в VIII опросе, посвященном проблемам свободного времени. В том числе недо-

всем без изъятия выполнять «государственные функции»...»¹⁶

Однако нетрудно убедиться, что одних только этих всеобщих предпосылок (несмотря на всю их важность и изначальный характер) недостаточно. Для того, чтобы люди высказывали мнение, чтобы они участвовали в решении общественных вопросов, одной свободы слова мало, как мало и одного наличия свободного времени. Необходимо еще, чтобы само это мнение было, то есть чтобы у людей действительно складывались те или иные точки зрения по различным проблемам социальной действительности. А это упирается уже в наличие некоторых *специфических условий* жизни общества, связанных, в первую очередь, с превращением сложнейших связей и зависимостей социального организма в доступные для понимания каждого.

О главном из этих условий — коренном изменении структуры собственности и механизма управления социальными процессами, предполагаемом коммунизмом, — мы уже говорили. О других — таких, как уровень грамотности и сознательности народа, степень объективности и полноты существующей в обществе информации и т. д., мы еще будем подробно говорить ниже, при рассмотрении вопроса об объекте общественного мнения, а также проблем его компетентности и выражения. Сейчас же мы остановимся на этом лишь в самом общем виде.

Суть всех вопросов состоит в том, что коммунизм как социальный строй является первым в истории обществом, которое в принципе заинтересовано в *максимальной сознательности* всех своих членов и всячески стремится к тому, чтобы были сорваны покровы таинственности со всех происходящих в обществе процессов. Выражая эту закономерность коммунизма, В. И. Ленин писал: «По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹⁷.

Для осуществления этой задачи — превращения всех членов общества в сознательных участников исторического процесса — существуют многие средства: решение проблемы

статком последнего объяснялась меньшая общественная активность женщин в сравнении с мужчинами, домохозяйек в сравнении с рабочими и т. д.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 117.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.

всеобщего образования; широкая постановка дела просвещения народа и, в частности, организации научной, технической, политической и хозяйственной информации, обеспечиваемой средствами массовой печати, книгоиздательства, налаженной статистики и др.¹⁸ Первостепенное значение имеет здесь и сам характер управления социальной жизнью, предполагающий гласность и широкое участие в нем масс, а также политика государственных органов, направленная на привлечение к «тайнам» руководства страной миллионов трудящихся, и т. д.

Имея в виду, в частности, такое условие функционирования общественного мнения, как *гласность*, В. И. Ленин отмечал, что «буржуазная республика обеспечивает ее только формально, на деле подчиняя прессу капиталу, забавляя «чернь» пикантными политическими пустяками, скрывая то, что происходит в мастерских, в торговых сделках, в поставках и пр., покровом «коммерческой тайны», ограждающей «священную собственность». Советская власть отменила коммерческую тайну, вступила на новый путь...»¹⁹ И еще: «Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов,— мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать,— чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения, чтобы выдающиеся коммуны вознаграждались немедленно...»²⁰

Гарантии действенности

Наконец, к числу проблем, связанных с функционированием общественного мнения в том или ином обществе, относятся вопросы, касающиеся ответственности общественного мнения, степени его фактического влияния на социальную жизнь. Из истории известно — особенно из новейшей истории некоторых развитых капиталистических государств,— что общественное мнение может (хотя бы в силу существующих в

¹⁸ Имея в виду эту сторону дела, В. И. Ленин писал: «Надо систематически взяться за то, чтобы... велась работа создания такой прессы, которая бы не забавляла и не дурачила массы политическими пикантностями и пустяками, а именно вопросы повседневной экономики несла на суд массы, помогала серьезно изучать их» (Полн. собр. соч., т. 36, стр. 191).

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 190—191.

²⁰ Там же, стр. 192.

стране демократических традиций) иметь необходимые условия для нормального функционирования, широко развитые формы и институты для своего выражения и — тем не менее! — оставаться все же довольно пассивным субъектом исторического развития — играть неблагодарную роль советчика, чьи советы вызывают лишь досаду, поскольку в них никто не нуждается. Поэтому при оценке того или иного общественного мнения всегда необходимо определить, обладает ли оно (и в какой мере) *реальными возможностями* для проведения своих рекомендаций в жизнь, наделено ли оно соответствующими «директивными» правами и полномочиями и т. д.²¹

Применительно к общественному мнению, рассматриваемому с точки зрения его *воздействия на отдельную личность*, мера такой власти зависит от силы традиций, существующих в обществе, от прочности связей между индивидами в рамках той или иной общественной группы, от силы авторитета руководителей группы и т. д. и т. п.

Что же касается общественного мнения, рассматриваемого с точки зрения его *воздействия на разного рода социальные, в частности государственные, институты*, то ответ на поставленный выше вопрос определяется в каждом конкретном случае существующим в данном обществе реальным отношением между общественным мнением, вернее, его носителем — обществом, общественностью, с одной стороны, и социальной группой, осуществляющей руководство обществом, — с другой. Известно, что власть может иметь узкокастовый характер (олигархические, военно-авторитарные формы правления). Тогда налицо будет предельная форма несовпадения, противоречия между мнением (волей) подавляющего большинства членов общества и мнением (волей) государственной власти. Напротив, таких противоречий не будет, если власть в стране осуществляют широкие, массовые секторы общества.

Специфическое отличие коммунизма как общественного строя заключается в том, что он открывает ту полосу исторического развития, когда субъект общественного мнения и субъект, осуществляющий власть, должны совпадать в од-

²¹ В качестве исторического анекдота здесь можно сослаться на роль общественного мнения во времена легендарного Ромула. Тогда все практическое преимущество членов совета патрициев, олицетворявших общественное мнение, заключалось единственно в том, что они имели право *первыми узнать*, что решил царь.

ном лице — в лице народа. Конечно, идеальная схема такого совпадения может быть реализована лишь на высшей стадии развития коммунистического общества: для этого требуется в высшей степени усовершенствованный механизм практического народовластия, исключительно высокий уровень культуры буквально всех членов общества и целый ряд других условий, создание которых при социализме, в силу исторической ограниченности данной социальной фазы, просто невозможно. Однако, с другой стороны, уже при социализме общественное мнение из факта политики становится ее важнейшим фактором.

Это верно прежде всего в узком смысле слова — в плане рассмотрения, так сказать, конституированных, узаконенных форм (элементов) *реальной власти*, которой наделена общественность. Некоторые из этих форм призываются к жизни от случая к случаю, как, например, всеобщие выборы, референдумы и пр. Другие рассчитаны на повседневное функционирование общественного мнения.

В простейшем элементарнейшем виде последние присутствуют, например, в процессе функционирования общественных организаций или органов народной самостоятельности. Здесь, в случае, скажем, работы постоянно действующего производственного совещания, товарищеского суда или родительского комитета при школе, общественность не просто высказывается «по поводу», с тем чтобы руководящие органы приняли к сведению ее высказывание, но *принимает решения*, совершенно обязательные для исполнения. Причем в роли исполнителя этих решений может выступать как сама общественность (например, постановления колхозного собрания проводятся в жизнь всеми членами коллективного хозяйства), так и разного рода государственные учреждения и институты (например, решения постоянно действующего производственного совещания или товарищеского суда являются обязательными для дирекции завода, а постановления родительского комитета — для администрации школы).

С помощью соответствующих политических и организационных мер и гарантий осуществляется и влияние общественности и ее мнения на деятельность представительных органов власти. В первую очередь это — непосредственное участие народных масс в практической работе Советов. Не меньшее значение имеет и фактор контроля масс за деятельностью депутатов, прежде всего практика отчетности

Советов и депутатов перед избирателями, а также использование массами права отзыва депутата, о котором В. И. Ленин говорил: «Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных»²². То же нужно сказать о контроле масс и за деятельностью исполнительных органов власти — государственного и хозяйственного аппарата²³. Во всех этих случаях речь идет о мнении масс, выражаемом не в форме простого пожелания, но в форме решения, имеющего директивную силу.

О гарантиях действительности общественного мнения в условиях СССР можно говорить и в более широком смысле — в смысле *общей весомости* этого мнения в жизни общества. Если исходить из «идеальной модели», позиция, занимаемая по тому или иному вопросу широкой общественностью, должна являться предметом пристального внимания и изучения со стороны соответствующих руководящих органов и учреждений и оказывать весьма эффективное влияние на их деятельность. Причем, в соответствии с провозглашенными нормами и требованиями, подобной действенностью должны отличаться любые формы выражения общественного мнения.

Может быть, наиболее ярким образом это проявляется сегодня в практике работы нашей прессы. Как известно, помещаемые в ней критические материалы в массе случаев находят довольно оперативный отклик — по ним принимаются разного рода меры, необходимые для устранения отмеченных недостатков²⁴. И речь должна идти не только о критических выступлениях. Довольно часты случаи, когда весьма действенными бывают и разного рода положительные материалы, например рассказывающие о передовом опыте, открывающие страницы героической истории и т. д.²⁵

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 106.

²³ В. И. Ленин писал: «Необходимо, чтобы широкие беспартийные массы проверяли все государственные дела...» (Полн. собр. соч., т. 40, стр. 128).

²⁴ Отчеты об этих мерах публикуются под постоянными рубриками газет: «По следам наших выступлений», «После того, как выступили «Известия»», «Сигналы услышаны» и др.

²⁵ Здесь можно сослаться, в частности, на практику представления к правительственным наградам людей, о которых рассказала печатать.

Реальный вес советского общественного мнения в государственной жизни измеряется и опытом (правда, на этот счет пока весьма скромным) работы Института общественного мнения «Комсомольской правды». Например, во II опросе Институт обратился к ряду руководителей государства с просьбой прокомментировать результаты опроса, высказать свое отношение к предложениям людей и встретил с их стороны самый серьезный прием²⁶.

Такое же отношение государственных учреждений к мнению масс было продемонстрировано и в X опросе Института, посвященном проблемам усовершенствования некоторых предметов современного быта (телевизоров, радиоприемников, проигрывателей и магнитофонов). Этот опрос проводился по прямому заказу одного из таких учреждений — Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ СССР; в обращении к участникам опроса заказчик писал: «Ваши ответы будут использованы художниками-конструкторами и инженерами при проектировании новых телевизоров, радиоприемников и другой радиоаппаратуры. Мы заинтересованы, чтобы читатели²⁷ не ограничились только краткими ответами на вопросы анкеты, но и поделились своими мыслями, интересными предложениями и, может, даже представили свои схемы, чертежи. Все присланные ответы будут внимательно изучены специалистами, ценные предложения реализованы»²⁸.

Подобное внимание к общественному мнению порождает в массах *представление о действительной силе* высказываемых ими суждений. И с этим обстоятельством оказывается связан целый ряд особенностей функционирования общественного мнения в нашей стране. В частности, бесспорно, в том числе и им нужно объяснять ту высокую ак-

²⁶ В частном виде это отношение к высказываниям общественности было выражено одним из руководителей Министерства торговли: «Мнения трудящихся всегда являлись для нас предметом внимательного рассмотрения. Ведь торговля, как никакая другая область, тесно соприкасается с насущными потребностями людей. Поэтому мы серьезно изучили пожелания советских граждан, опрошенных Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» (Б. Грушин, В. Чижин. Во имя счастья человеческого, стр. 91).

²⁷ Имеются в виду читатели «Комсомольской правды»; опрос проводился через газету.

²⁸ «Комсомольская правда», 26 июня 1964 г.

тивность, с которой люди стремятся выразить свое отношение к тому или иному вопросу.

Эта активность проявляется во многих фактах. Прежде всего — в отношении населения к разного рода опросам. О гигантских цифрах, касающихся всенародных обсуждений проектов законов, уже не раз писалось. Довольно большим бывает и число добровольных участников опросов, проводимых Институтом общественного мнения путем публикации анкеты на страницах «Комсомольской правды». Напомним, что в III опросе приняло участие в целом около 21 тыс. человек, в V — свыше 12 тыс., в VIII — свыше 10 тыс., в IX — около 6,5 тыс., в X — свыше 14 тыс. человек. Эти цифры значительно превосходят данные, характерные для аналогичных опросов, проводимых в западной прессе.

Прямое отношение к рассматриваемому явлению имеет и обычно ничтожное в практике работы Института число случаев, когда люди отказываются отвечать на предлагаемую анкетером анкету. В I опросе это число равнялось практически нулю; во II — не превысило 30 (на 1500 анкет); во всех остальных опросах такие потери также вполне укладывались в рамки статистически допустимых.

Отмечаемая активность населения проявляется также в том, что каждый опрос Института, независимо от способа его проведения, как правило, находит широкий отклик в массах, выходящий далеко за рамки собственно опроса, выливающийся в формы, непосредственно не связанные с участием людей в самом опросе (хотя в зависимости от темы опроса интенсивность такого отклика может колебаться довольно значительно)²⁹.

Наконец, весьма показательным в рассматриваемом смысле является и сам характер ответов людей на вопросы Института общественного мнения; мы имеем в виду прежде всего те вопросы, которые рассчитаны не на простое отрицание или утверждение, а на выявление разного рода конструктивных предложений, советов и т. д. Известно, что подобные вопросы представляют большую сложность для опрашиваемых, так как они предполагают помимо известной

²⁹ Ярким примером этого может служить отношение читателей газеты к III опросу — о молодежи. Уже в первый день публикации анкеты в Институт общественного мнения посыпались телефонные звонки; анкета стала предметом обсуждения многих собраний, диспутов, конференций и т. д. (см. Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения, стр. 11—12).

аналитической способности еще и сознание ответственности за свои слова, что всегда связано с определенными психологическими трудностями. И тем не менее большинство опрашиваемых, как правило, преодолевает эту сложность и выносит на общий суд развернутые предложения по обсуждаемым проблемам ³⁰.

Видимо, существует какая-то связь и между рассматриваемым явлением и довольно низким количеством неопределенных ответов (типа «Не знаю», «Не думал об этом»), характерным для наших опросов. Во всяком случае, эти цифры у нас, как правило, значительно ниже тех, которые встречаются в опросах, проводимых на Западе.

Разумеется, многое зависит тут от степени сложности вопроса или от степени компетентности опрашиваемых. Но, кажется, при прочих равных обстоятельствах, суть дела заключается не столько в более высокой степени грамотности ансамбля (что к тому же всегда условно, поскольку опрос может проводиться в различной культурной среде), сколько в большей, если так можно выразиться, социальной грамотности населения, которая обусловлена существующей традицией в отношении: общественное мнение — возможность его учета и реализации. Зная, что их мнение может сыграть роль в решении практических вопросов общественной жизни, люди, естественно, гораздо охотнее высказывают это мнение, нежели если бы к их точке зрения относились заведомо незаинтересованно, равнодушно.

10. ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Итак, мы говорили о роли, которую играет в жизни общества общественное мнение. Теперь необходимо систематизировать наши представления о функциональном назначении этого института.

Иногда исследователи, анализируя функции общественного мнения, различают их по «сферам приложения», то есть по тем областям социальной жизни, в которых общественное мнение действует. Тогда говорят об *особой роли общественного мнения в области внешней политики* (напри-

³⁰ Например, во II опросе 1399 человек внесли 1340 предложений по вопросу о конкретных путях повышения материального благосостояния в стране, а в V опросе (например, при ответе на вопрос: «Какие меры по укреплению молодой семьи Вы можете предложить?») активность опрашиваемых была еще выше.

мер, в рамках движения сторонников мира, выступлений общественности против тех или иных акций международной реакции, мощных кампаний в защиту демократов и т. д. и т. п.); об особой роли общественного мнения в области экономики, производства (примерами тут обычно являются обсуждения трудящимися проектов государственных законов, деятельность постоянных производственных совещаний на предприятиях, «стихийные» дискуссии в печати и т. д.); об особой его роли в той или иной сфере общественного сознания (а в главе 1-й мы отмечали, что общественное мнение действует практически в рамках всех форм общественного сознания — в науке и морали, искусстве и праве) и т. д.

Однако такой подход кажется неправильным по существу и крайне малопродуктивным с точки зрения практического овладения феноменом общественного мнения. Конечно, существует известная специфика в том, как общественное мнение действует, скажем, в сфере нравственности и в сфере производства. Однако вместе с тем в обеих этих сферах общественное мнение принципиально может выполнять и одни и те же функции, играть одну и ту же роль (к примеру, регулятора общественных отношений). Значит, действительные границы рассматриваемой классификации лежат в иной плоскости, не совпадающей с границами тех или иных областей общественной жизни.

Как кажется, применительно к функциональным характеристикам общественного мнения необходимо говорить о *нескольких fundamentum divisionis* и различать эти функции в зависимости от: 1) характера взаимодействия мнения и тех или иных социальных институтов или отдельных лиц, в первую очередь, характера влияния, воздействия первого на вторых; 2) содержания высказываемого мнения и 3) его формы.

Ниже мы еще будем иметь возможность подробно говорить о различных сторонах функционирования общественного мнения. Сейчас же дадим лишь самую общую характеристику его функций.

**Воздействие
мнения
на социальные
институты**

Если иметь в виду первое основание деления, то тут можно вести речь о таких функциях общественного мнения:

- а) экспрессивной (в более узком смысле — контрольной),
- б) консультативной и
- в) директивной.

а) **Экспрессивная функция.** Первая из них является, пожалуй, самой широкой по своему значению. Смысл ее состоит в том, что общественное мнение, независимо от того, в каких условиях ему приходится действовать, *всегда занимает определенную позицию по отношению к тем или иным фактам и событиям жизни общества и, в частности, по отношению к действиям государства в лице его различных институтов.* Эта специфическая особенность придает общественному мнению характер силы, стоящей над институтами власти, оценивающей и контролирующей деятельность этих институтов; напротив, последние, независимо от меры реальной власти, которой они располагают, самым объективным содержанием деятельности общественного мнения ставятся в положение контролируемых.

Это положение контролера, хотя бы потенциального (а правительства и политики очень часто действуют с оглядкой на общественность), общественное мнение сохраняет за собой всегда — и в тех случаях, когда вроде бы отсутствует необходимый объективный механизм, обеспечивающий эффект подобной экспрессии (такова, в сущности, вся практика деятельности мирового общественного мнения, которое не располагает никакой иной властью, кроме моральной, но оказывается все же нередко весьма эффективным по своим результатам), и тогда, когда общественность поставлена в крайне неблагоприятные политические условия.

Наибольшего развития эта экспрессивно-контрольная функция общественного мнения достигает тогда, когда она обеспечивается разнообразными формами контроля и участия трудящихся в управлении социальными процессами. Поэтому применительно к социалистическому обществу об этой функции общественности можно говорить уже не только в широком, но и в узком смысле слова — в смысле наличия *организованного* контроля масс за деятельностью разного рода социальных институтов.

б) **Консультативная функция.** Еще более специфической для социализма является консультативная функция общественного мнения. Ее смысл заключается в том, что общественное мнение *дает совет* относительно способов разрешения тех или иных социальных (политических, экономических и др.) проблем; причем, поскольку такой совет дается институтам власти, предполагается, что последние нуждаются в совете или хотя бы заинтересованы в его получении.

На первый взгляд может показаться, что в смысле фактического воздействия на политику общественность в роли консультанта добивается гораздо меньших результатов, нежели когда она выступает в роли контролера: ведь там речь шла о довольно активном давлении на институт власти, в то время как тут налицо лишь совет, не сопровождаемый сколько-нибудь жесткими, а тем более категорическими требованиями. Однако в действительности имеет место обратное отношение. Высказываемое в форме пожелания, а не требования, мнение-совет, как правило, оказывается очень результативным по своим последствиям, и секрет его успеха в том, что интерес к высказыванию здесь часто исходит уже не только от самой общественности, но и от «другой стороны», которая не просто выслушивает помимо нее складывающееся мнение, но сама задает общественности вопросы, и задает с одной целью — использовать (так или иначе) полученные ответы в своей практической деятельности.

Функцию консультанта общественное мнение осуществляет и в условиях современного капиталистического общества. Однако, как правило, здесь эта его роль весьма эпизодична и касается лишь некоторых, второстепенных сцен социальной жизни, например, связанных с решением коммерческих вопросов, вопросов бытового обслуживания населения и т. п. К тому же эта функция довольно часто претерпевает здесь своеобразную метаморфозу, выступая в совершенно извращенной форме: «руководящая группа» сплошь и рядом взывает к духу общественности не для того, чтобы проводить политику, *соответствующую* мнению масс, а для того, чтобы *корректировать* свое искусство управления массами. В подобных случаях практические результаты оказываются весьма отличными и даже подчас прямо противоположными по своему содержанию тем пожеланиям и советам, которые были высказаны общественности. Понятно поэтому, что говорить об эффективности общественного мнения, о его влиянии на поведение «руководящей группы» тут можно лишь в довольно условном или ироническом смысле слова.

В иных условиях осуществляется консультативная функция общественного мнения при социализме. Здесь возникает и развивается большое число политических и организационных форм, стимулирующих консультативную деятельность общественного мнения, создающих соответствующую

щую обстановку для такой деятельности и обеспечивающих ее эффективность.

в) **Директивная функция.** То же нужно сказать и о директивной функции общественного мнения, смысл которой заключается в том, что общественность *выносит решение* по тем или иным проблемам бытия, имеющее строго *императивный характер*. В определенных, очень узких, границах и масштабах эта функция осуществляется уже в капиталистическом обществе, например в референдумах, на выборах и т. д., при условии, что проведение этих мероприятий не сопровождается такими отклонениями от нормы (например, лишение права на высказывание мнения широких слоев населения, фальсификация результатов голосования и пр.), которые приводят к подмене народного общественного мнения мнением лишь некоторых секторов населения страны. В своем же развитом виде эта функция начинает осуществляться только при социализме.

Здесь происходит прежде всего расширение границ той сферы, где общественность может выступать в роли «диктатора». Как и в случае с консультативной функцией, директивные высказывания общественности касаются теперь практически большинства областей социальной жизни — политики и (что особенно важно) экономики, культуры и правопорядка. Но дело не только в этом. В условиях социализма происходит принципиальное повышение удельного веса рассматриваемой функции в системе всей деятельности общественности: в общей массе высказываний народного мнения императивные высказывания начинают занимать все большее место. И эта тенденция кажется решающей в свете процесса перехода общества к коммунизму с его системой общественного самоуправления.

«...Демократический принцип организации... — писал В. И. Ленин, — это значит, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь»³¹.

**Содержание
высказываний**

- а) оценочная,
- б) аналитическая,

В зависимости от содержания суждений в деятельности общественного мнения могут быть выделены такие функции:

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 156—157.

- в) конструктивная и
- г) регулятивная.

а) *Оценочная функция*. Первая из них — функция *выражения отношения* к тем или иным проблемам или фактам действительности — является и наиболее распространенной. Ее выполняют высказывания, как правило, наименее содержательные из всех, что исходят от общественности. Очень часто за ними не стоит ничего, кроме чисто эмоционального, основанного на случайных, внешних моментах и не подкрепленного никакими рассуждениями отношения человека к оцениваемым фактам. Но и в тех случаях, когда вынесение той или иной оценки предполагает большое число содержательных суждений и когда за простым отрицанием или утверждением скрывается сложный анализ явлений действительности, — и тогда все это содержание и весь этот анализ, как правило, целиком утопают в конечном результате. Последний в случае оценочной деятельности общественного мнения представляет собой чаще всего однообразные вариации одобрения или осуждения, похвалы или негодования, выраженных в таких тощих формулах, как «да», «нет», «скорее да, чем нет» и пр.

Одновременно оценочная функция является и наиболее широкой из всех в содержательном отношении. Практически она присутствует во всех без исключения высказываниях общественности, в том числе в весьма далеких по видимости от каких-либо оценок. Это связано с тем, что отношение людей к действительности может быть выражено не только в виде *прямой* оценки, но и *косвенным* образом. Так, например, в наших I и II опросах не были зафиксированы прямые оценки деятельности правительства в области внешней и внутренней политики. Однако мы получили ясное представление об отношении людей к этой деятельности с помощью вопросов: «Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?», «Что бы Вы могли предложить для быстрого решения проблем материального благосостояния?» и др.

Оценочная функция, рассматриваемая в ее непосредственном виде (прямая оценка), является преобладающей в деятельности общественного мнения всех досоциалистических обществ. Это легко понять, если учесть, что осуществление этой функции не требует сколько-нибудь руководящего положения народных масс в системе социальной жизни, что эта функция вполне совместима с экспрессивно-кон-

трольной ролью общественности и т. д. Вполне понятно и то, что в буржуазной литературе речь идет прежде всего, а иногда и исключительно, об этой оценочной деятельности общественного мнения.

Сила традиции оказывается, однако, столь большой, что всецело к этой стороне дела иногда сводят деятельность общественного мнения и иные советские исследователи³². Между тем подобное определение неверно уже в применении к условиям капитализма. И тем более, если речь заходит о социалистическом обществе, где общественное мнение характеризуется широким развитием функций и форм. Здесь то, что в предшествующих обществах выступало в качестве всеобщего и господствующего, становится частным и подчиненным, то, что проявлялось прежде лишь спорадически, под влиянием исключительных условий, становится закономерным и постоянным.

В частности, это относится и к функциям общественного мнения, выделяемым по признаку содержания. Конечно же, социалистическая общественность сохраняет за собой функцию оценки и выполняет ее весьма часто. Однако суждений типа «за» и «против», вполне пригодных для исполнения роли контролера, оказывается совсем не достаточно, когда речь заходит, скажем, о роли консультанта или «диктатора». Правда, и в этих случаях общественное мнение нередко обходится с помощью оценочных суждений, например когда вся консультация заключается в том, чтобы принять или отвергнуть что-либо, а императивная деятельность сводится к выдаче вотума доверия. Но если общественность дает совет по таким, например, вопросам: «Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?», «Чем объясняются случаи распада молодых семей?» — и т. д. или если она выносит решение, связанное, к примеру, с распределением

³² «В самой общей форме,— писал А. Уледов в одной из своих первых статей,— общественное мнение можно определить как суждение, в котором выражается оценка тех или других явлений общественной жизни и отношение людей к этим явлениям. Специфика суждений, составляющих общественное мнение, состоит в том, что они всегда оценивают факты, события общественной жизни, деятельность тех или иных людей» (А. К. Уледов. Общественное мнение как предмет социологического исследования, стр. 47. Курсив мой.— Б. Г.). Позже А. Уледов исправил данное определение функций общественного мнения (см. его статью «Социализм и общественное мнение», «Вопросы философии», 1960, № 6, стр. 38). Однако при этом он снова впал в преувеличение, заявив, будто «раньше» вся деятельность общественного мнения «сводилась» лишь к функции оценки.

жилплощади или, тем более, с выработкой содержания нового закона, то совершенно ясно, что тут она уже не может обойтись простым «да» или «нет». Тут она начинает выступать совсем в иных ролях.

б), в) Аналитическая и конструктивная функции. Одна из них — роль субъекта, *анализирующего* отношения и факты действительности, другая — роль субъекта, *программирующего* социальные отношения и процессы.

Эти аналитическая и конструктивная функции общественного мнения тесно связаны между собой: вынесение содержательного предложения-решения необходимо требует предварительного изучения рассматриваемого вопроса; с другой стороны, анализ вопроса по существу нередко завершается вынесением конструктивных предложений.

У этих функций также много общих черт. Прежде всего, это сам характер мыслительной деятельности, осуществляемой общественностью. В отличие от вынесения мнения-оценки, для которого, как правило, бывает достаточно знаний, сложившихся исключительно на уровне обыденного сознания (например, почерпнутых из молвы), а нередко и чисто эмоционального отношения человека к данной проблеме, осуществление содержательного анализа или вынесение содержательного решения предполагает уже наличие в большей или меньшей степени элементов теоретического мышления. Теперь вынесение суждения по тому или иному вопросу — уже не акт воли («хочется — не хочется»), а акт более или менее творческого знания, включающего определенное понимание (разумеется, оно может быть более или менее глубоким) реальных отношений и определенную систему аргументов (также более или менее четкую), обосновывающих ту или иную позицию.

Вместе с тем аналитическая и конструктивная функции и не совпадают друг с другом по своему содержанию. Конструктивное мнение, выносимое общественностью в отношении решения того или иного вопроса, является значительно более сложным по своей структуре, поскольку оно включает в себе определенную аналитическую деятельность и сверх того выражает в обобщенном, более или менее проанализированном виде непосредственный опыт масс.

г) Регулятивная функция. Наконец, среди функций общественного мнения, связанных с содержанием его деятельности, следует выделить и так называемую регулятивную функцию. Ее смысл состоит в том, что общественное

мнение вырабатывает (или ассимилирует, заимствуя со стороны — из сферы науки, идеологии, религии и т. д.) и *насаждает определенные нормы общественных отношений*. Как таковая, эта функция может затрагивать и деятельность целых коллективов — государственных институтов и общественных организаций, но главное ее направление — регулирование поведения отдельных лиц, как в плане взаимоотношений между личностью и коллективом, так и в плане взаимоотношений между личностями.

В узком смысле слова это *функция воспитания*. Причем в отличие от рассмотренных выше функций, которые в той или иной мере также с необходимостью заключают в себе момент морального воздействия на людей и организации, регулятивная функция является воспитательной *par excellence*. В ней больше нет никакого иного содержания. Она осуществляется и тогда, когда общественное мнение молчит, когда оно ничего не оценивает, не анализирует и не предлагает. В известном отношении это определенный свод принятых обществом (или данной общественной группой) правил и законов, очень часто неписаных, которые как бы висят в воздухе, определяя поведение индивидуума. Общественность обращается к этому своду лишь с целью внедрения его в сознание людей, причем делает она это и в виде «профилактики» — поучений, пропаганды образцов и т. д., и — особенно эффективно — в виде осуждения и наказания, подвержения моральному ostracismu лиц, которые нарушили этот кодекс. Что же касается формы практического осуществления этой функции, то это может быть и экспрессия, и консультация, и диктат.

Регулятивная функция общественного мнения является одной из самых древнейших. Во всех досоциалистических обществах, в рамках общества в целом и, особенно, в рамках отдельных социальных групп, общественное мнение, независимо от формы его существования и выражения — будь то мнение рабочего коллектива с его специфическим представлением о том, «что такое хорошо и что такое плохо», или народный обычай, уходящий корнями в седую древность и приобретенный поэтому характер незыблемой нормы поведения, или просто ходячее представление, — играет самую серьезную роль в качестве источника и регулятора человеческих поступков.

Вместе с тем в условиях социализма эта функция характеризуется некоторыми новыми моментами.

Прежде всего, здесь вместо множества частных «систем ценностей», отражающих дискретную структуру антагонистического общества, вырабатывается *единая система* морали, которая составляет основу имеющего тенденцию к единству общественного мнения, складывающегося по тем или иным проблемам нравственности. Иными словами, раньше общественное мнение по вопросам морали, как правило, функционировало в границах той или иной группы, в рамках того или иного социального круга, к которому принадлежал человек; причем поскольку эти группы и круги имели зачастую характер цеховой корпорации, постольку общественное мнение целиком замыкалось в их пределах, не распространялось на членов других групп, считалось не обязательным для них. Теперь же, по мере устранения социальных и кастовых перегородок между людьми, вырабатываются единые взгляды, и уже в силу одного только этого обстоятельства общественное мнение приобретает несравненно больший вес. Его суждения становятся *всеобщими*, обязательными для всех без исключения членов общества.

Огромное значение имеет и то, что с социализмом вообще происходит принципиальное *усиление элементов коллективизма* во всех аспектах жизни индивида, разрушение прежнего замкнутого характера так называемой «частной жизни». Человек начинает становиться в полном смысле слова коллективным существом, и естественно, что мнение коллектива, в котором он живет и трудится, приобретает для него решающее значение.

Наконец, третьим дополнительным моментом является то, что при социализме значительно расширяется сфера нравственной жизни и, следовательно, границы той области, где общественное мнение выступает в качестве воспитателя и регулятора человеческих отношений. В эту область начинает входить, в частности, сфера труда. Как указывал В. И. Ленин, в капиталистическом обществе было «неизбежно создание такой психологии, что общественное мнение трудящихся не только не преследовало плохую работу или отлынивание от работы, а, напротив, видело в этом неизбежный и законный протест или способ сопротивления непомерным требованиям эксплуататора»³³. Напротив, при социализме все эти вопросы, касающиеся качества труда,

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 145.

трудовой дисциплины, отношения человека к делу и др., становятся предметом постоянной заботы общественности.

**Форма
высказываний**

Наконец, в зависимости от формы высказывания общественное мнение может выступать в двух функциях:

- а) позитивной и
- б) негативной.

а), б) Позитивная и негативная функции. В первом случае общественное мнение играет роль субъекта, так или иначе программирующего социальные процессы, во втором — роль субъекта, выступающего с негативным заявлением и не предлагающего взамен никакой своей программы.

Отчетливее всего разницу между этими функциями можно видеть на примере консультативной или директивной деятельности общественного мнения. Но это относится и к деятельности общественного мнения вообще. Выражая свое отношение к чему-либо, подавая совет или вынося категорическое решение, оценивая, анализируя что-либо или регулируя отношения между людьми, общественное мнение в конечном счете всегда прибегает к двум формам своего выражения: к поощрению, поддержке, утверждению или к осуждению, отказу в поддержке, отрицанию. Например, имея в виду воспитательную роль общественного мнения, В. И. Ленин подчеркивал, что оно может, с одной стороны, популяризировать и *рекламировать* лучший опыт, воспитывать массы «на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни»³⁴, а с другой — выносить «на общий суд неаккуратных, отсталых, неумелых работников данного предприятия, или учреждения, или отрасли хозяйства и т. п.»³⁵

11. ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Неоспоримым фактом социально-политической действительности в СССР, фактом, наблюдаемым ныне невооруженным глазом, является постоянное и все более возрастающее повышение роли общественного мнения в жизни общества. В основе этого явления лежат различные социальные про-

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 91.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 112.

цессы. И в первую очередь — процесс качественного изменения социальной структуры нашего общества.

Выше мы отмечали, что во всех антагонистических формациях резко различаются, с одной стороны, интересы (общественное мнение) господствующих сил — различных классов, слоев и групп населения, стремящихся к сохранению своего господства, и с другой — интересы (общественное мнение) в широком смысле слова оппозиции — различных классов, слоев и групп, прежде всего трудящихся классов, стремящихся к низвержению господствующих сил. В противоположность этому, говорили мы, развитое социалистическое общество является несравненно более однородным по своей структуре, в нем нет антагонистических классов или групп с антагонистическими интересами. Вместе с тем и здесь сохраняется различие в положении отдельных классов, слоев и групп общества, а следовательно, и в их интересах и стремлениях. Иными словами, социальная структура социалистического общества также отличается большей или меньшей дифференциацией.

В то же время эта дифференциация — понятие историческое. По мере развития общества ее величина постепенно идет на убыль. И именно в этом движении кроется ключ и внутренняя пружина процесса возрастания роли общественного мнения в жизни общества. Общественное мнение коммунистического общества будет совпадать с волей всего общества в целом и потому станет единственным полноправным регулятором его (то есть своей!) жизни.

Разумеется — и это необходимо самым решительным образом подчеркнуть здесь, — процесс окончательного стирания социальных различий между классами, слоями и группами общества еще далек от своего завершения; в сущности, если говорить строго, в нашем обществе он только еще начался. Дифференциация групп, связанная с социальным положением людей, с уровнем их образования, с условиями их труда и жизни и т. д., долго еще будет существовать и долго еще будет необходимым образом сказываться на структуре общественного мнения. Поэтому сегодня было бы правильнее говорить лишь о *тенденциях* в рассматриваемом вопросе. Но с принципиальной точки зрения процесс уже начался, идет, и его невозможно недооценивать.

Еще более актуальный характер имеет другая объективная основа возрастания роли общественного мнения — процесс преобразования политической, экономической и тому

подобной организации общества, обусловленный отмеченными изменениями в его социальной структуре. Этот процесс находит свое выражение в массе явлений: в совершенствовании государственного аппарата, в изменении общего удельного веса и функций государственных и общественных органов и т. д.; он захватывает не только сферу политики, но и сферу производства, идеологии, культуры, в результате чего рабочие, например, все более начинают выполнять функции не только непосредственного производителя, но и контролера за мерой и качеством труда, «думающего человека», работающего над совершенствованием производственного и технологического процесса, «управляющего», решающего вопросы нормирования, оплаты труда, распределения некоторых фондов предприятия, вопросы быта и отдыха работников и т. д.

Наконец, возрастание роли общественного мнения теснейшим образом связано и с тем, что в ходе социального развития *меняется* не только содержательная сторона механизма общественного управления, но и *формы и методы этого управления.*

Подобные изменения сопровождаются созданием благоприятных *условий* для всестороннего функционирования общественности. С одной стороны, идет процесс демократизации всей общественной жизни, в частности появляется масса новых форм и институтов, которые, так сказать, материально и организационно обеспечивают возросшую роль общественного мнения, представляя собой дополнительные источники и каналы его формирования, выражения и воплощения в жизнь. С другой — постоянно растет уровень сознательности и грамотности народа, раздвигающий границы высказываний общественности, повышающий степень их компетентности и т. д. Впрочем, о первой стороне дела мы уже говорили выше, что же касается второй, то мы рассмотрим ее в следующей главе.

• Глава 3 •

ОБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Говорить об объекте общественного мнения, разумеется, не значит перечислять все конкретные темы, по которым высказывалась или вообще полагает возможным высказываться общественность. Такое перечисление грозило бы обернуться дурной бесконечностью, даже в рамках одного какого-либо общества, даже в границах небольшого отрезка времени и тем более в широком историческом плане. Пестрый калейдоскоп событий, явлений и фактов, отмечающий процесс социального развития, порождает соответствующий калейдоскоп и в сфере человеческих суждений. В результате общественное мнение по своему содержанию оказывается едва ли не столь же многообразным и сложным, как сама жизнь.

Взятое с точки зрения основных сфер социальной действительности или несколько уже, с точки зрения существующих форм общественного сознания, общественное мнение, как уже отмечалось, является поистине «всеядным», действующим всюду. Ему, хотя и в разной мере, «подвластны» и материальный производственный процесс и сублимированные идеологические построения, и поведение гения и деятельность миллионных масс. Анализировать его содержание в этом плане означало бы, в сущности, анализировать содержание каждой из указанных сфер жизни общества.

Поэтому разговор об объекте общественного мнения должен вестись с иных позиций. Как кажется, в первую очередь он должен коснуться двух проблем:

1) анализа *общей способности суждения* общественного мнения с точки зрения специфики отражения в нем действительности и

2) выделения *некоторых критериев*, прежде всего *формальных*, в силу которых то или иное явление — независимо

от его конкретного содержания (безразлично, будет ли это факт политики или искусства, науки или религии) — актуально становится объектом общественного мнения.

Очевидно, в первом случае анализ явится ответом на вопрос: «Способно (правомочно) ли общественное мнение судить «обо всем на свете» или объект его высказываний ограничен?»; во втором — «Какими признаками должен отличаться объект, суждение о котором может выступать в качестве общественного мнения?»

12. МНЕНИЕ О БЫТИИ И МНЕНИЕ О СОЗНАНИИ. «Порог доступности»

Имея в виду первую сторону дела, необходимо прежде всего напомнить, что объектом общественного мнения могут быть как факты и явления *объективной* действительности, общественного бытия — экономические процессы, условия материальной жизни, деятельность людей и пр.; так и факты и явления *субъективной* действительности, общественного сознания — нравственные представления, социально-психологические процессы, различные системы ценностей и пр.

С точки зрения самой рассуждающей общественности, между этими двумя типами объектов нет сколько-нибудь существенной разницы: общественное мнение имеет равную возможность и проявляет равное стремление судить и о тех, и о других. Однако, с точки зрения исследователя-социолога, подобное различие начинает играть первостепенную роль, как только речь заходит о характере отражения во мнении объективной или субъективной действительности, об оценке значимости мнения в качестве непосредственного (прямого) измерителя мира, об оценке степени его точности, возможности практической реализации и т. д. В частности, именно это различие подводит исследователя к принципиальному выводу об определенной *объективной ограниченности* в высказываниях общественного мнения.

Эта ограниченность касается прежде всего *познавательной способности* общественного мнения. Дело в том, что в «составе» общественного бытия (как, впрочем, и общественного сознания, но в сфере бытия это можно наблюдать рельефнее) обнаруживаются элементы (факты, явления и т. д.), так сказать, «познаваемые» и «непознаваемые» общественным мнением, или, иначе, обладающие *неодинаковой способ-*

ностью к прямому отражению в общественном мнении, заключающие в себе различную, большую или меньшую, возможность быть измеренными этим мнением. Если бы эти элементы можно было представить в виде неких активных сил, которые *сами* предлагают себя в качестве предмета для высказываний общественности, *сами* целиком определяют, высказываются о них или нет, можно было бы сказать: далеко не все из них стали бы объектом рассмотрения общественного мнения.

К сожалению, такой способ выражения неприемлем, поскольку в действительности имеет место обратное отношение: объекты для суждений выбираются общественным мнением (как и отдельными людьми), и оно при этом обычно ничуть не считается, по зубам ли ему орешек. Однако подобное самомнение общественности, позволяющей себе судить «обо всем на свете», не меняет сути дела: по своему объективному положению относительно общественного мнения различные элементы мира действительно являются *неоднородными*: в границах прямого отражения они в различной степени оказываются «совместимыми» («несовместимыми») с высказываниями общественности. Следовательно, с объективной точки зрения они в разной мере могут выступать и в качестве объекта общественного мнения.

Названное обстоятельство непременно должно учитываться теми, кто инспирирует или изучает высказывания общественности по тому или иному вопросу. Однако это случается далеко не всегда. Нередко социологи сплошь и рядом подсовывают общественному мнению такие проблемы, которые лежат по отношению к нему, так сказать, за «*порогом доступности*». Вспомним хотя бы иллюстрацию из параграфа 4, касающуюся определения классовой структуры современного буржуазного общества. Предлагая это явление в качестве объекта для высказывания общественности, социологи ставят задачу: по картине мнения о дачной объективной реальности получить представление о самой этой реальности. Однако уже сама постановка такой задачи в корне неправомерна. Подобный объект не поддается прямому измерению посредством мнений, и естественно, что его отражение в общественном мнении получается (и, по определению, не может получиться иным!) грубо ошибочным, превратным.

Критикуя подобное ненаучное обращение с общественным мнением, некоторые исследователи, в том числе совет-

ские, сделали отсюда самый неожиданный вывод — поставили под сомнение полезность всякого, любого исследования общественного мнения с целью прямого измерения бытия. Это вынудило другую часть исследователей защищать данную область социологической науки, обосновывать ее правомерность, равно как и правомерность используемых в ней методов анкетирования¹.

В сущности, позитивное содержание этой дискуссии, не всегда, кстати, осознаваемое ее участниками и часто затемняемое неуместной или даже ошибочной терминологией, заключалось в констатации: способность суждения общественного мнения является ограниченной. Действительная проблема, однако, как и дальнейший шаг в ее анализе, заключается в том, чтобы охарактеризовать границы этой способности, чтобы определить, в каких именно случаях общественное мнение в состоянии непосредственно отражать (измерять) общественное бытие и сознание, а в каких — нет.

Ниже мы будем говорить о проблеме компетентности общественного мнения, имеющей прямое отношение к поставленному вопросу. Но вместе с тем дело не сводится лишь к этому. Больше того, упомянутый «порог доступности» определяется не столько субъективным фактором — количеством знаний, которыми располагают люди, степенью их осведомленности о предмете и т. д., сколько объективным фактором — *объективной сущностью самих явлений действитель-*

¹ Такая защита «правого дела» (а в сущности, люди ломались тут в открытую дверь) велась в нашей литературе еще три года назад: «Буржуазная социология абсолютизирует метод анкет и опросов. И объясняется это тем, что ее интересует, как известно, не столько объективное положение вещей, сколько мнение отдельных людей об этих вещах. А мнение людям навязывается через самые различные каналы идеологического воздействия, в том числе и через организацию анкетных и устных опросов. В руках буржуазных социологов анкеты и опросы сплошь и рядом служат средством извращения объективной действительности. Но было бы неправильно вводить в другую крайность и отрицать значение анкет и опросов. Опыт показывает, что анкетный опрос, опирающийся на материалистическую методологию, позволяет собрать массу конкретного материала, необходимого для научного анализа. О правомерности использования этого метода свидетельствует, в частности, опыт Института общественного мнения «Комсомольской правды». Проведенные этим институтом опросы дали богатый и ценный фактический материал. Об этом же говорят и опросы, осуществляемые научными коллективами Свердловска и Ленинграда» (А. Уледов, Г. Щербаков. Об опыте конкретного социального исследования. «Коммунист», 1962, № 8, стр. 76).

ности и обусловленным ею объективным же механизмом отражения этих явлений в массовом сознании. В частности, именно механизмом отражения, социальным и гносеологическим, и прежде всего тем обстоятельством, что общественное мнение всегда формируется на уровне не только науки, но и обыденного сознания, объясняется тот факт, что классовая структура антагонистического общества получается запечатленной в сознании масс неизбежно в искаженном виде².

При этом, разумеется, ясно, что отношения объективного бытия, подобные классовой структуре общества (как и самые сложные отношения общественного сознания), в принципе являются вполне познаваемыми и измеримыми. «Несовместимые» с общественным мнением, они отлично «совместимы» с наукой, недоступные, порой даже наглухо закрытые перед первым, они не могут удержать каких-либо тайн перед второй, — просто путь их познания и измерения лежит не через фиксацию туманных образований в головах людей, а через научный анализ объективных фактов и явлений, в которых эти стороны бытия находят свое выражение (во взятом нами примере — через анализ отношений собственности, положения различных групп в системе общественного производства, характера общественного присвоения и т. д.).

Из всего этого вытекает тот вывод, что, когда речь идет об общественном мнении, высказывающемся о явлениях и фактах действительности, и когда задача исследования заключается в прямом измерении этой действительности, объект высказывания общественности с необходимостью должен быть подвергнут *специальному анализу* — «на отражаемость в массовом сознании». Такой анализ должен быть проделан исследователем *post festum*, если стихийно действующее общественное мнение уже выразило свой взгляд на

² М. Мамардашвили, много занимавшийся анализом так называемых превращенных форм сознания, писал по этому поводу: «...сознание агентов капиталистической хозяйственной практики не открывает, а скорее, напротив, затемняет природу тех общественных отношений, носителями которых они являются в действительности. Этим сознанием непосредственно охватываются прежде всего кажущиеся зависимости и превращенные формы реальных отношений, в него вклинивается масса иллюзий, которые люди составляют относительно себя самих и своего положения в обществе» (М. Мамардашвили. К критике экзистенциалистского понимания диалектики. «Вопросы философии», 1963, № 6, стр. 119).

предмет, или до обращения к общественному мнению, если опрос организуется самим социологом. Очевидно, в первом случае с помощью такого анализа можно будет определить действительную познавательную ценность общественного мнения, в другом — получить ответ на вопрос, можно ли вообще обращаться к общественному мнению по данному предмету или нет.

Но все это — лишь в рамках задачи прямого отражения действительности. Если же речь идет о косвенном отражении (измерении), понятие о «пороге доступности» теряет какой-либо смысл и границы объекта общественного мнения расширяются, по сути, беспредельно. Любое ошибочное, искаженное отражение самого «неотражаемого» объекта приобретает значение для понимания тех сторон действительности, которые породили ошибку в сознании масс; любая иллюзия становится интересной, поскольку она позволяет нащупать материальный субстрат, лежащий «за» ней.

13. ОБЪЕКТИВНЫЙ И СУБЪЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ. «ПРИНЦИП ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ»

Об ограниченности суждения общественного мнения по объекту можно говорить не только в плане его общей познавательной способности, кончающейся у «порога доступности». Огромное значение имеет тут и «принцип целесообразности», поскольку далеко не всякое, даже «самое познаваемое» с точки зрения массового сознания, явление имеет смысл познавать (измерять) именно с помощью обращения к *субъективному миру* людей, в частности к общественному мнению.

К этому выводу с наибольшей очевидностью приводит также анализ высказываний общественности, касающихся явлений бытия. Больше того, в отношении этих явлений вообще возникает сомнение: зачем для их познания прибегать к общественному мнению, если они могут быть изучены и, так сказать, непосредственно, сами по себе, с помощью разного рода *объективных методов* эмпирического исследования: наблюдения, сбора фактов, описания, систематизации, статистической и другой обработки и т. п., тем более что отражение этих явлений в массовом сознании имеет сложный характер, сопряжено с многочисленными искажениями, ошибками и т. д.?

Опять же, стихийно действующее общественное мнение может не разделять и, как правило, совершенно не разделяет этого сомнения: оно считает возможным высказываться по всем тем предметам, которые так или иначе затрагивают его интересы, и ничуть при этом не задумывается, существуют ли какие-либо иные, объективные (более точные и надежные) способы измерения объектов или нет. Однако это обстоятельство ни в малой мере не колеблет значения названного принципа: в свете его действия *различные явления действительности объективно также в различной мере могут выступать в качестве объекта общественного мнения*. Последнее может (и должно) использоваться с целью прямого измерения мира лишь тогда, когда это целесообразно.

Выше мы говорили, например, об опросах общественного мнения по поводу классовой структуры буржуазного общества. Подобное занятие было охарактеризовано нами в качестве неправомерного, неправомочного в принципиальном отношении. Однако ясно, что оно не выдерживает критики и с точки зрения практической целесообразности: зачем, спрашивается, обращаться к ненадежным субъективным методам анализа, если можно обойтись с помощью гораздо более точных объективных методов — например, экономического, статистического и тому подобного анализа?

И все же во многих случаях при изучении социальной действительности обращение к субъективному миру людей, в том числе к общественному мнению, является необходимым, «целесообразным». Какие конкретно случаи имеются здесь в виду?

Во-первых, те, когда мир сознания, в частности мнений, является *решающим* (иногда даже единственно возможным) путем познания социальной действительности, то есть когда к последней нельзя поступиться иначе, чем через рассмотрение фактов сознания.

Во-вторых, те, когда анализ действительности с помощью субъективных методов является *более предпочтительным* (удобным, точным, экономным и т. д.), нежели анализ с помощью объективных методов.

Наконец, те, когда субъективный анализ является *необходимым дополнением* объективного анализа, то есть когда с помощью одного последнего нельзя получить целостного представления об изучаемом объекте.

Ниже, в главе 6-й, мы подробно остановимся на рассмотрении первых двух аспектов обращения к общественному

мнению. Сейчас же скажем только о последнем. Именно с этим случаем столкнулись при исследовании отношения человека к труду А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов³. И тем более часто с ним приходилось сталкиваться нам.

Возьмем, к примеру, такую частную задачу из нашего III опроса, как измерение механизма бурного роста образования в современном социалистическом обществе. Объективная величина этого явления (число учащихся в стране, число ежегодно поступающих в вузы и техникумы, количество выпускаемых специалистов и т. д.) известна, она определяется самым точным образом с помощью статистики. Вопрос заключается в том, чтобы понять реальное содержание явления, то есть определить, какими факторами обусловлено столь активное стремление людей к знаниям.

Ясно, что для получения ответа на этот вопрос нужно обратиться прежде всего к разного рода объективным данным, например измеряющим степень популярности различных отраслей науки, техники и производства, характеризующим общественное (в широком смысле слова) положение работников тех или иных специальностей, наконец говорящим о характере и величине изменений в условиях жизни людей с повышением образования и т. д. Однако одного такого объективного анализа будет недостаточно. Он не дает возможности точно измерить действительную сложность предмета и в силу своей односторонности способен даже привести к ошибочным результатам.

Как раз в одну из таких ошибок впали американские специалисты в области образования профессора Хойт Лондон и Марк Никольс. В своем интервью журналу «United States News and World Report», определяя мотивацию стремления советских людей к знаниям, они связали ее единственно с тем фактом, что лица с образованием получают в СССР в

³ «Каждый из этих критериев — субъективный и объективный, — взятый в отдельности, не может служить надежной основой для изучения целостного процесса отношения работника к труду. Далеко не всегда, например, по результатам работы можно судить о мотивах, которыми руководствовался человек в своей деятельности. Выявление эффективности различных мотивов труда путем сопоставления субъективных показателей отношения к труду, субъективных установок к труду и объективных результатов трудовой деятельности — такой путь представлялся нам наиболее разумным и надежным способом целостного изучения всего процесса» (А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. Влияние различий в содержании и характере труда на отношение к труду, стр. 148).

общем и целом более высокую заработную плату, нежели менее образованные категории работников⁴.

Бесспорно, отмеченный американскими профессорами фактор имеет место в рамках рассматриваемого явления и играет немаловажную роль. Однако, с другой стороны, существует множество ситуаций, которые опровергают действие этого фактора и, во всяком случае, показывают, что дело обстоит далеко не всегда так просто.

Ведь, помимо всего прочего, приняв объяснение Х. Лондона и М. Никольса, надо было бы предположить, что люди, уже добившиеся высшего образования, должны были бы наконец «успокоиться». Однако факты говорят о другом: стремление к повышению знаний отличает в СССР людей любых социальных положений, любых уровней образования, всех возрастов. В том же нашем опросе, например, 60,6 процента опрошенных связали осуществление своих идеалов в первую очередь с дальнейшей учебой. Причем за такой путь к цели высказались: почти 67 процентов опрошенных рабочих, 51 — колхозников, 45 — инженеров, 63 процента служащих; 67 процентов людей с незаконченным средним образованием, 69 — со средним и 41 процент с высшим; 82 процента молодежи до 17 лет, 69 — с 18 до 22 лет и 59 процентов — с 23 до 30 лет.

Никак не укладываются в схему американских профессоров и те широко распространенные объективные факты, которые говорят о стремлении людей к получению знаний (в первую очередь из области современной науки и искусства), вовсе не связанных с их специальностью и потому не могущих как-либо отразиться на их социальном, в частности материальном, положении.

Словом, здесь была допущена ошибочная односторонность в анализе: объективному фактору, действующему в реальном мире наряду со множеством других, в том числе субъективных, факторов, было придано всеобщее значение. И происхождение этой ошибки (если только она не явилась плодом предвзятости) вполне могло быть объяснено недостаточностью исследования рассматриваемого явления с помощью одних только объективных методов.

Последние должны быть дополнены обращением к субъективному миру людей, к их сознанию. И весьма большую роль тут может сыграть как раз исследование обществен-

⁴ См. «United States News and World Report», July 1960.

ного мнения. Как показывают результаты проведенного нами опроса, такой путь измерения фактов бытия является совершенно *необходимым дополнением* к анализу, проведенному с помощью объективных методов. Это объясняется тем, что явления, подобные рассматриваемому, находя самое разнообразное выражение в мире бытия, *наиболее концентрированным* образом выражаются как раз в мире сознания — в сфере интересов и стремлений людей, их идей, оценок, надежд и т. д. Поэтому-то методологически и методически точно проведенное измерение фактов сознания позволяет в данном случае сделать немало ценных выводов о содержании фактов бытия.

В частности, если вернуться к примеру из нашего опроса, анализ общественного мнения пролил достаточно света на поставленную проблему. Как уже отмечалось, 60,6 процента опрошенных назвали в качестве важнейшего средства для достижения своих личных целей учебу, приобретение образования; в какой-то степени сюда должны быть отнесены и те 26,1 процента, которые на вопрос: «Что Вы должны сделать для достижения своей цели?» — ответили: «Совершенствовать свои способности в избранной области».

Содержательный анализ жизненных целей молодежи⁵ позволяет обнаружить, что в основе механизма бурного роста образования в СССР лежат прежде всего объективные требования развития производства, и в частности совершающейся в стране технической революции. «Жизнь идет вперед,— писал в своей анкете один московский инженер-химик.— Мы живем в эпоху межпланетных путешествий и великих открытий. Это время, когда нужно очень много знать. Очевидно, молодежь поняла это»⁶.

Это верно. В обществе существует прямая пропорциональная зависимость между количеством высокообразованных специалистов и успехами народного хозяйства, поэтому оно порождает и приводит в действие такую систему ценностей и стимулов — от экономических до моральных, которая пробуждает в людях самое активное стремление к знаниям. В силу этого же обстоятельства общество создает и благоприятные условия для претворения этого стремления в жизнь, в первую очередь соответствующую систему народ-

⁵ См. Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения, стр. 236—241, 246.

⁶ Там же, стр. 101.

ного образования, характеризующуюся демократичностью школы, широкой доступностью образования, в том числе высшего, государственным финансированием учебных и культурных учреждений, материальным обеспечением учащихся и т. д.

Другим важнейшим источником «тотального похода» в школьные и университетские аудитории, или, как выразился один из участников опроса, «августовских потоков в вузах», — источником, также открываемым с помощью анализа общественного мнения, — является стремление людей удовлетворить свои возросшие и обнаруживающие тенденцию к еще большему росту духовные потребности. Имея в виду эту сторону дела, тот же инженер-химик говорил: «Последние два года мне приходится наблюдать, что все больше молодежи идет на литературные концерты слушать Гомера, Есенина, Толстого, интересуется музыкой, живописью, архитектурой, наукой, техникой, иностранными языками. Это какое-то непреодолимое желание все знать». И с еще большей силой, чем в нашем опросе, эта важнейшая объективная характеристика современного советского общества обнаружилась в другом высказывании общественности — в дискуссии «физиков» и «лириков», проходившей на страницах «Комсомольской правды» и получившей выразительное название: «Нужна ли человеку в Космосе ветка сирени?»

Возможно, наша иллюстрация оказалась несколько странной. Однако это произошло исключительно из-за стремления к большей доказательности. Дело в том, что оценка целесообразности обращения к общественному мнению, измеряющему то или иное явление бытия, представляется, как правило, довольно сложным делом. Она должна включать в себя и рассмотрение специфики самого исследуемого явления с точки зрения принципиальной возможности и характера его отражения во мнении, и оценочное сопоставление субъективного и объективных методов, с помощью которых это явление может быть исследовано. И каждый раз на практике здесь могут возникать споры: является ли данный объект — может ли и должен ли явиться — объектом для высказываний общественного мнения или нет.

14. ОБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И УГОЛ ЗРЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

В этой связи исключительное значение приобретает различие собственно объекта общественного мнения и угла зрения исследователя.

Если систематизировать наши представления, то применительно к явлениям бытия объектом высказываний общественности могут быть: 1) факт существования (несуществования) явления, 2) те или иные стороны содержания явления (отношений между явлениями), 3) отражение явления в сознании людей (в данном случае объектом высказывания являются уже не столько факты бытия, сколько факты сознания, хотя и поставленные в прямую связь с миром вещей). Если к этому прибавить еще, что общественное мнение может высказываться и относительно фактов собственно мира сознания — тех или иных явлений субъективной действительности, которые берутся сами по себе, так сказать в чистом виде, без какого-либо отношения к явлениям бытия, — то мы получим четыре всеобщих типа объектов, по которым высказывается (может высказываться) общественность.

Иное дело — предмет рассмотрения исследователя, обращающего свои взоры к общественному мнению. Последнее может интересовать его, во-первых, как средство познания тех явлений действительности, объективных и субъективных, о которых общественное мнение непосредственно высказывается (прямое измерение); во-вторых, как средство познания тех отношений действительности, опять же объективных и субъективных, которые порождают именно данный тип мнений (косвенное измерение); и наконец, в-третьих, как плоть собственно субъективного мира, как одна из конкретных форм его существования и функционирования.

Ясно, что приведенные расчленения не совпадают друг с другом. Причем последнее заставляет нас несколько иначе взглянуть на характеристику объекта общественного мнения. В частности, мы должны признать, что, если исследователь не собирается измерять с помощью общественного мнения отражаемые в нем явления действительности (бытия или сознания), если он ограничивает свой анализ решением задач второго и особенно (по нашей классификации) третьего рода, то в полном соответствии с «принципом целесообразности» объектом общественного мнения могут быть и такие явления действительности, которые познаются более

точно с помощью разного рода иных, в том числе объективных, методов.

Так, программа нашего II опроса включала вопросы: «Как изменился уровень Вашей жизни за последние годы?», «В чем это выразилось, с чем Вы это связываете прежде всего?» и др. Постановка этих вопросов при исследовании общественного мнения вызвала возражения со стороны некоторых ученых, экономистов и статистиков. В частности, выступивший на обсуждении результатов опроса в Статистической секции Московского дома ученых доцент Ф. Д. Лифшиц говорил: надо «тщательно продумывать тематику опросов. Зачем, например, выяснять общественное мнение о том, повысился или понизился уровень жизни, если ЦСУ СССР ведет бюджетные обследования и располагает точными данными по этому вопросу?»⁷

Однако с этой критикой невозможно было согласиться.

Прежде всего, ошибочным является утверждение, будто общественное мнение вовсе не может служить способом для измерения такого явления бытия, как жизненный уровень народа. Бесспорно, пальма первенства принадлежит здесь в общем и целом разного рода объективным — экономическим и статистическим методам анализа. Но кое-что очень ценное может дать и субъективный метод исследования общественного мнения.

Так, известно, что в понятие жизненного уровня входят не только различные материальные (в узком смысле слова) блага, но и, к примеру, свободное время. Общественное мнение оказывается весьма удобным для его изучения, особенно если речь идет не об измерении объема досуга (эта задача гораздо точнее может решаться опять же с помощью объективных методов), а об определении его реального содержания и структуры.

Существенной стороной жизненного уровня является также объем, структура и содержание материальных и духовных потребностей людей. Разумеется, эти явления также могут изучаться путем обращения к разного рода объективным данным, касающимся структуры торговли, состояния покупательной способности населения, посещаемости учреждений культуры и т. д. Однако эти данные не в состоянии отразить всю картину полностью. Очень удобным во многих отношениях здесь кажется именно обращение к

⁷ «Вестник статистики», 1961, № 6, стр. 82—84.

субъективным показателям общественного мнения, особенно если имеются в виду *неудовлетворенные* потребности людей. С помощью объективных методов анализа очень трудно, даже невозможно, зафиксировать, к примеру, такой факт понижения жизненного уровня, который связывается людьми с невозможностью продолжения образования или с невозможностью поддерживать стиль жизни, соответствующий новым представлениям об общественном престиже. Обращение же к общественному мнению позволяет легко «нащупать» эти факты⁸.

Большую пользу может принести общественное мнение и при определении роли некоторых частных факторов в общей динамике жизненного уровня населения, к примеру таких, как перемещение по должности, повышение образования, увеличение числа работающих членов семьи и т. д. Учет этих индивидуальных обстоятельств, приводящих к изменению уровня жизни людей, с помощью объективных методов оказывается также значительно более громоздким⁹.

Словом, проблема жизненного уровня, по крайней мере в некоторых ее аспектах, вполне может быть признана объектом общественного мнения даже тогда, когда речь идет о прямом измерении явлений бытия с помощью мнений. Следовательно, критики нашего II опроса были неправы уже и с этой точки зрения. Но их неправота была еще большей, если учесть, что при проведении опроса мы вовсе не задавались целью определять, «повысился или понизился уровень жизни», и в этом смысле вовсе не собирались, что назы-

⁸ Среди множества ответов мы получили и такие: «За последние годы уровень моей жизни понизился в том смысле, что я не могу продолжать учебу. В нашем совхозе, куда я прибыла по комсомольской путевке, имеется только семилетняя школа. Я же окончила десятилетку и хочу продолжать свое образование» (И., рабочая совхоза, Павлодарская область); «Почему так высоки цены на пианино? Ведь это снижает жизненный уровень» (плотник, Ленинград) и т. д. (см. Б. Грушин, В. Чикин. Во имя счастья человеческого, стр. 68—69).

⁹ Важно отметить, что путь исследования общественного мнения привел и к открытию ряда, что называется, неожиданных фактов, противоречащих теоретически допустимой дедукции и «глобальным» объективным измерениям. В частности, опрос установил, что снижение заработной платы иногда вызывается... повышением образования и квалификации («Работая токарем, я получал 1500 рублей. С переходом на должность технолога стал получать 880»; «Когда я работал шофером, зарабатывал 1100 рублей. Теперь стал работать техником-механиком, и оклад снизился до 890 рублей. Почему так случилось? Потому что я окончил техникум...») (См. там же, стр. 68).

вается, «отбивать хлеб» у ЦСУ. Непосредственный предмет, главная задача нашего исследования были совсем иными: нас интересовало исключительно отношение людей к процессам изменения материального благосостояния, происходящим в обществе, то есть явления и факты сугубо субъективного мира, в который не могут проникнуть статистики и другие исследователи, работающие с помощью объективных методов.

Иначе говоря, смысл нашего исследования состоял не в прямом фотографировании объективной действительности, которым в самом деле занимается ЦСУ и аналогичные учреждения, но в измерении ощущений людей, их самочувствия и настроений, связанных с определенным восприятием этой объективной действительности. А это, как легко понять, совсем не одно и то же.

И до опроса было известно, что государство провело за последние годы (опрос проводился в конце лета 1960 г.) целый ряд важных мероприятий, направленных на подъем материального и культурного благосостояния народа. Известны были также точные величины этих мероприятий — и общие, и в пересчете на различные группы населения и «отдельную душу». Однако до опроса нельзя было ответить, к примеру, какое из проведенных мероприятий дало фактически наибольший эффект, как эти мероприятия были оценены самими людьми, и не «средней», не условной, а конкретной, живой человеческой «душой» и т. д. Методы объективного анализа, несмотря на все их первостепенное значение в решении такого рода вопросов, не могли помочь получить искомый ответ. Зато его могло дать обращение к миру мнений¹⁰.

Еще более важным было выяснение путем опроса оценки людьми относительной актуальности стоящих перед обществом проблем. В нашей анкете, в частности, был вопрос: «Какую проблему Вы считаете первоочередной: Сокращение рабочего дня. Увеличение производства товаров широкого потребления. Жилищное строительство. Улучшение бытового обслуживания. Увеличение производства продуктов питания. Рост заработной платы. Расширение сети детских учреждений». Ясно, что он является прерогативой исключительно исследования общественного мнения. Здесь речь идет

¹⁰ См. Б. Грушин, В. Чижин. Во имя счастья человеческого, стр. 62—63.

об измерении фактов субъективного мира, и такое измерение, как нетрудно видеть, не может быть проделано ЦСУ или какими-либо аналогичными учреждениями, анализирующими факты бытия.

Таким образом, когда исследователь рассматривает общественное мнение не как способ измерения явлений действительности, а как самостоятельную плоть мира сознания (другой вопрос, что и такое рассмотрение также оказывается теснейшим образом связано, как по источнику, так и по последствиям, с миром вещей), границы объекта высказываний общественной беспридельно расширяются. С указанной точки зрения, в рамках решения указанной задачи объектом общественного мнения может быть признан уже и объект, познаваемый гораздо более точным образом с помощью разного рода объективных методов, и даже «самый непознаваемый» массовым сознанием объект. «Принцип целесообразности» перекрывает в таких случаях «порог доступности»: целесообразным должно быть признано высказывание общественного мнения по «любому вопросу», если только это высказывание дает возможность постичь субъективный мир людей, особенности его структуры, характер отражения в нем тех или иных явлений объективной и субъективной действительности, картину их стремлений и эмоций, меру их иллюзий и заблуждений.

15. ПЕРВЫЙ КРИТЕРИЙ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС

Объект общественного мнения ограничен не только «порогом доступности», то есть объективными рамками познавательной способности суждения масс, и не только «принципом целесообразности», то есть субъективной установкой исследователя, анализирующего общественное мнение. Его границы определяются и рядом формально выраженных критериев, в соответствии с которыми само общественное мнение рассматривает то или иное явление действительности в качестве объекта для своих суждений. Одни из этих критериев связаны с характеристикой объекта, о котором судит общественность, другие — с характеристикой самой рассуждающей общественности. Но и те и другие убедительно обнаруживают, что на практике общественное мнение высказывается далеко не «обо всем на свете», но лишь относительно

некоторых, строго определенных проблем, так что из всей совокупности абстрактно мыслимых вопросов объектом общественного мнения актуально становится лишь довольно незначительная их часть.

Первый и важнейший из этих критериев связан с категорией «общественный интерес». В соответствии с ним из всего бесконечного ряда явлений действительности предметом рассмотрения общественности становятся только те, которые представляют для общества непосредственный интерес.

На первый взгляд подобное утверждение содержит в себе простую тавтологию: мол, общественность интересуется только тем, что вызывает ее интерес... Однако на самом деле тут скрывается позитивное знание. Весь вопрос заключается в более близком рассмотрении и определении указанной категории. Ее содержание обнаруживается путем сопоставления понятий «общественный интерес» и «личный интерес» или, в иной форме, путем сопоставления общественного и индивидуального мнений.

**Несовпадение
общественного
и личного
интересов**

Самое первое сопоставление личных, индивидуальных и коллективных, общественных интересов обнаруживает безусловное различие между ними. Оно может сказываться, к примеру, в их несовпадении, разногласии, даже антагонизме по содержанию. Ведь довольно часты случаи, когда интересы той или иной конкретной личности находятся в прямом противоречии с интересами общества (например, если личность руководствуется в своей деятельности принципом: «дать обществу поменьше, взять от него побольше»). Именно эта сторона дела рассматривается, как известно, разного рода этическими дисциплинами. Однако с точки зрения анализа объекта общественного мнения такое различие не имеет смысла: в подобных случаях индивидуальное и общественное мнения характеризуются как раз единым объектом, совпадают по своему объекту, хотя и притерживаются в отношении его различных, антагонистических точек зрения: индивид говорит «нет» всякий раз, когда общественный интерес диктует «да», и наоборот.

Первый факт, с которого надо начинать разговор о различии рассматриваемых явлений в интересующем нас плане,— это факт их несовпадения по предмету, по элементам содержания, или, как говорят логики, по объему понятий. Такое несовпадение касается уже не разногласий личности и

коллектива в понимании того или иного явления, но разноплановости самих затрагиваемых явлений. В этих случаях личный и общественный интересы уже не исключают друг друга, но просто не соприкасаются, не перекрещиваются один с другим.

Подобное положение становится возможным уже потому, что индивидуальный интерес, в отличие от интереса общественного, не знает никаких принципиальных границ своего распространения (кроме, разумеется, тех, что обусловлены достигнутым уровнем развития науки и вообще человеческого знания). Поэтому точно так же, как сама Вселенная, безграничен и мир высказываний, то есть индивидуальных мнений людей. И это верно не только в отношении фигуры совокупного ученого, многие суждения которого, касающиеся буквально всех известных явлений из мира природы и общества, являются по своему характеру типичными мнениями. Это верно и в отношении фигуры совокупного «простого человека», рассуждающего и имеющего «свое собственное мнение» также «обо всем на свете» — начиная с результатов президентских выборов в США, о которых писали газеты, и кончая «ценностью» теории относительности или природой двойных звезд, о которых сохранились какие-то воспоминания со школы, а кое-что можно было услышать от случайного попутчика в пригородном поезде.

В отличие от этого круг общественных интересов гораздо более ограничен. Он замыкается преимущественно явлениями социального порядка и уж во всяком случае не касается «всего на свете». Если мир природы и начинает занимать общественность, то лишь тогда, когда речь заходит о явлениях, также прямо связанных с жизнью общества, и никогда (как при индивидуальном интересе) — сам по себе (например, физическое явление, известное под именем «летающих тарелок», стало объектом общественного мнения исключительно потому, что за ним возникал призрак уэллсовской «войны миров»). Стало быть, главный объект высказываний общественности — это жизнь общества. И уже отсюда ясно, что индивидуальные и общественные интересы (мнения) не совпадают (в смысле: могут не соприкасаться) по своему предмету друг с другом.

Но это не все. Отмечаемое различие двух групп интересов сохраняется и в рамках чисто социальных явлений, и тогда, когда интерес направлен на события и факты из жизни собственно человеческого общества.

Если, скажем, от человека ушла жена — это факт его личной жизни, он затрагивает индивидуальные, частные интересы человека и становится объектом его индивидуального мнения. Лишь в значительно меньшей степени здесь оказываются затронутыми интересы (нередко сугубо праздные) других людей — небольшого круга лиц, связанных с «потерпевшим» семейными или дружескими узами или соседскими, служебными и т. п. отношениями, хотя для всех этих групп данный индивидуальный факт также становится предметом разного рода обсуждений, пересудов и т. д. — словом, объектом мнения. И уже совершенно ясно, что этот факт — при прочих равных обстоятельствах — совсем не задевает интересов общества в целом и потому не может стать объектом обсуждения всей общественности.

Правда, бывают такие обстоятельства, когда и тот или иной индивидуальный факт, лежащий в сфере частной жизни человека и являющийся в первую очередь объектом его индивидуального мнения, затрагивает интересы более или менее широкой общественности и становится предметом всеобщего обсуждения¹¹. Однако, как правило, этого не случается. В частности, если иметь в виду взятый нами конкретный пример, факты развода оказываются в поле зрения общественного мнения обычно лишь тогда, когда они в силу своей многочисленности (как это имеет место в современном обществе) свидетельствуют о каких-то серьезных процессах, ближайшим образом затрагивающих жизнь всего социального организма. Но, как легко понять, в таких случаях объектом общественного мнения становится уже не индивидуальный факт распада той или иной конкретной семьи, а несравненно более широкое социальное явление.

¹¹ Это может произойти, в частности, и с фактами распада семьи. Например, как свидетельствует Плутарх, в древнем Риме, где в течение 230 лет ни один муж не решился покинуть жену и ни одна жена — мужа, все как же, мы знаем, единичные случаи разводов могут иногда становиться объектом широкого общественного мнения и сегодня, например если они связаны с какими-либо «исключительными», стоящими в центре внимания общественности, личностями или если они находятся в вопиющем противоречии с существующими нормами закона или морали, являют собой вызов общественному мнению.

Таким образом, сопоставление индивидуальных интересов с общественными позволяет с непреложностью констатировать, что взятые во всем своем объеме первые далеко не совпадают со вторыми. Среди явлений, входящих в сферу индивидуальных интересов личности, находится множество таких, которые не представляют ровно никакого интереса для общества в целом. В подобных ситуациях индивид может говорить «да», «нет» и все что угодно, общество же молчит.

К аналогичному, хотя и в несколько иной форме, выводу приводит и обратное сопоставление общественных интересов с личными, или частными. Разумеется, среди первых не может быть таких, которые бы вообще не затрагивали и так или иначе, в той или иной форме и степени не преломлялись через интересы отдельной личности или хотя бы отдельных личностей: ведь, не представляя простой суммы своих членов, общество в то же время не существует и помимо них. И все же на практике можно очень часто наблюдать случаи, когда общественные интересы не затрагивают интересов отдельной личности, по крайней мере непосредственно, и уж во всяком случае не затрагивают интересов абсолютно всех личностей, каждого члена общества. Это обстоятельство находит свое выражение, в частности, в существовании явления социального равнодушия. Оно заключается в том, что при обсуждении общественностью той или иной проблемы, касающейся общества в целом, всегда находится более или менее широкая группа лиц, которая не имеет своей точки зрения на предмет, и не имеет ее не в силу своей неосведомленности, некомпетентности и т. д., а исключительно по причине незаинтересованности в проблеме, по причине некоего стояния «вне» общественной жизни, «над» ней и т. д. В подобных ситуациях общество может говорить «да» или «нет», определенная же часть его молчит.

Из сказанного вытекает, что, взятое со стороны объекта, общественное мнение не представляет собой простой суммы всех существующих в обществе индивидуальных мнений: объекты последних далеко не всегда совпадают с объектом общественного мнения как в том смысле, что отдельную личность могут интересовать проблемы, не представляющие интереса для общества в целом, так и в том, что отдельная личность может быть равнодушна к проблемам, которые обсуждаются частью или абсолютным большинством членов общества. И в основе отмечаемого несовпадения интересов

(объектов мнений) лежит различие, несовпадение в самой их природе, как и в природе обуславливающего их индивидуального и общественного бытия.

Как известно, индивидуальное бытие лишь частично включает в себя элементы общественного бытия (некоторые важнейшие, всеобщие условия материальной и духовной жизни общества в целом); другая же, и притом значительная, часть его содержит элементы, относящиеся исключительно к частным особенностям жизни конкретных личностей. Точно так же и общественное бытие лишь в одной его части может быть отнесено одновременно и к индивидуальному бытию людей; другая же часть его связана со специфически общественными формами жизни, с жизнедеятельностью общества, как такового, взятого в целом. Выше мы говорили, что никакое общество не может существовать *помимо* своих членов. Это так. Но в то же время никакое общество, особенно современное общество, никогда *не равно* и арифметической сумме своих членов. Оно представляет собой не только множество индивидов, но и самостоятельный исторический субъект, некое органическое целое, характеризующееся весьма сложной структурой, совершенно отличной от «строения» жизни отдельной личности, подчиняющееся в своем развитии своим специфическим законам, не совпадающим с «правилами» жизнедеятельности индивида, наконец, предполагающее специфические же условия и формы своего функционирования, аналогичных которым также не знает отдельная личность.

Этим, собственно, сказано все. Индивидуальные интересы не могут полностью совпадать по своему предмету с общественными интересами, потому что они в значительной своей части (так называемые непосредственные интересы) связаны со сферой индивидуального бытия (или сознания) человека, то есть в том числе и с теми элементами последнего, которые не входят в понятие «общественное бытие» («общественное сознание»); между тем общественные интересы по своей природе связаны исключительно со сферой именно общественного бытия (сознания). С точки зрения исследователя общественного мнения, это означает, что среди объектов индивидуальных мнений находится множество таких, которые не являются объектами общественного мнения; к ним относятся и специфические элементы индивидуального бытия, и все те явления из мира природы и общества, о которых мы говорили несколько раньше и которые порождают

у личности научный, любительский (типа hobby), праздный и другие интересы, оставляя безразличным общество в целом.

И наоборот: общественные интересы не могут полностью совпадать по своему предмету с индивидуальными интересами, поскольку они связаны исключительно со сферой общественного бытия (сознания), а последнее наряду с элементами, входящими и в индивидуальное бытие (сознание), содержит множество специфических элементов, относящихся к функционированию социального организма, как такового.

Правда, индивидуальные интересы бывают не только непосредственными, то есть вызываемыми ближайшими условиями существования человека. При определенном уровне развития личности, ее сознания, культуры и т. д. они могут быть и опосредованными, то есть связанными со специфическими элементами общественного бытия (например, так называемые гражданские интересы). Но, с другой стороны, все же далеко не каждый индивид стоит на той стадии социальной сознательности (активности), когда собственно общественные интересы (по крайней мере, во всем их объеме) становятся и его личными, частными интересами¹². Поэтому, если исследователь не может сказать, что среди объектов общественного мнения имеются такие, которые вообще не являются объектами индивидуальных мнений (в подобном случае общественное мнение, представляющее собой совокупность мнений отдельных лиц, просто *не могло бы «состояться»!*), то он может сказать иначе: среди объектов первого рода находится множество таких, которые не являются объектами *всех* существующих в обществе индивидуальных мнений. В первую очередь к числу таких объектов относятся, как мы уже сказали, специфические элементы общественного бытия, например связанные с деятельностью раз-

¹² Тут еще раз необходимо подчеркнуть, что, когда мы говорим о степени сознательности людей, о совпадении их личных интересов с общественными, мы не имеем в виду той ситуации, при которой индивид принимает по содержанию интересы общества за свои собственные, ставит первые «над» вторыми и т. д. С точки зрения рассматриваемой теперь проблемы все эти слова означают нечто другое: что индивид проявляет *социальную активность*, что объект высказывания общественности затрагивает и его самого, заставляет принять участие в обсуждении и т. д. Но при этом в содержательном отношении интересы индивида могут принципиально расходиться с интересами общества в целом, отрицать последние и т. д.

ного рода социальных институтов: государства, политических партий и отдельных лидеров, учреждений науки и пр.

Следовательно, общественный интерес не совпадает с интересом индивидуальным. Он является *сугубо специфическим по своей природе*. И эта его специфика состоит как в том, что он распространяется лишь на часть явлений, вызывающих интерес у индивида, так и, главным образом, в том, что, касаясь каких-либо объектов, в том числе общих для него с индивидуальным интересом (явлений природы, фактов частной жизни, собственно социальных явлений), *общественный интерес всегда, во всех случаях неизменно бывает связан с функционированием социального организма в целом*. Такой интерес отличается пониманием механизма взаимосвязи социальных явлений, а также перспектив и целей общественного развития. Если угодно, это взгляд на вещи через особую призму: с точки зрения общества в целом.

**Элементы
важности,
актуальности**

С этим главным различием двух видов рассматриваемых интересов связаны и другие. В основе индивидуального интереса человека может лежать не только стремление, так сказать, усовершенствовать свою жизнь — добиться максимума успехов в труде, в развитии своих способностей, в быту, семейной жизни, товарищеских отношениях и т. д., но и, к примеру, стремление удовлетворить свое любопытство, тщеславие, в том числе мелочное, и пр. Поэтому такой интерес может быть и совершенно *праздным, мимолетным, необязательным*.

Напротив, общественный интерес, как правило, прикован *к жизненно важным проблемам, имеющим принципиальное значение для судеб общества*. Правда, в определенных условиях в результате тенденциозной деятельности органов государства, средств массовой коммуникации, политических и других организаций, оказывающих на формирование общественных интересов первостепенное влияние, этот интерес может, что называется, «сбиваться с пути истинного»¹³.

¹³ Как известно, именно в этом направлении много работают, например, западные политики и журналисты, ученые-философы и бизнесмены, деятели так называемой «массовой культуры» и священники. Пресловутые предвыборные шумихи, бесчисленные газетные сенсации из жизни кинозвезд и форвардов, философские системы, воспевающие культ супермена, яркая торговая реклама, отравленные ядом преступности комиксы, обещания райской жизни в ином мире и т. д. и т. п. — все эти средства служат в сущности как раз тому,

Однако подобная практика должна расцениваться скорее как извращение подлинной природы общественного интереса, который сам по себе всегда является серьезным, глубоким, исходящим не из праздного любопытства или даже хорошей любознательности, а из стремления понять или изменить социальную действительность.

Еще одно существенное различие индивидуального и общественного интереса, вытекающее из их несовпадения по предмету, связано с фактором *актуальности*. Интерес отдельного индивида не знает никаких принципиальных границ своего распространения не только в отношении «пространства», но и в отношении «времени». Отдельного человека могут занимать с равной силой факты и события как современности, так и имевшие место в далеком прошлом, как реальные, существующие в самой действительности, так и вымышленные, мифологические, рожденные фантазией других людей. В этом смысле для него нет никакой принципиальной разницы между, скажем, фактом войны США во Вьетнаме, реформами Петра I и образом Одиссея из гомеровских поэм. Единственным условием возникновения такого интереса может быть простое знакомство человека (хотя бы понаслышке) с этими фактами, явлениями или образами.

Напротив, общество проявляет интерес далеко не ко всем явлениям, с которыми оно знакомо. Можно, например, в обязательном порядке заставить всех членов общества подробнейшим образом изучить «Илиаду» Гомера, но от этого поэма еще не вызовет общественного интереса подобного тому, какой проявлялся по отношению к ней в свое время. И этого не произойдет прежде всего по одной простой причине — из-за полнейшей неактуальности данного предмета для современного общества. Дело в том, что в отличие от индивидуального интереса общественный интерес всегда связан с явлениями, имеющими значение именно сегодня, прямо относящимися к «злобе дня». Разумеется, он может быть прикован и к тому или иному историческому событию, в том числе предельно архаическому, но только в одном случае —

чтобы отвлечь внимание широких масс от «проклятых вопросов бытия», подсунуть им проблемы, в действительности не имеющие ничего общего с главными интересами общественного развития, воспитать людей в духе крайнего индивидуализма и полного пренебрежения ко всему «социальному». И надо сказать, усилия буржуазного общества в этом направлении отнюдь не являются безуспешными, несмотря на то, что прогрессивные элементы из всех сил стараются разоблачить обман.

если это событие вдруг приобретет актуальность, станет важным с точки зрения решения сегодняшних проблем, которыми живет общество.

Таким образом, если подвести итог сказанному, можно видеть, что рассматриваемые две группы интересов действительно отличаются друг от друга. Сравнение наполняет категорию «общественный интерес» вполне определенным содержанием. Тем самым получает необходимую определенность и первый из сформулированных нами признаков (критериев) объекта общественного мнения.

С точки зрения всего разнообразия фактов и явлений действительности объектом общественного мнения могут быть как различные стороны жизни общества в целом (общественного бытия или общественного сознания), так и — гораздо реже — различные стороны частной жизни личности (индивидуального бытия или индивидуального сознания), а также органической и неорганической природы. Но независимо от этого разнообразия объект общественного мнения всегда неизменно характеризуется *общим важнейшим признаком — своей связью со специфически общественным интересом*. Общественное мнение складывается не «прежде всего» и не «главным образом» «на основе общей заинтересованности людей», как об этом писал А. Уледов¹⁴, но всегда и исключительно. Только при наличии такого интереса то или иное явление действительности — объективной или субъективной, социальной или физической — актуально становится объектом общественного мнения. Или иначе: то или иное явление действительности выступает в качестве предмета высказываний общественности лишь тогда, когда оно вызывает к себе специфически общественный интерес, то есть касается жизнедеятельности социального организма в целом, отличается социальной значимостью (важностью) и актуальностью.

Слова «прежде всего», «главным образом» создают впечатление, будто иногда общественное мнение может складываться и на основе частных интересов. Между тем последнее положение является типичным *contradictio in objecto*, напоминающим по своей логической структуре «круглый квадрат». Ведь в действительности дело всегда обстоит таким образом: либо частный интерес так и остается

¹⁴ А. К. Уледов. Общественное мнение советского общества, стр. 23.

сугубо частным, не затрагивающим общества в целом, и тогда общественное мнение по данному поводу вообще не складывается и не высказывается; либо общественное мнение высказывается по поводу какого-либо события, лежащего в сфере индивидуальных интересов людей, и тогда это автоматически означает, что данный интерес уже не является, перестает быть только частным, но становится интересом всей общественности, то есть общественным интересом.

**Общественный
интерес
и личная
заинтересованность** Но индивидуальный и общественный интерес, как и индивидуальное и общественное мнение или индивидуальное и общественное бытие, именно отличаются друг от друга по своему предмету, а не находятся в состоянии *противоположности, взаимоисключаемости*. Поэтому мы должны говорить не только об их несопадении, но и об их *тождестве, совпадении* друг с другом. Как кажется, применительно к категориям «бытия» и «интереса» эта сторона дела была показана выше с достаточной ясностью. То же нужно сказать теперь и относительно двух рассматриваемых видов мнений.

Индивидуальное и общественное мнение в общем и целом отличаются друг от друга по своему объекту. Это так. Но вместе с тем индивидуальное мнение вполне может высказываться (и сплошь и рядом высказывается) по поводу того же самого объекта, что и общественное мнение в целом; как раз, имея в виду эти случаи, мы говорим, что индивидуальное мнение *входит в состав* общественного.

Что же касается общественного мнения, то оно *вообще не существует помимо индивидуальных мнений*, вне их. Подобно тому, как общественный интерес всегда реализуется через множество интересов отдельных лиц, общественное мнение также представляет собой всего лишь определенную совокупность, определенное множество индивидуальных мнений, высказанных относительно того или иного объекта. Значит, чтобы такое мнение вообще могло «состояться», определенное множество лиц¹⁵ должно высказаться по поводу, во-первых, единого объекта и, во-вторых, по поводу такого именно объекта, который связан со специфически общественным интересом. Иными словами, для того, чтобы общественное мнение возникло, нужна ситуация, при кото-

¹⁵ О границах и характере этого множества мы будем говорить в следующей главе, при рассмотрении проблемы субъекта общественного мнения.

рой то или иное явление действительности стало бы объектом высказывания одновременно множества членов общества, а упомянутый общественный интерес, связанный с этим явлением, преломился бы в той или иной форме и мере через интересы индивидов. Сам факт реального существования общественного мнения во всех известных исторических обществах показывает, что подобное превращение происходит постоянно и в массовом масштабе.

С целью описания этой стороны дела социологи Запада обычно пользуются дополнительным термином — «личная заинтересованность»¹⁶. Однако в советской литературе этот термин встретил довольно критическое отношение¹⁷. Недоразумение возникло, по-видимому, потому, что критики допустили по меньшей мере две ошибки: во-первых, неоправданно отождествили «заинтересованность» человека с «частным интересом» и, во-вторых, противопоставили (подчеркиваем: не различили, а именно противопоставили) «личную заинтересованность» «общей заинтересованности людей».

Мы говорили: общественное мнение не может складываться на основе частных, индивидуальных интересов людей, в его основе всегда лежит сугубо общественный интерес. Это верно. Но одно дело — «складываться на основе» индивидуальных интересов и совсем другое — «затрагивать» эти интересы, или, по словам Кэнтрила, «заинтересовывать» людей. Индивид на самом деле не может иметь и, следовательно, высказать свое мнение о предмете, если этот предмет *так или иначе, в той или иной форме и мере не заинтересовал его*. Другое дело, что такой интерес индивида к явлению, выступающему в качестве объекта общественного мнения, действительно может быть весьма различным, как в

¹⁶ «Психологически мнение,— пишет, например, американский социолог Г. Кэнтрил,— в основном определяется личной заинтересованностью. События, слова или любой другой возбудитель влияют на мнение лишь постольку, поскольку очевидна связь с личной заинтересованностью» (H. Cantril. Gauging Public Opinion. Princeton, 1947, p. 227).

¹⁷ «...Буржуазные исследователи, как правило, акцентируют внимание на личной заинтересованности людей, на их частных интересах, утверждают, что, когда выдвигаемые жизнью вопросы затрагивают личные интересы людей, тогда они и начинают на них реагировать, только тогда и складывается соответствующее общественное мнение. В действительности же общественное мнение складывается прежде всего и главным образом на основе общей заинтересованности людей» (А. К. Уледов. Общественное мнение советского общества, стр. 22—23).

смысле его природы, так и в смысле его величины. В частности, с точки зрения качества такой интерес, как мы уже говорили, может быть связан и с ближайшими условиями жизни человека (так называемые непосредственные интересы), и с условиями жизни общества в целом (так называемые политические, социальные, классовые, партийные и тому подобные интересы), и с целями познания (научный интерес), и со стремлением личности удовлетворить свои умственные, физические, эстетические и другие потребности (различные любительские интересы), и с разного рода праздными, эфемерными и вполне реальными, желаниями и т. д. и т. п. Точно так же и с точки зрения количества, «меры»: интерес личности к предмету высказывания может быть «огромным» или «незначительным», большим или меньшим. Но независимо от всех этих различий такой интерес должен быть налицо; только в этом случае индивид «заговорит», вливая свой голос в общий хор общественного мнения, и, следовательно, только в этом случае общественное мнение вообще сможет «состояться».

Термин «заинтересованность», вводимый дополнительно к термину «интерес», как раз подчеркивает эту сторону дела. В отличие от понятия собственно «частного интереса», имеющего смысл лишь в качестве антонима понятия «общественный интерес» и связанного исключительно со сферой частной жизни индивида, понятие «личная заинтересованность» обнимает значительно более широкий круг явлений и содержит указание на все возможное разнообразие интересов индивида — «частных» и «общественных», «праздных» и «животрепещущих», «огромных» и «незначительных». Следовательно, буржуазные исследователи отнюдь не так уж неправы, когда они «акцентируют внимание на личной заинтересованности людей» при анализе объекта общественного мнения (разумеется, если только при этом «личная заинтересованность» не отождествляется с «личным, или частным, интересом»). Неправыми же, напротив, оказываются скорее их критики, которые не дают себе труда разобраться в действительной проблеме превращения индивидуальных мнений в общественное, отождествляют понятие «личная заинтересованность» с понятием «частный интерес» и начинают критиковать «буржуазных социологов», едва завидев в их высказываниях «сакраментальные» словечки «личный» и «частный».

В действительности критика буржуазных исследовате-

лей общественного мнения в данном пункте должна вестись в ином направлении. Дело в том, что, правильно подчеркивая момент личной заинтересованности людей в предмете обсуждения, они в большинстве случаев вовсе не ставят вопроса о *природе* этой заинтересованности. В результате сложное содержание понятия остается недифференцированным, общие скобки — нераскрытыми.

Первым следствием такого подхода к предмету является крайне аморфное представление о возможных различиях в природе интересов людей, смешение различных групп интересов, в частности ошибочное (непроизвольное или тенденциозное) отождествление частных интересов с общественными и подмена последних первыми. Неконкретизированный разговор о «личной заинтересованности» создает впечатление, будто общественный интерес в обществе складывается исключительно вокруг явлений, стоящих в центре частных интересов людей, причем в первую очередь вокруг тех явлений, которые затрагивают узкие (непосредственные, праздные и т. д.) интересы отдельных личностей; что же касается явлений, относящихся к сфере собственно социальной жизни — жизни общества, как такового, то они, дескать, играют в процессе функционирования общественного мнения второстепенную роль. Нередко за таким аморфным разговором о «личной заинтересованности» проглядывает та же социальная тенденция господствующей идеологии — утвердить (разумеется, по возможности) в качестве объекта высказываний общественности те явления действительности, которые лежат далеко в стороне от центральных проблем, переживаемых обществом.

Научный подход к анализу проблемы должен быть, однако, совсем иным. Вслед за признанием того бесспорного факта, что общественное мнение по тому или иному поводу может быть высказано лишь при условии, если каждый из членов общества, включающий свой голос в общую сумму мнений, испытывает ту или иную личную заинтересованность в обсуждаемом предмете, непременно и сразу же должен быть поставлен другой вопрос: какова природа этой заинтересованности? носит ли она праздный или серьезный характер? лежит ли в ее основе озабоченность индивида по поводу интересов общества в целом или она продиктована сугубо индивидуальными, частными интересами личности?

Как легко понять, в абстрактном виде ответ на этот вопрос может быть и наверняка будет самым различным —

в зависимости от предмета обсуждения, а также от особенностей каждой конкретной личности. Один объект суждения может пробудить у большинства членов общества самые сильные гражданские чувства, другой, напротив, вызвать волну индивидуализма; или: при обсуждении одного вопроса одни члены общества могут исходить в своем суждении из интересов общества в целом, другие — из антиобщественных интересов, третьи — занять «нейтральную», равнодушную позицию, при обсуждении же какого-либо иного вопроса эти лица могут поменяться местами.

Но при всей относительности разговора каждое историческое общество, взятое в целом, так сказать суммарно, характеризуется все же своей специфической структурой «личной заинтересованности» людей в общественных делах. Частные, политические, гражданские, научные, праздные и другие интересы личности оказываются развитыми в каждом обществе в различной степени. И следовательно, заинтересованность, которую проявляют члены общества (их большинство) в явлениях, представляющих непосредственно общественный интерес, наполняется в различных обществах весьма различным содержанием: в одних случаях преобладающими могут быть частные, индивидуалистические интересы, в других — социальные, гражданские и т. д.

Когда буржуазные социологи говорят о некоей «личной заинтересованности» вообще, не дифференцируя ее и тайно подразумевая под ней прежде всего частные интересы личности, они при этом не только выражают пожелание господствующего класса относительно сужения границ функционирования общественного мнения, но и в известной мере фиксируют реальное положение вещей. Дело в том, что в капиталистическом обществе, особенно современном, личность действительно проявляет интерес в первую очередь к тем явлениям, которые связаны с ближайшими, непосредственными условиями ее существования, и в гораздо меньшей степени интересуется тем, что связано с условиями жизни общества в целом. И объясняется это не только недостаточной сознательностью, образованностью и т. д. населения капиталистических стран, но прежде всего особенностями господствующего в них строя — стоящего «над» личностью, чуждого ей, недоступного ее пониманию. Собственно, социальная несознательность и необразованность индивидов в буржуазном обществе как раз порождаются экономическим и политическим строем капитализма, *differentia specifica*

которого составляет идея «свободного предпринимательства» и обусловленный ею принцип индивидуализма, и являются всего лишь иным выражением того характерного для капитализма разрыва между «политическим» и «гражданским» обществом, о котором писал К. Маркс.

В капиталистическом обществе, говорил Маркс, «так называемые *права человека, droits de l'homme*, в отличие от *droits du citoyen* (прав гражданина государства.— Б. Г.) суть не что иное, как права члена гражданского общества, т. е. эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности... Право человека на свободу основывается не на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека от человека. Оно — *право* этого обособления, право *ограниченного, замкнутого* в себе индивида... Эта индивидуальная свобода... образует основу гражданского общества. Она ставит всякого человека в такое положение, при котором он рассматривает другого человека не как *осуществление* своей свободы, а, наоборот, как ее *предел*».

В буржуазном обществе «ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого...

Загадочно уже то, каким образом народ, начинающий еще только освобождать себя, разрушать все преграды между различными своими элементами, создавать политическую общность (речь идет о народе США.— Б. Г.),— каким образом такой народ торжественно провозглашает право эгоистического человека, обособленного от других людей и от этой общности...

Загадка разрешается просто.

Политическая эмансипация есть в то же время *разложение* того старого общества, на которое опирается ставший чуждым народу государственный строй, опирается деспотическая власть... Его можно охарактеризовать одним словом — *феодализм*... Свержение политического ярма было в то же время уничтожением уз, сковывавших эгоистический дух гражданского общества... Человек не был поэтому освобожден от религии,— он получил свободу религии. Он не был освобожден от собственности,— он получил свободу собственности. Он не был освобожден от эгоизма промысла,— он получил свободу промысла...

Политическая революция разлагает гражданскую жизнь на ее составные части, не *революционизируя* самих этих составных частей и не подвергая их критике. Она относится к гражданскому обществу, к миру потребностей, труда, частных интересов, частного права, как к *основе своего существования*, как к последней, не подлежащей дальнейшему обоснованию, *предпосылке*, и потому — как к своему *естественному базису*... Реальный человек признан лишь в образе *эгоистического индивида*, *истинный человек* — лишь в образе *абстрактного citoyen*»¹⁸.

Важно отметить, что данная Марксом характеристика соотношения частных и общественных интересов личности в буржуазном обществе относится к периоду классического капитализма. С того времени культ эгоистического индивида в этом обществе еще более укрепился и получил новое обоснование и новую форму. В условиях господства монополистического капитала сфера деятельности людей, именуемая «свободным предпринимательством», испытала и испытывает существенные изменения. Границы ее резко сужаются. В результате былой свободный промысел сменяется... промыслом свободы. Эгоистическая личность находит выход для своего «я» уже не столько в реальной «свободной деятельности», основанной на частной собственности, стремящейся к частной собственности и добывающейся частной собственности, сколько в фиктивном, иллюзорном утверждении своего «я» для себя самого.

Качественно иной является структура «личной заинтересованности» людей в условиях социалистического общества и тем более при коммунизме. Разумеется, и при социализме остается еще очень много членов общества, которые интересуются прежде всего теми общественными явлениями, которые связаны с непосредственными условиями их существования, и остаются равнодушными к проблемам, затрагивающим жизнь общества как такового. Но в принципе картина тут все же иная. Человеческая эмансипация, говорил Маркс, свершится «лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым существом*; лишь тогда, когда познаёт и организует свои «собст-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 400—405.

венные силы» как общественные силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде политической силы...»¹⁹ Этот процесс находит свое историческое выражение в том, что лозунг буржуа: «Подальше от политики!» — сменяется лозунгом коммуниста: «Управление жизнью общества должно стать делом каждого человека!»

**Практический
эффект
критерия**

Так обстоит дело с проблемой «личной заинтересованности» людей в предмете общественного обсуждения. Так обстоит дело с «общественным интересом» как критерием объекта общественного мнения. Оценить значение этого критерия для практики социологических исследований нетрудно. В тех случаях, когда общественное мнение выражается не стихийно, когда к нему взывают, как к оракулу, с просьбой ответить на те или иные вопросы, такой критерий помогает отобрать из всей совокупности фактов, событий и отношений действительности те, которые на самом деле могут стать объектом обсуждения общественности. Он даёт ключ к выбору подлинных тем опросов, подчеркивая, что в роли последних должны выступать темы актуальные, лежащие в русле задач, стоящих перед обществом, имеющих важное социальное значение.

Как кажется, Институт общественного мнения «Комсомольской правды» постоянно исходил в своей деятельности из этого важнейшего требования. При этом в ходе работы обнаружилось, что связь предмета обсуждения с общественным интересом должна не только содержаться в самом предмете имплиците, но и быть выявлена на поверхности, причем выявлена как для исследователя, так и для каждого опрашиваемого.

Именно с этой целью Институт общественного мнения использовал в некоторых своих анкетах форму своеобразной преамбулы, в которой не столько формулировались задачи опроса, сколько указывалось именно на значение данной проблемы для жизни общества. Иногда такая преамбула была предельно краткой, иногда более широкой. В некоторых же опросах анкете предпосылалось довольно широкое обоснование предмета исследования. Такова была, например, вводная часть к газетному варианту анкеты «Как Вы проводите свободное время?»²⁰.

¹⁹ Там же, стр. 406.

²⁰ См. «Комсомольская правда», 4 января 1963 г.

Вместе с тем письменная преамбула, помещаемая непосредственно в анкете, не была у нас (как и вообще не может быть) единственной формой разрешения задачи. К ней Институт прибегал лишь в тех опросах, которые проводились без помощи анкетеров или в которых анкетеры не играли роли интервьюеров. Чаще же задачу по разъяснению значения исследуемой проблемы брали на себя именно анкетеры. И надо сказать, эффект обеих этих форм работы был несомненен: они в немалой мере способствовали более серьезному, более сознательному отношению опрашиваемых лиц к проводимому исследованию.

16. ВТОРОЙ КРИТЕРИЙ: ДИСКУССИОННОСТЬ

Второй существенный признак объекта общественного мнения связан не столько со спецификой собственно *общественного* мнения, сколько со спецификой *мнения как такового*, как особого типа человеческого суждения.

Специфика
суждения-
мнения

Эта специфика обнаруживается уже в сфере индивидуального сознания. Как известно, далеко не каждая высказанная человеком мысль может быть отнесена к разряду мнений.

Прежде всего совершенно ясно, что мнениями не являются все те наши высказывания, которые передают непосредственные чувства, настроения, желания,—выражения типа «хочу пить», приказание «принеси воды!» и т. д. Из круга мнений выпадает и та огромная масса предложений, в которых человек фиксирует результаты своего непосредственного восприятия действительности, констатирует очевидные факты. Таковы суждения: «Это мой дом», «Я только что был в кино», «Висящая на стене картина выполнена в красно-зеленой гамме» и др. Подстановка к этим суждениям слов «думаю», «кажется», «можно было бы», «нужно было бы» и пр., обычно являющихся внешними признаками суждений-мнений, применительно к нормальной обстановке (к здравомыслящему человеку и типичным условиям его деятельности) образует бессмыслицу: «Думаю, что это мой дом», «Мне кажется, я только что был в кино», «Нужно было бы, чтобы эта картина была выполнена в красно-зеленой гамме» и т. д.

Наконец, не высказываем мы своего мнения и тогда,

когда говорим: « $2 \times 2 = 4$ ». Подобное предложение, как и вышеприведенные, также лишь устанавливает некий очевидный факт. Правда, природа очевидности в данном случае иная: очевидность здесь имеет уже умозрительный характер, то есть фиксируется не непосредственно в восприятии, не с помощью одних только органов чувств, но в результате определенной, хотя бы (как во взятом примере) самой примитивной, умственной деятельности. Но это ничего не меняет по существу: предложение, подобное « $2 \times 2 = 4$ », передает абсолютную истину и потому не является мнением. И такова, в сущности, специфика всех предложений науки, истинность которых строго доказана. Нельзя сказать: «С моей точки зрения, $2 \times 2 = 4$ » или: «По моему мнению, Земля вращается вокруг Солнца», не желая впасть в детство или проявить свое невежество. Известно, что ссылка на мнение любого авторитета всегда была недостаточной, когда речь шла (или идет) о первоначальном обосновании истинности какого-либо предложения: истина обосновывается не мнением, не голосованием, но специфически научным доказательством, опирающимся на анализ фактов и уже известные истины. И тем более невозможно высказывать мнение по поводу уже доказанной истины. Следовательно, из числа мнений должна быть исключена и та огромная масса суждений, которая заимствуется индивидом из арсенала, вернее, из мастерской науки.

С аналогичным положением вещей мы сталкиваемся и в сфере общественного сознания, существующего в форме политической идеологии, правосознания, морали, религии, науки, искусства, философии; из всей совокупности наполняющих эти формы суждений лишь определенная часть может быть отнесена к числу тех, которые являются по своему характеру мнениями. Именно такого типа суждения господствуют, как известно, в сфере политической идеологии, морали или искусства. Зато в сфере права и особенно философии или науки их удельный вес резко падает. Что же касается религии, включая и любые светские ее формы, то, представляющая собой систему незыблемых догматов, она вообще едва ли не исключает какие-либо мнения: способность суждения здесь замещается верой.

Каков же отличительный признак того круга суждений, индивидуальных или коллективных, который связывается с понятием «мнение»? Ответ на этот вопрос легче всего получить, если обратиться к науке. Например, суждения «Су-

ществует внутривидовая борьба», «Земля вращается вокруг Солнца» и им подобные не являются мнениями. Однако известно, что в свое время они были именно таковыми. Во времена Дарвина тезис о внутривидовой борьбе был предметом самых острых научных споров, да и для самого Дарвина он поначалу был не более чем гипотеза, чем *мнение*, — его превращение в безусловную, доказательную истину потребовало знаменитого кругосветного путешествия на «Бигле» и многих лет напряженной работы ученого. Еще более затяжной и драматичной была борьба мнений вокруг учения Коперника: научные доводы сторонников системы Птолемея подкреплялись более «жесткими» аргументами в виде позорного костра на Кампо ди Фиори или инквизиторского судилища над Галилеем. И понадобились столетия развития математики, естествознания, философии, как и вообще цивилизации, чтобы новое учение восторжествовало в качестве истинного, а тезис о гелиоцентрическом строении мира превратился из мнения, поначалу разделявшегося лишь небольшой горсткой ученых-смельчаков, в абсолютную истину, известную ныне каждому еще со школьной скамьи.

За вычетом тех или иных исторических обстоятельств, иногда принимающих форму подлинной трагедии, таков, в сущности, путь развития каждой научной истины: от первоначального предположения, гипотезы, индивидуального мнения отдельного ученого или группы ученых через борьбу мнений, разделяемых различными группами ученых, и победоносное завоевание правильным мнением все большего количества умов к строго доказанному, то есть истинному положению науки, принимаемому всеми людьми, за исключением клинических сумасшедших и безнадежных обскурантов. Что отличает в этой схеме исходный пункт от результата, — так это именно недоказанность, спорность, безусловность суждения. И именно здесь кроется важнейшая *differentia specifica* любого мнения, именно здесь лежит водораздел, отделяющий мнение от суждения непосредственного восприятия или научного предложения. Когда мы говорим: «Мое мнение по этому поводу такое-то», этим самым мы так или иначе утверждаем (безразлично, сознательно или нет), что на данный вопрос могут быть и иные точки зрения, отличные от нашей. И подобное предположение об ином взгляде на предмет, по крайней мере о *возможности* такого иного взгляда, содержится имплиците в любом высказываемом мнении.

Отмечаемая специфика суждения-мнения, как такового, сохраняет все свое значение и применительно к собственно общественному мнению. Это дает нам возможность сформулировать второй важнейший критерий, определяющий границы объекта общественного мнения. В соответствии с этим критерием из всего бесконечного ряда явлений действительности, вызывающих общественный интерес, предметом рассмотрения общественности становятся только те, которые предполагают различие в оценках, суждениях, характеристиках и т. д., то есть заключают в себе больший или меньший момент спорности, дискуссионности. Словом, подобно индивидуальному мнению, общественное мнение также всегда складывается по вопросам, еще не решенным, только ждущим своего окончательного решения, и никогда — по вопросам, относительно которых существует бесспорное, непосредственное или научное, знание.

Однако в этом пункте между двумя рассматриваемыми видами мнений можно обнаружить и некоторое различие. Оно связано со степенью произведенного нами обобщения: строго говоря, слова «всегда», «никогда» не могут быть отнесены к индивидуальному мнению. Дело в том, что отдельный человек иногда как раз высказывается и по поводу тех проблем, которые уже решены наукой, и решены окончательно. Это может произойти как в силу воинствующего невежества, безнадежного цепляния человека за старые, ошибочные представления, так и в силу его простой неосведомленности в тех или иных результатах научного знания. При этом последнее случается довольно часто, и не только, так сказать, с «простыми», то есть далекими от науки людьми, имеющими пробелы в образовании, но и с учеными, даже «узкими специалистами» в своей области. Известно, что последние сегодня, в условиях практически необозримого и все более возрастающего потока научной информации, нередко занимаются изобретением давно уже изобретенного велосипеда, то есть ведут разговор на уровне мнений в то время, как он уже состоялся на уровне точного знания²¹.

В отличие от этого общественное мнение никогда или, точнее, почти никогда не впадает в подобную ошибку: то, чего может не знать отдельный член общества, как правило,

²¹ По подсчетам Ассоциации специальных библиотек и информационного бюро Англии, в настоящее время из-за несовершенства системы информации дублируется по меньшей мере 10 процентов всех научно-исследовательских работ.

всегда знает общество в целом. Правда, в истории иногда бывали случаи, когда общественное мнение выступало по поводу (чаще всего в поддержку) того или иного доказанного положения науки (как, например, в упоминавшемся нами «обезьяньем процессе» в США), но ясно, что речь тут почти всегда шла совсем о другом: объектом высказывания общественности в подобных случаях являлись не истины науки, как таковые, но социальные, моральные и тому подобные позиции людей, отстаивающих старые взгляды, выступающих против научного прогресса и к тому же борющихся с наукой отнюдь не научными средствами.

**Дискуссионность
и единодушие**

Отмечаемый признак объекта общественного мнения — возможность его различных толкований и оценок — довольно единодушно признается всеми социологами, во всяком случае не является предметом дискуссии²².

Вместе с тем в этом недискуссионном пункте есть, с нашей точки зрения, один момент, который вызывает возражения или по меньшей мере нуждается в принципиальном уточнении. Мы имеем в виду утверждение некоторых исследователей, будто общественное мнение не может формироваться по вопросам, вызывающим единодушное отношение. Наиболее определенно на этот счет высказывается видный французский социолог А. Сови: «Не говорят об общественном мнении, когда имеется полная общность идей. Не было бы почти никакого смысла утверждать, что общественное мнение высказывается против землетрясений, кровосмешения или полиомиелита... Для того, чтобы сила проявилась, необходимо, чтобы она натыкалась на точку опоры, т. е. на сопротивление, на некоторую оппозицию»²³.

²² «...Важным признаком общественного мнения является то, что оно возникает в связи с расхождением взглядов людей... В общественной жизни далеко не все вопросы, встающие перед людьми, требуют, чтобы по ним формировалось мнение: то ли потому, что отношение людей к ним является одинаковым в силу разделяемых ими традиций и обычаев, общих идеологических взглядов, то ли потому, что они получили всестороннее научное обоснование и не вызывают дискуссий. Вместе с тем решение многих вопросов связано с борьбой различных суждений, позиций, что неизбежно приводит к возникновению общественного мнения, т. е. такого коллективного суждения, на основе которого становится возможным практическое решение возникших вопросов» (А. К. Уледов. Общественное мнение советского общества, стр. 24).

²³ А. Sauvy. L'opinion publique. Paris, 1956, p. 5.

О чем тут, в сущности, идет речь? О том ли, что общественное мнение не может складываться и высказываться по поводу безусловно недискуссионных проблем, так называемых абсолютных истин? Или о том, что общественное мнение не может быть единодушным, что категории «единодушные» и «общественное мнение» вообще исключают друг друга? Ясно, что это совершенно разные суждения. И если первое из них абсолютно справедливо (хотя примеры с землетрясениями и полиомиелитом очень неудачны), то второе элементарно ошибочно. Между тем в приведенном высказывании — то ли в соответствии с замыслом их автора, то ли в силу неточного выражения мысли — довольно четко проглядывает именно второе понимание вещей: когда имеется полная общность взглядов — не говорят об общественном мнении.

С этим согласиться никак нельзя. И прежде всего потому, что объективные факты свидетельствуют об обратном. Конечно, А. Сови, равно как и другим социологам Запада, имеющим дело с «разорванным» буржуазным обществом, в «состав» которого входит множество классов и слоев с резко отличными и даже противоположными интересами, нечасто приходится иметь дело с единодушным общественным мнением: как правило, общественное мнение здесь также является «разорванным», состоящим из различных и противоположных точек зрения на предмет. Однако уже и в этом обществе можно обнаружить полное единодушие общественности относительно некоторых проблем, особенно тех, которые касаются не внутренней жизни общества, но волнуют все человечество. Как известно, широкая общественность многих капиталистических стран, включающая представителей всех классов и слоев, имеет единую точку зрения по многим вопросам, например по вопросу о недопустимости фашизма, о необходимости прекращения испытаний атомного оружия, развития культурных связей между народами и т. д.

И тем более это верно по отношению к социализму. Отсутствие классов и слоев с антагонистическими интересами, социальная монолитность социалистического общества порождают принципиальную возможность возникновения монолитного же, единодушного общественного мнения. Как мы отмечали в своем месте, наиболее полное осуществление эта возможность получит при коммунизме. Однако множество фактов показывает, что сплошь и рядом она становится

реальностью уже теперь, в наше время. Не будем для этого ссылаться на результаты всенародных обсуждений. Приведем более частные примеры из практики работы Института общественного мнения. А они таковы. По вопросу: «Удастся ли человечеству предотвратить войну?» (I опрос) нами было выявлено единство мнений 96,8 процента опрошенных; по вопросу: «Что Вы думаете о своем поколении, нравится ли оно Вам, довольны ли Вы его делами?» (III опрос) — 83,4 процента; по вопросу: «Что, по-Вашему, больше свойственно Вашим сверстникам: целеустремленность или отсутствие цели?» (тот же опрос) — 85,3 процента; по вопросу: «Можно ли, на Ваш взгляд, лишать человека (коллектив) почетного звания?» (IV опрос) — 68 процентов и т. д.

Словом, более или менее единодушное общественное мнение является *очевидным фактом*. Значит, об общественном мнении можно и нужно говорить и тогда, «когда имеется полная общность идей», когда отношение людей к объекту высказывания «является одинаковым в силу разделяемых ими традиций и обычаев, общих идеологических взглядов».

В чем же тогда дело? Откуда возникает этот явно противоречащий объективной действительности тезис о несовместимости общественного мнения с единодушием? Как кажется, суть ошибки — независимо от того, проистекает ли она из сознательной установки исследователя или появляется случайно, — состоит в подмене понятия «абсолютная истина» понятием «единодушное суждение», в смешении, отождествлении этих понятий. Между тем на самом деле они далеко не идентичны. Тут верна только одна сторона дела — что абсолютная истина, то есть всякое строго доказанное положение науки или очевидное суждение (аксиома, предложение, фиксирующее непосредственное восприятие, и т. д.), действительно не может вызывать каких-либо споров, расхождений во мнениях, единодушно признается всеми. Но никак не наоборот! «Коллективный опыт» никогда еще не был и не может быть по своему характеру критерием истины, и самое единодушное признание какого-либо положения само по себе еще отнюдь не свидетельствует о его бесспорности, абсолютной истинности.

Совершенно верно, что объектом высказываний общественности не может быть абсолютная истина. Но она не может быть таким объектом *не потому, что в отношении ее имеется полное единодушие мнений*, но в силу самой логической природы абсолютно истинного знания, полностью ис-

ключающего момент какого-либо сомнения, дополнительного выяснения, обсуждения предмета и т. д. Действительно нелепо обращаться к общественному мнению с вопросом: «Сколько будет 2×2 ?», как и в отношении «вреда» и «пользы» землетрясений или полиомиелита. Но, повторяем, делать это нелепо не потому, что мнение всех членов общества будет по этому поводу одним и тем же, но исключительно потому, что *по этому поводу вообще, в принципе не может быть каких-либо мнений*. Утверждать обратное можно, лишь полагая, что всякое, любое суждение, высказываемое человеком, является мнением. Однако выше было показано, что это заведомо не так.

Из сказанного вытекает вывод: границей объекта общественного мнения является абсолютная истина, исключающая всякое обсуждение и всякие споры, но не единодушие, как таковое. Последнее, напротив, вполне совместимо с высказываниями общественности. И это требует от нас постановки специального акцента в формулировке, касающейся второго критерия объекта общественного мнения. Таким объектом может быть любое связанное с общественным интересом явление действительности, которое *предполагает* различие в оценках, суждениях, характеристиках и т. д. Именно предполагает. А это значит, что многозначность суждений по поводу такого объекта может быть не только реальной, но и мнимой, не только *актуальной*, но и *потенциальной*. Единодушное суждение общественности по поводу того или иного явления остается мнением (даже при стопроцентном единодушии!) до тех пор, пока обсуждаемое явление хотя бы в потенции заключает в себе возможность спора, различия в подходе, дискуссионности. Если же этот момент исчезает — что происходит, когда суждение превращается в абсолютную истину (доказанное научное предложение или очевидное, опирающееся на непосредственный опыт суждение), — тогда высказывание перестает быть мнением. И это происходит независимо от того, произносится ли оно всеми членами общества единодушно или нет (ведь некоторые индивиды, как уже отмечалось выше, могут не соглашаться и с абсолютно истинными суждениями).

В этой связи очень важно отметить, что объектом общественного мнения может быть любая проблема, связанная с желаниями, вкусами, настроениями людей, то есть с теми секторами субъективного мира, где, в соответствии с поговоркой «на вкус и цвет товарища нет», существует наибольшая

возможность расхождения в точках зрения. При этом первостепенное значение приобретает уточнение объекта высказывания — определение того, идет ли в данном высказывании речь об оценке, пересмотре абсолютной истины (вещь совершенно невозможная и нелепая) или об отношении к явлениям действительности, связанным с этой истиной (вполне нормальный объект общественного мнения).

Это можно показать на примере. В I опросе мы предлагали общественности высказать свое отношение к проблеме: «Удастся ли человечеству предотвратить войну?» Некоторые товарищи возражали против подобной постановки вопроса: мол, и практически бесполезно, и с принципиальной стороны недопустимо «ставить под сомнение истину, установленную марксистско-ленинской теорией и записанную в решении XX съезда КПСС». Однако задачей исследования в данном случае вовсе не являлось апробирование этого вывода. Речь шла совсем о другом — об оценке населением СССР конкретной ситуации, существовавшей в мире накануне Парижского совещания Глав Правительств, об измерении психологического состояния людей, о выявлении их настроений и т. д. А это, как легко понять, был уже совсем иной поворот в проблеме, поворот вполне оправданный и вполне закономерный с точки зрения изучения высказываний общественности. Теоретический вывод, как известно, не отрицает принципиальной возможности возникновения новой мировой войны, и, следовательно, каждая конкретная ситуация может быть совершенно «законным» объектом общественного мнения, поскольку она допускает различие в оценках, то есть содержит в себе необходимый момент спорности, дискуссионности.

17. ТРЕТИЙ КРИТЕРИЙ: КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Выше мы говорили, что то, чего может не знать один человек, обязательно знают другие: всё знают только все. Поэтому в отличие от индивида общество в целом не может ошибаться. С другой стороны, отдельный человек может знать то, чего могут не знать и очень часто действительно не знают другие люди, тем более все: некоторое знают только некоторые. Поэтому в отличие от того же индивида общество в целом может ошибаться.

Парадокс? Отнюдь нет. Весь секрет заключается в словечке «того же». Дело в том, что в обоих этих случаях речь идет как раз не об одном и том же, а о безусловно *разных индивидах* (хотя на практике они благополучно могут соединяться в одном лице): в первом — об индивиде незнающем, заблуждающемся, во втором, напротив, об индивиде знающем, владеющем предметом.

Ученый-теоретик, конструктор-авиастроитель, наконец, обычный заводской инженер — все они располагают в своей области такими знаниями, которые неизвестны многим, возможно даже подавляющему большинству членов общества ²⁴. Вообще для индивида-совокупного специалиста нет сфер знания, в которых он не был бы сведущ, — те или иные сферы знания сами существуют лишь постольку, поскольку существуют люди, хотя бы самое ограниченное их число, которые исследуют эти сферы. Значит, индивидуальное мнение оказывается безграничным по своему объекту не только в указанном выше смысле — с точки зрения бескрайности лежащего в его основе индивидуального интереса, но и в другом смысле — с точки зрения способности индивида познавать мир и судить о мире.

Этого нельзя сказать об обществе в целом. Объект его высказываний ограничен. И границы эти определяются как наличием специфически общественного интереса, лежащего в основе образования общественного мнения, так и рамками компетентности общественного мнения, рамками его способности постигать мир и судить о нем.

Уровень знания и понимания предмета
Существо проблемы обнаруживается лучше всего в результате сопоставления высказываний общественного мнения с высказываниями науки. Среди последних, как известно, имеются не только абсолютные истины, но и предложения, истинность которых еще строго не доказана, предложения спорные, дискуссионные и т. д., то есть мнения. Вместе с тем уже сам по себе

²⁴ На одном совещании по вопросам издательского дела приводился в качестве анекдотического случая пример, когда очень большим, измеряемым тысячами, тиражом была издана книга (кажется, по проблемам космогонии), понять которую в стране могло лишь несколько десятков человек. Этот анекдот близок к истине. В новейшей науке, развивающейся, как известно, необычайно бурными темпами и характеризующейся возникновением множества новых разделов, действительно существуют такие отрасли, специалисты в которых, по крайней мере на первых порах, насчитываются единицами.

факт вторжения науки в сферу тех или иных явлений действительности свидетельствует, что эти явления пробуждают у общества определенный интерес; научный интерес вообще является одной из форм общественного интереса. Значит, здесь налицо и первый, и второй критерии, на основании которых объект науки мог бы стать объектом общественного мнения. И все же в подавляющем большинстве случаев этого не случается. Спор вокруг тайны белка, по поводу конструирования нового синхрофазотрона или даже по вопросу о природе общенародного государства был, есть и остается преимущественно узконаучным спором, спором специалистов, исключаящим участие в нем широких масс населения. Борьба мнений в науке, как правило, не выходит за стены научных институтов и лабораторий, за пределы специальных научных изданий и не становится борьбой мнений в масштабах всей общественности.

Этого не случается по той простой причине, что общественное мнение, то есть члены общества, взятые в сумме, *не располагает необходимой для такого спора компетенцией* — соответствующим объемом и уровнем знаний о предмете, а также соответствующими, специфически научными, *средствами его анализа*. И, что очень важно подчеркнуть, в принципе не может располагать: отмечаемая «ущербность» общественного мнения является органической. Ведь даже если допустить, что на каком-то, предельно высоком, уровне социального развития общественное мнение станет по своему содержанию сугубо научным (в смысле: в основном свободным от антинаучных элементов), то и тогда, хотя бы в силу необходимой специализации научного труда, все люди не смогут обладать равными знаниями по всем вопросам. Следовательно, даже тогда наука будет отличаться по своему объекту от общественного мнения. И тем более это верно применительно к существующим условиям, когда общественное мнение формируется не только на уровне научного знания, но и на уровне обыденного сознания, когда оно наряду с элементами науки включает в себя элементы, крайне далекие от научного понимания действительности, и, больше того, когда эти последние в общем и целом явно преобладают в содержании мнений.

Наряду с отмеченной *органической* некомпетентностью общественного мнения существует еще и, так сказать, *неорганическая, искусственно создаваемая* некомпетентность общественности. С ней мы сталкиваемся, например, когда речь

идет об объектах, не требующих для своего освоения теоретического мышления, — таких, как многие стороны политики, морали, экономики и т. п. В существовании такого рода некомпетентности сомневаться не приходится: практически в каждом опросе общественного мнения выявляется более или менее широкая группа населения, которая в ответ на те или иные вопросы анкеты пишет: «Не знаю», «Не думал об этом», «Не слышал об этом» и т. д. Но точно так же не может быть двух разных мнений и в отношении природы этой некомпетентности. Речь тут идет об объектах, вполне доступных пониманию среднеобразованного человека, не требующих специальной подготовки, и если человек все же не может судить о них, то только по одной причине — в силу простого незнания с данными объектами.

Иными словами, компетентность (некомпетентность) первого рода, в отношении явлений действительности, выступающих в качестве объекта науки, является функцией прежде всего от образования людей, уровня их специальных знаний, их теоретических способностей, их умения оперировать средствами научного анализа и т. д. и т. п. Компетентность второго рода — функция прежде всего от уровня осведомленности людей в тех или иных вопросах действительности. Разумеется, и в том, и в другом случае в основе большей или меньшей компетентности людей лежат некоторые общие социальные предпосылки: уровень развития науки, образования, демократии и пр. Однако реальное соотношение объективного и субъективного факторов здесь различно. При прочих равных обстоятельствах, в первом случае компетентность индивида в большей степени зависит от него самого, нежели от общества: великие ученые существовали, как известно, во все времена, хотя, понятно, число их по мере социального прогресса постоянно возрастало. Что же касается неосведомленности людей, то она уже в гораздо большей степени связана с условиями общественной жизни, даже тогда, когда в основе ее лежит, казалось бы, чисто субъективный фактор в виде социальной неактивности, социального равнодушия индивида (случай, когда индивид сам совершенно не интересуется теми или иными явлениями действительности и потому не имеет о них никакого представления). И тем более вопрос упирается в объективные условия социальной жизни, когда в обществе не развита демократия, когда оно не предоставляет своим членам всей необходимой информации по поводу совершающихся в нем процессов и т. д. В дан-

ном случае индивид и общественное мнение в целом не могут быть компетентными, несмотря на все свое желание.

Как легко понять, все это ограничивает круг объектов, по которым может высказываться общественное мнение. Следовательно, критерий компетентности также является важнейшим при определении этих границ. В соответствии с ним из всех явлений действительности, вызывающих общественный интерес и допускающих многозначность толкования, объектом общественного мнения могут быть только те, которые доступны знанию и пониманию общественности.

В начале главы мы говорили о «пороге доступности», за которым лежат явления, главным образом из сферы социальной жизни, которые, «проходя» через призму непосредственной практики и непосредственного восприятия индивидов, теряют свои действительные очертания, приобретают в массовом сознании причудливые, искаженные формы. Сознание людей, вырастающее непосредственно из их обыденной жизни, вообще не способно отразить такие явления, вернее, способно отразить их лишь в заведомо извращенном, затемненном виде. В известном смысле за «порогом доступности» общественного мнения лежат и те явления действительности, о которых мы заговорили теперь, в связи с проблемой компетентности. Однако, как нетрудно убедиться, в сущности, это разные вещи.

По отношению к явлениям первого рода человеческий мозг в рамках массового сознания представляет собой вмес­ти­ли­ще раз­но­го ро­да лож­ных взгля­дов, заблуждений и пре­дубеж­де­ний; рас­про­стране­ние истин­ных зна­ний пу­тем про­све­ще­ния натал­ки­ва­ет­ся в та­ких слу­чаях на стихийное со­про­тивле­ние всех этих эле­мен­тов заблуждения. Пред­ме­ты же, яв­ляю­щие­ся об­ъек­та­ми на­уч­но­го рас­смот­ре­ния, в мас­се сво­ей во­все не «про­хо­дят» че­рез при­зму не­по­сред­ствен­ной прак­ти­ки ин­ди­ви­дов и по­то­му про­сто не­из­вест­ны лю­дям, да­же по­на­слыш­ке. По от­но­ше­нию к ним че­ло­ве­че­ский мозг пред­став­ляет со­бой ско­рее ти­пич­ную *tabula rasa*, на ко­то­рую пу­тем об­ра­зо­ва­ния мо­жет быть бес­пре­пят­ствен­но за­не­се­но лю­бое зна­ние.

В этом смысле у непосредственных агентов капиталистического производства могут быть самые превратные представления о сущности эксплуатации или процессе ценообразования; поэтому мы говорили, что подобные явления лежат за «порогом доступности» общественного мнения, предполагают специфически теоретическое их освоение. Но мо-

жно поручиться, что у абсолютного большинства членов общества вовсе нет никаких представлений (и тем более мнений!) по вопросу о том, что собой представляет прибавочный труд или стоимость. Последние предметы с точки зрения общественного мнения это — terra incognita, вещи, которые «неизвестно с чем едят», — словом, *неизвестные явления*. И в таком же положении по отношению к общественности (большинству членов общества) находятся другие стороны мира, изучаемые бесчисленными «специальными» науками — физикой, химией, геологией, медициной — несть им числа, как и вообще любые явления действительности, даже самые простые с точки зрения их понимания, познакомиться с которыми члены общества не могут или не хотят.

Таким образом, повторяем, проблема компетентности общественного мнения и проблема «непознаваемости» мира массовым сознанием, или ложного сознания, — не совсем одно и то же. Первая является значительно более широкой по своему содержанию, поскольку ошибочное отражение того или иного явления во мнениях — лишь частный случай некомпетентности. В более общем виде под компетентностью понимается знакомство или незнакомство людей с предметом обсуждения, степень их осведомленности о предмете. Поэтому проблема компетентности, в собственном смысле слова, решается не только и не столько в терминах «истины» и «лжи», сколько в терминах «знания» и «незнания».

**Компетентность —
величина
переменная.
Зависимость
от социальных
условий**

Из сказанного, между прочим, вытекает, что компетентность общественного мнения — величина переменная. Прежде всего с исторической точки зрения. Отвлекаясь от разного рода частных случаев, можно утверждать, что общий исторический прогресс, отмечаемый сменой социально-экономических формаций, сопровождается неизменным ростом компетентности общественного мнения. В основе этого явления лежит научно-технический прогресс, расширение объема человеческих знаний, увеличение числа «знающих», то есть образованных людей, развитие демократических форм социальной организации, расширение социальных и технических средств информации и т. д. и т. п.²⁵

²⁵ Следует подчеркнуть, что в современном мире, наряду с отмечаемой, самое широкое развитие получает и противоположная историческая тенденция — в виде крайнего усложнения «языка» но-

В самой структуре общественного мнения этот процесс находит выражение в изменении удельного веса элементов научного знания и обыденного сознания: по мере исторического развития происходит постоянное увеличение удельного веса первых за счет соответствующего уменьшения удельного веса вторых.

Некоторые исследователи, говоря об общественном мнении буржуазного общества, нередко пытаются представить его в виде царства, где единолично господствует обыденное сознание. В действительности, конечно, это не так. В условиях буржуазного общества, сделавшего колоссальный шаг вперед по сравнению со средневековьем, массовое сознание содержит немало элементов науки и точных представлений о действительности²⁶.

Вместе с тем в условиях этого, как и вообще всякого антагонистического общества, сохраняется глубокий разрыв между научным и обыденным сознанием. Он порождается уже самим характером капиталистического способа производства, который, благодаря феномену отчуждения, является одновременно способом массового производства разного рода иллюзий и ложных представлений. С другой стороны, на процесс проникновения науки в сознание масс, вызываемый объективными причинами, оказывает определяющее влияние целый ряд объективных же противодействующих тенденций — хотя бы в виде интересов господствующих классов. Последние, как известно, стремятся ограничить духовное развитие масс, задержать по возможности рост их сознательности, образования, культуры. И для этого они прибегают не только к разного рода пассивным мерам, затрудняющим для миллионных масс получение образования и приобщение к науке, но и осуществляют активную программу по закреплению имеющихся и насаждению новых иллюзий и

вейшей культуры (науки, искусства), специализации средств ее хранения и передачи, резкого усиления общего потока информации, затрудняющего овладение ею, и т. д.

²⁶ В. Келле и М. Ковальзон совершенно справедливо указывают на связь этого явления «с потребностями развивающегося производства, которые вызывают необходимость повышения культурного уровня непосредственного производителя, что приводит на определенной ступени развития общества к появлению и расширению системы народного образования», а также с тем, что, «особенно в периоды революционных подъемов, в массы широко проникают новые, прогрессивные идеи, отражающие назревшие потребности общественного развития» (В. Келле, М. Ковальзон. *Формы общественного сознания*, стр. 25).

ложных представлений в массовом сознании, тем самым по повышению его «иммунитета» в отношении элементов научного знания.

В результате в этом обществе складываются такие отношения, когда, по словам Р. Миллса, «люди лишены не только продуктов и орудий своего труда, но и понимания общей структуры и общей связи производственных процессов. В политической сфере... люди не в состоянии разглядеть все здание в целом, не в состоянии обозреть его вершину и не в состоянии сформулировать проблемы, имеющие решающее значение с точки зрения определения всей политической системы, в которой они живут, и места, занимаемого ими в этой системе»²⁷.

Больше того, если иметь в виду реальное отношение между элементами научного знания и обыденного сознания, то в условиях капитализма первые не только в целом не замещают, не вытесняют вторых, но, случается, сами замещаются, вытесняются вторыми. Именно это явление находит свое выражение в возникновении и существовании в буржуазном обществе так называемой вульгарной науки²⁸.

Принципиальное изменение структуры массового сознания в направлении увеличения элементов научного знания и, следовательно, принципиальное повышение компетентности общественного мнения совершается с переходом от капитализма к коммунизму. Более высокий социальный строй, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, создает все необходимые условия для «массового изменения людей», для «массового порождения коммунистического сознания»²⁹. Правда, это

²⁷ Р. Миллс. Властвующая элита. М., изд. «Иностранная литература», 1959, стр. 429.

²⁸ «...Иррационализм XX века,— пишет по этому поводу М. Мамардашвили,— вполне можно рассматривать как логическое завершение такого явления в истории буржуазной мысли, как вульгарная наука. Говоря о вульгарных формах научности в буржуазной политэкономии и социологии, Маркс имел в виду не индивидуальное качество — низкое или высокое — теоретических работ, а логическую и социальную характеристику определенного типа исследования, определенной устойчивой формы сознания, проникшей в науку. Ее содержание он видел в том, что она переводит на наукообразный язык обыденные представления, бытующие на поверхности общественного процесса, и устраняется от раскрытия его внутренних связей» (М. Мамардашвили. К критике экзистенциалистского понимания диалектики, стр. 119).

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 70.

происходит не сразу. Различение обыденного и научного сознания долго еще полностью сохраняет все свое значение, в том числе в условиях социализма³⁰. И все же уже при социализме сфера действия обыденного сознания оказывается существенно ограниченной.

Не будем здесь приводить общих данных, свидетельствующих об уровне грамотности и сознательности членов социалистического общества. Сошлемся лишь на опыт Института общественного мнения. А он убедительно показывает, что при обсуждении многих важных проблем общественное мнение обнаруживает весьма высокую компетентность.

Бесспорно, нелегкой нужно считать, к примеру, проблему определения путей быстреего увеличения производства продуктов питания и товаров широкого потребления в стране. Однако участники II опроса, среди которых, заметим, было 34 процента рабочих, 33,3 процента служащих и только 13,1 процента инженеров, справились с ней в целом довольно успешно. Например, в отношении вопросов развития сельского хозяйства большинство мнений сводилось к предложениям: механизировать и автоматизировать производство; добиться такой же организации труда, как в промышленности; шире использовать специализацию в развитии отдельных областей, краев и районов страны; развивать сеть овощеводческих совхозов близ крупных промышленных центров и т. д.

Но может быть, в еще большей степени о высокой компетентности общественного мнения и происходящем историческом сужении сферы действия обыденного сознания гово-

³⁰ В. Я. Ельмеев и М. Я. Корнеев связывают это с целым рядом обстоятельств, прежде всего, с уровнем понимания «явлений и законов природы. Еще не все люди овладели достижениями естественных наук, а поэтому в их производственной деятельности значительное место занимает эмпирический опыт... Во-вторых... хотя социализм строится планомерно, сознательно, еще не все люди усвоили достижения общественных наук, а потому не в состоянии предвидеть отдаленные последствия своей деятельности, а иногда и непосредственные последствия, вытекающие из их практической деятельности, неспособны полностью осознать общественную значимость результатов своего повседневного труда, поведения и т. д. В-третьих... при социализме еще не все люди освободились от пережитков прошлого в сознании. Хотя социалистическая идеология является господствующей в обществе, но еще не все овладели научным, материалистическим мировоззрением» (В. Я. Ельмеев, М. Я. Корнеев. *Возрастание роли науки в строительстве коммунизма*, стр. 68—69).

рили в том же опросе оценки возможных (наилучших) путей повышения заработной платы населения.

Как известно, в принципе заработная плата может расти двояким путем: путем увеличения суммы получаемых людьми денежных средств и путем, когда эта сумма остается прежней, но на нее можно приобрести большее количество продуктов и товаров, чем раньше, — главным образом за счет снижения цен. Социалистическое государство использовало и использует оба способа повышения благосостояния трудящихся. Но какой из них должен быть признан наиболее эффективным в настоящее время, в условиях сложившейся диспропорции в уровнях заработной платы различных слоев населения, с точки зрения решения социальных задач, стоящих перед обществом в целом? Мнение специалистов, основанное на соответствующих экономических показателях, на этот счет таково: конечно, путь упорядочения заработной платы, ее повышения у низкооплачиваемых рабочих и служащих: только на таком пути можно покончить с разрывами в уровнях жизни людей; снижение же цен, от которого более всего выигрывают как раз категории трудящихся, имеющие высшие ставки, напротив, способно лишь усугубить процесс социальной дифференциации. А что по этому поводу думают «простые люди», общественное мнение? Как они расценивают значение обоих путей?

Обыденное сознание всех групп населения, отражающее ближайшие, непосредственные интересы людей, избирает в качестве наиболее предпочтительного конечно же путь снижения цен, поскольку он приносит зримую, осязаемую выгоду для всех; при этом особенно на таком пути должны были бы настаивать те довольно многочисленные слои населения, на которые не распространяется процесс увеличения заработной платы. Подобные обстоятельства могли породить у исследователя естественное стремление к известному априоризму в выводах. Однако результаты опроса были иными. Общественное мнение, взятое в целом, продемонстрировало по отношению к данной проблеме истинно сознательный подход, продиктованный учетом интересов и целей продвижения вперед всего общества в целом. Обнаружив понимание того, что путь снижения цен, наряду с очевидными плюсами, отличается и серьезными минусами, поскольку он закрепляет и еще более усиливает имеющуюся дифференциацию в уровне заработной платы и, следовательно, в уровне жизни

различных групп населения, участники опроса в большинстве своем высказали мнение, совпадающее с точкой зрения специалистов. Лишь треть опрошенных отдала предпочтение практике дальнейшего снижения цен на предметы потребления. 60,7 процента настаивало, как на главном, на мерах по урегулированию заработной платы, прежде всего путем подтягивания низкооплачиваемых категорий работников до уровня остальных.

**Зависимость
от объекта
и субъекта
высказывания**

О том, что компетентность общественного мнения — величина переменная, можно говорить не только в историческом плане, в смысле прогрессивного увеличения числа элементов науки в содержании массового сознания, то есть применительно к тем ситуациям, когда компетентность является функцией от общего уровня развития общества, от социальных условий деятельности личности, от достигнутой в обществе степени образованности народа и т. д. Компетентность общественного мнения *непостоянна и в рамках каждого данного общества*, взятого в тот или иной момент его развития. В последнем случае она оказывается функцией прежде всего от объекта высказываний общественности: при заданном характере основных социальных условий, при данном уровне грамотности населения одни и те же люди в одно и то же время проявляют безусловно различную осведомленность в разных вопросах. Но не только. В тех же самых заданных общих условиях, при обсуждении одних и тех же вопросов разные группы людей проявляют также безусловно различную осведомленность. Значит, компетентность мнения является функцией и от субъекта высказывания.

Все это ставит перед исследователем общественного мнения целый ряд специфических задач. Он никак не может ограничиться признанием *общей* возросшей компетентности общественного мнения и на этом основании объявлять глас народа «гласом божьим». То очевидное обстоятельство, что степень этой компетентности может испытывать — в зависимости от характера обсуждаемого вопроса и от состава участников опроса — весьма серьезные колебания, вынуждает его в каждом конкретном случае специально анализировать высказывания общественности как с точки зрения их объекта, так и с точки зрения их субъекта.

Дело усложняется в связи с тем, что само общественное мнение, как правило, совершенно не задумывается над проб-

лемой собственной компетентности и практически не способно к самокритике. В этом отношении рассматриваемый теперь критерий объекта мнения существенно отличается от первых двух. Стихийно действующее общественное мнение не может высказываться по вопросам, не представляющим общественного интереса или не имеющим многозначного решения. Так же довольно трудно допустима и инспирация высказываний общественности по предметам, не отличающимся названными признаками. Другое дело — критерий компетентности. Он не имеет столь же строгого формального характера, и в результате стихийно действующее общественное мнение то и дело «прорывается» в область «недозволенного», где компетентность его оказывается ничтожной.

Весьма поучительным примером этого была история с выступлением общественности Ленинграда по поводу лечения раковой болезни. В этой истории, вообще говоря, следует различить две стороны. Во-первых, требование общественности организовать клиническую проверку эффективности лечения рака по методу, предложенному одним ленинградцем. Адресованное Министерству здравоохранения СССР, такое требование было вполне правомерным и компетентным. У общественности сложилось впечатление, что в медицинских кругах, в результате явлений бюрократизма, столкновения личных интересов отдельных ученых и т. д., создалась ненормальная обстановка, когда имеющий огромное значение метод лечения не может получить практической реализации, — поэтому, вполне естественно, она и выступила против такой обстановки. Объектом ее высказывания в данном случае была проблема организации научной деятельности, вернее, проблема атмосферы научного творчества в советской медицине, общественный и моральный аспекты этой проблемы и т. д. Ясно, что все эти проблемы полностью входят в сферу компетенции общественного мнения, и, надо сказать, Министерство здравоохранения вяло этому мнению (а оно было высказано рядом крупных писателей и журналистов Ленинграда) и издало соответствующий приказ о проведении испытаний.

Однако результаты этих испытаний, проведенных с участием крупнейших онкологов страны, оказались отрицательными. И тогда общественность сочла возможным пойти дальше: она поставила под сомнение результаты проверки и позволила себе высказываться по существу вопроса: относительно научной и практической ценности защищаемых

ею методов лечения. Таким образом общественное мнение вторглось в сферу, где до сего дня является бессильной даже мировая медицинская наука в лице ее крупнейших представителей, проникших во все тонкости дела. Ясно, что компетентность такого мнения, составленного из мнений почти исключительно неспециалистов, практически могла равняться только нулю. Поэтому естественным в подобной ситуации было уже другое — возмущение ведущих академиков-медиков по поводу того, что «определенная группа лиц считает, что она может от имени общественности оказать давление на ученых-медиков и заставить их разрешить лечить больных людей... не имеющим никакого теоретического обоснования и практически совершенно бесполезным методом»³¹. Вполне естественной была и реакция на общественное мнение со стороны ЦК КПСС, куда писатели и журналисты обратились с апелляцией в своей тяжбе с наукой. «ЦК КПСС,— говорилось в ответе высшей партийной инстанции,— получил письмо группы ленинградских писателей и журналистов с просьбой отменить решение президиума Академии медицинских наук СССР и Министерства здравоохранения СССР о запрещении применения для лечения раковых больных препаратов, предложенные гр. Качугиным... ЦК КПСС не считает возможным брать на себя роль арбитра в апробации методов лечения. Только ученые-медики могут определять правильность применения тех или других методов лечения болезней»³².

Следует отметить, что подобные случаи нарушения общественностью критерия компетентности встречаются не только в условиях стихийного функционирования общественного мнения. К вопросам, требующим сугубо специальных знаний, сплошь и рядом обращается и искусственно инспирируемое мнение общественности. Как кажется, типичным примером в этом отношении могут быть некоторого рода высказывания широких масс по проблемам литературы и искусства.

Разумеется, невозможно отрицать, что оценочные суждения народа по поводу тех или иных отдельных произведений поэзии, кино или живописи, как и по поводу целых школ и направлений в искусстве, представляют сами по себе огромный интерес. Этот интерес затрагивает буквально всех —

³¹ «Правда», 1 августа 1962 г.

³² Там же.

общество в целом, которое должно знать самое себя; стоящие у руководства обществом институты, стремящиеся постоянно совершенствовать свое мастерство управления; наконец, самих поэтов, кинематографистов и художников, для которых, понятно, далеко не безразлично, как относятся к их творчеству массы. Общественное мнение, складывающееся вокруг произведений литературы и искусства, дает возможность определить степень популярности (непопулярности) того или иного художника или его работы, уровень развития художественного вкуса масс и т. д. Из такого знания вытекает возможность решения множества важных вопросов: определения основных направлений художественной пропаганды (как и культурной политики государства вообще), содержания и форм работы по эстетическому воспитанию народа и пр.

Однако значимость общественного мнения в отношении произведений искусства этой его оценочной деятельностью, базирующейся на упоминавшейся аксиоме: «На вкус и цвет товарища нет», в сущности, и исчерпывается. Стоит только перейти от релятивистских оценок типа «нравится — не нравится» к анализу произведений искусства по существу, к анализу на основе объективных критериев «хорошо — плохо», «прогрессивно — реакционно», «перспективно — нежизненно» и т. д., чтобы сразу же убедиться: общественное мнение здесь не помощник.

Высшим объективным судьей в делах такого рода является, как известно, история. Она безжалостно предаст забвению все действительно плохое и, напротив, сохраняет на века все действительно хорошее, она, спустя какое-то время по прошествии споров, недвусмысленно обнаруживает, кто на самом деле лил воду на известную мельницу — хулители данного произведения искусства или его защитники. И она же, эта всесильная история, с беспощадностью фиксирует перед потомками бесконечную вереницу ошибок, в которые столь опрометчиво впадало общественное мнение со своими оценками гениев.

Конечно, было бы неправильно отождествлять общественное мнение прошлых веков и современности. Мир цивилизовался, стал несравненно грамотнее и информированнее, чем, скажем, во времена Моцарта, значительно развились и его способности к восприятию истинно прекрасного. И все же ошибок, когда люди предпочитают Варавву Иисусу, сегодня также, увы, достаточно. Разве не издевалось еще пол-

века назад цивилизованное парижское общество над работами импрессионистов — тех самых, что вызывают сегодня всеобщее восхищение и, во всяком случае, признаны всеми в качестве «законного» направления в живописи?! И разве не существует ныне плотной пелены непонимания, застилающей глаза широкому общественному мнению во многих, в том числе и развитых, странах на истинное содержание творчества таких художников, как Владимир Маяковский и Бертольд Брехт, Густав Малер и Александр Скрябин, Пабло Пикассо и Давид Сикейрос?!

Сказанное должно быть отнесено и к общественному мнению, функционирующему в условиях социалистического общества. Конечно, люди при социализме воспитываются исключительно на идеях прогресса, всякая открытая реакционная деятельность и пропаганда здесь исключены; возрастают здесь и сознательность, грамотность, вообще культура всего народа; несравненно увеличиваются возможности для знакомства с творчеством художника миллионов людей и т. д. Все это, вне всякого сомнения, повышает общую компетентность масс в их суждениях о литературе и искусстве по существу, сокращает возможность ошибок прежних эпох, но никоим образом не исключает этой возможности целиком.

Прежде всего, в силу того обстоятельства, что ни одно из названных условий компетентности не осуществляется в современном социалистическом обществе полностью, до конца. Мы, например, говорим о высокой сознательности членов общества. Это справедливо. Но вместе с тем известно, что в Советском Союзе имеется немало людей, фактически, на практике не придерживающихся научного мировоззрения, разделяющих, скажем, религиозные взгляды на мир и, следовательно, на искусство. Точно так же: социализм обеспечивает успешное решение проблемы грамотности, это верно. А с другой стороны, и в этом отношении имеется немало самых серьезных изъянов³³. Наконец, огромные сложности технического порядка препятствуют и полному решению проблемы информации: из-за несовершенства современного

³³ Достаточно напомнить, что, по данным Всесоюзной переписи 1959 г., лишь 3,8 млн. человек в стране имели высшее образование, 1,7 млн. — незаконченное высшее, 17,8 млн. — среднее (общее или специальное), 35,4 млн. — неполное среднее (семилетнее и выше), а все остальное население (около 60 процентов взрослого!) — ниже семилетнего образования, в том числе около 2 млн. человек были совершенно неграмотны («Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года», Госстатиздат, М., 1962, стр. 74—75).

радио, телевидения, издательского дела, из-за недостаточности распространения некоторых форм внедрения искусства в массы, из-за множества организационных неполадок миллионы людей сегодня лишены еще возможности познакомиться даже с крупнейшими произведениями литературы и особенно искусства — хотя бы в копиях, если речь идет о живописи, или в магнитофонных записях, если речь идет о музыке. Действие всех этих факторов приводит к тому, что в социалистическом обществе на современном этапе его развития сохраняется довольно много людей, не осведомленных в вопросах литературы и искусства, незнакомых с этой сферой духовного производства, то есть некомпетентных³⁴.

Вместе с тем, как мы уже отмечали, незнакомство, тем более полное, с объектом обсуждения является только одним из проявлений, к тому же самых крайних, человеческой некомпетентности. Иное ее проявление — низкий уровень восприятия обсуждаемого предмета, отсутствие у людей достаточной культуры, знаний и навыков для его понимания и анализа³⁵.

³⁴ О действительных границах этого явления некоторое представление дает наш VIII опрос, посвященный проблемам свободного времени. Даже в отношении таких архидоступных видов, как радио или кино, картина, по данным опроса, оказывается отнюдь не идеальной, не стопроцентной: только 82,6 процента опрошенных показали, что они слушают радио (несколько раз в месяц и чаще) и только 81,9 процента — что они ходят в кино (хотя бы несколько раз в год). В отношении чтения книг дело тоже обстоит далеко не так, как об этом обычно принято судить на основании данных о тиражах изданий: лишь 77,3 процента опрошенных читают (хотя бы несколько раз в год) книги. И еще хуже положение с другими, более сложными и дорогими видами духовного потребления: телевизоры в стране смотрят (ежедневно, еженедельно или хотя бы несколько раз в месяц) только 45,3 процента опрошенных; в театры ходят (включая тех, кто делает это хотя бы несколько раз в год) лишь 42,2 процента; на эстрадные концерты (с той же частотой) — 36,6 процента; на выставки и в музеи — 24 процента; на литературные и симфонические концерты — лишь 17,8 процента опрошенных. И это — цифры средние по стране, где рядом с Александровым Гаем фигурирует Москва, а рядом с Акташем из Горно-Алтайской автономной области — Свердловск, и относятся они исключительно к городскому населению (см. Б. Грушин. Свободное время, изд. «Мысль», 1967 г.).

³⁵ Имея в виду эту сторону дела, Иржи Зузанек в великолепной статье «Культура и массы» писал: «В культурной революции... можно, условно говоря, выделить два основных процесса, которые, хотя и взаимосвязаны и неотделимы, все же затрагивают разные слои жизни. Прежде всего это то, что мы называем демократизацией

Некомпетентность такого рода встречается во всех без исключения сферах общественной жизни, и, может быть, как раз чаще всего в сфере литературы и искусства, и устраняется она уже не просто путем отличной постановки дела информации, но в ходе специального обучения и воспитания масс.

В мире действительно все время растет число людей (и не только профессионалов), глубоко разбирающихся в искусстве и литературе, тонко чувствующих прекрасное, испытывающих потребность в соприкосновении с ним и т. д. Но это — с одной стороны. А с другой — бок о бок с названным процессом идет объективный же процесс постоянного усложнения содержания и, следовательно, языка искусства и литературы. И это предъявляет к зрителю и слушателю новые, весьма высокие требования. Огромное количество фактов показывает, что уровень эстетического воспитания широких масс остается в современном обществе довольно невысоким. Миллионы людей не могут отличить объективно «хорошего» от объективно «плохого»³⁶.

О чем, однако, все это говорит? О том, что общественность, неспециалисты не имеют права судить о литературе и

культуры: повышение общего уровня образования, технической и профессиональной грамотности населения, распространение культуры и искусства в самых широких слоях населения... С другой стороны, само по себе распространение культуры еще неспособно разрешить всех существующих противоречий, преодолеть исторически возникший разрыв между массами и культурой. Оно служит прежде всего удовлетворению потребностей на данном уровне, который во многом определяется требованиями жизни, названной Марксом «воспроизводственной», жизни, заключенной между простым трудом, не требующим особых культурных предпосылок, и производством рабочей силы, в которой культура играет опять же второстепенную роль (развлечение и т. д.). В результате сохраняет силу «противоречие между возможностью потреблять культуру и интересом к этой культуре, уровнем культурных запросов» (Иржи Зузанек. Культура и массы. «Проблемы мира и социализма», 1965, № 7, стр. 41—42).

³⁶ В статье И. Зузанека приводятся такие интересные факты по Чехословакии: «Согласно небезынтересным социологическим наблюдениям Карбусицкого и Касана, более 60 проц. опрошенных ими лиц до сих пор не подготовлено к восприятию мелодической музыки Дворжака. Положительное отношение к классической музыке было отмечено только у 10—20 проц. людей. И только у опер Сметаны это количество поднималось до 30 процентов... Самыми успешными прокатными фильмами в 1960—1963 гг. были «Горбун», «Капитан Фраккас», «Вечно поют леса» — фильмы во многих отношениях просто слабые и безвкусные» (Иржи Зузанек. Культура и массы. «Проблемы мира и социализма», 1965, № 7, стр. 42).

искусстве? Конечно, нет. Вообще, чтобы судить о чем-либо (другое дело — высказывать вслух свое суждение!), человек не нуждается ни в каких правах, кроме одного — права жить; поэтому общественное мнение высказывалось и всегда будет высказываться по этим вопросам, невзирая ни на какие регламентации и запрещения. Больше того, как отмечалось выше, оценочные суждения общественности по вопросам литературы и искусства имеют в жизни общества огромное значение и потому должны всячески инспирироваться и государством, и прессой, и социологами, и самими художниками. Без знакомства с такими суждениями невозможно сколько-нибудь точно ориентироваться в направлении художественного развития общества и сколько-нибудь точно оценивать уровень эстетических вкусов масс.

Приведенные выше соображения, как и весь исторический опыт прошлого и настоящего, с непреложностью говорят о другом — о том, что мнение общественности по рассматриваемым вопросам может быть *некомпетентным* и что поэтому инспираторы общественного мнения не должны относиться к нему как к имеющему какую-то обязательную силу. Миф о бесславном судеистве Мидаса еще рано сдавать в исторический архив.

**Критерий
компетентности
и задачи
исследования**

Что же касается позиции социологов, то они, повторяем, должны каждый раз специально анализировать общественное мнение с точки зрения его компетентности. Анализ в первую очередь должен подлежать *объект высказывания*. При его рассмотрении исследователь должен ответить на вопрос: входит ли такой объект в сферу компетенции широкой общественности, не требует ли он по своему характеру сугубо специальных знаний и специальных навыков анализа, то есть не является ли он предметом мнения исключительно специалистов?

При этом очень важное значение приобретает четкость определения границ обсуждаемого объекта. Например, некоторые из опрошенных подвергли критике предмет V опроса Института общественного мнения. «Ваша анкета, — писал нам Н. А. И., 47-летний рабочий из Баку, — трудное дело. На нее нельзя ответить толково молодым супругам, которые мало что смыслят в этом деле. Вопросы, затронутые анкетой, должны быть предметом рассмотрения ученых, а не молодых дур, не умеющих сварить себе супа. Поэтому давайте лучше дадим слово умным людям, пусть они подумают хорошенько,

составят предложения, а правительство рассмотрит и узаконит их».

Даже если оставить в стороне неточность, допущенную критиком (наша анкета была рассчитана не только на молодежь, но на людей всех возрастов; на нее ответили почти 4,5 тыс. человек старше 30 лет), с ним нельзя согласиться. Как мы говорили, степень компетентности и общей ценности общественного мнения зависит от степени знакомства людей с предметом обсуждения, причем наименьшую осведомленность люди проявляют, как правило, в вопросах, относящихся к собственно научному знанию.

Является ли, однако, таким же вопросом и проблема семьи? И да, и нет. Тут все зависит от того, какие именно стороны этой проблемы ставятся на обсуждение. Пожалуй, в любой проблеме можно найти такие аспекты, которые входят в компетенцию только специалистов. Есть такие аспекты и в проблеме семьи. Например, вопрос об изменении формы семьи при коммунизме. Интересуется ли этим предметом общественность? Думает ли она о том, как конкретно будет выглядеть семья в коммунистическом обществе? Безусловно! Но можно ли провести исследование общественного мнения по данному вопросу? Вообще-то говоря, конечно. Однако если нас при этом интересует не мера заблуждения людей, не степень наивности их представлений, а действительно будущность семьи как важнейшего социального института, то, скорее всего, такое исследование не даст никаких результатов: этот вопрос может быть решен лишь в рамках науки, только силами теоретиков.

Другое дело, если на обсуждение ставятся такие стороны проблемы семьи, как современные трудности воспитания детей, причины разводов, степень подготовленности молодежи к вступлению в брак и т. д. В данном случае границы компетентных людей расширяются от узкой группы специалистов едва ли не до всех членов общества (имея в виду взрослое население). Ведь мнения по всем этим вопросам не предполагают теоретического анализа предмета, но фиксируют прежде всего непосредственный, практический, повседневный опыт людей.

Вместе с тем, как мы отмечали, общественное мнение может быть довольно компетентным и в вопросах, имеющих теоретическое решение. Значит, в своем анализе объекта мнения исследователь-социолог должен не только решить общую задачу — выяснить в принципе, подлежит ли компе-

тенции общественности данный предмет или нет, но и определить более точно (в случае, если верно первое), каков характер обсуждаемой проблемы с точки зрения способа ее решения (такое решение может быть теоретическим или практическим, административным или не имеющим формальной силы и т. д.). Только на основе этого дополнительного анализа можно сделать какие-либо выводы о степени действительной обязательности, непреложности общественного мнения, зафиксированных в формуле: «Мнение народа — закон».

Возьмем, например, вопрос о порядке присвоения званий ударника или коллектива коммунистического труда, затронутый в нашем IV опросе. Как исследователь должен был отнестись к его решению, предложенному общественным мнением? Бесспорно, с большим доверием. Во-первых, потому, что этот вопрос предполагает знание существующего порядка вещей и условий деятельности ударников и коллективов коммунистического труда, которым располагает большинство рабочих, служащих и ИТР, участвующих в движении или непосредственно наблюдающих его (на своем предприятии). А во-вторых, потому, что он является сугубо *практически* по своему характеру вопросом: важнейшие, если не единственные критерии его решения — практическая эффективность, целесообразность того или иного порядка присвоения звания.

Иначе обстояло дело с вопросом о формах дальнейшего развития движения за коммунистический труд. Теперь к мнению большинства уже нельзя было отнестись с прежней степенью «доверчивости», как нельзя было настаивать и на его безусловной, без проведения дополнительного исследования, реализации. И не только потому, что в отличие от первого случая большинство теперь не было подавляющим. Дело заключалось прежде всего в том, что в отношении данного вопроса, бесспорно значительно более сложного, нежели рассмотренный выше, ансамбль опрошенных, взятый в целом, проявил меньшую компетентность: не случайно почти половина опрошенных во всех трех группах воздержалась от ответа на вопрос или ответила: «Не знаю». Главное же — проблема форм развития движения за коммунистический труд предполагает по своему характеру и специфически *теоретическое*, научное рассмотрение. Ее решение включает в себя анализ современных форм организации труда, учет множества экономических, технических и других показате-

лей, характеризующих индивидуальное ударничество и коллективный коммунистический труд, сопоставление различных коллективных форм соревнования и т. д. Поэтому решение такой проблемы не может считаться прерогативой одной общественности (даже если она абсолютно единодушна), а должно быть результатом соединения мнения общественного и мнения специалистов. Лишь теоретический анализ, опирающийся в том числе и на широкое общественное мнение, но не ограничивающийся им, может ответить на вопрос: должны ли мы отдать предпочтение какой-либо одной из форм развития движения или вести речь о соединении (каком?) нескольких (каких именно?) форм.

Другая задача исследователя-социолога, анализирующего общественное мнение с точки зрения его компетентности, — рассмотрение этого мнения со стороны его носителя, то есть *субъекта*. Эта задача, как мы уже говорили, возникает в связи с тем, что общая посылка о сравнительно высоком уровне сознательности и грамотности членов общества не может механически, некритически переноситься на каждый конкретный случай высказывания общественности.

Речь должна идти прежде всего об оценке *общей* компетентности ансамбля опроса, рассматриваемого как целое. Именно с этой целью при опросах предусматриваются различные контрольные меры: в анкетный лист ставятся специальные контрольные вопросы, с помощью которых выявляется степень грамотности и осведомленности опрашиваемых в обсуждаемых проблемах; выявленные мнения сопоставляются с мнениями специалистов, экспертов; наряду с широкими опросами проводятся дополнительные, вспомогательные опросы — пилотажи, опросы в более квалифицированной (с точки зрения избранного объекта исследования) среде и т. д. Например, когда Институт общественного мнения знакомил с результатами II опроса ведущих государственных деятелей страны, речь шла не только о доведении мнений масс до руководителей соответствующих ведомств. Такая практика была вместе с тем и формой проверки компетентности общественного мнения, поскольку комментаторами его выступали эксперты в отдельных областях.

В соответствии с объективной неоднородностью в уровне культуры, сознательности и т. д. людей, исследователь должен *дифференцировать* опрошенный ансамбль, не ограничиваться оценкой его компетентности в целом. С точки зрения глубины и точности анализа результатов в каждом опросе

всегда очень важно выделять в общем массиве опрошенных группы различных уровней — большей или меньшей — компетентности.

Ясно, что критерий такой группировки находится в полной зависимости от объекта рассмотрения, — здесь мало одних общих данных, например таких, как больший возраст (нередко ошибочно отождествляемый с большим опытом), высокий уровень образования (далеко не всегда совпадающий с глубокими знаниями по тому или иному конкретному вопросу) и т. д. Скажем, в том же IV опросе важнейшим критерием такой группировки опрошенных по компетентности было их отношение к движению, степень близости к нему. С этой точки зрения, как мы знаем, все участники опроса были разбиты на три группы: I) лица, стоящие в стороне от движения, не принимающие в нем участия (834 человека); II) люди, борющиеся (индивидуально или в составе коллективов) за почетное звание (461 человек); III) коллективы коммунистического труда (367 коллективов, насчитывающих в общей сложности свыше 44 тыс. человек).

Понятно, что наиболее компетентной из всех является третья группа опрошенных, и именно это обстоятельство определило отношение к ней исследователя: в ходе организации и проведения опроса она получила количественное представительство, во много раз превосходящее первые две группы; при анализе же результатов опроса ее голосу в большинстве случаев отдавалось предпочтение. Что же касается второй и особенно первой групп, то, менее осведомленные в одних сторонах предмета (например, в проблеме форм дальнейшего развития движения), они обнаруживали равную с третьей группой степень компетентности в других сторонах дела (например, в вопросе о порядке присвоения звания), а иногда их мнение бывало даже предпочтительней (например, в критике недостатков, имеющих место в соревновании за коммунистический труд, где они проявляли большую объективность и непредвзятость, чем участники движения).

Наконец, понятно, что речь должна идти не только об оценке компетентности общественного мнения с точки зрения его объекта и субъекта, но и о *повышении степени* этой компетентности, о создании в опросе таких условий, которые бы привели к образованию максимально грамотного (разумеется, по возможности) ансамбля. Эта важнейшая методологическая задача, касающаяся как объекта, так и субъекта

высказывания, решается исследователем с помощью различных средств.

Прежде всего, в ходе программирования опроса, при формулировании вопросов анкеты. Содержание и форма вопросов должны определяться не только задачами исследования, но и уровнем знаний предполагаемых участников опроса (при условии, если только задачей исследования не является определение самого этого уровня). При этом здесь существует взаимное соответствие: содержание и форма вопросов определяют границы и качество аудитории; в свою очередь, аудитория определяет характер и содержание программы опроса.

Общая компетентность массива увеличивается, далее, за счет обеспечения количественного превалирования наиболее компетентной в данном опросе группы (разумеется, при соблюдении общих норм репрезентации).

Большое значение имеет и учет некоторых моментов в способе организации опроса. Из кого, например, состояла первая группа в нашем IV опросе (не участвующие в движении), вернее, как и кем она заполнялась? Разумеется, тут можно было воспользоваться и таким способом, например: опрашивать каждого десятого встречного. Однако ясно, что в таком случае число людей, не имеющих о предмете абсолютно никакого понятия, сразу значительно увеличилось бы. Поэтому, учитывая довольно «специальный» характер объекта, мы прибегли к иному методу: напечатали анкету в газете и предложили ответить на нее всем желающим. Известно, что подобный метод случайной стихийной выборки неизбежно приводит к снижению степени объективности (полноты) мнений, поскольку в подобного рода опросах принимает участие отличающаяся определенным типом сознания часть населения. Но зато в данном случае с помощью такого метода мы заведомо выигрывали в смысле компетентности мнений: из числа опрошенных автоматически исключались те, кто не был знаком с обсуждаемым вопросом и кому, следовательно, нечего было сказать о нем, и, напротив, в опросе приняли участие только те, у кого уже были какие-то наблюдения по поводу движения комбригад, какие-то мысли, предложения и т. д.

18. ИЗМЕНЕНИЕ ОБЪЕКТА МНЕНИЯ «ВШИРЬ» И «ВГЛУБЬ»

Выше нам не раз уже приходилось подчеркивать, что общественное мнение в целом и его объект в частности являются величинами исторически переменными. Изменение экономических, социальных, технических и прочих условий функционирования общественного мнения приводит к изменению его положения и роли в жизни общества, к усложнению его функций, расширению сфер его деятельности и т. д. Эти процессы становятся особенно значительными в современную эпоху.

Объект высказываний общественности определяется рядом объективных условий: границами существования общественного интереса; уровнем развития в обществе демократии — в лице ее политических и технических форм и средств, создающих для общественности реальную возможность удовлетворить свой интерес в отношении тех или иных явлений действительности, ознакомиться с ними, активно повлиять на них и т. д.; наконец, познавательной способностью массового сознания, ограниченной, с одной стороны, указанным выше «порогом доступности», а с другой — уровнем компетентности общественности, степени ее общей и специальной (относительно того или иного предмета) грамотности, информированности и пр. Анализ объективных тенденций развития современного мира — как тех, что отмечены печатью великой технической революции, так и тех, что связаны с преобразованиями социальной структуры общества в направлении коммунизма, — позволяет сделать вывод, что границы высказываний общественного мнения раздвигаются ныне принципиальным образом.

Прежде всего, в фокусе внимания общественного мнения оказывается множество новых проблем и даже целых сфер социальной жизни, к которым раньше оно не проявляло ровно никакого интереса. Таковы, в сущности, проблемы организации экономики и науки в обществе, некоторые моральные проблемы, связанные, например, с отношением людей к труду, религии и т. д., и др.

Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что в ходе социальных преобразований ликвидируется былой антагонистический разрыв между широким общественным интересом и интересом небольшой части общества, осуществляющей руководство социальной жизнью. В результате этого устраняются разного рода искусственные препятствия, воз-

двигаемые господствующими классами на пути формирования и функционирования народного общественного мнения. Общественность приобретает возможность высказываться и по поводу тех объектов, которые всегда вызывали у нее большой интерес, но были недоступны ей, поскольку держались господствовавшим меньшинством в секрете или были отмечены печатью «вето». К числу таких проблем относится множество вопросов международной и внутренней политики, затрагивающих сферы экономики и культуры, идеологии и воспитания.

Наконец, в современном мире происходит качественное *повышение познавательной способности* массового сознания. Принципиальные изменения в механизме отношения «личность — общество», движение в направлении полного устранения (в конечном итоге) феномена отчуждения — все это приводит сначала к сокращению, а затем и к полному уничтожению социальных явлений, непознаваемых массовым сознанием, недоступных пониманию широкой общественности, подвергающихся деформации в процессе отражения. В результате описанный выше «порог доступности» отодвигается все дальше и дальше, пока вовсе не станет достоянием истории.

Другой стороной процесса увеличения познавательной способности общественного мнения является отмеченный выше рост сознательности и грамотности масс, качественный скачок в содержании и структуре знаний, которыми начинают располагать миллионы.

Эти процессы связаны с рядом социальных явлений.

Во-первых, в ходе общественного развития происходит бурное увеличение массы образованных, высокограмотных людей, *постигающих путем обучения* научные законы развития природы и общества, овладевающих знаниями, выработанными современной наукой и техникой.

Во-вторых, постоянно возрастает масса людей, *активно, на практике овладевающих* законами природы и общества, научающихся сознательно использовать их в своей непосредственной практической деятельности — производственной (за станком, в поле, в лаборатории) и общественной (участие в управлении экономикой, государством, общественными организациями и т. д.).

Наконец, происходит постоянное возрастание и массы людей, *непосредственно участвующих в познании, открытии* законов природы и общественного развития. Этот процесс

находит свое выражение прежде всего в широком распространении в обществе науки — в росте числа научных учреждений и научных сотрудников и в размахе научно-исследовательских работ.

Как уже не раз отмечалось, в современном мире идут и противоположные процессы, способствующие *понижению* уровня компетентности широкого общественного мнения масс, во всяком случае *тормозящие* рост этой компетентности. Причем эти процессы вызваны не только исторически преходящими и, следовательно, устранимыми причинами (например, характером социальных отношений), но и органическими, имманентными особенностями развития производства, культуры и науки в обществе (например, усложнением механизма экономических и хозяйственных связей, усилением специализации многих сфер знания, дальнейшим развитием общественного разделения труда и т. д.). И все же, повторяем, если оценивать картину в целом, в мире происходит постепенное изменение структуры и содержания массового сознания: элементы обыденного сознания все более замещаются в нем элементами теоретических знаний, стихийно складывающееся мировоззрение сменяется научным, а взгляд на мир «с высоты собственной колокольни» — сознательным подходом к действительности, в котором человек осознает себя как гражданина, как активного и полноправного члена общества.

В результате меняется и объект суждений общественности. Более грамотное общественное мнение начинает высказываться по все более широкому кругу вопросов. Причем наряду с количественным ростом, отмечающим развитие объекта общественного мнения «вширь», идет одновременно процесс его изменения «вглубь»: в соответствии с общими закономерностями развития человеческого познания суждения масс все более и более усложняются по своему содержанию, переходя от мира явлений к миру сущностей, от сущностей «первого порядка» — к сущностям «второго порядка» и т. д. И ясно, что общество всемерно заинтересовано в таком процессе: благодаря ему оно приобретает возможность дополнять «чисто» теоретический анализ явлений и фактов действительности, осуществляемый силами специалистов, экспертов и пр., суждениями широкой общественности, основывающимися на непосредственном опыте и знаниях масс.

• Глава 4 •

СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Теперь нам предстоит ответить на вопрос: Кто в современном обществе «имеет право» называться общественностью и говорить от ее имени, то есть является *носителем, субъектом* общественного мнения? Чье суждение может претендовать на то, чтобы считаться общественным мнением? Или иначе: кем должно быть высказано мнение, чтобы его можно было рассматривать в качестве общественного?

На первый взгляд довольно нетрудный, этот вопрос является в действительности одним из самых сложных в социологии общественного мнения. И одним из самых спорных. Шпаги тут скрециваются на каждом шагу, причем многие исследователи оказываются в непримиримом противоречии не только друг с другом, но и нередко с самими собой. Вместе с тем, как легко понять, это и один из самых важных с точки зрения политической жизни общества вопросов.

19. ИНДИВИД ИЛИ ГРУППА?

Решение его начинается, очевидно, с выяснения: может ли в роли субъекта общественного мнения выступать и индивид или это прерогатива исключительно группы, коллектива, совокупности (множества) индивидов?

При первом подходе к проблеме тут все кажется предельно ясным: раз мнение общественное, то и носителем его, естественно, должно быть общество, общественность, словом, какая-то группа, а никак не отдельный индивид. Большинство, если не все исследователи, соглашаются в этом.

Следует заметить прежде всего, что, несмотря на кажущуюся очевидность, данное положение является весьма важным как с точки зрения теории, так и, особенно, с точки зрения практики политической жизни. Фиксирование его тем более необходимо, что на практике отдельные люди очень часто пытаются (иногда не безуспешно) выдавать свое лич-

ное мнение за общественное, а свои индивидуальные желания — за волю народа. В капиталистическом обществе, где технические средства информации и коммуникации — газеты, радио, телевидение и т. д. — находятся в собственности или под контролем отдельных лиц, с подобными случаями приходится сталкиваться, как известно, сплошь и рядом. В этой связи, пытаясь определить общественное мнение и сетуя по поводу того, что на деле оно «значительно отличается от народного одобрения», А. Сови пишет: «Это иногда узкие группы или даже заурядные личности, которые полагают рупорами более или менее мощными: газетами, особенно в некоторых странах, радиопередатчиками и т. д. Ансамбль этих голосов, когда он относительно строен, составляет общественное мнение»¹.

Вместе с тем, казалось бы, совершенно бесспорный взгляд, отрицающий за индивидом право называться общественностью, содержит в себе нечто гораздо большее, нежели простую тавтологию. Это становится ясным, если учесть, что в современном обществе действительно имеется большая группа лиц, которая и по субъективному восприятию (своему собственному, а также других людей) и, главное, по своему объективному положению в обществе и роду своей деятельности претендует на то, чтобы говорить от имени народа. Это так называемые общественные лидеры: политические деятели, депутаты, руководители массовых общественных организаций, профессиональные журналисты, писатели и т. д., за которыми стоят более или менее широкие группы населения — избиратели, члены организаций, те или иные социальные круги, наконец, массы, народ. Как быть со всеми этими лицами, как относиться к высказываемым ими индивидуальным мнениям? Ясно, что перед лицом подобных вопросов очевидное поначалу положение о несовпадении индивида с общественностью теряет свою первоначальную очевидность и убедительность. Социологическое «дважды два» нуждается в доказательстве и анализе.

Как кажется, решение проблемы об отношении индивида к общественности в рассматриваемом теперь аспекте достигается с помощью различения форм существования и форм выражения общественного мнения.

Индивидуальное (частное) мнение, бесспорно, не является общественным мнением, и потому индивид никак не

**Положение
общественных
лидеров**

¹ А. Savy. L'opinion publique, p. 8.

может быть признан носителем общественного мнения. Правда, в силу совсем иных причин, нежели это представляет себе, к примеру, А. Уледов, когда пишет, что «публично выраженные мнения отдельных лиц не могут быть признаны как таковые за общественное мнение уже потому, что последнее обладает политической и нравственной силой»². Дело, конечно, совсем не в этом. Политической и даже нравственной силой в не меньшей мере могут обладать и мнения отдельных лиц, особенно если последние наделены всеми атрибутами власти, как это бывает, например, с государственными деятелями, или являются высокопочитаемыми в обществе авторитетами, как это случается с некоторыми писателями. Дело в другом. Индивид не является и не может быть субъектом общественного мнения потому, что последнее представляет собой специфическое состояние сугубо массового сознания. Единица не совпадает с множеством.

Но, с другой стороны, как мы показали в своем месте, частное мнение, высказываемое индивидом, может быть связано по своему объекту с общественным интересом и, следовательно, входить в состав общественного мнения. Множество состоит из отдельных единиц. Это заставляет взглянуть на индивида иначе. Не в состоянии быть носителем общественного мнения, он вполне может быть его *выразителем*. Именно на этом основывается деятельность упомянутых общественных лидеров. Высказываемые ими мнения должны — по крайней мере, в идеале! — совпадать по своему содержанию с мнением общественности. Благодаря этому возникает возможность по индивидуальному мнению судить о мнении общественном.

Однако при этом необходимо иметь в виду, что речь во всех этих случаях идет о косвенном, *опосредствованном* выражении мнения народа, а не о его непосредственном высказывании. Поэтому к индивидуальному мнению лидера нужно подходить со знанием дела: между ним и мнением общества в целом (или мнением той его части, которую представляет данный лидер) еще нельзя поставить знака тождества, по крайней мере без предварительного анализа.

Прежде всего лидеры, претендующие на то, чтобы говорить от имени всего народа, практически нередко выражают

² А. К. Уледов. Общественное мнение как предмет социологического исследования, стр. 48.

порой бессознательно, чаще же с полным знанием дела — мнение лишь *определенных секторов* общества. Эти секторы могут быть замкнутыми, то есть характеризоваться четко выраженными специфическими интересами (таковы социальные классы, политические партии, определенные возрастные группы и т. д.), их границы могут быть, напротив, открытыми, размытыми (в тот или иной общественный сектор могут входить люди с самыми различными, даже противоположными интересами — таков, например, круг избирателей данного округа), — но во всех случаях они представляют собой только *часть* общества. Следовательно, позиция лидера, принадлежащего к этой части общества, всегда ограничена. Иллюзия, в том числе самоиллюзия, может быть такова, что человек говорит от имени общества в целом, в действительности же мнение его совпадает с мнением одних членов общества и может самым решительным образом отличаться от мнения других членов общества, как, кстати сказать, и других лидеров, выражающих настроения иного общественного сектора.

Иными словами, общественные лидеры, имея собственную точку зрения, могут оказаться пристрастными в своих суждениях. Поэтому, строго говоря, по их высказываниям не всегда можно судить о картине мнений, реально существующих в обществе в целом. Это верно даже в отношении журналистов — людей, которые, как кажется, могли бы больше других претендовать на особое положение «над» обществом. Подобные их претензии выглядят столь же неосновательными: как и другие общественные лидеры, журналисты могут представлять в своих суждениях ту или иную пристрастную точку зрения. Даже спортивные обозреватели, пишущие о секундах, голах и метрах. Казалось бы, как можно быть необъективным в отчете об эстафетном беге двух команд, из которых одна пришла первой, а другая — второй. И все же известна история о двух репортерах-большельщиках, по-разному подавших этот факт: «Наша команда была первой, а противника — последней», — писал один; «Наша команда была второй, а противника — предпоследней», — утверждал другой.

Правда, можно рассуждать так: если высказывание одного лидера, выражающего мнение одной определенной группы общества, не может дать представления о картине общественного мнения в целом, то, может быть, такое представление получится в результате *сложения* индивидуаль-

ных мнений различных лидеров? Однако это рассуждение также оказывается неправомерным. И все в силу того же обстоятельства — что индивидуальное мнение является лишь опосредствованным выражением общественного мнения. В первом случае, когда речь шла о выражении в индивидуальном мнении мнения общества в целом, общественное мнение опосредствовалось принадлежностью говорящего к той или иной общественной группе; теперь, когда речь идет о выражении в индивидуальном мнении мнения той или иной группы, последнее вновь оказывается опосредствованным, на этот раз уже самой фигурой говорящего.

Ясно, что в таком опосредствовании также кроются возможности отклонения позиции лидера от действительного общественного мнения. Наделенный умом, волей, а также, между прочим, и разного рода эмоциями, общественный лидер часто имеет по отдельным вопросам свою, индивидуальную точку зрения, соответствующую его собственному пониманию вещей и его личным интересам. Поэтому, даже выражая точку зрения своей «групповой» общественности, он, строго говоря, высказывает всегда прежде всего свое собственное, личное мнение, которое может полностью совпадать с мнением группы, но иногда может и существенно отличаться от него.

Словом, при анализе индивидуальных высказываний необходимо иметь в виду, что точность выражения в них общественного мнения весьма относительна. Как в первом смысле — в смысле определенных позиций лидера, так и во втором смысле — в смысле возможной субъективности его суждений. Именно поэтому представляет интерес обратиться к непосредственному изучению общественного мнения масс, хотя, как легко понять, такое изучение несравненно сложнее и требует значительно больших усилий, нежели изучение позиций лидеров.

**«Общество
в целом»**

Итак, индивид может лишь выражать общественное мнение, но не является его субъектом. Кому же тогда принадлежит эта роль? Большинство исследователей обычно отказывает в этом и простой «сумме индивидуумов». «Общественное мнение, — пишет, например, Э. Богардус, — это не простое собрание индивидуальных мнений, а продукт дискуссионного процесса»³.

³ E. Bogardus. The Making of Public Opinion. N. Y., 1951, p. 5.

С подобной точкой зрения можно согласиться. Однако она нуждается в уточнении, связанном со словом «сумма». Выше мы говорили, что общественное мнение является по своей природе коллективным суждением, что, как таковое, оно отличается известным внутренним строением и потому действительно не совпадает с простой, *арифметической суммой* индивидуальных суждений. Значит, в обществе действительно существуют и такие совокупности (множества) индивидов, которые не являются носителями общественного мнения, или, иначе, *не всякая* совокупность индивидов совпадает с общественностью. Все это так. А с другой стороны, общественное мнение не может существовать и помимо или вне индивидуальных мнений. Больше того, оно всегда есть совокупность, сумма мнений, высказанных отдельными членами общества. Значит, субъектом общественного мнения — общественностью — являются все же *совокупности, группы* индивидов. *Какие конкретно?* В сущности, именно к ответу на этот вопрос сводится вся проблема носителя общественного мнения.

Попытки обращения к таким заимствованным из доначной социологии понятиям, как «толпа», не ведут к решению проблемы: эти понятия отличаются непоправимой аморфностью, расплывчатостью.

Не более удачными следует признать и попытки, основывающиеся на текстуальном анализе слов «общественное мнение». Понятия «общество», «общественность» или «публика» (*public* — от англ. *public opinion*, *le public* — от франц. *opinion publique* и т. п.), в которых иногда видят ключ к решению проблемы, не только несут на себе отчетливую печать тавтологии, но и, по сути, просто отодвигают действительное решение вопроса. Тезис о том, что субъектом общественного мнения является «*общество в целом*», оказывается удовлетворительным и вполне достаточным лишь до тех пор, пока речь идет о единодушном мнении всех членов общества, то есть пока общество выступает действительно как нечто монолитное, — случай довольно частный в практике функционирования общественного мнения. Когда же мнение «общества в целом» раскалывается, когда по тому или иному вопросу появляется несколько различных мнений, мнение *большинства* и мнение *меньшинства* и т. д., тогда отождествление субъекта мнений исключительно с «обществом в целом» уже не «срабатывает». Такая же ситуация возникает и в тех случаях — также весьма нередких, — когда

по тому или иному вопросу с самого начала высказывается не все общество в целом, а лишь определенные (социальные, профессиональные, возрастные, региональные и пр.) группы населения. Как тут быть? Отказаться мнению, высказываемому частью общества, в праве считаться общественным или признать, что в роли субъекта общественного мнения могут выступать не только общество в целом, но и какие-то его секторы, части, элементы? Как кажется, перед лицом подобных вопросов исследователь не может остановиться на категории «общество в целом». Общая величина нуждается в дифференциации.

Правда, с таким выводом согласны далеко не все. А. Уледов, например, считает неправомерным подобное «усложнение» проблемы, по крайней мере применительно к социалистическому общественному мнению. Факты расхождения мнений и, следовательно, сложная структура субъекта общественного мнения связаны, с его точки зрения, лишь с исторически частными случаями функционирования общественного мнения в условиях капиталистического (или — еще шире — эксплуататорского) общества. В условиях же социализма «количественная и качественная характеристики общественного мнения получают свое выражение в единодушных суждениях всех классов и социальных групп»⁴. Следовательно, и носителем такого мнения, единого во всех секторах социального организма, здесь может быть, само собой разумеется, лишь общество в целом.

Справедливо ли такое суждение? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более близко рассмотреть проблему монизма и плюрализма высказываний общественности при социализме.

20. МОНИЗМ ИЛИ ПЛЮРАЛИЗМ МНЕНИЙ?

**Позиция
абсолютного
монизма**

История вопроса, если можно так выразиться, здесь достаточно проста. Общественное мнение, складывающееся и функционирующее в буржуазном обществе, является по преимуществу плюралистическим. Оно и не может быть иным в системе, состоящей из классов с различными и зача-

⁴ А. К. Уледов. Общественное мнение советского общества, стр. 86.

стью прямо противоположными интересами, в системе, дискретной во всех отношениях — экономическом, социальном, политическом, культурном и других, порождающей в силу этого сложную дифференциацию в положении различных групп и слоев населения. Собственно, плюралистическая структура общественного мнения является тут отражением плюралистической структуры самого социального организма. Факт этот предельно очевиден, и естественно, что буржуазные социологи давно уже отметили и описали его с помощью соответствующей терминологии.

При этом некоторые из вульгарных представителей социологической науки Запада, ограниченные рамками буржуазного кругозора, возвели плюралистическую структуру общественного мнения в абсолют, отождествили ее со структурой *всякого* общественного мнения, общественного мнения *вообще*. Факты существования единого (в рамках всего общества) общественного мнения или не замечаются этими исследователями, хотя уже капиталистическая действительность представляет их в достаточном количестве, или — особенно если речь идет о мире социализма — оцениваются в качестве искусственно порожденных. Довольно типичной в этом отношении является книга западногерманского социолога Фридриха Ленца «*Werden und Wesen der öffentlichen Meinung*», на которую как раз ссылается А. Уледов⁵.

Очевидно, чтобы решить проблему монизма и плюрализма общественного мнения вообще и социалистического общественного мнения в частности, необходимо обратиться к объекту исследования и всесторонне проанализировать его. К сожалению, А. Уледов поступает иначе. Эмпирические факты из области функционирования реального общественного мнения интересуют его весьма мало. Он предпочитает остаться в сфере теоретической критики буржуазных концепций и полагает, что решает задачу, когда выдвигает точку зрения, прямо противоположную первым по содержанию. На самом же деле вместо одной крайности возникает другая. Абсолютному плюрализму, провозглашаемому вульгарной буржуазной социологией, противопоставляется абсолютно монистическая точка зрения. При социализме, утверждает А. Уледов, *всегда* складывается единое обществен-

⁵ F. Lenz. *Werden und Wesen der öffentlichen Meinung*. München, 1956.

ное мнение, поэтому говорить о каком-либо плюрализме общественного мнения здесь невозможно⁶.

Бесспорно, единство мнений всех членов общества по некоторым вопросам, или, иначе, монизм общественного мнения, является при социализме *объективным фактом*. Убедиться в нем может каждый, кто обратится хотя бы к результатам выборов в верховные и местные органы власти в стране. Естественно, серьезный исследователь не может недооценивать или тем более не замечать этого факта, точно так же, как — перед лицом очевидной реальности — он не должен и доказывать его *возможности*. Задача исследования состоит в объяснении факта, в раскрытии его природы и механизма.

Кстати, А. Уледов делает это также не лучшим образом. Следуя навязанной вульгарной социологией терминологии и проблематике, он пишет, что «единое мнение в социалистическом обществе достигается отнюдь не путем насилия, а путем борьбы мнений»⁷. При этом он снова впадает в крайность: борьба мнений объявляется им единственно возможным, неизменным механизмом образования единого мнения⁸.

Нет спору, монизм мнений при социализме действительно нередко достигается в результате борьбы различных точек зрения, ведущейся в той или иной форме и в тех или

⁶ «В условиях социализма», говорится, например, в книге, общественное мнение получает «свое выражение в единодушных суждениях всех классов и социальных групп... В процессе формирования мнения в советском обществе уже не большинство, а все или почти все приходят к общему мнению...», здесь «складывается единодушное общественное мнение» («Общественное мнение советского общества», стр. 86, 87). Еще более отчетливо эта мысль проводится в другом месте: «В нашей стране со времени победы социализма по всем вопросам, затрагивающим интересы всех классов и социальных групп, формируется общее мнение» (там же, стр. 75) (подчеркиваем: по *всем* вопросам). Наконец, с позиций абсолютного монизма дается А. Уледовым и итоговое определение: «В условиях социализма трудящиеся приходят, как правило, к единому мнению... Таким образом, общественное мнение применительно к социалистическому обществу можно определить как единодушное суждение народа по вопросам социальной жизни, затрагивающим общие интересы и требующим практического решения» (там же, стр. 89).

⁷ А. К. Уледов. Общественное мнение как предмет социологического исследования, стр. 50.

⁸ См. А. К. Уледов. Общественное мнение советского общества, стр. 88.

иных масштабах в печати, в рамках общественных организаций и т. д. Однако это бывает далеко не всегда. Например, по вопросу о недопустимости новой войны советские (да и не только советские) люди придерживаются одинаковых взглядов именно «сразу же», до всяких дискуссий, без какой-либо борьбы мнений. И ясно, что мнение, высказанное ими, не перестает от этого быть общественным, так как предмет, о котором высказывается суждение, по всем своим признакам целиком относится к числу объектов общественного мнения. Впрочем, об этой проблеме мы достаточно говорили уже в предыдущей главе.

Единое мнение при социализме не всегда связано с предвзвешенной борьбой взглядов. База образования такого мнения значительно шире. Его монизм заложен в самой социальной и идеологической структуре общества, устраняющего антагонистическую дискретность всех предыдущих формаций. Социализм сначала уничтожает вражду между различными классами и слоями общества, а затем создает условия для постепенного уничтожения различий в их положении и, следовательно, интересах. Именно эти процессы, взятые во всем их историческом объеме, выравнивающие и уравнивающие экономическое, политическое, социальное, культурное и т. п. положение членов общества, естественно, приводят к сближению взглядов людей на те или иные проблемы бытия и являются главной основой существования в обществе единого общественного мнения.

**Фактическое
положение
вещей**

Однако это лишь часть общей проблемы. Другая, и не менее важная часть ее заключается в том, что при социализме члены общества придерживаются единого мнения далеко не всегда и не по всем вопросам. Наряду с единодушием здесь широко существует и различие во взглядах людей, или, иначе, плюрализм, множественность мнений.

Факт этот является также совершенно очевидным, и лишь при большом пренебрежении к эмпирическому материалу его можно игнорировать и тем более вовсе не замечать. Уже однократный опыт обнаруживает несостоятельность позиции абсолютного монизма. Во всяком случае, в практике работы Института общественного мнения «Комсомольской правды» не было ни одного опроса, в котором факт множественности мнений не проявлялся бы с достаточной силой. Приведем на этот счет некоторые примеры.

Опрос II. На вопрос: «Какую проблему Вы считаете первоочередной?» — ответили (в процентах к общему числу опрошенных):

Жилищное строительство	52,8
Рост заработной платы	27,3
Расширение сети детских учреждений	19,3
Увеличение производства продуктов питания	17,7
Увеличение производства товаров широкого потребления	16,5
Сокращение рабочего дня	12,0
Улучшение бытового обслуживания	10,2

Опрос III. На вопрос: «Что Вы думаете о своем поколении, нравится ли оно Вам, довольны ли Вы его делами?» — ответили (в процентах к общему числу опрошенных):

Да	83,4
Нет	11,1
Не дали определенного ответа	5,5

Опрос VIII. На вопрос: «Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга Вы видите?» — ответили (в процентах к общему числу опрошенных):

Увеличение свободного времени	45,3
Расширение материальной базы досуга	33,6
Увеличение доходов населения	14,0
Улучшение организаторской работы	8,2
Улучшение жилищно-бытовых условий	7,3
Воспитание культуры досуга	3,3

И такую картину, повторяем, можно наблюдать в любом опросе общественного мнения. Она обнаруживает, что тезис о полном единодушии взглядов людей при социализме верен лишь в *определенных границах* — по отношению к *определенным* вопросам, в рамках *определенных* условий и т. д., но далеко не всегда.

Противоречащая фактам позиция абсолютного монизма является довольно сомнительной и в политическом отношении, с точки зрения перспектив развития демократии. Она не столько предусматривает широкое функционирование и повышение значения общественного мнения, не столько поощряет его дальнейшее изучение, сколько, напротив, ведет к отрицанию полезности этого дела. Действительно, если общественное мнение всегда, по всем вопросам едино, то его нечего и изучать — достаточно выяснить позицию какого-

либо лидера, говорящего от имени народа, или какого-либо представителя самого народа и затем сделать вывод: так думает весь народ!

**«Формирование»
мнений и
«сформировавшееся»
мнение**

Известную неувязку в этом вопросе чувствует и сам А. Уледов. Недаром уже в его статьях высказываются тезисы, фактически признающие допустимость множественности мнений при социализме⁹. В книге же об этом говорится более отчетливо: «Когда формируется общественное мнение, то неизбежна борьба противоречивых суждений. Такая борьба имеет место и в социалистическом обществе... Сам процесс формирования мнения не может быть охарактеризован как единодушие. Другое дело, когда мы сталкиваемся уже со сложившимся мнением»¹⁰.

Последнее рассуждение А. Уледова является наиболее выразительным с точки зрения понимания его истинной позиции. Сторонник абсолютного монизма, он не может все же вовсе не считаться с объективными фактами, к тому же постоянно численно растущими, которые опровергают его концепцию, и пытается найти выход. С целью спасения основного тезиса вводится дополнительное различие «процесса формирования мнения» и «сформировавшегося мнения», при этом монизм взглядов относится к *результату*, к *итогу* процесса, сам же *ход* процесса характеризуется в терминах плюрализма.

Однако подобный выход оказывается на деле ложным. И прежде всего потому, что функционирующее общественное мнение не знает никаких *объективных границ* между «процессом» и «результатом». Общественное мнение — это

⁹ Таков упоминавшийся нами тезис о борьбе несовпадающих мнений из первой статьи. Таково и положение второй статьи: «...Можно обнаружить, конечно, известные различия в формировании мнения в передовой части общества и среди широких масс...» («Социализм и общественное мнение», стр. 32). Правда, последнее утверждение опять-таки сопровождалось характерной оговоркой: «Отмеченные различия касаются не содержания мнения, ибо оно в том и другом случае отражает одни и те же интересы, а формы выражения, его глубины, адекватности общественным потребностям» (там же, стр. 33). Эта оговорка показывала, что автор и в данном случае предпочитал не ставить точек над «i», стремился ограничить свой анализ главным образом утверждением единства мнений при социализме.

¹⁰ А. К. Уледов. Общественное мнение советского общества, стр. 88—89.

определенное состояние массового сознания, реагирующего на тот или иной объект. Следовательно, будучи высказанным вслух, оно всегда представляет собой «результат», «итог» и никогда — «процесс». Разумеется, случается довольно часто, что в отношении того или иного вопроса общественность *сначала* не занимает какой-либо одной, определенной позиции, высказывает несколько различных точек зрения, а *потом*, возможно, именно в результате дискуссий и борьбы мнений, приходит к единодушному суждению. Однако и в том, и в другом случаях мнение, высказываемое общественностью, одинаково является общественным. Просто это *разные мнения*, высказанные в разное время, причем мнения с *различной структурой*: одно — с плюралистической, другое — с монистической.

Мысль А. Уледова, в сущности, довольно проста и сводится к утверждению того же абсолютного монизма общественного мнения. Если есть единодушие, рассуждает он, значит, есть и общественное мнение, если же единодушия *еще нет*, значит, мнение еще не сформировалось, не сложилось. Вывод отсюда делается (вернее, он подразумевается) старый: мнение с множественной структурой не является полноправным общественным мнением.

В действительности такое заключение неправомерно. Процесс формирования мнений идет непрерывно, в любое время. Он может иметь к тому же различную направленность: идти как от плюрализма к единодушию, так и наоборот — от единодушия к множественности. Однако независимо ни от чего нет никаких оснований утверждать, будто мнение, сформировавшееся относительно более поздно по времени, обладает какими-то преимуществами, позволяющими считать его «подлинным», «настоящим», «полноценным» и т. д., в сравнении с «неполноценным» мнением, существовавшим на более ранних этапах развития общественного сознания.

21. БАЗА И ГРАНИЦЫ МНОЖЕСТВЕННОСТИ МНЕНИЙ

Итак, множественность мнений при социализме является фактом, фактом столь же объективным, как и единодушие мнений. Выше мы говорили о базе образования общественного мнения с монистической структурой. Аналогичный анализ должен быть проделан теперь в отношении явления плюрализма.

**Природа
плюрализма**

В самом деле, какова природа плюрализма мнений при социализме? Чем объясняется, что и в условиях социалистического общества люди придерживаются в отношении тех или иных вопросов различных точек зрения, высказывают не совпадающие друг с другом взгляды?

А. Уледов, не могущий, как мы видели, вовсе отделаться от проблемы плюрализма, обосновывает это явление тем, что имеется «разница между уровнем сознания широких масс и авангарда — Коммунистической партии»¹¹.

Таким образом, множественность мнений связывается исключительно с проблемой соотношения научного и обыденного сознания во взглядах людей, с различием в уровнях их грамотности, а также в степени понимания и выражения ими объективных общественных потребностей. Согласно такому пониманию, водораздел между несовпадающими мнениями проходит по линии «знание — незнание», «сознательность — несознательность», а в качестве субъектов, находящихся по разные стороны от него, оказываются, с одной стороны, «авангард общества — Коммунистическая партия», а с другой, «широкие массы».

Как следует отнестись к подобной точке зрения?

Выше мы говорили, что общественное мнение может складываться на уровнях обыденного сознания и научного знания, что оно может быть более и менее компетентным, истинным, адекватно отражающим реальные отношения и иллюзорным, отражающим эти отношения превратно, искаженно. Бесспорно, все эти аспекты имеют прямое отношение к обоснованию плюрализма мнений при социализме: уровень знаний, равно как и степень сознательности человека, прямо влияет на содержание высказываемого мнения, или, иначе, содержание мнения зависит от уровня знаний и сознательности человека, так как на каждом уровне может рождаться свое, отличное от других, мнение. И все же в целом изложенная точка зрения никак не может быть признана верной.

Прежде всего в силу ее полного несоответствия фактам. Деление общественного мнения по отношению «партия — широкая масса», о котором говорит А. Уледов, не наблюдается на практике. Мы, например, не знаем ни одного случая из опыта функционирования общественного мнения в

¹¹ А. К. Уледов. Социализм и общественное мнение, стр. 32—33.

СССР, да и вообще не можем представить себе ситуации, когда бы при обсуждении того или иного вопроса все говорящие разделились на две группы: коммунистов и беспартийную массу. Коммунистическая партия — наиболее сознательная часть народа. Это так. Но как можно утверждать, что буквально каждый член партии превосходит по уровню своих знаний и своей сознательности всех беспартийных членов общества?!

Критикуемая точка зрения не может быть принята, во-вторых, и из-за *соображений принципиальных*, поскольку она противоречит некоторым установленным теоретическим истинам. Из всех аспектов анализа мира мнений критикуемый взгляд останавливается лишь на одном и к тому же не самом существенном, а именно: на аспекте самого сознания. Важнейшие же объективные различия в непосредственных практических интересах людей, вытекающие из сохраняющихся и при социализме различий в их экономическом, социальном, культурном и т. д. положении, а также из «вечных» различий демографического плана (половых, возрастных, природных и т. д.), остаются здесь вовсе вне сферы анализа. Благодаря этому создается впечатление, прямо уже напоминающее идеалистические иллюзии, будто изменение взглядов людей достигается прежде всего не путем изменения их бытия, осуществляемого в ходе экономического, социального и т. д. развития, а путем изменения их сознания, осуществляемого в ходе повышения образования, усиления воспитательной работы и т. д. Хотя, как легко понять, дело обстоит как раз наоборот.

Ключ к пониманию плюрализма мнений лежит, если можно так выразиться, в плюрализме материальных условий существования людей. И тут мы подходим к вопросу о структуре социалистического общества.

**Социально-
демографическая
структура
общества**

До относительно недавнего времени в советской философской литературе существовала и даже, можно сказать, преобладала тенденция к упрощенному изображению этой структуры. Философы — да и не только они одни! — как правило, пользовались в теоретическом анализе лишь самыми широкими категориями, типа «народ», «общественный класс» и т. п. О таких социальных «единицах», как «нация», вспоминали — при этом неизменно в описательной форме — лишь при рассмотрении путей решения национального вопроса. Категории «го-

род» и «деревня» практически отождествлялись в их содержании с категориями «рабочий класс» и «колхозное крестьянство» (хотя несовпадение первых и вторых очевидно). Что же касается всех остальных социальных групп, в том числе и наиболее важнейших из них, например характеризующих социально-профессиональное положение людей (рабочие, служащие, техническая интеллигенция, пенсионеры и т. д.), уровень их доходов (низкооплачиваемые, высокооплачиваемые), и множества других, то они в лучшем случае фигурировали лишь в статистических отчетах. Еще меньше предметом специального философско-социологического анализа становились категории демографического порядка.

Однако оправданный, и то лишь в известной мере, на первых этапах познания социальной структуры общества, такой *сугубо интегральный* подход довольно явно обнаруживает свою недостаточность перед лицом реальных социальных процессов и проблем. Подлинный философский синтез вообще не может быть осуществлен до и без философского анализа. И уж тем более дело не обстоит таким образом, что многократное повторение слов о «единстве», «монолитности», «стирании различий» и т. д. само по себе способно устранить объективно существующие различия в положении отдельных групп!

Возьмем, к примеру, две такие широкие группы, как «рабочий класс» и «интеллигенция», о стирании различий между которыми написано, может быть, более всего. Социальные сдвиги в направлении сближения этих некогда несовместимых категорий, уже происшедшие и продолжающиеся происходить в недрах современного общества, действительно имеют историческое значение. Еще на памяти старшего поколения те времена, когда все было чрезвычайно просто — когда рабочий уже в силу одной невозможности получить сколько-нибудь приличное образование резко отличался от инженера, а инженер и по своему происхождению, и по своему положению в обществе, и по характеру своего труда не имел ничего общего с рабочим человеком и когда уже по одному внешнему виду можно было в 99 случаях из 100 определить, с кем имеешь дело. Сравнительно не трудно было уловить разницу между рабочим и инженером еще и в довоенное время. Однако процесс сближения этих групп, процесс стирания различий между физическим и умственным трудом тогда уже начался.

В результате провести грань, отделяющую рабочего от интеллигента, стало сложнее. Эта задача еще более усложнилась теперь, в связи со структурными изменениями в характере современного индустриального производства и появлением в обществе целого ряда, так сказать, «средних» социальных типов — «инженера-рабочего», «рабочего-инженера», «рабочего-студента» и т. д.¹²

Словом, процесс размывания граней между рабочим и интеллигентом, или, как говорят, процесс социальной интеграции, налицо. Однако ограничиться при рассмотрении действительности констатацией только этой стороны дела или тем более заявлять, как это делают некоторые торопливые философы, о стирании существенных различий между рабочим классом в целом и интеллигенцией в целом можно только при условии полного пренебрежения к конкретным фактам; к детальному анализу положения и структуры и рабочего класса, и интеллигенции. Ведь ни установление политического равноправия, ни предоставление рабочему человеку права получить среднее и высшее образование, ни уравнение обеих групп в материальном положении — сами по себе имеющие огромное значение — не приводят еще автоматически к изменению *характера труда*, которым заняты рабочий класс в целом и интеллигенция в целом. Последний же

¹² «...Характерным,— описывают это явление М. Мамардашвили и И. Фролов,— является не только увеличение общего объема научного и инженерно-конструкторского труда (и соответственно числа представляющих его лиц) в структуре материального производства. Важна также все усиливающаяся сегодня властная тенденция к трансформации того труда, который по-прежнему должен выполняться рабочими, т. е. в непосредственном контакте с предметом и орудиями труда в массовом производстве. Производство, насыщенное под воздействием науки такими элементами, как автоматика и телемеханика, электроника и кибернетика, предъявляет к рабочим столь высокие требования, что заставляет их подтягиваться к уровню работников инженерно-технического и научного труда. Все большая часть их энергии должна затрачиваться в форме умственного труда, предшествующего массовому производству или лежащего вне непосредственной его сферы. Наука стремится соединиться с живым трудом массового работника, трансформируя его и порождая новый тип производителя материальных ценностей, сочетающего в себе качества рабочего, инженера и ученого. На передний план в его труде выдвигается изыскательский, активный, творческий момент, ибо как раз шаблонное, рутинное повторение операций, свойственное исполнительскому труду в массовом воспроизводстве, все больше перекладывается на машины» (М. Мамардашвили, И. Фролов. Союз науки и демократии, «Проблемы мира и социализма», 1965, № 4, стр. 50).

момент является центральным в определении социального, в широком смысле слова, положения людей.

В Советском Союзе ныне полностью уничтожены различия между рабочим и интеллигентом в том смысле (помимо аспекта политического равноправия), что каждый рабочий при прочих равных обстоятельствах *может* стать интеллигентом. Однако пока и поскольку он *остается* рабочим, пусть даже с десятилетним образованием, его труд в большинстве случаев отличается от труда интеллигента и отличается самым существенным, качественным образом. Дело в том, что та группа рабочих, которая занята на ультрасовременных операциях и ультрасовременной технике и которая как по уровню своих знаний, так и по характеру своей деятельности действительно приближается к группе технической интеллигенции, составляет в общей массе индустриальных рабочих страны пока еще меньшинство. В этом убеждает уже самое поверхностное ознакомление с составом рабочего класса, зафиксированном Всесоюзной переписью населения 1959 года. Данные переписи обнаруживают весьма широкое распространение в СССР физического труда, в том числе труда тяжелого, далекого от применения какой-либо механизации и затрат умственной энергии¹³. Ясно, что объективный научный анализ социальной структуры не может отвлекаться от этого факта.

Так обнаруживается недостаточность интегрального подхода. Социолог не может довольствоваться выделением в социальной структуре одних только «глобальных» категорий — «рабочего класса» и «интеллигенции», но должен продолжить анализ и выделить в составе этих широких групп более дробные «единицы»¹⁴.

¹³ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года», стр. 146—158, 161—165.

¹⁴ Сказанное, понятно, относится не только к категории «рабочий класс», но и вообще ко всем предельно широким категориям, характеризующим социально-демографическую структуру социалистического общества. Весьма неоднородной при ближайшем рассмотрении оказывается, в частности, и категория «интеллигенция». Достаточно сравнить инженерно-технических работников, непосредственно связанных с материальным производством, и интеллигенцию, занятую на культурном фронте, — врачей, учителей и т. д. — или интеллигенцию, состоящую на службе в государственном аппарате — работников министерств, ведомств и пр., и людей так называемых свободных профессий — писателей, художников и т. д., чтобы увидеть, что все эти группы не только объединяются, рождаются друг с другом ря-

Дифференцированное рассмотрение социальной структуры нашего общества является важнейшей задачей. Без решения этой задачи нельзя понять закономерностей общественного развития, овладеть его механизмом. Без решения этой задачи, как мы уже сказали, невозможно понять и природы функционирующего у нас общественного мнения, его плюралистической структуры.

Расчленение современного социалистического общества в социально-демографическом отношении весьма многопланово. Имея в виду анализ общественного мнения, здесь можно выделить (в первую очередь) такие группы:

а) классовые (рабочий класс и колхозное крестьянство);
б) по социальному положению (самодетельное и несамодетельное население, а в составе того и другого — рабочие, крестьяне, интеллигенция, занятая на производстве, интеллигенция, занятая не на производстве, служащие, учащиеся, пенсионеры, домохозяйки и т. д.);

в) по характеру труда (лица, занятые преимущественно физическим или умственным трудом);

г) профессиональные (принятые эконо-статистические деления различают, например, в сфере физического труда такие группы: горняки, металлурги и металлисты, химики, лесозаготовители, полиграфисты, текстильщики, швейники, строители и т. д., а в сфере умственного труда: руководители органов государственного управления и общественных организаций, руководители предприятий, ИТР, медицинские работники, учителя и научные работники, работники искусства, работники торговли, общественного питания и т. д. — всего, без более дробного деления, свыше 40 групп);

д) по доходам (в связи с процессом упорядочения заработной платы в официальных документах фигурировали, например, категории «высокооплачиваемых» и «низкооплачиваемых» работников; ясно, однако, что в данном отношении все общество делится фактически на большее количество групп);

е) по образованию (лица с высшим, незаконченным высшим, средним, неполным средним, начальным и ниже начального образованием);

дом признаков, но и весьма отличаются друг от друга — по своему положению и своим функциям в общей структуре социалистического общества, по своему материальному положению, кругу представлений, интересов и т. п.

ж) по типу местожительства (городское и сельское население);

з) по типу городского поселения (например, жители городов с населением до 5 тыс. человек, до 10 тыс., до 50 тыс., до 100 тыс., до 500 тыс. и выше; жители провинциальных и столичных городов; жители городов со слабо развитой промышленностью и крупных индустриальных центров и т. д.);

и) по району местожительства (в этом отношении можно различить несколько типов объективных групп: по административному делению — например, союзные республики; по географическому делению — например, районы Центра, Крайнего Севера, Средней Азии и т. д.; по экономгеографическому делению — например, районы Поволжья, Урала, Кавказа и Дона, Западной Сибири, Украины, Казахстана, Прибалтики и т. д.);

к) половые (мужчины и женщины);

л) возрастные (абстрактно говоря, тут можно говорить о группах, определяемых, к примеру, годом рождения людей: 15-, 16-, 17-, 18- и т. д.-летних, вплоть до ровесников Отечественной войны 1812 года, буде такие окажутся);

м) по семейному положению (холостые, семейные, разведенные, вдовы);

и так далее.

Разумеется, приведенный перечень никоим образом нельзя считать законченным. Он может быть продолжен сколь угодно далеко. Анализ той или иной сферы социальной жизни может поставить исследователя перед необходимостью фиксирования совсем других групп (например, национальных, по количеству детей, по состоянию здоровья, по роду участия в минувшей войне и т. д.) или большей детализации уже названных групп (например, «семейные» делятся на «молодоженов» и «лиц с большим опытом семейной жизни», на лиц, находящихся в первом браке, и лиц, имеющих вторую или третью семью, и т. д.; группа «строителей» дробится на представителей более узких профессий: экскаваторщиков, каменщиков, штукатуров и т. д. и т. п.).

Вместе с тем признаки, лежащие в основе перечисленных нами групп, весьма неравноценны по своему значению для жизни общества. Одни из них исключительно важны с точки зрения понимания структуры и динамики общественного процесса, другие, напротив, носят второстепенный характер, одни из них уже в недалеком будущем обречены на исчезновение и потому трудно уловимы, другие, наобо-

рот, еще долго будут давать о себе знать и т. д. Но независимо от этого все указанные различия являются *объективно существующими*, все они касаются материальных или духовных условий жизни людей, накладывают явственный отпечаток на весь строй их поступков и мыслей, порождают различные типы восприятия жизни, различные подходы к анализу жизненных явлений, даже можно сказать резче — *различные системы ценностей*. Поэтому-то именно эти различия должны рассматриваться в первую очередь в качестве *естественной базы множественности мнений при социализме*, именно они прежде всего заключают в себе ответ на вопрос: почему и при социализме люди продолжают придерживаться по тем или иным вопросам различных точек зрения, высказывают несовпадающие друг с другом суждения.

**Сфера
плюрализма**

Принципиальное отличие функционирования общественного мнения при социализме состоит вовсе не в том, что здесь постоянно царит единодушие и невозможен плюрализм мнений, а в том, что существование и возможности такого плюрализма здесь *принципиально ограничены* — ограничены, в частности, *отсутствием оппозиции*.

Когда мы говорим об отсутствии в составе социалистического общественного мнения оппозиционных суждений, мы в сущности имеем в виду два обстоятельства. Первое из них связано с *субъектом* мнения. Дело в том, что в условиях социализма, в силу специфики структуры данного общества, исключаяющей классы и слои с устойчивыми антагонистическими интересами, полностью отсутствует сколько-нибудь постоянная, объединенная каким-либо объективным признаком (мы не говорим уж — политически организованная) оппозиция. Здесь не существует ни одной такой группы — социальной или демографической, — которая бы permanently выступала против точки зрения другой группы или других групп. Состав людей, высказывающих несовпадающие мнения, неизменно меняется в зависимости от того или иного предмета обсуждения¹⁵.

¹⁵ «Весь софизм буржуазной пропаганды, — говорил на международной дискуссии «Коммунисты и демократия» академик А. М. Румянцев, — заключается в механическом перенесении в принципиально иные условия отношений, существующих в буржуазном обществе; «у вас, в социалистических странах, — говорят нам, — нет демократии, так как у вас нет оппозиционных партий». Да, у нас оппозиции нет, у нас оппозиция невозможна. Но ее нет потому, что она никому не

Второе обстоятельство, принципиально ограничивающее плюрализм мнений при социализме, связано с объектом мнения. Дело в том, что уже в условиях капиталистического общества понятие «оппозиция» относят далеко не ко всякому расхождению во мнениях. Под «оппозиционным» мнением господствующей в обществе группы там, строго говоря, понимают лишь такое мнение, которое расходится с первым при обсуждении принципиальных вопросов, затрагивающих коренные проблемы социального развития.

Специфика социалистического общественного мнения состоит в том, что, когда оно высказывается по таким кардинальным проблемам, оно имеет как раз монистическую структуру. Расхождение во мнениях здесь возникает при обсуждении более конкретных вопросов, хотя, необходимо подчеркнуть, круг их остается достаточно широким — «от экономики до эстетики, от наметок плана работы бригады на ближайший период до... перспектив развития всей страны...»¹⁶

Если говорить более конкретно, анализ обнаруживает целый ряд *зависимостей*, кладущих границы плюрализму мнений при социализме или, напротив, открывающих возможности для возникновения несопадающих друг с другом высказываний.

Прежде всего, как мы уже сказали, сравнительно легко обнаруживается та общая закономерность, что множественность мнений растет прямо пропорционально степени конкретизации обсуждаемых проблем. Объединенное единым укладом жизни, единой идеологией и целью, большинство населения страны, как правило, не имеет двух точек зрения по вопросам, касающимся судеб мира или социализма в целом. Однако его мнение тотчас же начинает раздваиваться, утраиваться, учетверяться и т. д., как только речь заходит о частных вопросах социального строительства, об оценке тех или иных конкретных явлений внешней и внутренней жизни. В известной мере в этом можно было убедиться уже на примерах, приводившихся нами в предыдущем параграфе.

нужна! При социализме нет эксплуататоров и эксплуатируемых, нет классов или групп населения с антагонистическим различием интересов, нет, следовательно, и потребности в том, чтобы эти интересы выражали борющиеся друг с другом политические партии» («Коммунисты и демократия», стр. 364—365).

¹⁶ Там же, стр. 365.

Чем шире ставится вопрос, тем, во-первых, меньше число высказываемых мнений и тем, во-вторых, резче деление ансамбля опрошенных на большинство (часто подавляющее) и меньшинство. Напротив, чем вопрос ставится уже, тем больше разнообразие высказываемых мнений и тем сложнее количественные группировки стоящих за ними людей.

Особенно ярко эта зависимость проявляется при сравнении так называемых *безличной* и *личной* постановок вопроса, при переходе от рассмотрения явлений, характеризующих жизнь общества в целом, к рассмотрению явлений, непосредственным, ближайшим образом затрагивающих жизнь *индивида*. В последних случаях на содержании мнений в гораздо большей степени сказываются индивидуальные особенности личности говорящего: детали его биографии, его частный жизненный опыт, его потребности, особенности характера и т. д. и т. п. В V опросе, например, мы ставили два вопроса: «Какие наиболее сильные черты характеризуют, по Вашему мнению, советскую семью?» и «Что Вы больше всего цените в своей семье?» Ясно, что ответы на эти вопросы в общем объеме опрашиваемого ансамбля должны были в принципе совпасть (мы имеем в виду качественную картину); собственно говоря, второй вопрос и ставился-то нами с целью подконтролировать первый. Однако на деле такого совпадения не произошло: картина черт семьи, как таковой, точнее, картина мнений в первом случае оказалась беднее, чем во втором. Ответы на вопрос, поставленный в личной форме, то есть характеризующие собственные семьи говорящих, были разнообразнее.

Другая зависимость, касающаяся природы плюрализма мнений, связана уже не столько с объектом, по которому высказывается суждение, сколько с самой *формой высказывания*. Например, сравнение оценочных и конструктивных мнений обнаруживает, что в последнем случае множественность мнений бывает значительно большей. В этом убеждаешься, когда начинаешь анализировать ответы на вопросы типа «Что бы Вы могли предложить для быстреего решения выдвинутой Вами проблемы?» (II опрос), «Каким образом должны участвовать в присуждении почетного звания широкие массы трудящихся? За кем, по-Вашему, следует оставить право решающего голоса?» (IV опрос), «Какие меры по укреплению молодой семьи Вы можете предложить?» (V опрос) и т. д.

Вот как выглядели, например, ответы на первый из

названных вопросов тех людей, кто полагал, что проблемой № 1 в СССР является жилищное строительство:

01. Необходимо ускорять темпы строительства (свыше 54 процентов от числа тех, кто назвал в качестве первоочередной проблемы жилищное строительство) и с этой целью:

- а) широко внедрять в строительство индустриальные методы;
- б) привлекать к строительству само население:
 - 1) в форме рабочей силы,
 - 2) в форме денежных средств.

02. Необходимо улучшать качество строительства, а именно:

- а) улучшать типовые проекты в сторону расширения полезной площади;
- б) строить квартиры, рассчитанные на одну семью;
- в) сокращать строительство однокомнатных квартир и т. д.

03. Необходимо улучшать снабжение индивидуальных застройщиков стройматериалами, транспортными средствами и т. д.

04. Необходимо усовершенствовать практику распределения жилья (13 процентов), в том числе:

- а) обеспечивать жильем в первую очередь молодых людей;
- б) ограничить предоставление городских квартир людям, имеющим дачи;
- в) идти прежде всего не по пути улучшения жилищных условий лицам, уже обеспеченным квартирами, а по линии обеспечения жильем остро нуждающихся;
- г) ввести прогрессивную квартплату за площадь, превышающую существующие нормы.

Наконец, расхождения во мнениях возникают не только под влиянием различий в объективных условиях жизни людей, но и в результате различий в уровнях их сознания, прежде всего компетентности. Это особенно ярко можно наблюдать при обсуждении сложных вопросов, предполагающих наличие у человека аналитических способностей или по крайней мере достаточной осведомленности в предмете. Имеющиеся в таких случаях изъяны в постановке просвещения (школьного или политического, общего или специального) обнаруживаются тут сразу же. Так, после широкой и длительной пропагандистской кампании взрослое население

нашей страны, и особенно люди, так или иначе связанные с движением за коммунистический труд, должны были бы, казалось, иметь ясное и однообразное представление о том, каким конкретным содержанием наполняется формула «коммунистически жить». Однако в ходе опроса мы обнаружили во взглядах людей довольно большой разбой¹⁷.

Все перечисленные обстоятельства объективного и субъективного порядка, в большей или меньшей мере, прямо или косвенно сказывающиеся на позиции людей, вынуждают исследователя общественного мнения к максимальной осторожности, делают совершенно недопустимым его предвзятый подход к оценке мнений. Исследователь не может заранее сказать: мнение людей на этот счет будет таким-то, не боясь впасть при этом в грубую ошибку. Даже если речь идет об истинах «само собой разумеющихся». Даже если допущение обратного кажется совершенным вздором. Специфика образования мнений такова, что исследователь всегда может упустить из виду те или иные обстоятельства, порой самые неожиданные, которые влияют на мотивы людей при вынесении ими суждения о предмете, и его самонадеянность непременно будет наказана.

Приведем для иллюстрации пример из IV опроса. В анкете спрашивалось: «Можно ли лишать людей почетного звания?» «Ваш вопрос — праздный, — отвечал нам Ю. Р., офицер из Москвы. — Не может же ходить по нашей земле хам, пьяница, хулиган с именем ударника коммунистического труда. Почетное звание — это не обряд крещения: надели крест на шею и — до могилы. Не оправдал человек доверия и внимания советских людей — отнять звание. Это самое справедливое решение»¹⁸. Казалось бы, все очень правильно, все очень логично и совершенно бесспорно. И тем не менее утвердительный ответ на этот вопрос дало только 68 процентов опрошенных из числа неучаствующих в движении, 74 процента — соревнующихся за почетное звание и 68 процентов коллективов коммунистического труда. Все остальные высказались по этому поводу в той или иной степени отрицательно, причем категорически возразили против практики лишения звания 9,8 процента коллективов коммунистического труда и 10,4 процента борющихся за

¹⁷ См. Б. Грушин, В. Чикин. Проблемы движения за коммунистический труд в СССР, стр. 29—31.

¹⁸ Там же, стр. 41.

звание. Мотивы подобной точки зрения, после того как она была высказана вслух, угадать было уже нетрудно.

Итак, подведем итог. Как можно видеть из сказанного, в действительности не существует жесткой альтернативы: монизм или плюрализм мнений. Применительно к социалистическому обществу речь должна идти о другом — о существовании мнения с четко выраженной *монистическо-плюралистической структурой*. Тяготеющее к безусловному единодушию при обсуждении принципиальных вопросов, связанных с проблемами социального развития, это мнение может раскалываться на ряд составляющих при обсуждении проблем, в той или иной степени затрагивающих индивидуальные интересы людей или испытывающих влияние их индивидуальных особенностей. Следовательно, вопрос о субъекте общественного мнения, который мы поставили в самом начале, сохраняет все свое значение и применительно к условиям социализма: как быть — отказать мнению, высказываемому частью общества, в праве считаться общественным или признать, что в роли субъекта общественного мнения могут выступать не только общество в целом, но и какие-то его секторы, части, элементы?

22. ЧЬЕ МНЕНИЕ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ?

Выше мы говорили, что в сущности все без исключения социологи согласны с выводом: «...не всякое мнение определенной группы людей, коллективное мнение, есть мнение общественное, хотя термин «общественное мнение» и употребляется применительно к мнению отдельных групп, коллективов»¹⁹. Нетрудно видеть, что этот вывод содержит в себе два смысла: во-первых, тот, что общественным мнением является не всякое мнение, высказанное группой, множеством, совокупностью лиц, и, во-вторых, тот, что общественным мнением является мнение не всякого множества, не всякой совокупности лиц.

Что касается первой стороны дела, то она ясна. Какой бы широкий коллектив лиц ни высказывал суждения о предмете, это суждение никогда не будет общественным мнением, если, скажем, предмет рассмотрения не затраги-

¹⁹ А. К. Уледов. Общественное мнение как предмет социологического исследования, стр. 48.

ваек общественного интереса, не допускает многозначности толкования и т. д. и т. п. Иными словами, границы существования общественного мнения определяются границами его объекта. Об этом мы подробно говорили в предыдущей главе. К рассматриваемой же нами теперь проблеме прямое отношение имеет только второй аспект указанного вывода. В соответствии с ним речь должна идти о том, чтобы определить, мнение какой именно совокупности, какого множества лиц должно признаваться в качестве общественного, причем определить в общем виде, на основе каких-то четких, объективных критериев.

**«Прогрессивные»
и «реакционные»
силы**

К сожалению, с таким подходом к делу приходится встречаться довольно редко. Гораздо чаще объективные критерии, необходимые для решения вопроса, заменяются субъективными, произвольными оценками. В соответствии с ними одни социологи «даруют право» называться общественностью одним группам, другие — другим.

Так, существует точка зрения, согласно которой в антагонистическом обществе одни классы и слои (прогрессивные, выражающие интересы общества — народ) являются носителями общественного мнения, а другие (реакционные, не выражающие интересов общества — эксплуататоры) нет. Важно отметить, что сторонники этой точки зрения теоретически не могут объяснить, почему, на каком основании классы, выражающие интересы реакционных сил, не имеют права (или исторически теряют право) называться общественностью и представлять общественное мнение, характерное для *данной части общества*. Но дело не только в этом. Теоретическая несостоятельность данного взгляда еще сильнее обнаруживается в том, что он сопряжен с поистине неразрешимыми противоречиями. Ведь если принять, что общественным мнением является лишь мнение прогрессивных классов, или, иными словами, что из двух антагонистически настроенных групп носителем общественного мнения является лишь одна, то на деле это будет означать, что тезис о плюрализме общественного мнения, действующего в условиях капитализма, окажется сведен почти на нет: общественное мнение *во всех случаях* должно быть объявлено исключительно монистическим по его структуре.

Избежать этого и других противоречий можно, очевидно, лишь при условии, если право выражать общественное мнение будет признано за *всеми* классами капиталистиче-

ского общества. И только такое решение проблемы даст возможность понять реальность общественного мнения в условиях капитализма, которое в большинстве случаев действительно отличается сложной структурой и представляет собой не единодушное суждение, а совокупность не совпадающих друг с другом *частных* (или *частичных*) мнений, высказываемых различными составляющими общество группами (классами), например мнения рабочего класса и широких слоев трудящихся, с одной стороны, и мнения монополистической буржуазии — с другой, демократического общественного мнения и реакционного общественного мнения и т. д.

«Большинство»
и «меньшинство»

Еще более произвольными и необоснованными выглядят попытки определить субъект общественного мнения (в том числе применительно к условиям социалистического общества) по отношению «большинства — меньшинства». В соответствии с ними общественным мнением считается мнение исключительно «большинства» общества; что же касается взглядов «меньшинства», то они не являются общественным мнением, потому что в противном случае оказалось бы нарушенным присущее этому мнению «внутреннее единство».

Что можно сказать по этому поводу?

Прежде всего, здесь априори принимается за истину то, что, как мы видели, в действительности является ложным и, уж во всяком случае, требует строгого обоснования, а именно — что внутреннее единство общественного мнения тождественно единодушию, что такое единство возможно лишь в случаях существования общественного мнения с монистической структурой и, напротив, что общественное мнение со сложной структурой не обладает внутренним единством, необходимой политической и нравственной силой и потому не является «подлинным», «настоящим» и пр. общественным мнением.

Далее, крайне неудовлетворительной является сама категория «большинство», содержащая в себе массу неясностей. В самом деле, о каком большинстве идет речь: об относительном, абсолютном? Каковы его предельные величины? Все эти и подобные вопросы оборачиваются в практике исследования общественного мнения множеством новых неразрешимых трудностей. Так, меньшинство может равняться почти половине общества (например, 49 процентам). Спрашивается, на каком основании мы должны отказать его мнению в праве быть общественным, — тем более что в дру-

гом случае такое право должно быть признано за мнением 30 (и даже менее) процентов общества, составляющих относительное большинство среди более мелких групп?! Очевидно, в данном и подобных случаях определение общественного мнения как мнения большинства становится настолько относительным, что вообще теряет какой-либо смысл.

Или, мы видели, в практике функционирования общественного мнения довольно часты случаи, когда мнения разбиваются на множество довольно дробных групп, из которых ни одна не может быть признана даже относительным большинством. Как тут быть? Признать, что общественного мнения в таких случаях просто-напросто не существует, что вместо него имеется множество «групповых» мнений, из которых ни одно не является общественным? Но разве не ясно, что подобный подход просто-напросто переносит нас из сферы анализа реального мира в сферу чисто терминологических упрощений.

**«Соответствие
интересам
народа»**

Наконец, существует точка зрения, согласно которой носителем общественного мнения объявляются уже не просто «прогрессивные силы общества», не просто «народ» и даже уже не «большинство» этих сил, не «большинство народа», но лишь такое большинство народа, которое, во-первых, высказывает взгляды, соответствующие по своему содержанию подлинным интересам трудящихся масс, и, во-вторых, само формирует свои взгляды.

Отсюда вытекают весьма интересные следствия. Скажем, если большинство народа высказывает точку зрения, почерпнутую им «со стороны», привнесенную в сознание масс, к примеру, теорией, то выходит, мнение такого большинства уже не является общественным. Или, скажем, если большинство народа высказывает точку зрения (например, в ходе голосования за реакционного буржуазного деятеля или реакционную буржуазную партию), искаженно или, тем более, превратно, ошибочно отражающую подлинные интересы народных масс (а происхождение такой ошибки может быть самым различным: низкий уровень развития самосознания масс, влияние враждебной идеологии и т. д.), то получается, что такое мнение также не является общественным. Что же это в таком случае? «Фиктивное», «неподлинное» общественное мнение, его «подделка» и т. п.

Нет спору, рассматриваемые явления в практике формирования общественного мнения имеют место. В какой-то

мере они носят даже характер всеобщих — в том смысле, что мнение общественности всегда подвергается «обработке» (не обязательно с целью обмана, часто с целью просвещения) со стороны различных государственных и общественных институтов, а также отдельных лидеров. Но совершенно ясно, что эти явления *принципиальным образом* отличаются от того, что называется собственно подделкой общественного мнения²⁰. Речь тут идет не о фальсификации высказываний общественности, а о влиянии на нее, о внушении ей некоторых (в частности, ложных) истин и представлений. Поэтому тут нельзя говорить об «исчезновении» общественного мнения, о том, что оно становится «ненастоящим», «неподлинным». Наоборот — это самое настоящее, самое подлинное общественное мнение, хотя и введенное в обман, хотя и ложное по содержанию, иллюзорное, ошибочное и т. п. С точки зрения понимания и оценки состояния массового сознания такое мнение представляет не меньшую ценность, чем мнение истинное, находящееся в соответствии с подлинными интересами говорящих. «Избирательная кампания, — указывал В. И. Ленин, — потому представляет выдающийся интерес для всякого сознательного политического деятеля, что она дает *объективный* материал по вопросу о взглядах, настроениях, а следовательно, и интересах различных классов общества... Выборы дают материал *объективный*. Проверка субъективных пожеланий, настроений, взглядов учетом голосования масс населения, принадлежащих к разным классам, всегда должна быть ценна для политика в сколько-нибудь серьезном значении этого слова»²¹.

Таким образом, последняя точка зрения также не может быть признана истинной. И корень ее ошибки — постановка

²⁰ Разумеется, в практике общественной жизни встречаются случаи, можно даже сказать нередкие, когда на политической арене вместо общественного мнения действительно фигурирует его более или менее прикрытая подделка. Такие случаи всегда связаны с грубыми нарушениями основ демократии. Нельзя, например, говорить об общественном мнении, если многие члены общества или, тем более, целые общественные группы (национальные или возрастные, половые или социальные) были лишены возможности высказать свое суждение по вопросу, так что в итоговой картине мнений их точка зрения полностью отсутствует. Точно также нельзя говорить об общественном мнении, если суждения, высказанные членами общества, подверглись затем прямой фальсификации, если, например, объективные результаты выборов были искажены, подтасованы или сведены на нет особой системой голосования и т. д.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 331—332.

определения субъекта общественного мнения в зависимости от содержания высказываемого мнения и даже от способов его формирования. В действительности же такой связи нет и быть не может: субъект остается субъектом независимо от того, что и как он говорит.

Если довести критикуемое понимание до логического конца и поставить все точки над «i», то получится, что «подлинным» общественным мнением должно считаться уже не только единодушное, но и непременно истинное по содержанию суждение большинства народа, и к тому же суждение, самостоятельно выработанное этим большинством, а не заимствованное им «со стороны». В результате границы функционирования и социальное значение общественного мнения сводятся к минимуму: из важнейшего института в жизни общества, действующего постоянно и в массовом масштабе, оно превращается в крайне редко встречающееся явление. К счастью, однако, последнее «превращение» общественного мнения случается только на бумаге. В реальной жизни оно функционирует самым широким образом, оказываясь то единодушным, то (чаще всего) множественным, то истинным, то (снова чаще всего) содержащим в себе большее или меньшее количество заблуждений, то оригинальным, выработанным самим субъектом, то (опять же — в большинстве случаев) заимствованным «со стороны» — из средств массовой пропаганды, теории и т. д.

**Относительный
характер
субъекта
мнения**

Чтобы правильно решить вопрос о субъекте общественного мнения, необходимо прежде всего очертить общие границы существования последнего. Как мы видели, некоторые авторы всецело связывают эти границы с категорией «общество в целом». При этом знак тождества между данной категорией и понятием «носитель общественного мнения» ставится не только в том частном смысле, что отдельным секторам общества (меньшинству, реакционным классам и т. д.) ошибочно отказывают в праве быть субъектом общественного мнения, функционирующего в рамках социального организма в целом. Такое тождество скрывает в себе и более широкий смысл — об общественном мнении, мол, вообще возможно говорить лишь тогда, когда оно функционирует в рамках общества в целом; если же мнение высказывается в каких-то более узких границах (региональных, социальных и пр.), то оно уже не является (перестает быть) общественным,

пусть даже представляет собой мнение большинства прогрессивных сил, соответствует их интересам и т. д. и т. п.

Эта последняя ошибка в определении субъекта общественного мнения, порожденная буквальным толкованием слов «общественное мнение», носит не только терминологический характер. Речь идет не просто о том, как назвать, например, мнение заводской бригады о производственном плане — «мнением отдельного коллектива» или «общественным мнением», хотя и проблема названия также не может недооцениваться: закрепление термина «общественное» исключительно за мнением, высказываемым в рамках общества в целом, пришло бы в противоречие с практикой, с привычным использованием слов и потому не могло бы не породить недоумений у тех же членов заводской бригады, когда бы они обнаружили, что их мнение, вопреки ожиданию, вовсе не является общественным.

Рассматриваемая ошибка имеет принципиальное значение: теоретическое и политическое. отождествление субъекта общественного мнения исключительно с обществом в целом, объявление всех других мнений, складывающихся и функционирующих в иных социальных структурах, «групповыми», «региональными» и т. п., словом, *необщественными*, имеет реальный смысл только тогда, когда первый и вторые типы мнений принципиально отличаются друг от друга по своей природе. Однако теоретический анализ говорит о другом. Бесспорно, мнение, действующее в рамках «малых групп», содержит *некоторые* специфические моменты в сравнении с мнением, функционирующим в рамках общества в целом. Но *основные, принципиальные* характеристики первого и второго совпадают. Так называемое «местное мнение», или «мнение отдельных областей», имеет в принципе ту же социальную природу, те же функции, отличается теми же характеристиками в отношении объекта, теми же закономерностями формирования и функционирования, наконец, играет (в рамках своей «вселенной») ту же самую роль, что и мнение, действующее в обществе в целом. Поэтому введение тут каких-либо терминологических различий никак не может быть оправдано. С точки же зрения политической оно оказывается просто вредным: лишение мнений, действующих в масштабах меньших, чем общество в целом, права называться общественным неизбежно приводит к снижению их роли в жизни соответствующих социальных организмов, к ограничению сферы их действия, к

уменьшению степени их влияния на различные государственные и общественные институты и отдельных лиц.

Вопрос должен решаться совсем по-иному. Единый общественный организм представляет собой сложную систему, в состав которой входит множество различных по своему строению и величине объема структур. В рамках каждой из них, как и в рамках общества в целом, вокруг вопросов, затрагивающих интересы структуры, складывается внутреннее мнение. Независимо от того, идет ли речь о первичном производственном коллективе или административном районе, демографической или социальной группе, такое мнение — *в рамках и по отношению к своей структуре* — является безусловно общественным. Поэтому надо говорить не о «групповом», «местном», «районном», «национальном» и пр. мнениях, с одной стороны, и «общественном» мнении, с другой, а об общественном мнении коллектива, группы, района, нации, класса, наконец, общества в целом.

Именно таков, с нашей точки зрения, должен быть исходный пункт при определении субъекта общественного мнения. И уже он содержит в себе частичный ответ на главный вопрос: в роли искомого субъекта могут выступать и реально выступают не только «общество в целом», но и различные входящие в его состав структуры: «класс в целом», «нация в целом», «коллектив в целом» и т. д.

Однако, подчеркиваем, намеченный пункт является только *исходным*, а содержащийся в нем ответ — только *частичным*. Анализ на этом не может закончиться. Расширив границы существования общественного мнения, мы, в сущности, раскрыли его относительный характер (относительный в том смысле, что общественное мнение всегда есть мнение какой-то «вселенной») и доказали, что оно *может складываться в любой из существующих социальных систем*. Что же касается вопроса собственно о носителе каждого из этих мнений, то он пока по-прежнему остался открытым: является ли носителем общественного мнения, действующего в рамках той или иной «вселенной», только эта «вселенная» *целиком* или в этой роли могут выступать и какие-то составляющие ее *элементы* (секторы, части)? Известной парадоксальной фразой этого вопроса является другой: может ли общественное мнение, складывающееся в рамках одной «вселенной», входить в состав общественного мнения, действующего в более широкой «вселенной»?

Проблема количества

Начнем с такого простого примера. Несколько пассажиров, находящихся в вагоне метро, или несколько лиц, пришедших за покупками в магазин, высказывают свое суждение по какому-то вопросу, заведомо относящемуся к числу объектов рассмотрения общественности. Спрашивается: является ли такое коллективное высказывание общественным мнением?

Теперь, после того как мы подчеркнули относительный характер всякого общественного мнения, мы знаем, что вопрос этот должен быть уточнен: о мнении какой собственно системы («вселенной») идет речь? Ведь одно и то же мнение, высказанное, к примеру, членами заводского коллектива по вопросу, имеющему исключительно внутривзаводское значение и не представляющему никакого интереса для общественности города, является общественным в рамках данного завода и, напротив, не является таковым, если речь заходит о структуре общественного сознания более широкой «вселенной» (города). В приведенном примере мы будем иметь в виду мнение, функционирующее в рамках общества в целом. Иными словами, мы должны допустить, что предмет, о котором высказываются люди, носит не «локальный» характер, а относится к числу волнующих все население страны. Тогда первоначальный вопрос будет сформулирован так: является ли указанная группа лиц носителем общественного мнения, сложившегося в рамках всего общества?

На наш взгляд, ответ на такой вопрос может быть отрицательным. И прежде всего исходя из соображений чисто количественного порядка. Отвлекаться от этой стороны при решении проблемы субъекта общественного мнения никак невозможно, хотя дело тут, конечно, не в «большинстве» и «меньшинстве», а совсем в другом: согласно теории вероятности, несколько случайно взятых человек не могут представлять десятки миллионов людей с достаточной гарантией того, что точка зрения последних не искажена самым решительным образом.

Это становится особенно ясным, если принять во внимание фактор содержания высказываемых мнений. Допустим, в обществе, насчитывающем N членов, существует m точек зрения по данному вопросу, во взятой же нами группе — n членов. Очевидно, что если $n < m$, то взятая группа заведомо не может быть носителем общественного мнения, характерного для общества в целом, во всем разнообразии его

составляющих. Составленная не из специально подобранных лиц, а по принципу случайности, данная группа не сможет сыграть такой роли и тогда, когда $n = m$ или $n = m + a$, где a — незначительная величина. Если мы хотим, чтобы в нашем примере представленными оказались все существующие точки зрения, группа случайно отобранных лиц должна *значительно превышать* m членов. Теория вероятности устанавливает на этот счет точные границы минимума, за которыми представленное множество перестает быть репрезентативным, то есть отражать все существенные черты своей «вселенной». Как известно, эти расчеты находят свое выражение в соответствующих формулах, которыми социология общественного мнения пользуется при определении количественных параметров выборки в выборочных опросах. Но об этом ниже.

Итак, взятая нами группа лиц не может рассматриваться, по крайней мере со сколько-нибудь достаточной гарантией, в качестве субъекта *всех* существующих в обществе мнений по данному вопросу; соответственно и высказанное ею мнение не может быть признано в качестве общественного мнения, характерного для общества в целом. Однако отсюда еще не следует, что взятая группа *вообще* не является носителем общественного мнения, точно так же, как и то, что высказанное ею суждение *вообще* не является общественным мнением. Ведь, не будучи субъектом общественного мнения, взятого во всем разнообразии его составляющих, данная группа вполне может быть субъектом общественного мнения, взятого в его *отдельных секторах*, — например, она может представлять какие-то $m - x$ точек зрения на обсуждаемый предмет — точек зрения, также существующих в обществе и являющихся также точками зрения общественности. К аналогичной постановке вопроса можно прийти и другим путем. До сих пор мы принимали во внимание фактор содержания высказываемых мнений. Однако на практике этот фактор может не иметь никакого значения (случай, когда $m = 1$). Как быть тогда? Будет ли взятая нами группа лиц представлять собой общественность?

С нашей точки зрения, снова — при прочих равных обстоятельствах — нет. И снова же — в первую очередь исходя из соображений количественных. Возьмем самый простейший случай, когда в обществе существует единая точка зрения на тот или иной вопрос. Казалось бы, в таком

случае буквально каждый член общества, высказывающий вслух свое суждение, может быть признан носителем общественного мнения. И уж тем более — целая группа лиц, как в нашем примере. Однако подобное рассуждение представляет собой не более, как пустую абстракцию.

Начать с того, что факт существования единодушия взглядов не дан исследователю в самом начале анализа, но только еще должен быть установлен им, в том числе на основании высказывания группы покупателей. Вместе с тем сталкивающийся с единодушным суждением этой группы исследователь в силу указанных выше соображений, касающихся объективных математических зависимостей (малочисленность группы, случайность ее состава и пр.), не может не высказать сомнения: а не является ли данное суждение по своему содержанию совершенно случайным с точки зрения отражения общей картины состояния массового сознания? Не принадлежит ли оно всего-навсего узкой горстке лиц, связанных между собой не общественными, а частными, например приятельскими, отношениями (скажем, регулярно собирающихся в данном магазине, чтобы «сообразить на троих») и не представляющих фактически ни одной сколь угодно широкой социальной или демографической группы, из которых складывается общество?

Оснований для такого рода сомнений тем больше, что факт наличия в обществе общественного мнения с монистической структурой сам по себе отнюдь еще не означает, что один и тот же взгляд на вещи разделяется *буквально всеми членами общества*. Такого на практике не случается никогда. И не только в аспекте, так сказать, содержательном, то есть в том смысле, что в обществе всегда имеется (может оказаться) группа лиц, не согласных с мнением подавляющего большинства (как известно, величины, выражающие единодушное суждение населения страны во время голосования на выборах, могут быть близки к 100 процентам, но практически никогда не достигают этой цифры). Не меньшее значение имеет и аспект, так сказать, формальный — то обстоятельство, что в практике высказывания общественного мнения фактически не бывает случаев, когда бы число говорящих (n) точно соответствовало числу всех взрослых членов общества (N). Достигнуть этого не удастся даже с помощью таких форм выражения общественного мнения, как референдум или всеобщие выборы, проводимые на подлинно демократической основе, и тем более, если речь идет о каких-то

иных формах, например о стихийном выражении мнения масс через печать.

Субъект единодушного общественного мнения всегда представляет собой только часть (большую или меньшую) членов общества; вне его нередко оказывается довольно значительное количество людей. При этом, повторяем, мы имеем в виду отнюдь не тех, кто не согласен с мнением подавляющего большинства (если эти «оппозиционно» настроенные члены общества выражают единую точку зрения и представляют собой какую-либо общественную группу, входящую в структуру социального организма, то, согласно нашему пониманию, высказываемое ими мнение является столь же общественным, что и мнение подавляющего большинства; следовательно, такое меньшинство вполне входит в состав субъекта общественного мнения — просто речь в данном случае будет идти об общественном мнении не с монистической, а с плюралистической структурой). Когда мы говорим, что $n \neq N$, $n < N$, то это в равной мере справедливо как для единодушного общественного мнения, так и для общественного мнения, включающего в себя множество взглядов, и при этом в виду имеется совсем другое. А именно: что *в обществе всегда находится немало людей, стоящих при обсуждении того или иного конкретного вопроса целиком вне общественного мнения*. Это те, кто или занимает при обсуждении данного вопроса «свою собственную», сугубо индивидуальную позицию, не совпадающую с позицией ни одной из общественных групп, или вовсе не занимает никакой позиции — не имеет (в силу различных обстоятельств) своего взгляда на предмет, уклоняется от публичного высказывания своей точки зрения и т. д. и т. п.

В общем виде это положение может быть выражено следующим образом: если принять, что k — усредненное число говорящих в группе, занимающей ту или иную определенную позицию, а O — число лиц, стоящих вне общественного мнения, то во всех случаях $N > m \cdot k(n)$, или $N = m \cdot k + O$ (где N , напомним, — общее число членов данной «вселенной», а m — число высказанных точек зрения, позиций, групп). Ясно, что величина « O » не постоянна, она меняется в зависимости от предмета обсуждения и иных факторов, причем меняется не только количественно — в смысле числа лиц, образующих группу « O », но и «качественно» — в смысле состава этой группы: в нее каждый раз могут входить и входят безусловно разные индивиды. Но она никогда практи-

чески не равна нулю. И это обстоятельство с точки зрения решения предложенного нами примера является определяющим.

Группа лиц, находящихся в магазине, не может быть признана субъектом общественного мнения, функционирующего во «вселенной» «Общество», даже если это мнение берется не во всей его структуре, а только в каких-то отдельных секторах. Подобное признание исключается потому, что в условиях постоянного существования в обществе группы «О» у нас нет и не может быть никаких гарантий, что взятые нами лица не входят именно в эту группу. Особенно учитывая заданные параметры: бесконечно малую (в сравнении с N) величину n и полнейшую случайность подбора лиц (состава группы).

**Проблема
качества**

Вместе с тем задача определения субъекта общественного мнения — задача не только и даже не столько количественная, хотя мы и уделили этой стороне дела немало внимания. Главное тут — качественная природа рассматриваемого феномена.

Выше мы не раз уже говорили, что общественное мнение представляет собой определенное состояние *массового сознания*, что оно есть *факт общественного сознания*. Именно здесь прежде всего кроется объяснение того, почему группа лиц из нашего примера не может считаться общественностью. Механическая сумма нескольких взятых наугад индивидуальных сознаний (мнений) не может быть приравнена к общественному мнению и оценена в качестве такового. В подобной роли выступает лишь сознание (мнение), присущее той или иной *органической совокупности лиц*, разделяемое этой совокупностью как *целым*.

Объем этой совокупности не имеет значения: это может быть и такая всеобъемлющая «вселенная», как «Общество в целом», и такая мелкая структурная «единица» социального организма, как колхозная артель или цеховая партийная организация. Точно так же не имеет значения и сложность ее структуры: общество в целом, представляющее собой многократно расчлененную систему, состоящую из множества структурных «единиц», может быть таким же носителем общественного мнения, как и простейший социальный организм — например, какая-либо «малая группа», дальнейшее «расщепление» которой переносит из мира изучения социальных систем в царство индивида, личности. Важней-

шим критерием при определении субъекта общественного мнения является другое — чтобы данная совокупность лиц была действительно *органической*, то есть обладала признаками некоего *целого*, представляла собой некое относительно самостоятельное (в рамках более широкой системы) структурное образование.

Собственно, отмеченные выше количественные зависимости были лишь своеобразным выражением этой качественной природы рассматриваемого явления. Большой или меньший объем говорящих содержит в себе большую или меньшую вероятность, что в группе «п» представлены какие-то структурные «единицы», входящие в состав «вселенной», и что, следовательно, ее можно рассматривать в качестве носителя общественного мнения. Если (при сохранении случайности подбора говорящих) n — достаточно большая величина (например, если она равна 0,5 или 0,25, или 0,1, или 0,01, или даже, может быть, 0,000001 от числа N — в зависимости от абсолютной величины N), то количество тут, что называется, переходит в качество: в группе «п» заведомо окажутся представленными пусть не все, но хотя бы некоторые секторы, слагающие «вселенную», и поэтому мнение, высказываемое этой группой, с необходимостью должно быть оценено в качестве общественного (по крайней мере в его отдельных секторах). Именно этим положением обосновывается правомерность проведения при изучении общественного мнения так называемых стихийных выборочных опросов.

Однако решающий приговор при определении того, совпадает ли группа «п» с общественностью или нет и если совпадает, то насколько, выносит все же *качественный анализ*, анализ состава группы и характера высказываемых ею суждений. Известно, что даже о выступлении одного человека (лидера) мы нередко говорим как об общественном мнении. Тем более законна такая экстраполяция в отношении группы высказывающихся лиц, пусть даже немногочисленной. Вместе с тем подобная «операция» бывает правомерной лишь тогда, когда мы твердо знаем, что речь тут идет не об индивидуальном мнении одного человека или нескольких лиц, а именно о мнении той или иной *общественной группы*, то есть действительно о состоянии массового сознания, хотя и представленного суждением нескольких человек.

Этот примат фактора качества над фактором количества проявляется особенно наглядно при измерении обществен-

ного мнения с помощью метода так называемой систематической выборки: ансамбль опрашиваемых лиц (объем группы «n») бывает в таких случаях, как правило, совсем небольшим (в сравнении с величиной N), и тем не менее, несмотря на малую величину, он закономерно воспринимается в качестве носителя общественного мнения. Объясняется это тем, что состав исследуемого ансамбля заранее и соответствующим образом определяется социологом, причем определяется так, чтобы в нем были представлены все важнейшие секторы изучаемой «вселенной» и все основные типы характерного для нее массового сознания (подробнее мы рассмотрим эту проблему ниже).

Вернемся снова в наш магазин, к покупателям. Мы отказали им в праве выступать в роли общественности. При этом таким отрицательным решением вопроса мы хотели сказать, в сущности, только одно: вероятность того, что данная группа представляет собой общественное мнение, функционирующее в обществе, крайне ничтожна, ничтожна настолько, что при грубом подходе к делу должна быть приравнена к нулю. Однако, если подойти к вопросу более строго, ответ в задаче должен быть иным. Вернее, задача эта без ряда дополнительных условий вовсе не имеет решения: неизвестно, является ли рассматриваемая группа носителем общественного мнения или нет. Ответ на вопрос может быть дан только после проведения специального качественного анализа, идентифицирующего состав группы в отношении тех или иных структур (групп), входящих во «вселенную» «Общество».

Может возникнуть сомнение: а не приводит ли на практике такой подход к полному произволу исследователя? Покажется ему, что речь идет о состоянии массового сознания, он объявит данную группу носителем общественного мнения; напротив, не усмотрит он в высказывании нескольких лиц мнения определенных социальных кругов, и вся эта группа будет лишена права говорить от имени общественности. В действительности, однако, для такого сомнения нет оснований: произвола здесь не больше, чем в решении астронома, относящего вновь открытую звезду к звездам того или иного типа, или в работе палеонтолога, классифицирующего ископаемые организмы. Разумеется, социологический анализ содержит в себе немало сложностей (кстати, особенно большими они оказываются, повторяем, в случаях, когда стигматически сложившаяся группа «n» немногочисленна). Но все

они преодолеваются с помощью четкого объективного критерия, позволяющего провести границу между носителем общественного мнения — общественностью, с одной стороны, и простой арифметической суммой высказывающихся индивидов, с другой.

Этот критерий, как мы уже сказали, совпадает с понятием *социальный организм*. Именно на его основе исследователь выносит решение: представляет данная совокупность говорящих ту или иную структурную группу, входящую в состав «вселенной», значит, она есть общественность, а высказываемое ею мнение — общественное; не представляет она такой группы — следовательно, и мнение, высказываемое ею, не может быть отождествлено с общественным.

Так, с нашей точки зрения, решается проблема носителя, субъекта общественного мнения. В этой роли может выступать и на практике выступает любая социальная, экономическая, демографическая, культурная, территориальная и т. п. группа, характеризующаяся как «вселенная в целом» или как входящая в состав «вселенной» структурная «единица». В обобщенном виде этот вывод можно представить так. Если имеется «вселенная» N , включающая в свою структуру элементы M_1, M_2, M_3, \dots , то субъектом общественного мнения, функционирующего в рамках этой «вселенной», будут как группа « N », взятая целиком (или в рамках выборочных обследований представляющая ее меньшая по объему группа « n »), так и группы « M_1 », « M_2 », « M_3 » (соответственно группы « m_1 », « m_2 », « m_3 »). Следовательно, применительно к обществу в целом общественным мнением является мнение, высказываемое всем населением страны, а также мнения, высказываемые отдельными социальными классами, социально-профессиональными группами, населением отдельных регионов, группами половыми, по уровню доходов, по образованию и т. д. и т. п.; применительно к коллективу завода — мнение, высказываемое общим собранием всех рабочих и служащих, а также мнения, высказываемые отдельно рабочими или инженерно-техническими работниками, членами партийной организации и беспартийной массой, рабочими отдельных цехов и т. д. и т. п. При этом если выше мы отмечали, что при определении субъекта общественного мнения не играет роли объем и сложность состава высказывающейся совокупности, то из сказанного становится ясным, что еще меньшее значение тут имеет конкретная позиция, занимаемая группой, то есть содержание высказываемого ею

мнения. В роли субъекта мнения с равным основанием выступают как «большинство» «вселенной», так и ее «меньшинство», как высказывающиеся «за», так и голосующие «против».

23. ЗАДАЧИ ИНТЕГРИРУЮЩЕГО И ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩЕГО АНАЛИЗА

Данное определение субъекта общественного мнения, признание широкой распространенности плюрализма мнений сопряжены с решением двоякого рода исследовательских задач. Первые из них связаны с проблемой репрезентации — установления соответствия между структурой (составом) высказывающегося ансамбля и структурой (составом) представляемой им «вселенной». Подробно об этой стороне дела мы будем говорить ниже, в главе 7. Зато задачи второго рода, связанные с содержательным анализом высказанного мнения, уместнее рассмотреть здесь.

Смысл их, в двух словах, заключается в следующем. Раз субъект общественного мнения отличается более или менее сложной структурой, раз в роли носителя мнения могут выступать и выступают различные группы (секторы) «вселенной», причем эти группы могут придерживаться различных взглядов на предмет, значит, исследователь не может ограничиваться при рассмотрении общественного мнения одними лишь общими характеристиками, относящимися к высказываемому ансамблю в целом. Последний должен быть подвергнут расчленению на секторы (группировки, типы и т. д.) и анализироваться не только в целом, но и по частям.

Определение границ единодушия

Бесспорно, рассмотрение общественного мнения в объеме всей «вселенной» имеет первостепенное научное значение. Оно позволяет констатировать общие закономерности и признаки «вселенной», охарактеризовать ее как целое. С этой точки зрения очень важным, например, было установление в нашем II опросе того, что 73,2 процента опрошенных отметили повышение своего жизненного уровня, 19,8 процента — неизменность этого уровня и лишь 7 процентов — его понижение. Не меньшее значение для понимания общего положения дел имело и установление в VIII опросе того факта, что большинство опрошенных (52 процента, от общего числа) в качестве помехи № 1 для лучшего проведения досуга назвали недостаток свободного времени.

Вместе с тем научный анализ не может довольствоваться только суммарным подходом к высказанному мнению, одними только средними величинами. Ведь природа этих величин такова, что они никогда не раскрывают всей правды до конца. Имея с ними дело, никогда нельзя знать наверняка, характеризуются ли различные группировки внутри «вселенной» однородным положением или между ними существуют диспропорции. Именно поэтому при анализе мнений опрошенный ансамбль должен рассматриваться не только как некий совокупный субъект, но и как совокупность неких (более дробных) субъектов.

Такой дифференцированный подход составляет основу глубокого и точного измерения любого общественного мнения, с любой структурой — как с монистической, так и с плюралистической. Только дифференцированное рассмотрение каждой из групп, входящих в состав «вселенной», дает возможность, в частности, установить подлинное единодушие мнений, существующее в обществе. В таких случаях общая арифметическая средняя оказывается средней и для всех составляющих «вселенную».

Пример подобного анализа, целью которого является определение *качественных границ единства мнения*, или интегрирование (он может быть назван поэтому *интегрирующим*), можно взять из нашего III опроса. Общее мнение советской молодежи о своем поколении было весьма единодушным: 83 человека из каждых ста заявили, что поколением своим довольны. Эту среднюю цифру невозможно было переоценить. Вместе с тем значение ее еще более возросло, когда обнаружилось, что в целом относительно единодушными в оценке были и различные группы молодых людей, образующих «вселенную» «Советская молодежь». В социально-профессиональном отношении, например, средняя величина «раскладывалась» следующим образом:

Рабочие	Инженеры	Колхозники	Служащие	Студенты	Военнослужащие	Лица свободных профессий	Школьники	Неработающие
79,7	66,7	89,3	82,9	78,7	92,1	73,7	89,6	68,9

Как видим, амплитуда колебаний здесь в целом не очень велика. Мнение трех групп — рабочих, служащих и студен-

тов, составляющих большую часть опрошенных (как и молодежи вообще), практически можно считать равным среднему.

Вместе с тем в данном случае невозможно было пренебречь и отклонениями от средней цифры в ту или иную сторону. Тем более что они оказались характерными и для отрицательной оценки поколения. Средняя цифра (11,1 процента) выглядела по тем же группам следующим образом:

Рабочие	Инженеры	Колхозники	Служащие	Студенты	Военнослужащие	Лица свободных профессий	Школьники	Неработающие
13,6	25,0	8,9	11,7	13,7	4,6	12,6	6,0	26,0

Очевидно, анализ не мог пройти мимо этих отклонений. И здесь мы подходим к другой мотивации необходимости перехода от рассмотрения всего ансамбля в целом к рассмотрению отдельных секторов (групп) опрошенных — такой переход необходим для установления *качественных границ расхождения во мнениях людей*, то есть границ плюрализма высказываемых мнений.

Определение границ расхождения мнений

Если иметь в виду проблематику III опроса, то рассматриваемая конкретизация (*дифференцирующий анализ*) позволила установить, что меньше других молодое поколение нравится инженерам и неработающим, и поставила вопрос о природе специфики мнения этих групп. Ответ на этот вопрос дал содержательный анализ высказываний. Позиция неработающих объяснялась тем, что в их состав входила большая группа тунеядцев, презрительно пожимающих плечами по поводу образа жизни своих сверстников. Что же касается инженеров и лиц свободных профессий, то они демонстрировали более требовательное, более придирчивое отношение к плюсам и минусам своего поколения. Последнее обстоятельство подтверждалось и другой выявленной в опросе зависимостью: чем выше было у людей образование, тем основательнее, критичнее относились они к себе и к окружающим (в группе лиц с неполным средним образованием процент тех, кому поколение нравилось, равнялся 87,2, в то время как в группе с высшим образованием — 73; напротив, процент отрицатель-

ных ответов увеличивался в этих группах соответственно с 8,2 до 18,4).

Дифференцирующий анализ позволил выявить также специфическую позицию в данном вопросе колхозников, военнослужащих и школьников, которым поколение нравилось больше, чем остальным. В частности, позиция школьников объяснялась преимущественно возрастом — ранняя юность более восторженно относится к жизни, менее задумывается над ее проблемами и противоречиями. К этому выводу приводил анализ мнения различных возрастных групп. Зависимость тут была следующей:

	Поколение нравится	Поколение не нравится	Не дали определенного ответа
До 17 лет	90,1	6,1	3,8
18—22 »	86,3	8,9	4,8
23—30 »	78,4	14,8	6,8

Позиция колхозников и военнослужащих была связана прежде всего со спецификой жизни этих групп. В условиях войсковой части, армейского режима случаи отрицательного поведения встречаются реже, чем где бы то ни было, и к тому же они не имеют столь вызывающего характера. В значительно меньшей степени, чем город, особенно большой, сталкивается с отрицательными явлениями в поведении молодежи и деревня (хотя бы в силу ограниченности состава населения). Справедливость последнего заключения подтверждалась анализом высказываний различных групп молодежи по месту жительства:

	Поколение нравится	Поколение не нравится	Не дали определенного ответа
Москва	71,4	19,2	9,4
Крупнейшие города	78,3	15,2	6,5
Прочие города и по- селки	84,8	10,0	5,2
Село	90,4	6,0	3,6

Крайне важен дифференцирующий анализ и с точки зрения более точного определения субъекта высказывания. Скажем, опрос зафиксировал, что какая-то часть населения отрицательно относится к тому или иному шагу государства. Для того чтобы сделать правильные выводы из этого факта, нужно не только принять во внимание содержание аргументации и мотивы отрицательной позиции, но и определить, кто именно эти люди. При этом абсолютные величины не будут иметь большого значения, если все «критики» относятся к одной социальной группе. Данный факт будет свидетельствовать, что названную позицию занимает лишь одна определенная группа, но не все население.

Или возьмем пример с отношением людей к проблеме сокращения рабочего дня (II опрос). Уточнение высказанного мнения по группам обнаружило, что эта проблема волнует в первую очередь женщин. Последние не только приветствовали, как и мужчины, проведенные в этом направлении мероприятия, но и настаивали на их дальнейшем форсировании с первоочередным расчетом на сокращение рабочего дня для женщин. Важно подчеркнуть, что это уточнение обратило на себя внимание председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. Комментируя результаты опроса, он отвечал Институту общественного мнения: «Отдельно хотелось бы остановиться на предложениях по сокращению рабочего времени. Некоторые из опрошенных, особенно женщины, ставят вопрос о переводе на сокращенный рабочий день только женщин или в первую очередь женщин. В известной степени такая постановка оправдана... Заслуживает внимания предложение... о предоставлении возможности женщинам работать половину рабочего дня и получать половину ставки, что позволит привлечь к общественному труду дополнительно известную часть женщин, имеющих детей»²².

В заключение отметим, что наиболее полно возможности интегрирующего и дифференцирующего анализа были использованы нами при рассмотрении результатов VIII опроса. Дробное расчленение общего ансамбля позволило с надежной точностью констатировать границы как единодушия, так и расхождения *во мнениях* различных социально-демо-

²² Б. Грушин, В. Чикин. Во имя счастья человеческого, стр. 95—96.

графических групп, а также общие и специфические особенности их *реального положения* в обществе ²³.

**Проблема
типологии**

Свое высшее выражение дифференцированный подход к субъекту мнения находит в типологии, в конструировании всеобщих типов сознания в рамках исследуемой «вселенной». В практике работы Института общественного мнения такая задача решалась только однажды — при исследовании облика молодого поколения, когда на основании 17 446 анкет в свете представлений молодежи о целях жизни была сделана попытка очертить несколько характерных типов молодых людей начала 60-х годов ²⁴.

Однако этот первый опыт типологии явно нельзя признать удовлетворительным, хотя в нем и содержались некоторые положительные моменты. Так, ценным, в частности, было, как кажется, выделение первого типа. Особенно если учесть острые и во многом бесплодные споры о «герое нашего времени», шедшие тогда и еще не завершившиеся до сего дня в советской литературе. В то время как одни литераторы в силу чрезмерного радикализма по отношению к недавнему прошлому выдавали звездный билет эдакому резонеру из молодежи, пренебрежительно судящему о проблемах бытия, а другие, напротив, продолжали защищать положительного героя «ортодоксальных» романов — тоже резонера, но уже распространяющегося преимущественно о «добре», — в это самое время опрос выявил фигуру истинного героя, сложного, умного, находящегося в самой гуще наиболее острых противоречий жизни и потому столько же счастливого, сколько и несчастного, героя без какого-либо пьедестала, хотя бы уже потому, что жизнь его весьма трудна и, с точки зрения любого филистера, совсем незавидна.

Положительным моментом в типологии было и то, что очерченные типы давались в динамике, в перспективе, причем была сделана попытка обнаружить их генетические связи, их переходы одного в другой, условия этих переходов и т. д. Но на этом, собственно, все плюсы первого опыта и кончались. Неудач было значительно больше.

Прежде всего разработанная типология отличалась *неполнотой*: основные типы современного советского молодого

²³ См. Б. Грушин. Свободное время.

²⁴ См. Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения, стр. 225—235.

человека далеко не исчерпывались нарисованными пятью портретами. Кроме того, признаки и границы некоторых типов получились расплывчатыми, фактически объединяли несколько различных характеров и складов мышления и жизни. Еще одним серьезным минусом типологии было то, что в ней отсутствовала даже попытка хоть как-то измерить *количественную* сторону дела, то есть определить объем и границы распространения выделенных типов. Наконец, не лучшим было и выбранное *основание* построения типологии: отношение человека к будущему, характер намечаемой им цели. Оно не включало в себя множество других важных сторон в жизни человека, в не меньшей степени, чем отношение к будущему, определяющих его облик. К тому же содержание его было довольно нечетким, что привело в ряде случаев к нарушению принципа единства основания деления.

• Глава 5 •

ВЫРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Среди проблем, затрагивающих методологические аспекты исследования общественного мнения, особое место занимают те, что непосредственно связаны с процессом актуального выражения последнего, с анализом акта *высказывания общественности как такового*, взятого как отдельный, самостоятельный факт. Применительно к этому аспекту проблема заключается уже не в том, чтобы выяснить, посредством каких социальных каналов было (или вообще может быть) высказано общественное мнение, но в том, чтобы проанализировать *форму и содержание данного высказывания*. При этом формальный подход к высказываниям общественности предполагает ответ на вопрос: какова логическая природа суждений, выступающих в качестве общественного мнения? Или иначе: в суждениях какого типа обычно (чаще всего) высказывается общественное мнение? Взятые же с точки зрения содержания, эти высказывания ведут нас к другой проблеме: выражает ли общественное мнение истину или оно содержит ложь? Чем определяется истинный или ложный характер высказываний общественности? И т. п.

24. ЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СУЖДЕНИЯ-МНЕНИЯ

Очевидно, когда вопрос ставится о форме суждения-мнения, речь должна идти не просто о структуре суждения, различаемой формальной логикой. Ведь общественное мнение может выражаться в суждении с любой формально-логической структурой. Оно может быть высказыванием и аффирмативным (типа: «Человечеству удастся предотвратить войну»), и негативным («Человечеству не удастся предотвратить войны»), и общим («Вся советская молодежь целеустрем-

мленна»), и частным («Некоторые советские юноши и девушки не умеют организовать свое свободное время»), суждением любой модальности (например, гипотетическим — типа: «Возможно, человечеству удастся предотвратить войну»), любого вида связи (конъюнктивным, дизъюнктивным, условным) и т. д. и т. п. Под формой суждения-мнения нужно понимать нечто другое — тип высказывания, находящийся в прямой связи с функциями общественного мнения.

**Основные
типы
высказываний**

Как мы отмечали в главе 2, одной из начальных и основных социальных функций общественного мнения является функция оценки. Она находит свое осуществление в высказываниях самого различного толка: содержащих совет и формулирующих императивное требование, называющих вещи своими именами и выдвигающих предложения по изменению вещей и т. п. Однако адекватной формой выражения этой оценивающей деятельности общественности является специфически оценочное суждение.

а) *Оценочное суждение.* Оно может существовать в виде *прямой оценки* явления, осуществляемой по структуре: «хорошо — плохо», «за — против», с большим или меньшим числом промежуточных оттенков между этими полюсами, а также в различных видах *косвенной оценки*.

Придавая большое значение последним, следует отметить, что с точки зрения практического использования эти виды выражения отношения общественности к тем или иным явлениям действительности отличаются рядом существенных изъянов. Главное — в условиях косвенного высказывания сила и плоскость оценки смещаются, и это ведет к затруднениям в измерении действительного содержания и границ высказанного мнения. В самом деле, существует ведь большая разница в постановках вопроса: «Что нужно сделать для решения данной задачи?» и «Как вы оцениваете данный конкретный шаг, направленный на решение той же задачи?» Очевидно, в первом случае большое значение приобретает «фигура умолчания» — некоторые практические мероприятия или не называются вовсе или получают крайне мало голосов. Однако из этого нельзя сделать вывод, что неупомянутые мероприятия не находят поддержки народа или находят слабую поддержку. Такое знание можно получить с большой степенью достоверности лишь в случае прямой оценки — прямого отрицательного ответа на вопрос об отношении к мероприятию. Ясно поэтому, что прямое измерение

отношения людей к тем или иным явлениям действительности является несравненно предпочтительнее: оно позволяет с гораздо большей точностью фиксировать картину сознания масс.

Что же касается форм косвенной оценки, то среди них наиболее весомой является та, которая осуществляется в виде так называемого «термометра», с помощью *выделяющего суждения*. Смысл его состоит в том, что оно располагает в определенном порядке (по степени важности, первоочередности, интенсивности и т. п.) различные явления действительности.

Отличие данного вида оценки от прямой оценки понятно. В последнем случае речь всегда идет об абсолютной оценке одного явления (общественное мнение сталкивается с альтернативой, полюсы которой — «да» — «нет»), в первом — об относительной оценке нескольких явлений (предлагаемая альтернатива содержит несколько различной интенсивности «да», отнесенных к различным явлениям).

б) *Обосновывающее суждение*. Следующей важной формой выражения общественного мнения является обосновывающее суждение. Его смысл состоит в объяснении того, почему говорящий высказывает именно данное мнение. Например, многие считают, что война может быть предотвращена. Однако, как мы видели, разные люди в подтверждение этой точки зрения ссылаются на разные явления: одни — на «экономическую мощь СССР и лагеря социализма», другие — на «силу сторонников мира во всем мире», третьи — на «наличие у СССР мощного современного оружия» и т. п. Знание об этих ссылках представляет для исследователя огромную важность.

Конечно, суждения рассматриваемого типа, являющиеся ответом на вопрос: «На чем основано высказываемое мнение?» — содержат в себе и оценку (косвенную) явлений действительности. Однако, как легко понять, дело тут не сводится к одной оценке. Специфика логической природы и значение обосновывающих суждений заключаются в том, что они характеризуют не только объекты высказывания, но и само рассуждающее сознание, поскольку позволяют обнаружить, как в сознании людей замыкаются те или иные связи между различными явлениями действительности. Эта специфика рассматриваемых суждений выдвигает их на особое место при анализе общественного мнения в целом; они широко используются в качестве контрольных ответов, при-

званных установить степень компетентности, грамотности и, в широком смысле слова, истинности высказываемого человеком мнения.

в) Аналитическое суждение. Близко к обосновывающим стоят аналитические суждения. Являющиеся также формой реализации аналитической функции общественного мнения, суждения этого типа отвечают на вопрос не о том, почему говорящий придерживается в отношении того или иного явления данной точки зрения, а о том, например, почему существует само рассматриваемое явление, каковы его важнейшие связи и т. п.

Именно в форме такого суждения высказывалось, например, мнение авторитетов в III опросе в ответе на вопрос: чем можно объяснить факт существования в среде молодежи определенных отрицательных явлений? Кстати, тогда в анкете содержался и другой вопрос, предлагавший представителям старшего поколения обосновать свое мнение относительно молодежи в целом. Сравнение ответов на эти вопросы¹ позволяет обнаружить разницу между обосновывающими суждениями и суждениями аналитическими. Если первые из них, обосновывая мнение говорящего, фиксируют в своем содержании связь «мнение — объект», то вторые, относясь всецело к анализу самого объекта, его взаимоотношений с другими явлениями действительности, устанавливают связь «объект — объект».

г) Экзистенциальное суждение. В практике изучения общественного мнения исследователю нередко приходится сталкиваться с высказываниями, которые на языке логики называются суждениями существования, или экзистенциальными. Содержанием таких высказываний являются констатация того или иного явления, установление факта его наличия в действительности — не больше. Иногда такие суждения фиксируют бесспорные, строго объективные факты, так называемые абсолютные истины, — тогда они, строго говоря, перестают выражать отношение говорящего к действительности, то есть быть *мнением*. Точно так же, строго говоря, не являются подлинными мнениями и те экзистенциальные суждения, которые высказываются в ответ на вопросы типа: «Есть ли лично у Вас цель в жизни? Если да, в чем она состоит?», «Сколько времени в среднем уходит

¹ См., например, анкеты Р. Я. Малиновского, М. И. Ромма и др. (Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения, стр. 80—81, 88—89 и др.).

у Вас ежедневно на труд на производстве, сон, питание и т. п.?» С другой стороны, все эти высказывания, как и те экзистенциальные суждения, которые фиксируют неизвестные, непроверенные, недоказанные и т. п. факты, входят в состав суждений, изучаемых социологией общественного мнения. Их анализ сплошь и рядом оказывается совершенно необходимым для установления содержания высказываемых людьми мнений.

д) Суждение-определение. От экзистенциальных суждений необходимо отличать суждения, в которых речь идет не об установлении факта существования того или иного явления действительности, но о раскрытии содержания этого явления, о выявлении его существенных признаков, черт и т. д., или, как говорят в логике, об определении явления. Это суждения-определения, или дефинитивные суждения. Они имеют немало общего с экзистенциальными высказываниями, поскольку, как и последние, устанавливают факты существования определенных признаков вещей, факты их присутствия вещам. Но вместе с тем они существенным образом и отличаются от суждений существования, поскольку всегда выражают именно мнение людей по поводу действительности: содержание явлений, раскрываемое с помощью дефинитивных суждений, никогда не может быть оценено в качестве абсолютного, оно всегда — содержание, с точки зрения говорящего, содержание, представляющееся таковым высказывающемуся лицу.

В качестве примера такого типа высказывания общест-венности можно привести полученное нами в IV опросе определение понятия «коммунистический труд»². Данное суждение общественности отличалось большой сложностью. В нем присутствовала и оценка действительности, в частности относительной важности той или иной характеристики коммунистического труда (например, сознательный характер труда был подчеркнут 66,7 процента опрошенных коллективов, соединение труда с наукой — 37,3 процента и т. д.), и бесспорное указание на степень распространенности отдельных явлений в жизни коммунистических бригад (в том числе об этом говорит, например, тот факт, что высшая производительность труда была названа 62,4 процента опрошенных коллективов, в то время как безвозмездный характер труда — лишь 17,4 процента). Однако взятое в целом это

² См. Б. Грушин, В. Чикин. Проблемы движения за коммунистический труд в СССР, стр. 23—27.

суждение конечно же не было ни оценочным, ни экзистенциальным. Оно типичное дефинитивное суждение, определяющее сущность исследуемого явления, раскрывающее его содержание путем перечисления существенных признаков.

е) Конструктивное суждение. Еще более сложным в структурном отношении типом высказываний, в которых обычно выражается общественное мнение, является конструктивное (пропозитивное) суждение.

Рассмотрим, например, мнение: «Для укрепления молодой семьи необходимо решить проблему жилья — в первую очередь для молодоженов». Даже без дальнейшей конкретизации этого высказывания ясно, что оно содержит в себе множество самых различных элементов. Так, в нем присутствует косвенная оценка явлений действительности: говорящий конечно же отдает себе отчет в том, что существует множество иных способов решения рассматриваемой проблемы, и если он называет лишь жилье, то это значит, что он просто отдает предпочтение данному фактору в сравнении со всеми остальными, оцениваемыми им значительно ниже. В приведенном суждении, далее, содержатся элементы экзистенциальности, констатация определенных фактов действительности, например существования в стране жилищной проблемы (хотя бы в отношении молодых семей). Наконец, за таким суждением всегда стоит анализ отношений действительности, раскрытие разного рода причинно-следственных связей (в данном случае связи между явлением распада молодых семей и различными социальными факторами, в частности жилищной проблемой). В сущности, конструктивное суждение представляет собой результат, итог, сумму всех этих моментов — констатации, анализа, оценки фактов действительности. Но, как таковое, оно и не сводится ни к одному из них, заключая в себе нечто значительно большее, а именно: выражение *воли* говорящего, его активного желания, стремления изменить анализируемую и оцениваемую действительность.

**Форма
и содержание
высказываний**

Специфика всех перечисленных типов суждений, в которых выражается общественное мнение, становится наглядной, если мы сформулируем по отношению к каждому из них соответствующие вопросы. Так, собственно оценочное суждение отвечает на вопрос: «За или против явления?» (выступает говорящий); обосновывающее суждение — на вопрос: «Почему говорящий так думает?»; выде-

ляющее — «Каков порядок явлений?»; экзистенциальное — «Существует ли явление?»; дефинитивное — «Что собой представляет явление?»; аналитическое — «Почему явление таково?»; конструктивное — «Каким образом явление может быть изменено?» и т. п.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что сделанное перечисление не является полным, ряд может быть продолжен. Правда, для наших целей сказанного вполне достаточно: проблемы методологии, связанные с формальной структурой суждения-мнения, вырисовываются из него с достаточной степенью ясности.

Прежде всего исследователь общественного мнения всегда должен иметь в виду основной факт — факт многообразия типов суждений, в которых может быть выражено мнение общественности. Вся его работа по программированию опроса, в частности по составлению анкетного листа, должна вестись исходя именно из этого факта: программа опроса должна открывать максимальные возможности для общественного мнения проявиться во всех его важнейших функциях — аналитической и оценочной, регулятивной и конструктивной.

Конечно, создание таких условий зависит прежде всего от содержания выдвигаемых вопросов. Однако немалую роль тут играет и форма — тип, способ формулировки вопроса. Вообще, когда речь заходит о разработке программ опросов, нельзя согласиться с нигилистическим мнением, широко распространенным в западной социологии, будто содержание вопроса всецело определяет содержание высказываемого общественного мнения, так что последнее оказывается, в сущности, не более чем фикцией: исследователь, мол, всегда извлекает из него лишь то, что сам вложил туда и хотел извлечь.

Разумеется, характер постановки вопроса (мы имеем в виду содержательный аспект проблемы) во многом определяет содержание ответа. В этом отношении стали уже хрестоматийными случаи из практики работы западных институтов общественного мнения, когда в зависимости от формулировки одного и того же вопроса исследователи получали совершенно различные по содержанию ответы общественности³. Однако подобные факты говорят не только об относительной ценности общественного мнения, но и об огромной

³ Например, когда в 1941 г. в Соединенных Штатах был поставлен вопрос: «Должны ли США вступить в войну?» (имелось в виду —

ответственности социолога, исследующего этот хрупкий феномен. Ясно, что исследователь должен стремиться к истине, а не к заведомой фальсификации результатов опроса и поэтому должен составлять в содержательном отношении вопросы таким образом, чтобы по возможности полностью исключить какое-либо влияние на содержание ответа по существу, или — что совпадает — точно измерить «вектор» и величину этого влияния.

Вместе с тем, повторяем, огромное внимание при разработке программы опроса должно уделяться и формальной стороне дела. Логическая структура вопроса прямо обуславливает логический тип ответа на вопрос, и исследователь не может не учитывать этого обстоятельства. Вопрос «почему?» с необходимостью приводит к аналитической деятельности общественного мнения, вопрос «как быть?» — к конструктивному размышлению и т. д. И в этом смысле обеспечение наибольшего разнообразия типов вопросов в анкете является надежной гарантией создания условий для наиболее полного и всестороннего выражения общественного мнения.

Другая методологическая проблема, связанная с проблемой форм выражения общественного мнения, касается принципиальной оценки при составлении программ исследования так называемых открытых и закрытых вопросов. Эту проблему мы будем еще рассматривать специально, здесь же только упомянем о ней. Дело в том, что исследователи обычно предпочитают иметь дело с закрытыми вопросами, то есть вопросами, которые сопровождаются всевозможными вариантами ответов на них. В таких условиях опрашиваемому предлагается лишь выбрать один или несколько (в соответствии с условиями опроса) из ответов, соответствующих его точке зрения.

Нет спору, такие вопросы являются необходимым компонентом всякой анкеты, и прежде всего той, которая рассчитана на получение оценочных суждений общественности. Там, где речь идет об оценке — безразлично, прямой или косвенной, — там всегда принципиально возможно закрыть вопрос, и при соблюдении ряда необходимых условий (пол-

против гитлеровской Германии), 27 процентов опрошенных ответили «да». Когда же вопрос был несколько изменен и сформулирован следующим образом: «Должны ли США вступить в войну против Германии?», число ответивших «да» уменьшилось сразу до 17 процентов — у многих людей перед лицом конкретной угрозы явно не хватило решимости.

нота и соответствующий порядок перечисления ответов, исключаящий какое-либо психологическое давление на опрашиваемого, и т. д.) это не приведет к искажению мнения. Если к тому же учесть, что закрытые вопросы отличаются важнейшими преимуществами с точки зрения техники исследования — позволяют максимально точно измерить содержание и объем высказанного мнения, принципиально упрощают обработку результатов опроса и т. д., — то станет понятным их широкое распространение в практике изучения общественного мнения.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, злоупотребление закрытыми вопросами и, тем более, использование их в качестве единственной формы вопросов является принципиально ошибочным. Дело в том, что эти вопросы всегда неизбежно ограничивают, огрубляют мысль опрашиваемого, а значит, *видоизменяют* ее, приспособлявая к некоему стандарту, стереотипу. Это верно уже даже применительно к оценочным суждениям, высказываемым в самой примитивной форме — многие оттенки мысли говорящего бесследно утопают в односложных «да», «нет» и т. д. И тем более это верно применительно к суждениям со сложной структурой, таким, например, как аналитические или конструктивные. Строго говоря, вопрос, рассчитанный на конструктивное мнение, никогда не может быть закрыт без того, чтобы не снизить самым резким образом объективность и полноту исследуемого мнения.

25. VOX POPULI — VOX DEI? КОНТИНУУМ ИСТИННОСТИ

Содержательный анализ процесса выражения общественного мнения ведет нас, как мы уже сказали, к проблеме истинности и ложности высказываний общественности. С этой проблемой нам не раз уже приходилось сталкиваться выше, при рассмотрении самых различных вопросов. Теперь настало время остановиться на ней специально.

Начать, очевидно, нужно с констатации того бесспорного факта, что среди высказываний общественности, непосредственно фиксирующих явления действительности⁴, — осу-

⁴ Тут еще раз следует подчеркнуть, что проблема истинности (ложности) общественного мнения касается лишь тех суждений общественности, в которых непосредственно фиксируются факты действительности. Эта проблема не возникает, если высказываемые мнения выражают оценки, отношение к фактам действительности, разного рода нормы, установки и т. д.

ществляются ли они в форме оценки или анализа, констатации или предложения, в виде совета или директивного указания и т. п.—встречаются как суждения истинные, соответствующие объективной действительности, объективным потребностям социального развития и т. д., так и ложные, противоречащие существу отражаемых явлений, подлинному общественному интересу. Практика функционирования общественного мнения подтверждает этот факт постоянно и самым убедительным образом.

Вместе с тем та же практика подтверждает и другое. Если сравнить между собой несколько высказываний общественности, то легко можно обнаружить, что одни из них относятся друг к другу как истинные к ложным, в то время как другие — как содержащие большее или меньшее «количество» истины (соответственно — лжи). На первый взгляд такое различие кажется крайне условным и малосодержательным — мол, каждое высказывание может и должно быть со всей определенностью охарактеризовано или как истинное, или как ложное. В действительности, однако, это не так. Истина и ложь, как известно, не образуют строгой альтернативы даже в системе точного научного знания — между ними там всегда находится целый ряд степеней истинности и ложности. Тем более неприменима двузначная логика для описания столь разнородного по своей природе явления, как общественное мнение.

Образующееся на разных уровнях — теоретического знания и обыденного сознания, бывающее то широко объективным, то слепо пристрастным, то высококомпетентным, то просто малограмотным, черпающее свои сведения равно как из чистых источников науки, так и из загрязненных потоков молвы, наконец, могущее оказаться в самых различных социально-политических условиях — благоприятных или стесненных с точки зрения процесса формирования и свободы выражения мнений, этот тип массового сознания включает в себя *суждения с самой различной степенью истины и лжи.*

Величина этой степени является функцией от объекта высказывания (безукоризненно верное при обсуждении одних вопросов, общественное мнение начинает впадать в иллюзии при обсуждении вторых и становится уже совершенно ошибочным при обсуждении третьих), от субъекта высказывания (различные группы людей при обсуждении одного и того же вопроса нередко занимают весьма различные, подчас даже диаметрально противоположные позиции,

из которых истинной, как известно, бывает лишь одна) и т. д. Однако главные факторы, от которых зависит степень истинности (ложности) суждений масс,— это социальная обусловленность процесса формирования мнения, компетентность и социальная установка его источников и субъекта. Помноженные друг на друга, все эти факторы приводят к существованию многозначного общественного мнения.

В соответствии с этим и поле формирования и функционирования общественного мнения начинает представлять собой некий континуум протяженностью от 0 до 1. В точке 0 этого континуума помещаются высказывания с нулевым содержанием, то есть высказывания ложные, в точке 1 — высказывания истинные. Что же касается пространства между ними, то оно заполняется высказываниями, тяготеющими в большей или меньшей степени к одному из полюсов, представляющими собой различные комбинации истины и лжи.

Как легко понять, подчеркиваемая особенность содержания общественного мнения имеет принципиальное значение. Не умаляя роли общественного мнения в социальной жизни страны, она в то же время ориентирует исследователя на критическое отношение к этому мнению: «глас народа» далеко не всегда оказывается «гласом божьим», то есть гласом истины, и, во всяком случае, может объявляться таковым лишь в результате тщательного и специального анализа высказываний общественности — анализа на истинность.

При этом такой анализ, как и вся проблема содержательного выражения общественного мнения, предполагает ведение разговора в двух не совпадающих друг с другом аспектах. Первый из них касается отношения $\frac{\text{общественное мнение}}{\text{действительность}}$, то есть отношения содержания высказываемого мнения к отражаемой в нем действительности; с помощью этого отношения определяется мера собственно истинности (соответственно — заблуждения) общественного мнения. Второй аспект касается отношения $\frac{\text{общественное мнение}}{\text{общественное мнение}}$, то есть отношения мнения высказанного к мнению реально существующему; с помощью этого отношения определяется мера точности (соответственно — неточности) выражения общественного мнения, мера его адекватности (искажения), его искренности (неискренности) и т. д.

В процессе *практического* изучения общественного мнения исследователь сталкивается в первую очередь со вторым отношением. Это естественно: прежде чем приступить к анализу содержания мнения по существу рассматриваемого вопроса, он должен установить, совпадает ли высказанное вслух мнение с тем, которого в действительности придерживается говорящее лицо (и которое только и интересует исследователя-практика), не подверглось ли оно в процессе выражения каким-либо искажениям или, если воспользоваться термином физики, какому-либо «возмущению» под влиянием тех или иных обстоятельств. В случае, если верно последнее, исследователь должен определить характер и величину случившегося искажения, чтобы, сделав соответствующие поправки, восстановить мнение в его подлинном виде. Только после этого он может переходить к анализу второго отношения.

В процессе *теоретического* анализа феномена общественного мнения порядок рассмотрения названных отношений должен быть обратным. Мы должны начать с допущения — кстати, не только существующего в теоретическом сознании, но постоянно реализующегося на практике, — что высказанное мнение полностью совпадает с мнением действительным (случай, когда второе отношение равно 1). Это позволит нам рассмотреть проблему истинности и ложности общественного мнения как проблему отношения его содержания к отраженной в нем действительности, в чистом виде.

26. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. ХАРАКТЕР И ИСТОЧНИКИ ОШИБОК ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Обнаружить *факт ошибочности* высказываний общественной мысли можно, как известно, и не выходя за рамки анализа зафиксированных суждений, путем их простого сопоставления, в частности путем обнаружения противоречий в их содержании. Допустим, в ответ на вопрос: «Что, по-Вашему, больше свойственно Вашим сверстникам: целеустремленность или отсутствие цели?» — 85,3 процента опрошенных остановили свой выбор на первой части альтернативы, 11 процентов — на второй, а 3,7 процента не дали определенного ответа. Это мнение было бы заведомо ложным, если бы, скажем, в ответ на другой вопрос анкеты: «Есть ли лично у Вас цель в жизни?» — большинство опрошенных ответило

отрицательно — не может быть признано верным представление о совокупности, противоречащее фактическим характеристикам единиц, из которых состоит совокупность. Как раз с целью обнаружения степени истинности высказываний в анкету вводятся взаимно контролирующие друг друга вопросы, проводится корреляционный анализ мнений и т. д.

Другое дело — *природа ошибочности* высказываний общественности. В большинстве случаев ее определение оказывается невозможным в рамках рассмотрения одних зафиксированных суждений. Поиски ответа на вопрос «почему?» (почему общественное мнение оказывается в своих рассуждениях то правым, то неправым? чем конкретно определяется место того или иного мнения на континууме истинности?) вынуждают нас обращаться к сфере формирования мнений.

Если подойти к вопросу в общем и целом, истинность и ложность высказываний общественности зависят прежде всего от самого *рассуждающего субъекта*, а также тех *источников*, из которых он черпает свои знания. В частности, что касается первого, то известно, что различные социальные среды характеризуются неодинаковыми «признаками»: в зависимости от их объективного положения по отношению к источникам и средствам информации они отличаются большей или меньшей информированностью в тех или иных вопросах; в зависимости от уровня культуры и т. д. — большей или меньшей способностью к восприятию и усвоению поступающей информации; наконец, в зависимости от соотношения интересов данной среды и общих тенденций социального развития — большей или меньшей заинтересованностью в приятии объективной информации. То же нужно сказать и об источниках информации: они могут нести истину или ложь в зависимости от степени их компетентности, от характера их социальных интересов (выгодно или невыгодно распространять объективную информацию) и т. д. В сущности, рассматривать проблему формирования общественного мнения означает рассмотреть роль всех этих факторов (прежде всего социальных) в сложном «поведении» субъекта высказывания и источника информации.

Однако в наши задачи не входит анализ собственно процесса формирования общественного мнения. Нам достаточно обрисовать природу заблуждений общественности в общем виде. Поэтому мы ограничимся, так сказать, абстрактным, лишенным социальных характеристик рассмотрением этих ошибок. В частности, имея в виду источники информации,

мы охарактеризуем каждый из них как обладающий, так сказать, своим определенным запасом «доброкачественности», «чистоты», то есть истины и лжи (с точки зрения содержания образующегося на его основе мнения).

Как известно, вообще говоря, в качестве базы образования мнений могут выступать: во-первых, *молва, слухи, сплетни*; во-вторых, совокупный *личный опыт* индивида, накапливающийся в процессе непосредственной практической деятельности людей; наконец, совокупный *коллективный опыт*, опыт (в широком смысле слова) «других» людей, оформляемый в разного рода сведения, поступающие к индивиду теми или иными способами. В реальном процессе формирования мнений значение этих источников информации крайне неравноценно. Разумеется, наибольшую роль играет последний из них, поскольку он включает в себя такие могучие элементы, как современные средства массовой коммуникации и непосредственную социальную среду индивида (в частности, опыт «малых групп»). Кроме того, названные вначале источники в большинстве случаев «работают» не сами по себе, не непосредственно, но преломляясь соответствующим образом через опыт социальной среды, действие официальных источников информации и т. д. Однако с точки зрения интересов теоретического анализа предложенная последовательность рассмотрения кажется наиболее целесообразной, а изолированное, так сказать, в «чистом виде» рассмотрение каждого из названных источников — не только желательным, но и необходимым.

**Молва,
слухи,
сплетни**

Поэтому мы начнем со сферы деятельности Аты. Уже в греческих мифах подчеркивалось, что ей удается совращать не только одиночек, но и целые толпы.

И это верно. Рассматриваемый теперь источник информации является весьма «оперативным» и наименее надежным. Мнения, образующиеся на его основе, если и не обладают всегда нулевым содержанием, то все же, как правило, неизменно оказываются смещенными на континууме в сторону нуля.

Внешне, по механизму своего *распространения*, этот тип знаний весьма напоминает тот, что называют «опытом других» людей: слухи всегда поступают *от других* — или непосредственно от того человека, который «сам» — собственными глазами (ушами)! — видел, слышал, читал что-либо, или от того, который слышал нечто от какого-то другого человека, бывшего (по крайней мере утверждающего, что он

был) непосредственным свидетелем (участником) обсуждаемого события. Однако в действительности эти два типа знаний совершенно различны. Дело прежде всего в том, что «опыт других», в отличие от молвы и сплетен, может распространяться множеством разных способов, а не только путем непосредственных коммуникаций между двумя собеседниками, носящих, к тому же, приватный, конфиденциальный, целиком свободный от элементов официального характера. Но это частность. Главное отличие сравниваемых типов знаний заключено в самой их *природе*, в способах их *образования*.

Как известно, любое знание может быть ошибочным. В том числе и основанное на опыте — индивидуальном или коллективном, в том числе и скрепленное высоким авторитетом науки или провозглашенное в качестве строго официального. Но если человек или коллектив, «простой смертный» или «богоподобный» *могут* ошибиться, то сплетник передает сведения, которые с самого начала *заведомо содержат неправду*. Это совершенно ясно в отношении суждений, которые, собственно, и называются «сплетнями» — представляют собой сплошную выдумку, чистое, от начала до конца, измышление, не содержащее ни грана истины. Но это верно и в отношении суждений-слухов, опирающихся на какие-то факты действительности, отталкивающих от них. В этой связи народная мудрость «Нет дыма без огня» не выдерживает критики не только в том смысле, что сплетни и слухи сплошь и рядом возникают абсолютно без каких-либо на то оснований. Даже тогда, когда «дым», стелющийся по земле в виде молвы, возникает от «огня», по нему никогда нельзя составить представление об источнике, его породившем. Вернее, это представление неизбежно будет ошибочным.

Почему? Потому что в основе знания, обозначаемого терминами «молва», «слухи», «сплетни», всегда лежит большая или меньшая доза *вымысла, домысла*: сознательного, намеренного или неосознанного, случайного — это безразлично. Такой вымысел присутствует уже в момент зарождения слуха, так как лицо, первым сообщаящее сведение, *порождающее слух*, никогда не располагает всей полнотой точных, строго проверенных фактов относительно объекта суждения и потому вынуждено дополнять их собственной фантазией (в противном случае высказывание будет не «слухом», не «сплетней», а «нормальным», положительным знанием). В дальнейшем же, по мере передачи сведения от одного лица

к другому и тем самым удаления его от первоначального источника, эти элементы вымысла растут как снежный ком: сообщение дополняется различными подробностями, всячески живописуется и т. д., причем, как правило, людьми, которые совсем уже не располагают никакими фактами о предмете разговора.

Разумеется, исследователю-социологу очень сложно отличить такую заключающую в себе ложь «людскую молву» от истинного, основанного на точных фактах и проверенного знания, сообщаемого одним лицом другому. Однако, учитывая специфическую природу молвы, социология общественного мнения выделяет этот тип знания в качестве особого и очень ненадежного источника образования мнений. При этом из того, что слухи крайне редко передают факты в том их виде, как они существуют в действительности, социология делает и практический вывод: мнения, основанные на личном, непосредственном опыте людей, оцениваются ею, при прочих равных обстоятельствах, значительно выше, нежели мнения, сформировавшиеся на основе «слухов».

В нашем III опросе была зафиксирована группа молодых людей, которые дали резко отрицательную оценку советской молодежи, заявили, что не находят в ней никаких (или почти никаких) положительных качеств. В количественном отношении эта группа была незначительной. Однако, понятно, одно только это обстоятельство не давало оснований заключить, будто мнение этой группы менее точно отражало действительность, нежели мнение подавляющего большинства, или, тем более, было ошибочным. Как и в каждом случае столкновения с плюралистическим мнением, задача как раз заключалась в том, чтобы определить, какая из полемизирующих позиций содержала в себе истину или по крайней мере была более близка к реальной картине вещей. А для этого очень важно было понять, что представляла собой названная группа молодежи, почему она так судила о своем поколении, на чем основывалось и каким образом возникло ее мнение.

Специальный анализ показал, что рассматриваемая оценка действительности давалась как раз чаще всего людьми, стоящими в стороне от больших дел своего поколения⁵. И это определило отношение к ней исследователя. Разумеется, немалую роль в возникновении такого мнения

⁵ Подробнее см. об этом: Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения, стр. 52—60.

играл и так называемый личный опыт (здесь это был прежде всего опыт микросреды). Поэтому в данном случае нужно было говорить и о другой проблеме, к рассмотрению которой мы перейдем ниже,— о проблеме непосредственного опыта индивидов как источника образования мнений. Однако главное тут все же заключалось в другом: мнение данной части молодежи оказывалось порождением не только фактов жизни, но и людской молвы, слухов.

**Непосредственный
опыт
индивида**

Напротив, убедительным свидетельством в пользу большей истинности мнения остальных участников опроса было то, что они проявляли близкое знакомство с предметом обсуждения. Это обстоятельство в оценке степени истинности мнения играло для нас не меньшую, если даже не большую, роль, чем фактор количества (напомним, что положительную оценку поколению дали 83,4 процента опрошенных). Было крайне важно, что точка зрения основной массы в составе единодушного большинства не заимствована извне, не подсказана со стороны, но выработана на основе непосредственного опыта людей, их жизненной практики, в результате их собственных размышлений и наблюдений за фактами⁶.

Правда, социология общественного мнения давно уже экспериментально показала, что то, что люди сами определяют в качестве своего собственного, личного опыта, в действительности отнюдь не представляет собой непосредственной базы образования мнений. Последние и при наличии «личного опыта» формируются прежде всего на основе информации, относящейся, по нашей классификации, к «опыту других» — неофициальному (если речь идет об опыте микросреды, к которой принадлежит данный индивид) или официальному (если речь идет о коллективном опыте, распространяемом, скажем, средствами науки, каналами массовой коммуникации и т. д.). В этом смысле личный опыт индивида, скорее, определенная призма, преломляющая информацию, поступающую «со стороны», нежели самостоятельный источник информации. Однако, с другой стороны, любой коллективный опыт включает в себя непосредственный опыт индивидов. Поэтому последний должен быть рассмотрен самостоятельно. И во всех случаях факт наличия или отсутствия упомянутой «призмы» в процессе выработки индивидуаль-

⁶ См. там же и стр. 44—45.

ного мнения (а следовательно, и общественного мнения) играет весьма важную роль.

Вместе с тем, когда мы подчеркиваем особую ценность мнения, подтверждаемого непосредственным опытом говорящего, необходимо учитывать, что значение этого мнения, степень его истинности не являются безусловными, но находятся в прямой зависимости как от упомянутого «опыта других» (мы будем говорить о нем ниже), так и от характера самого индивидуального опыта (его границ), от меры способности индивида анализировать опыт, делать из него выводы.

В частности, если иметь в виду *характер индивидуального опыта*, то он определяется рядом показателей. Один из них — *продолжительность* опыта. Не случайно на практике, как правило, отдают предпочтение мнению человека пожилого, прожившего долгую и сложную жизнь, как говорят, умудренного опытом, перед мнением зеленого юнца. Другим важным показателем является *многократность* опыта, его *многосторонность* — ведь одно дело, если мнение подкрепляется единичным фактом, и другое — если за ним стоит множество повторяющихся, дополняющих друг друга фактов. Наконец, очень важно и то, чтобы опыт имел не созерцательный, а *активный* характер, чтобы человек выступал по отношению к объекту, о котором он судит, не в качестве пассивного наблюдателя, но как действующий субъект — ведь природа вещей постигается наиболее полно лишь в процессе их практического освоения, преобразования.

И все же, сколь ни важны перечисленные факторы, степень истинности мнения, основанного на личном опыте (вернее, пропущенного через призму личного опыта), зависит прежде всего от *способности суждения* говорящего. В жизни довольно часто встречаются в высшей степени зрело рассуждающие «юнцы» и совсем «зеленые» старцы, точно так же, как и далекие от непосредственной практики, но тем не менее обладающие истиной «теоретики» и впавшие в самые грубые ошибки деятели «от сохи». Природа этого явления проста: люди, независимо от своего непосредственного опыта, бывают более и менее грамотными, образованными, более и менее компетентными, способными к анализу. И ясно, что располагающий ограниченным опытом, но умеющий точно анализировать явления человек скорее сформулирует истинное суждение, нежели тот, кто знаком с массой фактов, но не может связать и двух из них. Суждение первого будет столь же ограничено по содержанию, сколь

ограничен и его опыт: если он чего-то не знает, он так и скажет: «Не знаю», если знает что-либо плохо, так и скажет: «Мой вывод, может быть, неточен» — или: «Мое мнение носит частный характер, не распространяется на всю совокупность явлений» и т. д. Напротив, менее способный к самостоятельному анализу человек и при наличии богатого личного опыта может судить о мире ошибочно.

Природа таких ошибок бывает весьма различной. И прежде всего она связана с действием так называемых «стереотипов» в сознании людей, в частности *элементов социальной психологии*. Впервые на огромную роль этого обстоятельства обратил внимание Уолтер Липпман. Показав, что разного рода эмоциональные и иррациональные факторы глубоко проникли в процесс формирования мнений, он писал, что «стереотипы» — это предвзятые мнения, управляющие восприятием людей. «Они обозначают объекты как знакомые и незнакомые, причем так, что едва знакомые кажутся хорошо известными, а незнакомые — глубоко чуждыми. Они возбуждаются знаками, которые могут варьировать от истинного значения до неопределенной аналогии»⁷.

Однако, к сожалению, У. Липпман, как и большинство социальных психологов Запада, во-первых, дал «стереотипам» ошибочное субъективистское истолкование⁸, а во-вторых, чрезмерно гипертрофировал значение этих элементов массового сознания в процессе формирования общественного мнения. Сделав акцент на «иррационализме» массового сознания, он пагубно упустил из виду другой важнейший момент, а именно, что общественное мнение одновременно фор-

⁷ W. Lippman. Public Opinion. N. Y., 1945, p. 90.

⁸ Критический анализ идей У. Липпмана содержится в статье В. Ядова «К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии» («Философские науки», 1960, № 2). В этой статье, в частности, говорится: «Отвергая субъективистские оценки «стереотипов» вместе с вытекающими из них выводами, следует сказать, что чувственно окрашенные социальные образы составляют один из простейших элементов социальной психологии классов, ибо классовая психология — это совокупность социально насыщенных чувств, эмоций, а также склонностей, направленности воли, особых черт характера, взглядов и представлений об общественном бытии, которые возникают в силу особого социального положения данного класса, вследствие особых условий его существования и борьбы». «Стереотипы» — «лишь один из простейших элементов общественной классовой психологии. Отнюдь не играя той универсальной роли, которую им приписывает У. Липпман, они органически сочетаются с постепенно созревающими идеями более глубокого содержания» (там же, стр. 53).

мируется и на уровне теоретического знания, то есть на уровне рациональном, и уже потому включает в себя элементы не только лжи, но и истины. Однако дело не только в этом. Даже и в рамках анализа природы ошибочного в общественном мнении вопрос не сводится к действию одних лишь «стереотипов». К делу непременно должен быть привлечен весь механизм функционирования обыденного сознания со всеми его специфическими свойствами.

Взять хотя бы такую особенность обыденного сознания, как его неспособность проникать в глубь вещей,— ведь очень часто именно из-за этого непосредственный опыт индивида фиксирует не реальные, а кажущиеся таковыми отношения действительности. Так, в нашем V опросе общественное мнение единодушно (54,4 процента опрошенных) заключило, что главной причиной разводов в стране является легкомысленное отношение людей к вопросам семьи и брака. При этом в обоснование своей точки зрения общественность ссылаясь на такие факты непосредственного опыта, как «непродолжительность распадающихся браков», «молодость вступающих в брак» и т. д. Однако анализ объективной статистики показал ошибочность подобного мнения: лишь 3,9 процента из числа расторгнутых браков приходилось на браки продолжительностью менее года, в то время как основная масса — на браки продолжительностью в 5 и более лет; лишь 8,2 процента мужчин и 24,9 процента женщин вступали в брак в возрасте до 20 лет и т. п.⁹

Как же сложилось явно неверное представление о главенствующей роли фактора «легкомыслия»? Как кажется, дело объяснялось тут прежде всего тем, что идея легкомыслия является наиболее удобным способом объяснения сложного явления. Под эту идею можно подвести практически любой случай распада семьи. И именно так поступает обыденное сознание, не умеющее глубоко анализировать сущность вещей.

К тому же обыденное сознание не замечает, что оно сплошь и рядом путает реальные связи между явлениями, ставит их «с ног на голову». Каково, например, подлинное отношение между легкомысленным подходом людей к браку и продолжительностью расторгаемых браков? Очевидно, таково: если брак был в самом деле легкомысленным и должен

⁹ См. В. Грушин. «Слушается дело о разводе...» «Молодая гвардия», 1964, № 6, стр. 164—170.

быть расторгнут, то в подавляющей массе случаев расторжение его происходит действительно довольно скоро после свадьбы. Но не наоборот. Далеко не всякий краткий брак непродолжителен по причине человеческого легкомыслия. В обыденном же сознании внешняя связь воспринимается как связь существенная. И вот вместо того, чтобы утверждать: этот брак легкомыслен и потому непродолжителен, такое сознание полагает: этот брак непродолжителен и потому легкомыслен.

Существенной чертой обыденного сознания является и то, что оно не в состоянии исключить из опыта фигуру самого индивида, его «я». В этом обстоятельстве скрываются корни того субъективизма, в силу которого люди сплошь и рядом выдают свой частный, индивидуальный опыт, неизбежно содержащий множество элементов единичного, за опыт коллективный и даже всеобщий.

Чаще всего это проявляется в односторонности суждения — неправомерном обобщении небольшого круга фактов, имеющих в действительности ограниченный характер, при полном сбрасывании со счетов фактов иного рода, противоречащих обобщаемым. Именно с такого рода абсолютизацией вещей обыденным сознанием мы столкнулись в III опросе. В частности, мнение «нигилистов», сформировавшееся, как мы уже говорили, частично «по слухам», а частично на основе личного опыта, точнее, опыта их микросреды, в той своей части, где оно опиралось на опыт, как раз страдало односторонностью. Оно принимало в расчет одну группу фактов, только и известных говорящим, и совершенно не учитывало явлений противоположных¹⁰.

Столь же односторонне-ошибочными, как и суждения «нигилистов», были и оценки молодежи, выдержанные в прямо противоположных красках, — мнения тех, кто не мог выйти за рамки безудержной восторженности и торопился объявить анафему всякому полагающему, что у советской молодежи есть распространенные отрицательные черты¹¹.

¹⁰ См. Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения, стр. 55—60.

¹¹ Например, анкета спрашивала: «Что, по-Вашему, больше свойственно Вашим сверстникам — целеустремленность или отсутствие цели?». Находились люди, которые на это отвечали: «Вторую часть вопроса можно было бы и не ставить, это для героев Ремарка» — или: «Я хочу подчеркнуть целеустремленность. Что же касается второй возможности, то о ней не надо было и писать, так как каждый (вот оно! — Б. Г.) мыслящий человек имеет цель в жизни» (там же, стр. 113) и т. д. Выше мы отмечали, что 17,6 процента опрошенных

Следовательно, степень истинности мнения, подкрепляемого личным опытом, значительно повышается, если говорящий подходит к опыту критически, понимая его ограниченный характер, если он стремится принять во внимание всю совокупность разноречивых явлений действительности. С этой точки зрения в III опросе наибольший интерес для исследователя представляло конечно же мнение большинства — людей, которые, независимо от того, нравится им поколение в целом или нет, обнаруживали способность видеть в мире не только белую и черную краски, но и множество различных оттенков. На основе такого рода мнений, свободных от односторонности и субъективных преувеличений, можно было получить наиболее точное и реальное представление об облике советского молодого поколения.

Иным выражением субъективизма обыденного сознания является *объективирование* индивидом своего *индивидуального «я»* — примешивание к содержанию обсуждаемых вопросов своих личных мотивов, переживаний, проблем или даже прямое утверждение своих индивидуальных свойств, потребностей, особенностей жизни и т. д. в качестве всеобщих, присущих всем остальным людям. В известном смысле эта ошибка совпадает с первой — и тут и там речь идет об абсолютизации ограниченного опыта. Однако между ними существует и разница. В первом случае говорящий был ограничен в своем суждении узостью, неполнотой опыта; он не мог охватить явление во всей его широте, поскольку стоял на «кочке зрения». Во втором — он судит о мире, что называется, «со своей колокольни», а иногда даже утверждает, что мир ограничен стенами этой его колокольни, — совсем как свифтовские лилипуты, наивно полагавшие, будто весь мир устроен по образу и подобию их карликовой страны. Ясно, что узость мышления, присутствующая в последнем случае, имеет уже не только логическую природу, но вызывается недостаточной социальной сознательностью и воспитанностью говорящего, например его неверной оценкой отношения между личным и общественным интересом и пр.

В том же III опросе не было недостатка в примерах такого рода мнений. Общая неудовлетворенность некоторых

высказали мнение, согласно которому у поколения нет широко распространенных отрицательных черт. При этом часть из них заявила, что в среде молодежи вообще нет отрицательных явлений. Ясно, что это последнее суждение было заведомо неверным: действительность изображалась в нем односторонне.

молодых людей поколением в целом оказывалась на поверку лишь отражением их личной неустроенности, была порождена сугубо личными мотивами¹².

Еще более опасными с точки зрения точности конечных выводов являются случаи, когда говорящие прямо ставят знак тождества между своим «я» и объективной действительностью. Исследователь всегда должен иметь в виду возможность такой ошибки. Например, мы писали, что в нашем II опросе в качестве проблемы № 1 было названо жилищное строительство. Являлось ли, однако, это мнение истинным? Передавало ли оно действительную потребность общества? Ведь, абстрактно говоря, дело могло сложиться и так, что в опросе случайно приняли участие лишь люди, испытывавшие личную потребность в жилье и выдавшие свой индивидуальный опыт за всеобщий. Специальный анализ показал, что названное мнение не было ошибочным. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствовал, помимо прочего, и тот факт, что оно с равной силой высказывалось людьми, которые имеют жилье или недавно получили его. Следовательно, речь в опросе шла не о личном, узко понятом интересе, а действительно об интересе общества в целом.

Напротив, в III опросе мы то и дело сталкивались со случаями, когда, оценивая свое поколение в целом, говорящие приписывали ему качества, которыми обладали сами. И тут еще раз подтверждалось старое правило, что для камердинера не бывает героев, а герои нередко не подозревают о существовании предателей...¹³

Ясно, что подобного рода проекция личного опыта на всю исследуемую «вселенную» в целом не может способствовать образованию истинного мнения. Обычно происходит обратное. Однако, если говорить точнее, степень истинности таким образом сформированного мнения прямо пропорциональна количеству лиц, его выражающих. Оно будет абсолютно истинным, если «вселенная» целиком состоит из таких отождествляющих себя со «вселенной» (то есть в данном случае друг с другом!) «я», и, наоборот, оно будет совершенно ложным, если таких «я», отождествляющих себя со всей «вселенной» в целом, немного, так что их личный опыт отличается от личного опыта большинства других людей. В последнем случае мнение меньшинства не может быть

¹² Там же, стр. 49, 54—55 и др.

¹³ См. там же, стр. 51—52, 113 и др.

принято во внимание при характеристике исследуемой «вселенной» в целом. Однако это не значит, что оно вовсе не будет интересовать исследователя. Напротив, ложное само по себе, оно тем не менее может быть очень важным с точки зрения понимания тех или иных отдельных сторон действительности, хотя бы природы и характера самого данного меньшинства и т. д.

Более свободным от ошибок следует признать то подкрепленное личным опытом говорящего (опытом его среды) мнение, которое включает в себя *непосредственное знакомство с опытом других людей* (сред).

Такого рода суждения в опросах нередки. Свидетельствуя, в частности, о том, что в своем стремлении самостоятельно анализировать явления действительности люди все больше пытаются выйти за рамки индивидуального бытия, активно вмешаться в жизнь, они принимают иногда форму выводов из самостоятельно проведенных опрашиваемыми микроскопических социологических исследований. Например, личный опыт участвовавшего в нашем V опросе члена Московского городского суда Л. А. Громова включал в себя специальный анализ 546 судебных дел о разводе, относящихся к концу 1959 и первой половине 1960 г.¹⁴ Ясно, что при прочих равных условиях мнения, сформировавшиеся подобным образом, глубже и точнее отражают действительность, нежели те, что исходят из единичных фактов, ограниченных рамками узкого «я».

Опыт «других»

Теперь спрашивается: какое мнение следует признать более близким к истине — основанное на непосредственном знакомстве человека с предметом, на его «личном опыте», жизненных наблюдениях и т. п. или почерпнутое «со стороны», основанное на опыте других людей (разумеется, исключая такой «опыт», как молва, сплетни, непроверенные слухи)?

Этот вопрос является весьма сложным. Более того, поставленный в столь общей форме, он не имеет ответа. Каждое же конкретное разбирательство предполагает учет целого ряда обстоятельств. Одни из них касаются качеств личного опыта (о которых мы только что говорили), иные — качеств коллективного опыта, или опыта «других». При этом дело чрезвычайно усложняется в связи с тем, что опыт «других» — понятие очень широкое. Оно включает в

¹⁴ См. Б. Грушин. «Слушается дело о разводе...» «Молодая гвардия», 1964, № 6, стр. 165—166.

себя и разного рода неофициальные сведения (например, рассказ товарища об увиденном; некоторые негласные нормы поведения, принятые в данной среде, и т. д.), и строго официальную информацию, освященную авторитетом государственных, религиозных и прочих институтов (например, известия, сообщенные по радио; школьный учебник; научные сведения и т. д.).

а) Ближайшее социальное окружение. Одним из самых важных видов опыта «других» является, как мы уже отмечали, опыт ближайшего социального окружения индивида, его микросреды, «малой группы» и, в особенности, лидера этой среды (формального или неформального). С точки зрения процесса формирования общественного мнения анализ данной сферы и прежде всего механизма влияния среды на индивида представляется исключительно важным. Однако в рамках решения нашей задачи — с точки зрения определения своеобразного коэффициента истины или лжи, которым обладает тот или иной источник информации, — данная сфера образования мнений не представляет какой-либо специфики в сравнении с рассмотренным выше непосредственным опытом индивида. И мнение микросреды в целом, и суждение лидера так же испытывают на себе влияние «стереотипов» сознания, так же подвержены всем превратностям обыденного сознания, как и мнение отдельного индивида.

Правда, здесь наряду с характером опыта и способностью суждения огромную роль начинает играть еще один фактор, связанный с *механизмом передачи сведения* от одного лица к другому, — фактор установки на истинность источника информации: известно, что далеко не каждый, обладающий истиной, заинтересован в сообщении ее другим. Однако значение этого фактора лучше всего рассмотреть в связи с действием средств массовой коммуникации, где он проявляется наиболее отчетливо. Вообще же говоря, он присутствует практически во всех видах коллективного опыта, за исключением науки.

б) Научная информация. Могущая ошибаться, заблуждаться в своих выводах, наука не может быть неправдивой по своей установке. Она не может *знать одно, а говорить другое*.

Конечно, в жизни случается, что дипломированные, отмеченные многочисленными почестями служители Минервы начинают изменять ей в пользу бесчестного Мома, встают

на путь лжи, фальсификации фактов. Однако в конечном счете такое знание, сколь бы усердно оно ни драпировалось в тогу научного, всегда справедливо квалифицируется как ненаучное, антинаучное, не имеющее отношения к подлинной науке. Правда, прежде чем это происходит, фальсификаторам от науки удается иногда привлечь на свою сторону общественное мнение и долгое время опираться на него. В таких случаях массы, загипнотизированные авторитетами, впадают в ошибку. Ошибочным общественное мнение, ссылающееся на научные авторитеты, бывает и тогда, когда ученые еще не «докопались» до истины, когда они непреднамеренно заблуждаются, приходят к ложным выводам и т. д. И все же, взятая в общем и целом, наука является той формой опыта «других», которая включает в себе сведения, отличающиеся наибольшей степенью всеобщности и истинности. Поэтому-то и общественное мнение, исходящее из положений науки (последние усваиваются людьми в процессе систематического обучения, научной деятельности, различных форм самообразования, в результате широкой пропаганды научных знаний и т. д.), оказывается, как правило, максимально истинным в смысле отражения явлений действительности.

в) Средства массовой коммуникации. Значительно более сложно обстоит дело с такими официальными формами опыта «других», как пропагандистские выступления и вообще сведения, поставляемые средствами массовой коммуникации — прессой, радио, телевидением, кино и др. В социалистическом обществе такого рода информация считается также максимально близкой к истине. Однако это верно лишь постольку, поскольку целью ее является сообщение истины народу и поскольку в основе ее лежит строго научное знание. Социалистическая печать, радио и другие средства делают бесконечно много для того, чтобы различными способами поднять сознание масс до научного уровня; они постоянно заняты распространением научных знаний, их популяризацией и т. п. Эту задачу решают в своей деятельности и государство (в лице его различных просветительных органов), и общественные организации. То же нужно сказать и о пропаганде как таковой. В условиях общества, где идеология стала наукой, она представляет собой пропаганду прежде всего собственно науки — марксистско-ленинской теории и строится на основе положений этой науки.

Вместе с тем даже в условиях социалистического общества (и тем более при капитализме) поставить знак тождества между названными сведениями и истиной невозможно.

Прежде всего потому, что *цель достигается далеко не всегда*. Это становится ясным, если учесть, что в общей массе сведений, относящихся к рассматриваемой форме опыта «других», собственно научные положения занимают довольно ограниченное место. Скажем, если речь идет о газетном номере, это, как правило, материалы в 200—300, ну, в лучшем случае, 500 строк (и то, разумеется, не каждый день). Остальное — разного рода сообщения и мысли журналистов или так называемых внештатных авторов, информация о фактах и событиях и пр. Такое же положение и в работе радио или телевидения, где к тому же огромное место занимает искусство.

Основная масса этих сведений, сообщаемых газетой или радио, не включает уже в себе той бесспорной, «абсолютной» истины, что и доказанное положение науки. Не прошедшие, подобно научным предложениям, через горнило точной проверки, не опирающиеся на систему строгого доказательства, все эти «сообщения», «мысли», «информации» не имеют характера безличных суждений, одинаково верных в любом изложении, который отличает собственно научное знание, но являются «сообщениями», «мыслями» и т. п. тех или иных конкретных людей, со всеми их плюсами и минусами в качестве источника информации. Следовательно, все они обладают лишь относительной истинностью: они могут быть точными, соответствующими действительности, но могут быть и ошибочными, ложными.

Поскольку, повторяем, целью средств массовой коммуникации является сообщение истины, постольку сведения, поступающие к людям с этой стороны, приводят, как правило, к формированию истинного общественного мнения. Однако нередко они заключают в себе ошибки, ложное содержание — тогда ошибочным оказывается и порожденное ими мнение масс. В этом легко можно убедиться, если внимательно следить хотя бы за одной рубрикой газет — «По следам наших выступлений». В большинстве случаев подтверждающие верность позиции газеты, публикации этой рубрики нет-нет да и отмечают фактические ошибки, допущенные корреспондентами в их критических материалах. Об ошибках противоположного толка, связанных с приукрашиванием фактов действительности, газеты вообще

не пишут. Но известно, что такие ошибки также случаются.

Достаточно ярким примером массового заблуждения общественности может быть мнение о «стилягах», зафиксированное в период проведения нашего III опроса.

Тогда мы столкнулись с неожиданным результатом: среди наиболее распространенных отрицательных черт, присущих советской молодежи, опрошенные в качестве второй по силе черты назвали «увлечение стилем», «преклонение перед Западом» (эту черту отметило 16,6 процента всех опрошенных). Естественно, анализ должен был ответить на вопрос: действительно ли это явление столь распространено в среде молодежи или общественное мнение ошибается, впадает в преувеличение? Оснований для такого рода сомнений было тем больше, что «стиляжничество» — явление, как известно, связанное по преимуществу с жизнью города, и в первую очередь города крупного, — очутилось в центре внимания в том числе и сельских жителей.

Содержательный анализ высказываний позволил обнаружить, что оценка общественным мнением реальной опасности рассматриваемого явления была неверной. Дело заключалось прежде всего в том, что в силу специфических особенностей функционирования обыденного сознания понятие «стиляжничество», «преклонение перед Западом» оказалось в толковании людей совершенно безбрежным по своему содержанию. В одних случаях под «стилягами» понимались тунеядцы, ведущие на чужой счет «шикарный» образ жизни, эпигоны «западного стиля», поклонники модных тряпок и «оригинальных» суждений, кокетничающие своим высокомерно-презрительным отношением к окружающим, фарцовщики, занимающиеся продажей заграничных вещей, и т. п. — здесь за основу идентификации явлений брались такие существенные признаки, как отношение людей к труду, к другим людям, к обществу и общественному долгу и т. д. В других случаях «стиляжничество» связывалось уже с чисто внешними признаками — со вкусами людей, с манерой их поведения и т. д., в результате чего получалось: носишь узкие брюки, остроносые ботинки, яркие рубашки — значит, стиляга; изменил прическу на более модную — значит, поклонник Запада; увлекаешься джазовой музыкой — значит, плохой комсомолец...

Стоит ли говорить, что последний подход, хотя и подводил анализ к рассмотрению целого ряда серьезных про-

блем¹⁵, не имел все же ровно никакого отношения к проблеме собственно «стиляжничества», «преклонения перед Западом». Если же учесть, что его демонстрировала по меньшей мере половина от названных 16 процентов, то получалось, что черт в действительности был не таким уж страшным, как его малевали. Версия общественного мнения о преклонении советской молодежи перед Западом оказалась основательно раздутой. И это случилось, повторяем, прежде всего потому, что многие впали в трафаретную ошибку, приняв узкие брюки за узкую душу, а пеструю оригинальную рубашку (к тому же отечественного производства и рекомендованную соответствующими рекламными изданиями!) за пестроту чувств и неумное оригинальничание в мыслях¹⁶.

Вместе с тем природа отмечаемой аберрации в общественном мнении была связана не только с особенностями функционирования обыденного сознания, с ограниченностью

¹⁵ Прежде всего проблемы эстетического воспитания масс — как критикуемых «псевдстиляж», так и их «ортодоксальных» критиков (см. *Б. Грушин, В. Чижин. Исповедь поколения*, стр. 202—204).

¹⁶ Отмечаемая ошибка общественности обнаруживалась не только в результате содержательного анализа зафиксированных мнений, но и косвенным образом — в результате их количественного анализа. Достаточно посмотреть, каким образом, с какой силой подчеркивали опасность «стиляжничества» различные группы опрошенных. Вот ряд цифр (в процентах к числу опрошенных по группам):

Лица до 17 лет	26,4	Рабочие	15,0
* 18—22 *	17,3	Инженеры	9,5
* 23—30 *	13,6	Колхозники	8,9
Лица с образованием ниже		Слушатели	14,8
среднего	18,7	Студенты	15,6
по средним	16,6	Военнослужащие	19,8
С высшим	9,5	Лица свободных профессий	7,3
Жители Москвы	13,4	Школьники	27,9
* других городов	17,3	Неработающие	11,7
* сел	13,4		

Как видим, цифры здесь неизменно уменьшаются по мере увеличения возраста людей, их образования, жизненного опыта (самые высокие цифры в правой половине таблицы — у школьников). И конечно же дело объяснялось не тем, что «стиляж» было вдвое больше среди самых юных, чем среди взрослой молодежи; среди военнослужащих, чем среди инженеров; среди людей с низшим образованием, чем среди окончивших институт, и т. д. Наблюдаемое уменьшение цифр объяснялось ростом зрелости людей: более взрослый, более опытный и грамотный человек лучше умеет отличить плевелы от пшеницы и или вовсе не придает какого-либо значения «техасским штанам» (а почему, собственно, их не носить?!) или «квалифицирует» их более точным образом, например как отсутствие достаточного вкуса, если злополучные штаны надеваются, скажем, не для прогулки по лесу, а в театр или на торжественный вечер.

непосредственного опыта и способности суждения отдельных слоев населения (у жителей села, например, личный опыт, вернее, опыт микросреды, мог выступать в качестве источника формирования данного мнения лишь в самой незначительной мере). Главное заключалось в другом: общественное мнение было введено в заблуждение тем широким по охвату и весьма расплывчатым по содержанию «походом», который был организован против «стиляжничества» многими не знающими чувства меры людьми и который явился типичным проявлением порочного в идеологической работе метода кампанейщины. Мишенью первоначально являлись отдельные фигуры молодых тунеядцев и фарцовщиков, появившихся в крупных городах. Однако борьба с ними была превращена в «дело всей общественности». В результате чуть ли не каждый город и поселок стали «создавать» свой «собственный» объект для критики — своих собственных «стиляг». При этом в ходе «борьбы» происходило неизбежное смещение в анализе и оценках явления — все большее значение приобретали чисто внешние признаки «стиляжничества», которые рассматривались в качестве выделяющих, хотя в действительности не являлись таковыми. Это привело к тому, что в стране появились целые отряды молодых людей, на яркие рубашки которых ни за что ни про что были наклеены ярлыки: «стиляга», «поклонник Запада». Резко же отрицательное отношение масс к подлинным тунеядцам и бездельникам, а также (во многих случаях) неподготовленность масс к восприятию новой моды в платье, танцах и пр. явились базой для ошибочного преувеличения общественным мнением реальных границ «проблемы стиляжничества».

Немалую роль в происхождении этой ошибки сыграла, в частности, пресса. В ряде случаев она явно не сумела сохранить чувства меры и расставить верные акценты при анализе явлений действительности — показательно, что многие опрошенные, обвинявшие молодежь в «преклонении перед Западом», сплошь и рядом ссылались при обосновании своего мнения: «А вы почитайте газеты, журналы... Послушайте радио...» А во-вторых, в газетных выступлениях, так же как и в практических действиях, далеко не всегда содержался глубокий анализ сущности явления, гораздо чаще указывались лишь его поверхностные признаки, рассчитанные исключительно на эмоциональное воздействие на читателя... Отсюда общественному мнению было уже недалеко до ошибки.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемый источник формирования общественного мнения может подчас приводить к возникновению ложного массового сознания. Это случается тогда, когда распространяемая им информация содержит в себе непреднамеренные ошибки, неточные суждения, допускает просчеты при оценке своего воздействия на массы и т. д. Вместе с тем это — только одна сторона дела.

Другая же состоит в том, что иногда информация может заключать в себе и *преднамеренную ложь*, быть рассчитана на то, чтобы ввести массы в заблуждение. Например, в современном капиталистическом обществе такой работой по формированию ложного общественного мнения (в отношении целого ряда важнейших проблем современности) занята широко разветвленная система монополистического и государственного аппарата — политического, административного, пропагандистского и т. п. В этой работе, ставшей своеобразной специальностью, принимают активнейшее участие те же буржуазные писатели, политики, идеологов, дипломированных ученых, священников, деятелей искусств, ею занимаются — самым ближайшим образом — многочисленные буржуазные партии, пресса, телевидение, кино и т. д. И их усилия в массе случаев не остаются безрезультатными. Именно данному источнику формирования мнений — официальным сообщениям и пропагандистским выступлениям, сведениям, поступающим со стороны средств массовой коммуникации, — современное человечество обязано существованием целого ряда грандиозных иллюзий и заблуждений.

Одним из наиболее ярких примеров в этом отношении является представление широких масс капиталистического мира о так называемой «коммунистической опасности». Рассматривая эту проблему, канадский социолог-марксист Ст. Райерсон говорил на дискуссии «Коммунисты и демократия»:

«Здесь, собственно, и начинается проблема: несвободу принимают за свободу, а действительная свобода нового общества, построенного на общественной собственности на средства производства, все еще успешно выдается за введение несвободы.

Для коммунистов Канады и США наряду с первостепенной проблемой сохранения мира предметом наибольшей озабоченности является вопрос: как наилучшим образом стимулировать процесс переделки общественного сознания широких масс народа?..

Летом 1905 г., касаясь тогдашнего уровня понимания социализма русскими рабочими, Ленин написал слова, которые, хотя они и приводились в совершенно иных обстоятельствах, тем не менее весьма поучительны для нас: «...Только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления»...

Сейчас мы имеем другое время и другой мир. И все же можно составить себе представление о наличии определенной отсталости масс в Северной Америке»,— говорил Стэнли Райерсон, приводя в подтверждение своих слов результаты опросов общественного мнения в Канаде и США в 1962 г. Проведенные опросы показали широкую распространенность антикоммунистических предрассудков среди населения этих двух стран, что свидетельствует о том, что проповедникам антикоммунизма удалось запугать значительные слои населения мнимой «коммунистической опасностью».

Приведя данные этих опросов, Стэнли Райерсон сделал вывод об огромных масштабах «работы — идеологической и политической,— которую предстоит провести американским и канадским коммунистам»¹⁷.

Другим ярким примером ошибочности массового сознания, порожденной также в результате вполне преднамеренных, целенаправленных усилий со стороны разного рода органов и средств официальной информации, может быть представление широких кругов населения буржуазного общества о современной молодежи как о «потерянном поколении».

Находящееся в противоречии с фактами, это представление встречает постоянный отпор со стороны прогрессивных сил капиталистического мира (в том числе внутри самой молодежи), которые все время пытаются раскрыть общественному мнению глаза на правду, изменить его содержание. Однако в данном случае, как и во многих других, силы соревнующихся оказываются явно не равными. Поток информации, поставляемой проповедниками идеи «beat generation», имеет на своей стороне несравненно более могучий аппарат духовной обработки сознания масс, и стоит ли удивляться,

¹⁷ «Коммунисты и демократия», стр. 175—177.

что именно распространяемые этим аппаратом, а не отдельными прогрессивными деятелями и организациями идеи завоевывают широкое общественное мнение многих капиталистических стран.

Что касается социалистического общества, то, в принципе говоря, его *природа* исключает подобные явления. Однако и здесь — в известных *рамках* и в определенных *условиях* — рассматриваемый источник информации *практически* способен породить разного рода иллюзии и ложное сознание.

г) Системы ложного сознания. Наконец, с опытом «других» связан еще один тип ошибок, которые могут быть присущи общественному мнению. Это ошибки, совпадающие с существованием такого исключительно сложного явления, как системы ложного сознания. В данном случае речь идет уже не об отдельных ошибочных сведениях, поступающих к людям со стороны официальных источников информации, но именно о *системе* представлений, дающей ошибочную картину мира в целом, в принципе, изображающей все черное белым и наоборот. История показывает, что подобная особенность мышления может быть навязана не только отдельным микросредам, но и — в определенных условиях — самым широким массам, целому обществу. Классическим примером этого является *религиозное сознание*.

Главное в таком сознании с точки зрения господствующего в нем способа мышления то, что оно основано не на позитивном знании, а на *вере*. Обычное, нормальное мышление, пусть даже приводящее в тех или иных конкретных случаях к ошибкам, всегда сохраняет свое происхождение из опыта, свое *земное происхождение* и, следовательно, свою способность к критическому анализу и переосмыслению фактов действительности и принятых ранее положений — к развитию. В отличие от него религиозное сознание представляет собой систему догматов, настаивающих на *божественности* своего происхождения, то есть на абсолютной (раз и навсегда данной) истинности заключенного в них содержания. В отношении каждого из этих догматов нельзя спросить: верен он или нет, истинен или ложен? Важно другое: все они принимаются на веру в качестве безусловно истинных и, следовательно, не могут быть как таковые не только переосмыслены, но даже поставлены (хотя бы на минуту!) под сомнение.

Другая отличительная черта этого мышления — его *несамостоятельность*. Суждения-символы веры, которыми оперируют массы людей, не выработаны ими самими, а получены со стороны, являются в сущности лишь *повторением* сказанного кем-то свыше — «всемогущим» или его многочисленными чиновниками. Отправной посылкой всякого высказывания здесь служит не «дело», а именно «слово» (в полном соответствии с библейским: «в начале было слово»!). Отсюда весьма своеобразное отношение к фактам: религиозное сознание стыдливо не замечает или даже грубо отрицает те из них, которые противоречат принятым догматам, а когда такое отношение становится невозможным — пытается втиснуть факты в прокрустово ложе своих схем. Отсюда и возможность отказаться от принятых в обычной логике структур. Так, в рамках ложного сознания не действует принцип непротиворечивости суждений. В сущности, атрофируется здесь за ненадобностью и логическая система доказательства. Последнее с успехом заменяется чисто словесной комбинаторикой, строящейся по принципу: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», «Это должно быть, потому что это было всегда» и т. д.

Как легко понять, такой некритический, пассивный способ мышления должен постоянно обнаруживать свою несостоятельность при соприкосновении с непосредственно-практическими формами жизни, с практическим рассудком и здравым смыслом, не говоря уже о собственно научном знании. И все же, как свидетельствует многовековая история развития религий, в частности христианской, он оказывается весьма жизненным и получает самое широкое распространение в массах, становится нормой, привычкой.

Это объясняется рядом обстоятельств. Одним из естественных базисов возникновения и существования систем ложного сознания, бесспорно, является бескультурье, невежество масс, низкий уровень развития в обществе производства, науки, образования и т. д. Вместе с тем данное основание носит скорее исторический характер. С его помощью нельзя объяснить, как становится возможным существование рассматриваемых систем сознания в наши дни, в высокоразвитых, цивилизованных обществах. Особенно, если учесть, что речь идет не только о традиционном существовании старых, опирающихся на века систем, но и о появлении новых, представляющих собой разнообразные светские формы религии.

Понять все это можно, лишь исходя из анализа в первую очередь социальной природы явления. Дело в том, что взятый с этой точки зрения рассматриваемый способ мышления представляет собой мышление уравнительное, мышление по стандарту, мышление, сводящее человеческую личность к абстрактной единице. А раз так — его возникновение и распространение каждый раз оказываются всего лишь еще одним выражением тенденций мелкобуржуазной среды к грубому, примитивному, уравнительному коммунизму, о котором К. Маркс говорил, что он есть лишь завершенная форма зависти и жажды нивелирования, установления некоторого равного для всех минимума¹⁸. Аналогия с уравнительным коммунизмом в сфере экономики и социальных отношений тут полная. И подобно тому, как в области экономической этот коммунизм есть возврат «к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека»¹⁹, так в области духовного производства он есть требование такой же «простоты», отрицающей повсюду человеческую личность. Это требование становится возможным и осуществимым в обстановке мелкобуржуазной стихии, для которой характерны не только экономическая, социальная, но и духовная (речь идет отнюдь не об образовании только!), психологическая забитость и приниженность. Обкраденный до конца в области духа — в области мышления и чувств, осознающий, вернее, инстинктивно чувствующий свою рабскую скованность и бедность, мелкий буржуа ополчается против свободного духа, он проклинает его, завидуя ему, и требует не собственного освобождения, не раскрепощения собственного духа, не превращения его в подлинно свободный дух, но ликвидации свободы духа для всех, введения единого духовного минимума, стандарта.

В качестве благодатной питательной среды, на которой произрастает и развивается религиозное по своему характеру сознание (особенно в его различных светских формах), выступают также такие явления, как национализм, расизм, шовинизм. Здесь охарактеризованный способ мышления порождается уже не социальными особенностями, не социальным положением той или иной среды, но ее национальным положением, скажем, ее стремлением к мировому господству,

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, М., 1956, стр. 586.

¹⁹ Там же, стр. 587.

лидерству и т. п.— в конечном счете необходимостью осознания себя в виде некоего единого монолита, составленного из тождественных единиц.

Превращение ложного сознания в массовое оказывается тем более возможным, когда господствующие в обществе силы проявляют в нем заинтересованность и выступают в роли его «творцов». Тогда такое сознание утверждается на практике с помощью самых разнообразных средств в качестве господствующего способа мышления, который начинает определять производство подавляющего большинства вырабатываемых в данном обществе идей. Одновременно создается и орудие этого производства — специфический язык. В отличие от нормального, обычного языка, служащего для выражения мыслей, этот язык, обслуживающий системы ложного сознания, призван, скорее, заменять мысль. Тем самым из орудия мышления он превращается в орудие его убийства. В сущности, это — навязываемый, прививаемый массам жаргон касты, набор словосочетаний, за которым было бы глупо искать что-либо большее, кроме выражения лояльности говорящего по отношению к господствующим догматам. Такой язык играет исключительно большую роль в выработке определенных стереотипов конформистского мышления, вернее, определенного стереотипа человека, лишенного способности самостоятельно мыслить и рассуждать.

Наконец, когда мы говорим о природе рассматриваемого сознания, невозможно упускать из виду и того обстоятельства, что это сознание с самого начала насаждается и затем непрестанно утверждается в массах с помощью развитого аппарата обработки, давления и прямого насилия — духовного и физического, морального и психологического. Именно тут, в частности, скрывается объяснение того факта, что данные системы сознания оказываются возможными и в наш XX, высокоцивилизованный век. Ведь ветхозаветный пропагандистский аппарат средневековых отцов церкви выглядит просто жалким и смешным в сравнении с современными экономическими и техническими средствами воздействия на человека: на смену нескольким сотням или тысячам монахов, вбивавших в головы темной паствы божественное слово истины, исходившее от св. Фомы, ныне пришла система развитых средств массовой коммуникации, которые размножают современные символы веры миллионными тиражами, делая их в баснословно короткие сроки достоянием сразу всех уголков земли. И речь, повторяем, идет не только об обра-

ботке духа. Последняя дополняется чрезвычайно осязаемыми орудиями физического насилия. Современные фабриканты и разносчики тоталитарного мышления — авторы фашистской доктрины и им подобные — показали всему миру свое чудовищное лицо, когда заменили беспорядочную ловлю «ведьм» и «еретиков», проводившуюся средневековыми инквизиторами, «железным» порядком в виде агента политической полиции, системы взаимных доносов и т. п., а костер на Площади цветов в Риме — печами крематориев, где уничтожались взрослые и дети — не только актуальные, но и потенциальные инакомыслящие еретики.

Что можно сказать о содержании общественного мнения, существующего в обстановке такого насильственно установленного «единомыслия»? Ясно, что тут нельзя ограничиться рассуждениями, вроде того, что оно *впадает* в ошибки и т. д. Неверно было бы и заявить, что оно ошибочно *все целиком*, от начала до конца, — неверно потому, что подобное определение также не отражает всей сути дела. Применительно к общественному мнению, поставленному в описанные условия, точнее всего было бы сказать, что оно фактически разрушается, *не существует* как самостоятельно функционирующий социальный институт. Кажется бы, здесь есть все необходимое: есть субъект мнения — члены общества, образующие определенные (социальные, политические, демографические и пр.) структурные единицы; есть объект мнения — проблемы, представляющие бесспорный общественный интерес... И в то же время здесь нет самого главного: самого мнения. Ведь высказывания членов общества, с которыми сталкивается исследователь, являются здесь не собственными мнениями людей, хотя бы и почерпнутыми со стороны, но *зеркальным отражением* этого специфического опыта «других» — господствующих в обществе доктрин, покоящихся на вере, или на силе (страхе), или на той и другой, вместе взятых...

27. МНЕНИЕ ВЫСКАЗАННОЕ: МНЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ. ХАРАКТЕР И ИСТОЧНИКИ «ВОЗМУЩЕНИЯ» ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Итак, мы рассмотрели проблему истинности и ложности общественного мнения с точки зрения отношения его содержания к отраженной в нем действительности. Но, как было сказано выше, у этой проблемы есть и другая сторона — свя-

занная с отношением содержания высказанного мнения к содержанию мнения реально существующего. До сих пор мы отвлекались от этого момента, приравнивая последнее отношение к единице. Однако известно, что очень часто первое и второе мнения не совпадают.

Они могут не совпадать прежде всего в том смысле, что зафиксированные исследователем высказывания общественности могут представлять *не все секторы* реально существующего (по данному вопросу) общественного мнения, то есть отклоняться от фактического мнения по своему *составу*. В подобных случаях, конечно, также можно говорить об ошибочности, ложности выявленного мнения. Однако вместе с тем ясно, что эти ошибки — при прочих равных обстоятельствах — не имеют отношения к процессу собственно выражения мнения (напротив, тут речь идет как раз о невыраженности, невысказанности, умолчании части мнений). Это — прежде всего *ошибки исследования*, не сумевшего уловить весь спектр существующих точек зрения, допустившего промах, потерю определенных групп взглядов. Поэтому данный аспект проблемы не может интересовать нас теперь — мы вернемся к нему позже, в главе 7-й, когда будем говорить о методах фиксирования общественного мнения, в частности о способах решения проблемы репрезентации.

Другое дело — случаи, когда высказанное мнение отклоняется от фактически существующего по своему *содержанию*, то есть когда люди *говорят* не совсем то, а иногда даже совсем не то, что они на самом деле *думают*. Такие отклонения от истины, несмотря на то что они также могут быть связаны с ошибками исследования, имеют уже прямое отношение к анализируемой теперь проблеме: разного рода объективные и субъективные факторы, вызывающие подобное «возмущение» общественного мнения, характеризуют сам процесс выражения мнений. Анализ этих факторов переносит нас из сферы формирования мнений, в которой мы пребывали до сих пор, в сферу условий и форм высказываний общественности.

Три рода помех

Если иметь в виду *источники* искажения мнения в процессе его высказывания, то в общем и целом можно различить три рода таких помех. Первые из них связаны с совокупностью тех *социально-политических условий*, в которых функционирует общественное мнение. В частности, существует прямая зависимость между правдивостью,

искренностью высказываемого мнения и уровнем развития демократических институтов в обществе, степенью осуществления свободы личности во всех ее формах, в том числе свободы слова, печати, собраний и т. д. В этом смысле, чем менее развита в обществе демократия, чем большим ограничениям подвергаются права личности и общественных институтов, тем менее высказываемое вслух мнение, мнение «для других» будет совпадать с мнением негласным, существующим на самом деле, мнением «для себя».

Другая группа помех связана с субъективным фактором — с фигурой самой имеющей мнение и высказывающейся личности. Природа этих помех может быть самой разнообразной, а количество их просто не поддается учету. Ведь они зависят от личных качеств человека: характера его воспитания, уровня образования и культуры, общего и моментального состояния психики, жизненного тонуса, темперамента, гражданской активности и т. д. и т. п. Исследователь, например, вполне может столкнуться с фактом, когда члены одной и той же семьи дают совершенно различные ответы на вопрос относительно изменения уровня их жизни или — больше того — когда один и тот же человек в разное время, в зависимости от его душевного состояния, по-разному отвечает на один и тот же вопрос. Немалое значение имеет здесь, в частности, и объект обсуждения. Во всяком случае известно, что в отношении одних вопросов личные качества опрашиваемых как бы «нейтрализуются», в то время как в отношении других они, напротив, начинают играть весьма серьезную роль.

Наконец, третий источник помех лежит в природе социологического исследования. Оказывается, одни формы фиксации общественного мнения сопряжены с большими отклонениями высказанного мнения от фактического, чем другие. Кроме того, такие отклонения могут возникать и в результате многочисленных ошибок, допускаемых исследователем на разных стадиях работы — в процессе программирования исследования, его проведения, обработки результатов. Следовательно, содержание фиксируемого мнения определяется не только тем, кто и в каких объективных условиях отвечает на вопрос, но и тем, кто и как задает этот вопрос, как проходит сам опрос и т. д.

Для того чтобы более подробно рассмотреть каждый из названных источников «возмущения» общественного мне-

ния, перейдем к конкретному анализу возможных ошибок, возникающих в процессе выражения мнений. По своему характеру эти ошибки могут быть также трех родов и связаны или 1) с *неспособностью* человека точно передать смысл своей точки зрения, или 2) с *невозможностью*, или, наконец, 3) с *нежеланием* сделать это.

**Неспособность
к точному
высказыванию**

Начнем с того, что исследователю-социологу сплошь и рядом приходится сталкиваться с фактами, когда опрашиваемый неспособен четко выразить свою мысль, когда он не может, не умеет точно передать то, что думает. От чего это зависит? Естественно, прежде всего от *самого опрашиваемого* — от уровня его культуры, развитости мышления, речи и т. д. В условиях многонационального государства, каким является СССР, существенное значение имеет также степень знания человеком языка, на котором проводится опрос. Роль этого фактора можно было наблюдать, например, в нашем VIII опросе, проходившем не только в России, но и на Украине, в Узбекистане, Казахстане, Эстонии, Армении и Коми АССР. Тогда среди опрашиваемых оказалось немало лиц, не владевших в совершенстве русским языком, и уже одно только это обстоятельство создало возможность (далеко не абстрактную!) отклонения фиксируемого мнения от того, какого в действительности придерживались люди.

В конечном счете рассматриваемая ложность общественного мнения всегда оказывается связанной с индивидуальными качествами опрашиваемого лица. Однако, как нетрудно убедиться, многое тут зависит и от *исследования*, в частности от его *формы*. Возьмем, к примеру, метод опроса по телефону. Он предполагает определенную подготовленность опрашиваемого: известную быстроту реакции, умение дать лаконичный ответ на вопрос, конечно же привычку разговаривать по телефону и т. д. Ясно, что не обладающий в достаточной степени всеми этими навыками человек может не суметь точно изложить свою точку зрения на предмет, в той или иной мере исказить ее и т. д.

Вместе с тем от волнения, чувства растерянности и т. п. может не остаться и следа, если те же вопросы будут заданы опрашиваемому в иной, более привычной форме, например в виде отпечатанной типографским способом анкеты. Теперь у человека появится время, чтобы подумать над вопросами, точнее сформулировать свои мысли. И в результате степень

адекватности высказанного мнения мнению действительно значительного повысится.

С другой стороны, анкета также может распространяться различными методами: например, путем рассылки по почте или путем раздачи непосредственно анкетером. Ясно, что первая форма таит в себе — при прочих равных обстоятельствах — больше возможностей для рассматриваемого «возмущения» общественного мнения, чем вторая. Ведь получающий по почте заполненные анкеты исследователь практически лишен возможности уточнить содержание какого-либо неясного для него высказывания или проверить правильность своего понимания нечетко сформулированного ответа. Напротив, анкетер находится в непосредственном контакте с опрашиваемым лицом; он может в любой момент объяснить ему смысл задаваемого вопроса, снять обнаруженное при предварительном ознакомлении с ответами противоречие, допущенное анкетиремым, словом, добиться наиболее адекватного раскрытия мнения говорящего. В этом смысле особенно эффективным является метод интервьюирования. Для большинства людей гораздо легче излагать свои мысли устно, нежели письменно (хотя бы с технической точки зрения!); поэтому-то процесс живой беседы представляет собой ту форму, владея которой исследователь может обеспечить максимальную близость мнения «для других» к мнению «для себя».

Наконец, один и тот же человек проявляет безусловно различную способность к точному выражению своего мнения и в зависимости от содержания исследования. Мы имеем в виду фактор большей или меньшей сложности задаваемых вопросов, способа их постановки и пр. Доступность вопроса для опрашиваемого — первейшее условие совпадения мнений высказываемого и действительного.

Таким образом, как можно заключить из сказанного, исследователь не является совсем уж беспомощным перед лицом рассматриваемых отклонений общественного мнения от истины. Он может создать такие условия исследования, которые будут наиболее благоприятными для того, чтобы, во-первых, опрашиваемый мог как можно более точно изложить содержание своей точки зрения и, во-вторых, исследователь мог как можно более точно понять мысль опрашиваемого.

Первая часть этой задачи решается путем обеспечения максимально возможной «нейтрализации» указанных помех.

Это достигается разными средствами: приведением программы исследования (содержания и формулировок вопросов) в соответствие с уровнем грамотности опрашиваемой среды; выбором наиболее подходящей (для данной программы) формы исследования; достаточной квалификацией анкетеров (если опрос проводится с их помощью) и т. д. Все эти средства, бесспорно, могут повысить степень истинности зафиксированного общественного мнения в смысле его адекватности мнению, реально существующему.

Вторая часть задачи решается также с помощью определенных форм исследования, например путем установления личных контактов исследователя с анкетлируемыми и т. д. Однако здесь имеются и специфические средства, в частности связанные с содержанием исследования: в программу опроса, например, могут быть включены специальные вопросы, единственная цель которых — обеспечить корреляцию высказываний, уточнить мнение говорящих. Как раз к такому способу мы прибегли в нашем III опросе, где наряду с вопросом: «Есть ли, на Ваш взгляд, у молодых людей отрицательные черты, имеющие широкое распространение? Если да, какие именно?» — фигурировал и еще один: «В чем Вы видите подтверждение своего мнения?». Как можно было видеть выше, это уточнение сыграло как раз огромную роль: именно благодаря ему мы смогли понять, что конкретно понимала часть опрошенных под так называемым «стиляжничеством», «преклонением перед Западом», и тем самым избежать ошибки в оценке этого явления.

И все же, несмотря на все уловки и приемы, рассматриваемое «возмущение» общественного мнения может оказаться неустраняемым. Тогда перед исследователем — как и всегда в тех случаях, когда ошибка не может быть исключена полностью, — возникает задача иного рода: зафиксировать сам факт отклонения высказанного мнения от мнения действительного и по возможности измерить величину и характер этого отклонения. Обычно это делается с помощью включения в программу разного рода контрольных вопросов, помогающих установить, например, противоречивость суждений говорящего, разного рода вопросов-«ловушек», обнаруживающих неспособность человека четко излагать свои мысли, и т. д. Западная социология общественного мнения широко использует подобные приемы, и, как показывает практика, такая работа очень важна: в зависимости от величины и характера «возмущения» исследователь или вводит

соответствующий поправочный коэффициент, который дает ему возможность приблизиться к истинному смыслу того или иного конкретного высказывания, или целиком бракует часть анкет, повышая тем самым степень истинности исследуемого общественного мнения в целом.

**Невозможность
точного
высказывания**

Нередко социологу приходится сталкиваться и с такими отклонениями высказываемого мнения от истинного, которые случаются вопреки способностям и желанию опрашиваемого точно изложить свою точку зрения на предмет. Природа этих «возмущений» уже иная. Они связаны исключительно с особенностями самого исследования. При этом в возникновении ситуаций, когда опрашиваемый объективно, несмотря на все старания, не может адекватно выразить свое мнение, особую роль, как кажется, играют два момента.

а) Ошибки в постановке вопросов. Первый из них связан с ошибками в постановке вопросов. Еще древние греки, большие мастера парадоксов, желая поставить человека в затруднительное положение, обращались к нему с вопросом: «Перестал ли ты бить своего отца?». Ясно, что в рамках требуемой строгой дизъюнкции (да — нет) любой ответ на этот вопрос мог быть в подавляющем большинстве случаев только ложным. К сожалению, исследователи общественного мнения в своем обращении с анкетлируемыми нередко уподобляются античным софистам²⁰.

Имея в виду подобную практику, М. Н. Руткевич и Л. Н. Коган пишут: «Буржуазные социологи при проведении письменного или устного опроса населения часто стараются ставить вопросы расплывчато, неопределенно... Можно ли,

²⁰ Иногда, впрочем, это делается *вполне сознательно*: стремясь извратить подлинный смысл общественного мнения, исследователи нарочито запутывают вопросы, ставят их в заведомо нечеткой форме, предусматривают такие условия высказывания обществу, которые исключают возможность совпадения мнения «для других» с мнением «для себя» и т. д. В качестве примера этому можно привести «референдум по шести пунктам», который проводился в Иране в январе 1963 г. Тогда предложенные для всеобщего обсуждения «пункты», содержащие проекты разного рода экономических реформ — как прогрессивных, так и реакционных, должны были голосоваться не каждый в отдельности, не раздельно, а сразу все, целиком. Ясно, что подобное условие не могло не породить крайне искаженного представления об отношении людей к предлагаемым реформам. Не случайно многие группы населения (в частности, Народная партия Ирана — Туде) бойкотировали референдум.

например, четко ответить на вопрос, считает ли человек себя «очень счастливым», «довольно счастливым» или «довольно несчастливым»?! А ведь именно так ставились вопросы опрашиваемым лицам авторами книги «Социальная структура и личность в городе»...»²¹.

Однако дело, разумеется, не сводится к одному лишь «злому умыслу» буржуазных социологов. Действительная проблема значительно шире. Она затрагивает и самых честных, заинтересованных в истине исследователей. Дело в том, что на первый взгляд банальное требование, чтобы вопрос, обращенный к анкетируемому, был поставлен *правильно, точно*, оборачивается на практике немалыми трудностями. Об этом, в частности, говорит «негативный» опыт нашего Института общественного мнения: ошибки тут могут быть самыми неожиданными.

Известно, например, что любой вопрос должен быть предельно четким, ясным, прозрачным — таким, чтобы опрашиваемый точно знал, чего именно от него хотят. Само собой разумеется, известно это требование и исследователю. Поэтому он долго работает над формулировкой вопросов (особенно, если речь идет о сложных по содержанию проблемах), пока, наконец, у него не появляется убеждение, что необходимая степень ясности изложения достигнута. После этого вопрос включается в анкету или в интервью, и... тут вдруг оказывается, что люди *не понимают*, о чем собственно идет речь. Именно такая ситуация возникла, например, в нашем IV опросе, когда мы спрашивали: «В каких формах, по Вашему мнению, будет развиваться в дальнейшем движение за коммунистический труд?». Нам вопрос казался предельно ясным: мы хотели узнать, с какими формами в первую очередь связывают люди будущее коммунистического труда — с индивидуальным ударничеством, с коллективами типа бригад или с соревнованием целых предприятий. Однако многие участники опроса не поняли вопроса — прежде всего из-за многозначности термина «форма». В результате часть из них ушла в своих ответах далеко в сторону от интересовавшей нас проблемы, а часть (почти 50 процентов) вовсе уклонилась от ответа. Зафиксированное общественное мнение оказалось отличным от фактически существующего. И произошло это потому, что из-за

²¹ М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган. О методах конкретно-социологического исследования, стр. 129.

непонимания вопроса опрашиваемые не могли (не имели возможности) сказать то, что они думают о предмете.

В другом случае (III опрос) мы допустили ошибку иного рода. В вопросе: «Что Вы думаете о своем поколении, нравится ли оно Вам, довольны ли Вы его делами?» — понятно было абсолютно все, и все же мнение части опрошенных, высказанное в ответ на него, по-видимому, подверглось какому-то искажению — частично в процессе самого высказывания, а частично в процессе нашего анализа. Это случилось потому, что приведенная формулировка заключала в себе не один, а два хотя и очень близких, но все же не совпадающих друг с другом вопроса: 1) «Нравится ли Вам поколение?» и 2) «Довольны ли Вы его делами?». Это обстоятельство было замечено явно не всеми опрашиваемыми, и если одни из них (к счастью, большинство) отвечали на указанный вопрос дважды: «Нравится, доволен» (или: «Не нравится, не доволен»), то другие ограничивались односложным: «да» или «нет». При этом оставалось неясным ни то, к чему отнесли этот ответ сами опрашиваемые — к обеим частям вопроса или к какой-либо одной из них (тогда — к какой именно), ни то, как должны были оценить его мы. Наличие же некоторого (хотя и крайне незначительного) количества анкет, в которых на выделенные части вопроса давались противоположные ответы, показывало, что ошибка, допущенная в *логической структуре формулировки*, была не столь уж безобидной, как это могло бы показаться сначала.

Может быть, наиболее распространенной ошибкой в постановке вопроса, приводящей к отклонению высказываемого мнения от действительного, является использование таких формулировок, которые сужают, ограничивают мысль говорящего, мешают ему высказать все, что он думает, до конца. В подобных случаях отход от истины заключается не в ее прямом искажении или тем более фальсификации, а в *потере ее полноты*.

Рассматриваемая ошибка бывает связана, конечно, и с содержательной стороной постановки вопроса. Например, вопрос, рассчитанный на оценку явления, должен формулироваться (в содержательном отношении) так, чтобы открывалась возможность для вынесения самых различных, в том числе противоположных, оценок; вопрос, рассчитанный на позитивное решение проблемы, — так, чтобы создавался максимальный простор для выражения всех существующих конструктивных мыслей, и т. д. Однако, понятно, в первую

очередь речь тут должна идти о форме, в которой ставится тот или иной вопрос, и прежде всего о проблеме открытых и закрытых вопросов, уже затронутой нами в параграфе 24.

Как отмечалось выше, так называемые закрытые вопросы по самой своей природе неизбежно ограничивают мысль говорящего, втискивая ее в жесткие рамки предлагаемых ответов, если угодно, даже изменяют ее, приспособляя к некоему безусловному стандарту, лишая первоначального оригинального характера. В этом смысле закрытые вопросы всегда содержат в себе бóльшую или меньшую вероятность искажения действительного мнения опрашиваемых. Однако дело не только в этом. С употреблением закрытых вопросов сопряжено немало и технических ошибок, которые еще более усугубляют их органический недостаток. Главная из них — *неполное закрытие вопроса*.

В самом деле, стоит только исследователю предложить опрашиваемым не все возможные ответы на вопрос, а лишь часть их, как общественное мнение в процессе своего выражения сразу же отклонится от истинного, даже если в конце вопроса будет помещена спасительная приписка: «Возможно, какой-либо иной ответ». Дело в том, что закрытые вопросы, как говорят психологи, ограничивают «поисковую область» лишь предлагаемыми ответами. И это происходит не только в силу определенного психологического эффекта, мешающего человеку выйти за очерченные рамки, но и потому, что опрашиваемому может казаться, что от него ждут выбора именно одного (или двух, трех — в зависимости от условий опроса) из предложенных вариантов. Конечно, всякий активно мыслящий человек, не найдя среди ответов того, который соответствует его собственной точке зрения, непременно даст свой, оригинальный ответ (воспользовавшись правом, предоставляемым указанной припиской). Однако приходится признать, что это относится далеко не ко всему опрашиваемому ансамблю. Основная масса его ограничивается обычно лишь предложенными ответами, хотя при этом часть людей, возможно, и видит суть проблемы в чем-то другом.

С подобного рода искажениями общественного мнения, порождаемыми «недосмотром» исследователя при составлении закрытых вопросов, нам приходилось сталкиваться не один раз. Например, в IV опросе мы спрашивали: «С решением какой из следующих проблем Вы связываете в первую

очередь дальнейшее массовое распространение движения (подчеркнуть):

- внедрение новейшей техники
- повышение образования и культуры
- совершенствование профессионального мастерства
- рост сознательности
- возможно, какая-либо иная проблема?»

Как показали результаты, этот вопрос был сформулирован нами неудовлетворительно: перечисленные возможности не исчерпывали всех основных условий развития движения за коммунистический труд. Об этом достаточно ясно говорила общая картина полученных ответов (в процентах к числу опрошенных):

Подчеркнули	1 группа	2 группа	3 группа
Рост сознательности	75,0	71,3	69,4
Повышение образования и культуры	42,2	46,0	51,5
Внедрение новейшей техники	30,0	29,9	40,6
Совершенствование мастерства	22,6	26,0	34,6

Кроме того дополнительно назвали

Распространение передового опыта	3,3	6,5	23,4
Улучшение организации производства	3,1	5,8	10,9
Рост материального благосостояния	4,0	4,0	4,0
Повышение доверия к участникам движения	3,3	3,0	—

Это обстоятельство привело к нежелательной деформации подлинного общественного мнения. Как видим, не названные нами проблемы (в первую очередь такие, как «распространение передового опыта» и «улучшение организации производства»), даже будучи упущенными, «набрали» немалое количество «голосов», особенно в среде наиболее активных участников опроса (коллективов коммунистического труда). Значит, если бы они были вставлены в перечисление, общая картина мнений могла бы измениться (может быть, даже существенно) как в плане более высокой оценки упущенных проблем, так и в плане соответственно более скромной оценки проблем названных.

В самом же факте такого отклонения (по рассматриваемой причине) мнения зафиксированного от мнения фактически существующего в большинстве случаев сомневаться не приходится. Он измеряется чисто экспериментальным путем. Например, в нашем VIII опросе было две анкеты — распространявшаяся с помощью анкетеров и

опубликованная в газете. В общем и целом содержание их совпадало. Но кое в чем была и разница. В частности, мы с различной степенью полноты закрыли в этих анкетах вопрос: «Что мешает Вам проводить досуг так, как Вам нравится?». В варианте, распространявшемся анкетерами, фигурировало пять возможных ответов на него: 1) недостаток времени; 2) отсутствие необходимых условий — кружков самодеятельности, спортивных секций, вечеров отдыха и т. д.; 3) недостаток в городе культурных учреждений; 4) недостаток личных средств и 5) неумение организовать свое время. В варианте же, опубликованном на страницах «Комсомольской правды», на один больше; кроме перечисленных ответов здесь еще значилось: «Усталость после работы». Благодаря этому мы получили возможность измерить величину «возмущения» общественного мнения под влиянием рассматриваемого фактора. И она оказалась весьма значительной. В первом случае на усталость сослалось (откликнувшись на приписку относительно «каких-либо иных причин») всего 0,2 процента от общего числа опрошенных; во втором же — 21,9 процента!..

Чтобы избежать ошибок в постановке вопросов, исследователи общественного мнения обычно прибегают к так называемому *пилотажу* — предварительному контрольному опросу, который проводится в ограниченных рамках с единственной целью: опробировать выработанную программу. В ходе и результате таких пилотажей удается уловить и своевременно исправить немало ошибок, допущенных в формулировках. В частности, этот метод имеет очень важное значение и для правильной постановки закрытых вопросов, для достижения необходимой полноты перечисляемых в них возможностей. Что же касается других ошибок — непонятного изложения сути вопроса, его неудачной логической структуры и иных, то по отношению к ним рассматриваемый метод сохраняет, скорее, лишь негативное значение: он дает возможность забраковать те формулировки, которые оказались неудовлетворительными, и не проливает никакой ясности на то, какими именно они должны быть.

Вместе с тем с помощью пилотажа могут уточняться и некоторые открытые вопросы. Выше мы говорили, что последние вообще создают гораздо больше возможностей (в сравнении с закрытыми вопросами) для того, чтобы мнение «для других» совпадало с мнением «для себя»; они в

значительно меньшей степени ограничивают мысль говорящего, предоставляя ему при ответе на вопрос *carte blanche*. Однако данные преимущества открытых вопросов могут проявиться лишь при условии, если эти вопросы поставлены точно, правильно. Добиться же этого не менее сложно, чем правильно сформулировать закрытый вопрос.

Один из самых существенных минусов открытых вопросов состоит как раз в том, что в них подчас бывает очень сложно выразить, какого, собственно, ответа от опрашиваемого ждет исследователь (речь идет, разумеется, не о конкретном содержании ответа, а о его, так сказать, относительном содержании — о его отношении к сути обсуждаемой проблемы, его общей направленности, характере и т. д.).

Выше мы приводили пример с вопросом, касающимся форм развития движения за коммунистический труд. С аналогичными недоразумениями нам приходилось сталкиваться и в других случаях. Например, в нашей анкете о семье был вопрос: «Какие меры по укреплению молодой семьи Вы можете предложить?». Мы оставили его открытым. Это было сделано не только потому, что мы хотели услышать совершенно не подсказанные мнения людей по столь важной проблеме. Принятое решение объяснялось и другим: закрыть вопрос казалось делом чрезвычайно сложным — как в силу того, что ряд перечислений грозил оказаться весьма протяженным, так и потому, что ответы на вопрос могли носить «синтетический» характер, то есть касаться сразу нескольких, причем в различных комбинациях, сфер жизни общества — экономической, юридической, моральной и т. п. Стоит ли говорить при этом, что лично нам указанный вопрос казался совершенно ясным. И все же, как обнаружилось, среди опрашиваемых нашлось немало таких, кто не увидел границ поставленного вопроса, не понял его смысла, пошел при ответе на него совсем в ином направлении. Об этом свидетельствовали, в частности, заявления, подобные тому, что «укреплять распадающуюся семью вообще не следует». Между тем по смыслу проблемы речь должна была идти вовсе не об укреплении *распадающихся* семей, а о создании таких условий, которые бы исключали по возможности появление ситуаций, ведущих к разводу, о развитии таких социальных факторов, которые бы препятствовали распаду семей, и т. д.

Следовательно, сама по себе форма открытого вопроса

еще не гарантирует исследователя от того, что общественное мнение не подвергнется в процессе своего выражения искажению, не отойдет от истины. К тому же дело ведь не сводится лишь к правильной постановке вопроса. При употреблении открытых вопросов рассматриваемое «возмущение» общественного мнения может возникать и на другой стадии — на стадии обработки полученного материала.

Это связано с тем, что из-за исключительного разнообразия словесных форм выражения, в которые опрашиваемые облачают свои мысли, возникает множество трудностей по интерпретации — установлению точного смысла каждого высказывания. Такие трудности могут вести к ошибочному кодированию ответа или к необходимости включения в код разного рода промежуточных, «расплывчатых» характеристик. И то, и другое (явления совершенно невозможные при закрытых вопросах!) снижает степень истинности фиксируемого мнения. Последнее начинает отличаться от того, которое существует в действительности.

Говоря о сравнительной ценности открытых и закрытых вопросов с рассматриваемой точки зрения, следует упомянуть о том, что существуют еще вопросы *полуоткрытые*, или *полузакрытые*. Сохраняя те плюсы открытых вопросов, с которыми связана возможность для говорящего высказываться максимально полно, свободно, вопросы этого типа в то же время устраняют и отмеченный минус первых, подсказывая опрашиваемым общее направление и общие границы (но не конкретное содержание, как в случае закрытых вопросов) возможных ответов²².

Чтобы оценить достоинства и недостатки этого типа вопросов, необходимо провести несколько контрольных сравнительных исследований, в которых бы данные вопросы фигурировали параллельно с вопросами иных типов, выражающих то же содержание.

б) Влияние исследования на исследуемого. Наряду с ошибками в постановке вопросов существует и другая группа связанных с исследованием помех,

²² Примеры таких вопросов следующие: «Чему Вы посвящаете свободное время (сколько времени отдаете общественной работе, чтению, спорту и т. д.? как часто посещаете кино, театр, стадион и др.?)?»; «Какие новые черты отличают труд вашего коллектива (в отношении производительности, творчества, сознательности, безвозмездности и пр.)?»; «Какие изменения произошли в вашей жизни (культура, быт, отношения между людьми и т. д.) с тех пор, как вы избрали своей заповедью «Жить по-коммунистически»?», и т. д.

в силу которых опрашиваемые также оказываются не в состоянии адекватно выразить свое мнение. Мы имеем в виду помехи, заложенные в самой природе социального исследования, всегда активно воздействующего на исследуемый объект, неизменно оказывающего на него большее или меньшее влияние. Подобное «возмущение» общественного мнения может случаться и тогда, когда программа опроса полностью свободна от ошибок.

Оно бывает связано прежде всего с *фигурой самого исследователя*. Э. Богардус утверждает, что «беседа с определенным лицом по определенному вопросу может дать один результат, тогда как опрос того же лица другим человеком может дать другие результаты»²³. Это верно. Правда, характер влияния исследователя на исследуемого может быть различным. Ниже, например, мы рассмотрим ситуации, в которых отношение, существующее (или возникающее в процессе самого опроса) между первым и вторым, приводит к известному стеснению опрашиваемого, даже к его активному нежеланию говорить правду и т. п. Сейчас нас интересует другой аспект этого отношения — такое влияние исследователя на исследуемого, которое порождает искажение мнения последнего вопреки его желанию.

Дело в том, что, проводя опрос, исследователь может в той или иной степени и форме *навязывать* свое собственное мнение опрашиваемому. Не будем останавливаться на случаях, когда это делается вполне сознательно, — в сущности, требуется немного усилий, чтобы ввести неискушенного в таких делах анкетированного в заблуждение относительно его действительной точки зрения на предмет. Гораздо сложнее — предупредить неумышленное влияние, свести его на нет, особенно, если речь идет о таких формах исследования, где исследователь вступает в непосредственный контакт с опрашиваемым.

Выше мы отмечали положительные стороны в деятельности анкетера и интервьюера — их способность добиться максимально точного понимания опрашиваемым задаваемого ему вопроса, устранить все неясности и неточности в высказываниях говорящего, наиболее полно раскрыть его подлинное мнение и т. д. Вместе с тем эти фигуры несут в себе и не меньший (если не больший!) «отрицательный

²³ «Sociology and Social Research», vol. 39, № 6, July — August, 1955, p. 411.

заряд». Объясняя опрашиваемому, чего от него хотят, они нередко незаметно для себя подсказывают ему «слишком много». Тогда анкета (или интервью) начинает представлять собой нечто вроде высмеянной Вейсманом Koffer — Theorie (буквально: сундучной теории) — из нее можно извлечь ровно столько, сколько вложено в нее самим исследователем. Что же касается картины мнения в целом, то зафиксированные таким образом взгляды окажутся в действительности взглядами не общественности (только и интересующей исследователя), а ...группы анкетеров, проводивших опрос.

Это обстоятельство показывает, что исследователь должен предпринимать специальные усилия, чтобы не «возмутить» общественное мнение. И с этой целью он должен, в первую очередь, по возможности ограничить свое влияние на говорящего в процессе выражения последним его точки зрения.

На основании опыта деятельности Института общественного мнения в этой связи можно прийти к двум выводам: во-первых, к тому, что метод анкетного опроса является в рассматриваемом смысле гораздо более надежным, чем метод свободного интервьюирования (когда влияние исследователя на содержание ответов опрашиваемого особенно велико), и, во-вторых, к тому, что деятельность анкетера при проведении опроса должна быть функционально четко ограничена. Его задачи в большинстве случаев могут исчерпываться объяснением общего замысла и основных условий опроса, раздачей и сбором анкет (с соблюдением, как правило, небольшого временного интервала между этими двумя операциями), наконец, предварительным знакомством с содержанием ответов, дающим возможность, в случае необходимости, устранить обнаруженные пробелы, неясности или противоречия.

Рассматриваемые помехи в процессе выражения общественного мнения могут быть связаны не только с фигурой исследователя, но и с некоторыми, в том числе кажущимися незначительными, моментами в программировании исследования, а также в обработке его результатов.

Вернемся в этой связи еще раз к проблеме постановки закрытых вопросов. Оказывается, влияние исследования на опрашиваемого не устраняется целиком лишь безошибочной формулировкой таких вопросов, полным перечислением ряда и пр. Известную роль в «возмущении» общественного

мнения может сыграть здесь и такая, казалось бы, мелочь, как *последовательность перечисления* ответов. Опыт показывает, что эта деталь программирования не является полностью нейтральной. Известно, например, что во время голосования на выборах в общественных организациях, в случае если в списке для голосования имеется больше кандидатов, чем должно быть избрано, как правило, не практикуется порядковая нумерация баллотирующихся. В этом есть свой смысл. Отсутствие номеров перед фамилиями подчеркивает, что все баллотирующиеся находятся в равном положении. Благодаря этому, в известной степени, снимается тот психологический момент, в силу которого часть голосующих воспринимает в качестве заведомо «лишних» и вычеркивает именно последние фамилии ряда.

То же может происходить и в процессе выражения мнений при ответе на закрытые вопросы. Располагая ответы по степени их важности со своей субъективной точки зрения, исследователь тем самым оказывает известное давление на мнение опрашиваемых.

Наконец, как отмечалось, такое давление может случиться и *post festum*, после того, как мнение уже было высказано, например в процессе интерпретации и кодирования открытых вопросов. Тут всегда существует опасность, что исследователь, даже не допустив ошибки, обеднит фактически выявленную картину мнений, сведет разнообразие живых формулировок к нескольким значительно более бледным по содержанию трафаретам ²⁴.

²⁴ В этом смысле весьма примечательная дискуссия произошла однажды в Институте общественного мнения при обработке анкеты об облике молодого поколения. Предметом спора были принципы составления кода к вопросу: «Какие черты советской молодежи являются, с Вашей точки зрения, наиболее сильными?». Некоторые предлагали тогда воспользоваться для этой цели существующими в этике основными категориями. На наш взгляд, такой подход мог резко обеднить действительную картину мнений и делал бессмысленной открытую постановку приведенного вопроса — ведь с помощью предлагавшейся системы категорий вопрос вполне можно было с самого начала поставить в закрытой форме. Сказав «а», мы, естественно, должны были сказать и «б». Поэтому мы прибегли к составлению *эмпирического кода*, определив его на основании изучения первой, выбранной наудачу, тысячи анкет. И, как кажется, такое решение проблемы повысило степень истинности зафиксированного общественного мнения, приблизило его к мнению, реально существующему.

**Нежелание
высказываться
правдиво**

Наконец в процесс выражения общественного мнения вплетена третья большая группа помех, приводящих к отклонению мнения «для других» от мнения «для себя». По своим границам и содержанию она совпадает с пассивным (неосознаваемым) или активным (сознательным) нежеланием говорящего быть искренним, правдивым или с его желанием (оно может быть также сознательным или неосознанным) говорить неправду.

Подобное нежелание (желание) может принимать разные формы. Исключая крайнюю из них — отказ отвечать, о которой речь пойдет дальше (в главе 7), это — застенчивое утаивание (приукрашивание) правды, сведение ее к полуправде, откровенная ложь. По механизму же своего возникновения рассматриваемое нежелание может быть связано с самыми разнообразными чувствами — страха, стыда, протеста, тщеславия и пр.

Какие факторы приводят в действие эти чувства? Каким образом возникает стремление человека уклониться от истины? Мы видели: неспособность человека точно изложить свою мысль может зависеть от исследователя, но определяется она в первую очередь личными качествами говорящего; невозможность точного высказывания, напротив, бывает связана прежде всего с особенностями исследования. Помехи, к рассмотрению которых мы переходим теперь, имеют гораздо более сложную природу.

а) Личные качества говорящего. Они могут зависеть прежде всего также от личных качеств самого высказывающегося индивида, вызываться, например, его скромностью, застенчивостью, нерешительностью, гражданской пассивностью, честолюбием, социальной невоспитанностью, неоправданной боязнью каких-либо нежелательных последствий, находящей выражение в известном принципе: «Как бы чего не вышло...», и т. д. и т. п.

При этом многие из названных качеств не являются константными, они могут проявляться с большей или меньшей силой в зависимости от обстоятельств. Например, актуальное значение фактора нерешительности, боязни и т. п. во многом зависит от предмета разговора — оно явно повышается, если речь заходит о проблемах, именуемых «острыми», скажем, связанных с критикой каких-либо сторон жизни общества в целом или той микросреды, к которой принадлежит говорящий. То же нужно сказать и о чувстве

стыда или застенчивости. Их влияние на содержание высказывания особенно велико, когда обсуждаются проблемы, связанные с разного рода интимными сторонами жизни людей; известно, что многие люди не решаются признаться в некоторых из своих мыслей даже самим себе,— ясно, что тем более сложно бывает им сделать это публично, во всеуслышание.

б) Особенности исследования. Стремление человека отойти от правды может быть вызвано, далее, некоторыми особенностями исследования: характером и способом постановки вопросов, их тоном, обстановкой, в которой проходит опрос, неподготовленностью анкетера, его личными качествами и пр. Известно, например, что излишне резкая или нескромная постановка вопроса может насторожить опрашиваемого, вызвать у него отрицательное отношение к исследованию в целом и — если он не имеет возможности вовсе уклониться от опроса — толкнуть его на путь лжи.

Такую же отрицательную реакцию и то же следствие могут вызвать у опрашиваемого и оскорбляющие его глупые, «слишком примитивные» (или кажущиеся таковыми) вопросы. На эту мысль прямо наталкивает письмо, полученное Институтом общественного мнения от инженера Р. В. из Ленинграда: «Я хочу выразить свое мнение по ряду вопросов, затронутых в вашей анкете о молодой семье. Но предварительно хочу напомнить о другой анкете, которую вместе с анализом опубликовал в 1948 году журнал «Америка». Вот некоторые вопросы и ответы из этой анкеты.

Вопрос: Где чаще всего знакомятся будущие супруги?

Ответ: Чаще всего в учебных заведениях, затем — в гостях и на работе.

Вопрос: Где и при каких обстоятельствах мужчина чаще всего делает девушке предложение?

Ответ: 25% предложений делается в автомобиле, 23% — у девушки дома, 20% — в парках, ресторанах, на улице и т. д.

Вопрос: Сколько раз, в среднем, делают предложение девушке?

Ответ. В среднем девушке в возрасте от 19 до 23 лет делают три предложения.

И так далее. Я не буду продолжать этот список, хотя среди прочих вопросов были и более содержательные, на-

пример: «Часто ли жена моложе мужа?», «Какую семью предпочитает американка — большую или маленькую?» и т. д. Мне просто казалось полезным привести пример этой анкеты для того, чтобы показать, насколько серьезнее и полезнее ваша анкета. Именно поэтому граждане нашей страны хотят активно участвовать в обсуждении принципов новой семьи и путей ее развития».

Разумеется, сейчас не место рассматривать по существу точку зрения Р. В. на программу исследования, опубликованного «Америкой», хотя, не можем не заметить, мы не разделяем ее столь критического отношения к приведенным вопросам (на наш взгляд, 1-й и 3-й вопросы явно не лишены смысла). Сейчас важно подчеркнуть другое: вопросы *показались* Р. В. малосодержательными, бесполезными, достоянными не только критики, но и насмешки. И это означает, что, доведись ей самой отвечать на них, она или откажется совсем, или может испытать нежелание придерживаться истины, например вступить на путь упражнений в остроумии (как это делают иногда некоторые опрашиваемые).

Отсюда, между прочим, следует тот вывод, что исследователь должен особенно внимательно относиться к так называемым «банальным», «тривиальным» и т. п. вопросам, тем более что грань в них между смыслом и бессмыслицей, глубиной и плоскостью, благими намерениями и благоглупостями бывает нередко действительно очень тонка. Примитивизм формулировки, очевидность ответа не должны в таких случаях скрывать подлинное общественно-значимое содержание, заключенное в вопросе.

Вместе с тем рассматриваемая проблема имеет и другой аспект — выраженный в выводе Э. Богардуса: «...Население разных стран может по-разному реагировать на беседы, так же как население двух разных областей»²⁵. Это верно. Постановка и тон вопроса (в равной мере как и вся обстановка проведения исследования) должны учитывать привычки, традиции, уровень грамотности, требовательности и т. д. опрашиваемой среды. Ведь то, что в одной среде воспринимается как норма, в другой способно вызвать недоумение, непонимание, возмущение и в результате нежелание людей быть искренними в своих ответах.

²⁵ «Sociology and Social Research», vol. 39, № 6, July — August, 1955, p. 411.

в) Макро- и микроусловия функционирования общественного мнения. Однако как бы ни была велика зависимость рассматриваемых помех от самого говорящего и особенностей исследования, бесспорно, главную основу их составляет совокупность тех объективных условий, в которых высказывается мнение, начиная от условий функционирования общественного мнения в социальном организме в целом и кончая характером отношений между людьми в разного рода микрогруппах: на предприятии, в общественных организациях, семье и т. д. За редкими исключениями действие большинства субъективных факторов в конечном счете всегда оказывается если не вызванным, то все же связанным с этими условиями.

Например, если опрос проводится по месту работы человека и речь идет о недостатках в деятельности предприятия, искренность и полнота ответов будут прямо пропорциональными не только личным качествам анкетированного (широте и активности его мышления, непримиримости к недостаткам и др.), но и таким факторам, как отношение руководства предприятия к критике, роль на предприятии общественных организаций и т. п. Точно так же, если опрос затрагивает, например, интимные стороны жизни людей и не сохраняет при этом тайны ответа, искренность опрашиваемых будет во многом зависеть от той системы ценностей, которая действует в рамках данной микросреды и в соответствии с которой человек, укладывающийся в господствующие нормы, может рассчитывать на больший успех (в самом широком смысле этого слова), нежели тот, кто отходит от образцов. И так далее.

Как быть исследователю перед лицом всех этих рассматриваемых помех — нежелания людей говорить точно и полно то, что они думают? Ведь кажется, и личные качества опрашиваемых, и тем более объективные условия не подвластны ему и не могут быть устранены.

Это так. И все же в руках исследователя немало средств, с помощью которых он может в значительной степени «нейтрализовать» указанные помехи. О некоторых из них, например связанных с характером постановки вопроса, мы уже сказали. Главное же орудие исследователя — обеспечение *полной тайны высказываний*. Опрашиваемый должен быть твердо уверен в том, что его ответ будет использован исключительно в целях исследования, как статистическая единица, входящая в объем более широкого

ансамбля, и не станет известным ни одному лицу, кроме исследователя, в первую очередь ни одному сколько-нибудь знакомому с ним лицу²⁶. Если эта уверенность будет гарантирована, тогда действие многих пружин, «возмущающих» истину, о которых мы говорили выше,— чувств стыда, страха, тщеславия и им подобных,— будет серьезно ослаблено, а, может быть, даже и вовсе сведено на нет.

Тайна высказывания обеспечивается в первую очередь анонимностью анкеты. Это условие является важнейшим. Поэтому во всех анкетах Института общественного мнения «Комсомольской правды» неизменно присутствует одна и та же строка: «Если хотите, укажите фамилию». Правда, некоторые опрашиваемые считают ее лишней, неуместной и даже... оскорбительной (в почте института встречаются письма, авторы которых в подобной практике неожиданно усматривают поощрение всякого рода анонимов!). Однако в действительности, повторяем, это условие совершенно необходимо и, разумеется, не имеет никакого отношения к деятельности анонимов²⁷.

Другое важнейшее условие, обеспечивающее тайну высказываний,— создание «нейтральной» обстановки, в которой проводится опрос. По возможности «нейтральным» должно быть само место заполнения анкеты опрашиваемым (или его беседы с интервьюером), а также состав окружающих его в данный момент лиц, чтобы ни первое, ни второе как-либо не смущали опрашиваемого, не стесняли его и т. п.

И конечно же совершенно «нейтральной» по отношению к говорящему должна быть фигура анкетера (или

²⁶ На важность этого момента специально обращал внимание К. Маркс. «Имя работницы или рабочего, дающего ответы,— писал он,— не будет опубликовано без специального разрешения...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 573).

²⁷ Достаточно сказать, что в любом опросе встречаются люди, которые по тем или иным соображениям не подписывают анкет. Их число непостоянно, но в отдельных опросах довольно внушительно — до 25 процентов всего ансамбля. Кроме того, имеется немало и таких анкет, в которых хотя и стоят фамилии опрашиваемых, но сделана приписка: «Прошу фамилию не оглашать». Значит, если бы мы настаивали на подписании анкет или не обещали анонимности ответов, все эти лица могли бы или уклониться от опроса, или, что еще более вероятно, стать на путь искажения своего подлинного мнения. В результате степень истинности зафиксированного общественного мнения в целом понизилась бы. Ясно, что исследователь не может допускать подобных ситуаций, тем более что у него в этом нет никакой нужды: для целей анализа фамилии опрашиваемых абсолютно не требуются.

интервьюера). Нужно, чтобы последний был для первого совершенно незнакомым человеком, особенно, если речь идет о проблемах, имеющих в общественном или индивидуальном аспектах, так сказать, деликатный характер²⁸.

В этом смысле, как кажется, весьма удачными были условия II опроса, посвященного динамике жизненного уровня населения страны и путям решения проблем материального благосостояния. Мы провели его среди пассажиров поездов дальнего следования, направлявшихся с девяти вокзалов Москвы в самых разнообразных направлениях. Специфическая обстановка вагона, подчеркивающая полную независимость опрашиваемого от каких-либо могущих смутить его внешних обстоятельств, предельно посторонняя фигура проводника в качестве анкетера — все это создавало наилучшие условия для того, чтобы люди совершенно свободно выражали свои взгляды.

В то же время наш опыт показывает, что знакомство анкетера с опрашиваемым, наличие между ними каких-либо отношений (производственных, общественных, семейных и пр.) могут привести к искажению подлинной точки зрения говорящего даже в тех случаях, когда речь идет о проблемах, казалось бы, самых «бесконфликтных». С подобным явлением мы столкнулись, например, в нашем I опросе. Тогда один из местных работников, привлеченный к проведению опроса, неожиданно вмешался в содержание работы и, будучи недоволен характером некоторых ответов, заставил опрашиваемых отвечать на анкету вторично, «правильно».

Наконец мы должны сказать еще об одном моменте, связанном с опытом проведения массовых опросов через газету — путем публикации анкеты на страницах газеты с призывом ответить на нее всем желающим. Обычно во время таких опросов «Комсомольская правда» широко печатает присланные анкеты, сохраняя подписи корреспондентов, и заинтересованность редакции в этих публикациях вполне понятна. Однако, если иметь в виду чисто научную

²⁸ В этой связи нельзя не указать на ошибку Г. Осипова, Ю. Козырева, В. Колбановского и М. Айвазяна, которые в своей статье «Задачи и методы конкретно-социологических исследований» утверждают: «При проведении обследований наилучший результат получается при привлечении в качестве обследователей рабочих и служащих, работающих на данном предприятии» (см. сборник «Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований», стр. 29).

сторону дела, подобная практика, за исключением отдельных случаев, не выдерживает критики. Честолюбивое стремление «напечататься», да еще в центральной газете, заставляет некоторых людей писать совсем не то, что они на самом деле думают, а то, что, по их мнению, скорее всего может понравиться редакции и будет опубликовано. Именно поэтому они начинают бравировать в своих ответах смелостью и оригинальностью суждений, щеголять эрудицией и красотами, переходить с презренной прозы на стихи и т. п.

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

И исторически и применительно к любому современному обществу общественное мнение должно рассматриваться прежде всего как действующее *стихийно*. Оно функционирует во всех своих многочисленных ролях независимо от того, проявляют к нему специальный исследовательский интерес, изучают его разного рода правительственные, общественные, научные и иные институты или нет. Точно так же, независимо от наличия этого интереса общественное мнение может добиваться и немалых результатов в своей деятельности — оказывать влияние на решение самых различных вопросов, связанных с жизнью общества в целом, микрогрупп или отдельной личности.

На сравнительно более позднем историческом этапе появляется фигура *исследователя* общественного мнения. Один человек или большой коллектив, государственный служащий, журналист или ученый-социолог — все они призваны решить одну задачу: оценить содержание высказываний общественности и сделать из этого соответствующие выводы. Подобная критическая деятельность, являющаяся по преимуществу специфически социологической деятельностью, получает самое широкое развитие в современном обществе. Она выражается здесь не только в отношении к стихийно действующему общественному мнению, но и, главным образом, в инспирировании высказываний общественности по тем или иным вопросам, интересующим исследователя. Собственно, такая инспирация — безразлично проявляется ли она в форме проведения общегосударственных референдумов или широких дискуссий в прессе, созыва массовых собраний или организации выборочных опросов — становится в современном, в том числе социалистическом, обществе ос-

новой формой функционирования общественного мнения; действие стихийных сил, как правило, ограничивается тут относительно узкими рамками аморфной «толпы», микрогрупп и т. п. и распространяется преимущественно на вопросы, где общественность выступает в регулятивной функции.

Возникновение и существование специфически исследовательского интереса к общественному мнению является выражением признания огромной роли данного института в жизни общества и обусловливается рядом обстоятельств. Разумеется, не в последнюю очередь этот интерес вызывается чисто теоретическим стремлением понять феномен общественного мнения, его существо и значение. В рамках подобной задачи общественное мнение исследуется, так сказать, как таковое, как некая специфическая субстанция массового сознания при полном отвлечении от конкретного значения высказываний общественности по тем или иным конкретным вопросам.

Однако главный источник и главная база рассматриваемого интереса другие: они связаны со стремлением людей (в первую очередь групп и слоев, осуществляющих руководство обществом) *практически овладеть* общественным мнением, научиться правильно понимать каждое конкретное его проявление и использовать это понимание в деле управления социальной жизнью. Этот практический интерес является господствующим при изучении общественного мнения, он лежит в основе теоретического интереса, определяет и направляет развитие последнего.

При социализме, в сущности, всякое практическое изучение высказываний общественности способствует наилучшему функционированию общественного мнения в обществе, создает наиболее благоприятные условия для его деятельности. В этом смысле задачи изучения общественного мнения *совпадают с объективными функциями* этого социального института. Поэтому часто мы говорим: нужно изучать общественное мнение, чтобы получить совет или директиву общественности, чтобы узнать, как она оценивает то или иное явление, что она предлагает по тому или иному вопросу и т. п. Анализировать задачи практического изучения общественного мнения с этой точки зрения — значит в принципе лишь повторять то, что было сказано в параграфе 10. Вместе с тем рассматриваемая теперь проблема заключает в себе и строго специфическое содержание.

В ответ на вопрос: «Зачем, собственно, нужно изучать общественное мнение?» — можно выделить две большие группы задач, которые стоят перед исследователем-практиком: 1) задачи, связанные с *познанием и преобразованием социальной действительности*, как объективной, так и субъективной, и 2) задачи, связанные с *измерением общественного мнения*, с определением точного содержания и границ высказываний общественности.

28. СПОСОБ ПОЗНАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ — ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ

Обращение к общественному мнению дает возможность прежде всего *познавать* самые различные сферы и стороны социальной действительности — объективной и субъективной. Как мы уже говорили, общественное мнение является формой отражения мира бытия и мира сознания, и потому оно — *важное средство измерения* этих двух миров, фиксирования их фактов и связей.

Что касается, в частности, мира бытия, то, как было показано в параграфе 13, его изучение с помощью общественного мнения определяется действием «принципа целесообразности». Этот принцип исходит из того, что объективная действительность постигается прежде всего сама по себе, с помощью объективных методов, а не через ее отражение в сознании людей. А с другой стороны, он утверждает, что существуют ситуации, при которых обращение к миру мнений с целью измерения мира бытия является именно «целесообразным». Тогда же, в параграфе 13, мы рассмотрели одну из таких ситуаций. Теперь остановимся на двух других.

Начнем с того, что в социальной действительности существует множество объективных явлений, для понимания которых обращение к субъективному миру мнений является *решающим*, а иногда даже *единственно возможным средством анализа*. В таких случаях факты сознания оказываются ключом к пониманию фактов бытия. Это можно показать на примере анализа причин разводов.

Как известно, явление развода фиксируется в большом числе самых разнообразных по своему содержанию данных, в том числе имеющих и безусловно объективный характер. К их числу должна быть отнесена в первую очередь та часть судебной статистики, которая касается таких сторон дела,

как возраст разводящихся, возраст их вступления в брак, продолжительность брака, число детей в семье, социальное и имущественное положение разводящихся и т. д. Значение всех этих объективных данных, бесспорно, велико. Однако, содержащие сведения исключительно о *фигурах* разводящихся, они абсолютно ничего не говорят *собственно о причинах развода*. И это обстоятельство сразу же сужает их значение: подобного рода статистика может служить лишь базой для построения различных рабочих *гипотез* относительно действительных причин разводов или материалом для *корреляции* выводов, сделанных на основании каких-то иных источников. Не больше.

Что же касается других объективных данных, выражающих явление развода, так сказать, непосредственным путем — например, говорящих об условиях жизни разводящихся, о характере взаимоотношений между ними, о состоянии их здоровья и т. д., то тут вопрос обстоит еще сложнее. Как известно, на практике эти данные просто-напросто не фиксируются, и не только судебной статистикой, но и, как правило, статистикой вообще, по крайней мере, во всем их объеме и совокупности. Главное же — они также не позволяют «преодолеть» в анализе чрезвычайную сложность объективного механизма разводов.

Дело заключается прежде всего в том, что в действительности имеется поистине бесчисленное множество эмпирических причин, в силу которых распадаются семьи. В этом смысле знаменитая формула Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему» кажется гениальной. Если в ней еще как-то можно оспаривать первую половину, то вторая, конечно, не подлежит сомнению. «Сосчитать» причины разводов чрезвычайно сложно. Можно взять на выборку любое число семейных неудач, и в каждом случае в объективном выражении явления мы столкнемся с совершенно своеобразным действием факторов, приведших к печальному концу.

Проблема усложняется еще более в связи с тем, что в подавляющем большинстве случаев все эти причины (пусть их даже удастся полностью зафиксировать) действуют не обособленно, не в чистом виде, но комплексно. В результате в каждой конкретной ситуации исследователь фактически сталкивается не с одной какой-либо причиной, но одновременно с множеством связанных друг с другом причин.

В соответствии с законами математических комбинаций это обстоятельство сразу же, одним махом многократно увеличивает «сосчитанный» ряд причин. А главное — на место простых, линейных величин оно ставит сложные, комплексные величины. Фиксированию теперь должны подлежать уже не отдельные причины, но отношения, зависимости между ними. Это ставит статистику, как и любой другой способ объективного измерения явлений, просто-таки в безвыходное положение: теперь в каждом конкретном случае формальной (в частности статистической) обработке факта должен предшествовать определенный научный анализ реальной ситуации, который обязан вынести определение факту, вычленив в нем главное и второстепенное, доминирующие и зависимые стороны и т. д. Между тем сделать это каждый раз бывает очень сложно даже для самих супругов, честно пытающихся разобраться, в чем же дело...

Наконец, на пути объективного анализа рассматриваемого явления встречается еще одна крупнейшая трудность. Она связана с тем, что все эти так называемые объективные причины разводов имеют относительный характер, не действуют автоматически. Приводя в одних ситуациях к распаду семьи, они в других ситуациях не имеют никакой разрушительной силы или, в крайнем случае, играют роль лишь катализаторов распада.

Названные трудности заставляют исследователя покинуть сферу объективных данных, сохранив ее для коррелятивного анализа, и искать выхода из положения в сфере субъективного мира людей, прежде всего непосредственно в сфере *мотивов человеческого поведения*. Такой шаг оказывается продиктованным не только сложностями объективного анализа, но и более принципиальным соображением, являющимся, в сущности, лишь иным выражением невозможности анализировать взятый предмет, исходя из одних только объективных показателей. Мы имеем в виду самую природу разводов, состоящую в том, что *непосредственной, ближайшей причиной* их всегда оказываются именно субъективные мотивы людей.

Строго говоря, при анализе разводов можно различить два ряда порождающих их причин: а) причины, природа которых связана с особенностями самой личности — ее субъективными качествами, моралью, мировоззрением, психологией и т. д., и б) причины, природа которых имеет безусловно объективный характер, то есть связана с определен-

ными условиями жизни личности, не зависящими от качеств последней. Несмотря на взаимосвязанность и взаимообусловленность этих типов причин, на всю относительность границ между ними, их различие по существу и значению кажется очевидным. Но у них есть и решающая общая черта — они приводят к распаду семьи, лишь преломившись через мир сознания людей, лишь воплотившись в определенных мотивах поведения. Так, за исключением тех случаев, когда объективные условия существования семьи означают на деле условия ее несуществования (как, например, в случае долговременного проживания супругов в разных городах), разрушительное действие объективных причин оказывается невозможным без сопроводительного действия причин субъективных, без того, чтобы эти объективные причины соответствующим образом отразились в сознании людей, приобрели характер фактов сознания, накладывающих печать на все поведение людей: супруги могут разлюбить друг друга и разойтись и без «злой тещи», но, имея «злую тещу», они не разойдутся до тех пор, пока «не разлюбят» друг друга.

Иными словами, природа противоречий, приводящих к распаду семьи, может быть самой различной — корни их могут уходить «в землю» — в область материальных (биологических, экономических, хозяйственных и т. д.) явлений или «висеть в воздухе» — относиться к области разного рода субъективных качеств людей, — но независимо от этого все эти противоречия неизменно должны выразиться в форме рациональных или чувственных мотивов, чтобы действительно привести к разводу. И именно поэтому исследование причин разводов обращается преимущественно (хотя и не исключительно) к анализу мира сознания людей, к рассмотрению субъективных данных и прежде всего — мотивации разводов, даваемой людьми.

Однако от сделанного нами теперь вывода до выдвинутого в самом начале тезиса — о том, что решающим способом постижения механизма разводов является обращение именно к общественному мнению, — еще далеко. Дело в том, что субъективный мир людей имеет множество непосредственных, то есть лежащих также в сфере сознания, форм своего выражения, общественное мнение — лишь одна из них.

С точки зрения фиксирования мотивов разводов эти формы представляют различную ценность — в зависимости от большей или меньшей степени точности, с которой они

отражают действительную картину. Мы не раз уже подчеркивали, что суждения людей о мире неизменно таят в себе возможность самых невероятных ошибок и отклонений от истины. Это тем более верно, когда речь заходит о такой интимнейшей сфере человеческих отношений, как семейная жизнь. Известно, что люди весьма неохотно впускают в свой интимный мир посторонних, относя по старинной традиции многие факты из этого мира к разряду «стыдного». Но главное даже не в этом. Главное состоит в том, что люди в подавляющей массе своей сами крайне неадекватно понимают и передают свой внутренний мир, так что призыв древних мудрецов: «Познай самого себя!» — остается не осуществленным и по сию пору.

Все это заставляет весьма критически относиться к тем или иным формам самовыражения человеческого «я» и оценивать их весьма различным образом. Многие из них, несмотря на всю их внешнюю привлекательность и удобство для анализа, как раз сопряжены с очень большими ошибками: подлинное они подменяют фиктивным, а реальное — иллюзорным.

Именно так следует оценить, в частности, тот раздел судебной статистики, которая фиксирует мотивы разводов, то есть касается уже непосредственно субъективных фактов, и строится, как известно, на основании тех официальных заявлений, с которыми разводящиеся обращаются в суд. Анализ показывает, что причины разводов, официально фигурирующие в суде, и причины подлинные в большинстве случаев не совпадают друг с другом.

Поэтому несравненно более предпочтительным и обнадеживающим кажется тут обращение к другому рода субъективным данным, именно к широкому общественному мнению. При прочих равных обстоятельствах зафиксированные в мнениях людей мотивы разводов представляются прежде всего значительно более правдивыми, соответствующими истине. Это обеспечивается как устранением условий, обычно вынуждающих людей идти на сознательное отклонение от действительности, так и, напротив, созданием условий, наиболее благоприятствующих выявлению истины. В рамках правильно организованного опроса мнение человека о мотивах разводов, основывающееся на непосредственном опыте и фиксирующее этот опыт, будет иметь значительно больший вес, нежели мнение, высказанное тем же человеком на суде, хотя бы потому, что опрос гарантирует

полнейшую анонимность высказываний. Что же касается мнений, фиксирующих обобщенный опыт людей и представляющих собой результат их наблюдений и размышлений над фактами действительности, то, вполне понятно, объективность таких мнений должна быть оценена еще более высоко: позиция «незаинтересованного» человека почти совершенно свободна от элементов сознательной, умышленной лжи.

Правда, тут остается вторая проблема: возможность неосознанного, неумышленного отклонения мнения от истины — не из-за желания скрыть эту истину, а исключительно из-за неумения понять или выразить ее. Однако, как мы увидим в следующей главе, и в данном отношении анализ общественного мнения представляется гораздо более надежным, свободным от ошибок, нежели анализ другого рода субъективных данных.

**Общественное
мнение
констатирует
факты**

В социальной действительности существует также множество таких объективных явлений, измерение которых с помощью обращения к общественному мнению является если и не единственно возможным, то, во всяком случае, гораздо более предпочтительным в сравнении с использованием разного рода объективных методов. Это предпочтение бывает связано с большей экономией сил и средств, с большими удобствами в проведении исследования, с большей точностью анализа и т. д. В таких случаях исследователь не собирает и не описывает сам факты действительности, но «поручает» (доверяет) эту работу общественному мнению.

В частности, одним из главных преимуществ обращения к общественному мнению при констатации фактов действительности является то, что таким образом получаемое знание опирается на уже обобщенные представления людей о предмете, сложившиеся в процессе практики. Это делает рассматриваемый путь весьма экономным в сравнении с обычными методами объективного анализа.

Приведем такой пример. Допустим, перед исследователем стоит задача раскрыть главные особенности, существенные признаки коммунистического труда, причем он должен сделать это средствами объективного анализа. Очевидно, для решения такой задачи исследователь должен обратиться к конкретному материалу — пойти в заводские цеха, на колхозные фермы и т. д. Там он должен будет под-

робно изучить характер деятельности коллективов коммунистического труда, причем не одного, а нескольких, многих коллективов, чтобы охватить явление во всем разнообразии его черт и особенностей. Затем он должен будет сравнить полученные объективные показатели с другими объективными показателями, характеризующими труд «обычных» людей и коллективов (предварительно также определив их), — полученная в сравнении разница даст возможность ответить на поставленный выше вопрос.

Вместе с тем такую задачу можно решить и иным путем: обратившись к мнению людей, непосредственно сталкивающихся с деятельностью ударников и коллективов коммунистического труда и могущих сопоставлять (постоянно, на каждодневном опыте) эту деятельность с трудом «некоммунистическим», а также к мнению самих ударников и коллективов, получивших высокое звание. Если при этом соблюсти определенные условия — обеспечить необходимо большую величину опрашиваемого ансамбля, гарантирующую от случайностей, добиться необходимой искренности высказываемых мнений и т. д., — задача будет решена с высокой степенью точности. Опыт нашего IV опроса, о котором мы рассказывали выше, подтвердил это достаточно убедительно. Мнение масс безошибочно перечислило все основные компоненты реально существующего коммунистического труда. Вместе с тем такое знание об объективной действительности было получено исключительно экономичным путем, как в смысле затрат общих усилий, так и в смысле сроков проведения исследования.

Эта экономичность метода обращения к общественному мнению становится особенно ценной, когда речь идет об исследовании явлений, относительно редко распространенных. В этом снова можно было убедиться на опыте нашего IV опроса, при рассмотрении безвозмездного, бесплатного, не сопряженного с расчетом на вознаграждение труда.

В свое время, говоря о коммунистическом труде, В. И. Ленин неизменно отмечал такую его черту, как безвозмездность. Однако в условиях социализма эта черта осуществляется еще в довольно ограниченных масштабах (заметим, что первые две группы опрошенных практически даже не вспомнили о ней: о безвозмездном труде сказали лишь 1,3 процента неучаствующих в движении и всего 0,6 процента борющихся за звание). Ясно, что анализ данного явления с помощью объективных методов представлял

бы крайне сложное дело. Понадобилась бы огромная, охватывающая массу коллективов и, следовательно, весьма продолжительная по времени работа. Напротив, обращение к общественному мнению позволило решить эту задачу, как говорится, одним махом.

В результате анализа высказываний большого числа коллективов было обнаружено, что безвозмездный труд не только существует, но существует в большом количестве различных, крайне не равноценных по своему значению форм. При этом оказалось, что одни из форм безвозмездности находятся в вопиющем противоречии с принципами социализма, содержат в себе элементы уравниловки и не могут принести ничего, кроме вреда (сравни, например, так называемые «ударные» сверхурочные часы, когда энтузиазм и задор молодых рабочих используется плохими руководителями для латания дыр в плохо налаженном производстве), другие же формы, напротив, являются очень важными, интересными и перспективными, могущими сыграть большую роль в процессе воспитания масс (сравни, например, работу на общественных началах, шефскую деятельность и т. д.)¹.

Как известно, массы являются тем субъектом исторического процесса, который очень остро воспринимает разного рода недостатки и отрицательные моменты в социальной жизни и кровно заинтересован в их устранении. Это обстоятельство делает общественное мнение масс важнейшим средством раскрытия отрицательных явлений действительности, тем более что официальная информация на этот счет может быть неполной, необъективной. Когда речь заходит о социальной критике, слово общественности — незаменимый источник познания.

В этом можно убедиться на примере того же IV опроса, основной целью которого было критическое подведение итогов 4-летнего развития движения за коммунистический труд, выявление его «минусов» и «больных мест»².

Нужно сказать, общественность проявила к такой постановке вопроса самый большой интерес и не только поддержала общую критическую направленность опроса, но и нарисовала глубокую и всестороннюю картину существующих болезней движения. На прямой вопрос анкеты: «Какие

¹ См. Б. Грушин, В. Чикин. Проблемы движения за коммунистический труд в СССР, стр. 26—29.

² См. там же, стр. 18.

недостатки, с Вашей точки зрения, имеют место в соревновании за коммунистический труд?» — только двое опрошенных из каждых ста неучаствующих в движении, трое из каждых ста борющихся за звание и пятеро из ста удостоенных почетного имени ответили: «Недостатков нет». Все же остальные ответы содержали в себе острую критику недостатков, присущих движению, оценку меры их опасности, указание на их источники и средства устранения³.

С равным успехом общественное мнение фиксирует и положительный опыт, накапливаемый массами в различных сферах деятельности. В этом смысле оно вообще представляет собой как бы гигантский аккумулятор, содержащий бесчисленное множество позитивных наблюдений и выводов. Особая ценность всех этих выводов в том, что зачастую они весьма реалистичны и, как следствие этого, динамичны. Отбирающее ценные зерна опыта в процессе непосредственной социальной практики, общественное мнение постоянно проверяет свои оценки новым опытом, уточняет их, отказывается от тех, что не подкрепились жизнью, — словом, не только аккумулирует, но и постоянно «просеивает» так называемый положительный опыт через сито практики. Все это делает его очень важным источником изучения такого опыта. В косвенной форме этот опыт может фиксироваться исследователем в любых высказываниях общественности. Однако существуют средства и для прямого «разряживания» «аккумулятора»: исследователь может добиваться этого с помощью разного рода конструктивных вопросов.

**Фиксирование
мира
сознания**

Дающее немалые результаты при изучении объективной действительности, общественное мнение, как уже отмечалось, оказывается просто незаменимым источником познания, когда речь заходит о фиксировании явлений субъективного мира — разного рода эмоций и мыслей людей, их настроений и желаний, степени их сознательности и различных психологических комплексов. Конечно, субъективный мир человека постигается не только путем обращения к общественному мнению, но и с помощью множества самых различных, в том числе объективных, методов — наблюдения, самонаблюдения, эксперимента и др. Однако метод обращения к общественному мнению играет здесь далеко не последнюю роль. Ведь общественное мнение

³ См. там же, стр. 35—38.

не только может констатировать факты сознания, но и само является таким фактом. Поэтому оно дает возможность все-сторонне познавать состояния общественного сознания, измерять процессы, в нем происходящие.

В первую очередь это относится, конечно же, к задаче определения *общего уровня* массового сознания, существующего в обществе на данном этапе его развития. Анализ общественного мнения позволяет измерять степень культуры, грамотности, компетентности масс, меру их сознательности, того, насколько глубоко они понимают общественный интерес, насколько руководствуются им в своем отношении к действительности, границы их единодушия и т. д. Как кажется, примеров этому выше было приведено достаточно.

Путем обращения к общественному мнению можно выявить и *структуру* существующего в данный момент в обществе массового сознания — наличие и удельный вес в этой структуре различных элементов: обыденного сознания, теоретического знания, религиозного сознания и др. При этом большим преимуществом рассматриваемого метода является то, что он позволяет обнаружить не номинальную величину этих элементов, а их реальное, *фактическое* значение, что, как легко убедиться, далеко не всегда совпадает.

Возьмем такой пример. Пусть обсуждаемая проблема предполагает наличие у людей теоретических знаний в масштабе программы вуза, а среди взрослого населения страны лица с высшим образованием составляют 5 процентов. Исходя из этих данных, казалось, логично было бы предположить, что и в структуре массового сознания элементы теоретического знания составят минимум 5 процентов. Однако в действительности такой номинальный подход может оказаться очень далеким от истины, во-первых, потому, что часть окончивших институты лиц может находиться (хотя бы в данном вопросе) в плену обыденных представлений, а во-вторых, потому, что и среди лиц, не имеющих высшего образования, может быть немало таких, кто (также хотя бы в рамках обсуждаемого вопроса) располагает теоретическим знанием.

В равной степени эффективно общественное мнение и в деле познания другой стороны субъективного мира масс — тех явлений их духовной жизни, которые обнимаются понятием «социальная психология». Общественное мнение дает ключ к измерению и общего состояния этой психологии (уровня настроений масс, их жизненного тонуса и т. д.), и ее

отдельных элементов (например, связанных с категориями морали). Например, в III опросе анализ высказываний общественности позволил составить представление о многих сторонах идейного и психологического облика советской молодежи.

29. БАЗА РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ

Значение изучения общественного мнения не исчерпывается только тем, что оно позволяет фиксировать эмпирические факты из мира бытия и мира сознания. Рассматриваемый путь является одновременно и путем развития социальной теории — экономической, этической, исторической, юридической, философской и т. п.

Это верно прежде всего в том *широком смысле слова*, в котором мы вообще говорим о *любом* конкретно-социологическом исследовании, что оно дает пищу теоретическому анализу и тем самым ведет к развитию теории.

Путь к раскрытию социальных закономерностей

Говоря о соотношении конкретного и теоретического анализов, Л. Н. Коган писал: «В ходе социологического исследования можно выделить следующие основные этапы, тесно связанные друг с другом:

а) Сбор фактов, анализ и обработка статистического материала, высказываний трудящихся, протоколов собраний, отчетов и т. д. Так создается фактическая основа, «первичный материал» для исследования.

б) Формулирование на основе этого материала *частных выводов*... Именно эти выводы могут быть положены в основу практических рекомендаций.

в) Познание *общих закономерностей* развития общества, которое осуществляется благодаря обобщению всего фактического материала...»⁴

В целом эта схема представляется верной. Разумеется, ее не следует понимать в том смысле, что каждый социолог, экономист, этнограф, историк или юрист, проводящий конкретные исследования, должен быть одновременно и теоретиком в своей области (равно как не требуется и того, чтобы теоретики непременно сами проводили конкретные иссле-

⁴ Л. Н. Коган. Опыт социологического исследования на промышленных предприятиях. «Вопросы философии», 1959, № 8, стр. 93—94.

дования). При современном объеме научной работы фигура исследователя, являющегося одновременно и собирателем фактов и теоретиком, столь характерная для предыдущих периодов в истории науки, становится как раз все более и более редкой. Зато, напротив, все чаще и чаще можно видеть теперь, как одни исследователи выполняют первую часть работы, а другие (в количественном отношении их, понятно, несравненно меньше) — вторую. Это ясно: в современной науке, как и во всех других развитых сферах социальной деятельности, существует общественное разделение труда, и одним из оснований его служит как раз то обстоятельство, что накопление и обработка фактического материала, с одной стороны, и построение теории, с другой, представляют собой два различных этапа в научном исследовании⁵.

Однако, признавая существование, так сказать, «чистых эмпириков» и «чистых теоретиков» не только допустимым, но и закономерным, одновременно следует подчеркнуть ненормальность ситуации, при которой теоретический анализ витает в заоблачных *эмпиреях* абстрактных категорий, а конкретный анализ оказывается с головою погруженным в *эмпирию* фактов. В роли творца социальной науки не может выступать высокомерная фигура теоретика, с пренебрежением, сверху вниз, смотрящего на «конкретику», не владеющего соответствующим эмпирическим материалом. Точно так же и наоборот: всякое конкретное исследование должно проводиться с учетом требований теории и с *целью ее дальнейшего развития*. Разумеется, теоретические формулы не пекутся как пироги и обычно возникают в результате обобщения не одного, а множества, массы эмпирических исследований. Но последние должны видеть эту перспективу, иначе они бессмысленны. Социолог-эмпирик, проводящий конкретные исследования, не должен становиться в положение описанного Р. Мертоном «исследователя, вооруженного

⁵ Данное обстоятельство отметить тем более важно, что его непростительно «упускают из виду» те противники конкретной социологии, которые признали ее несколько раньше «критиков с порога», но значительно позже людей, начавших проводить конкретные исследования. В поисках различных «контраргументов» они набрали в последнее время еще на один: мы были «за» социологию, говорят они, но она не оправдала наших надежд; где, скажите, те исследования, которые продвинули вперед общественную науку, дали новые теоретические формулы, способствовали решению принципиальных проблем теории и т. д.?

анкетой и карандашом, который гоняется за изолированными и бессмысленными статистическими данными».

При этом наибольшую ценность с точки зрения развития теории представляют те конкретные социологические исследования, которые прямо ведут не только к формулированию частных выводов, но и к пониманию разного рода общих закономерностей социального развития, по меньшей мере, к их обнаружению.

**Общественное
мнение
зависит от
общественного
мнения**

Как и любая иная форма конкретно-социологических исследований, обращение к общественному мнению дает эмпирический материал, пищу теоретическому анализу и тем самым способствует

развитию социальной теории в целом. Однако о значении изучения общественного мнения для нужд теории можно говорить не только в этом всеобщем, широком, но и в *специфическом, узком смысле*. В отличие от других видов конкретных исследований, изучение высказываний общественности может содействовать решению теоретических задач и, так сказать, *прямо, непосредственно*, до и без участия социолога-теоретика.

Такой эффект достигается благодаря способности общественного мнения к аналитической деятельности. В подобных случаях общественность, как известно, не только констатирует социальные факты, но и высказывается по поводу их природы, механизма возникновения, причинной обусловленности, взаимосвязи с другими фактами и т. п., то есть, по сути, занимается как раз специфически теоретическим анализом, хотя и в простейших его формах.

Разумеется, исследователь и в данных случаях не может ограничить свои задачи лишь регистрацией и количественной обработкой полученных высказываний и принять, что называется, на веру в качестве истинных решения проблем, предлагаемые общественностью,— учитывая сложность природы общественного мнения, он, как и всегда, должен, подвергнуть эти высказывания всестороннему критическому анализу, с точки зрения уточнения содержания мнений, определения степени их истинности, меры компетентности и т. д. Точно так же здесь полностью сохраняется и задача теоретического решения выдвинутых проблем: независимо от усилий, предпринятых в этом направлении общественным мнением, исследователь (или непосредственно тот самый, который проводит опрос, или теоретик по преимуще-

ству) должен провести их самостоятельный теоретический анализ. Однако ни то, ни другое обстоятельство не меняют существа главного факта — того, что в случае обращения к общественному мнению исследователь может не только получить первичный эмпирический материал для последующего теоретического анализа, но и привлечь (в той или иной форме и мере) к этому теоретическому анализу самое общественность.

Что касается формы такого рода теоретической деятельности, то она может быть весьма различной. Выше, например, мы ссылались на случаи, когда общественное мнение успешно вскрывало *природу* социального явления, давало ему определение путем перечисления его существенных признаков. Из практики Института общественного мнения известно множество примеров и того, как общественное мнение осуществляло простейший *анализ и синтез* явлений.

В частности, такая работа общественности по раскрытию внутренних зависимостей между различными группами явлений имела большое значение в теоретическом анализе *причин*, обуславливающих недостатки в структуре свободного времени городского населения страны. Анализ этой структуры, проведенный непосредственно самим исследователем, обнаружил в ней два существенных изъяна: неразвитость отдельных элементов свободного времени и наличие резких диспропорций (в том числе носящих ярко выраженный социальный характер) в положении различных групп. Абстрактно говоря, такое положение вещей могло возникнуть в результате действия двоякого рода причин: или 1) в силу низкой культуры свободного времени, отличающей определенные круги населения, то есть в силу относительной неразвитости (может быть, даже отсутствия) у них вкусов, запросов, потребностей в тех или иных прогрессивных видах досуга, а также их неумения организовать свое свободное время, использовать имеющиеся для этого возможности и т. д. (это — так сказать, субъективный фактор); или 2) в силу отсутствия в обществе необходимых объективных условий для наилучшего использования людьми свободного времени, то есть в силу сравнительно ограниченного характера реальных возможностей, которыми располагают люди. Какие из этих причин играли в действительности определяющую роль?

Ясно, что ответ на этот вопрос исследователь мог получить прежде всего путем теоретического анализа соответ-

ствующих фактов, выявленных непосредственно в опросе, а также добытых другими исследователями-«эмпириками». Именно таким образом было установлено, что значение субъективного фактора в наши дни в самом деле исключительно велико; причем границы его шире: речь должна идти не только о личности, характеризующейся узким кругозором, но и о неудовлетворительной зачастую деятельности разного рода государственных учреждений и общественных институтов, занимающихся организацией досуга масс, их воспитанием, призванных развивать вкусы и потребности личности. Вместе с тем тот же социологический анализ убедительно показал, что своим возникновением и существованием названные проблемы свободного времени связаны главным образом не с этими субъективными моментами. Их корни лежат прежде всего в сфере действия разного рода объективных факторов — таких, как нехватка свободного времени; недостаток (или полное отсутствие) в городах различных культурных, спортивных и прочих учреждений; недостаток личных средств; плохие жилищно-бытовые условия и т. п. При этом на первом месте, бесспорно, стоят хроническая и всеобщая нехватка свободного времени и недостаточное развитие в стране материально-технической базы досуга — острая нехватка театров и стадионов, концертных залов и туристских баз, вечерних кафе и загородных зон отдыха и т. д.

В то же время в распоряжении исследователя был и другой путь решения вопроса — путь обращения к общественности с просьбой сказать, что она думает по этому поводу, как оценивает относительное значение субъективного и объективного факторов в происхождении названных недостатков структуры свободного времени. Именно с этой целью, в расчете на аналитические способности общественного мнения мы поместили в анкете два вопроса: I. «Что мешает Вам проводить досуг так, как Вам нравится?» и II. «Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга Вы видите?». Ответы на них дали следующие ряды причин и предложений:

I.

- 1) Недостаток свободного времени.
- 2) Недостаточное развитие материально-технической базы досуга.
- 3) Недостаток личных средств.

II.

- 1) Увеличение свободного времени.
- 2) Расширение материально-технической базы досуга.
- 3) Увеличение доходов населения.

- | | |
|--|--|
| 4) Плохая организация досуга трудящихся. | 4) Улучшение организаторской работы. |
| 5) Неумение организовать свое время. | 5) Улучшение жилищно-бытовых условий. |
| 6) Плохие жилищно-бытовые условия. | 6) Воспитание культуры свободного времени. |

Как видим, выводы общественности, взятые в общем и целом, в основном совпали с выводами теоретического анализа. Тем самым они явились для последних еще одним, дополнительным основанием. Причем важным подтверждением истинности общественного мнения было здесь то, что оно дало в общем и целом адекватные ответы на вопросы, поставленные как в личной (I), так и в безличной (II) формах⁶. Подобной уверенности в правоте общественности не было бы, если бы вопрос стоял только в личной форме (когда люди могут смотреть на вещи слишком заинтересованно) или, напротив, только в безличной форме (когда суждение может быть слишком поверхностным). Кстати, с последним случаем мы столкнулись в V опросе, при анализе причин распада семьи. Тогда общественное мнение, судившее о разводах «со стороны», впало в целый ряд серьезных иллюзий, из-за чего его вклад в теоретическое решение проблемы оказался значительно ослабленным⁷.

С другим видом простейшей теоретической деятельности общественности мы столкнулись в IV опросе. Там речь шла уже не о раскрытии причин явления (движения за коммунистический труд), а об определении важнейших *условий его существования* и развития. Разумеется, и эта задача могла быть решена исследователем без обращения за помощью к общественному мнению — путем теоретического рассмотрения социальных фактов, в том числе и отраженных в массовом сознании, с использованием методов логического анализа, социального экспериментирования и т. п. Вместе с тем было ясно, что подобный анализ, пусть в менее четких и надежных формах, уже проделан непосредственно самими участниками движения, имеющими возможность постоянно изучать и сопоставлять факты. Поэтому перед исследователем открывался и дополнительный путь решения задачи — путь обращения к отдельным лицам и коллективам с вопросом: «С решением какой из проблем Вы связываете

⁶ Подробнее об этом см. Б. Грушин. Свободное время.

⁷ См. Б. Грушин. «Слушается дело о разводе...».

в первую очередь дальнейшее массовое распространение движения?..»

Так, в двух словах, обстоит дело с формами участия общественного мнения в теоретическом анализе явлений действительности. Что же касается того, насколько исследователь может и должен привлекать общественность к подобной работе и насколько результаты этой работы будут качественными, то это зависит прежде всего от объекта и субъекта высказывания — от степени сложности первого, уровня теоретических способностей и грамотности второго, меры его компетентности и т. д. Ясно, например, что если опрашиваемая совокупность лиц не отличается достаточной общей грамотностью или близким знакомством с предметом обсуждения, то и расчет на ее аналитическую деятельность может быть весьма небольшим. Напротив, если речь идет о субъекте, владеющем тайнами научного анализа социальной действительности, он с большим успехом может выступать в роли теоретика (сравни опрос авторитетов по проблемам молодежи, в частности по вопросам относительно причин существования в среде молодежи разного рода отрицательных явлений, способов их преодоления и т. п.).

30. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

В данном отношении изучение общественного мнения играет, как легко догадаться, особенно большую роль. Вместе с тем, будучи частной формой конкретно-социологического исследования, оно в этом смысле ничем не отличается от других его форм: на него целиком распространяются все те общие характеристики, в которых описывается отношение конкретного исследования той или иной проблемы к задачам ее практического решения.

**Выводы
из анализа.
Целенаправленность
исследования**

На первый взгляд, может показаться, что в такого рода характеристиках нет особой надобности: если исследование (в том числе общественного мнения) дает знание о картине объективного или субъективного мира, то, очевидно, анализ этой картины уже сам по себе позволяет сделать какие-то выводы, имеющие определенное практическое значение. В действительности, однако, подобный результат может быть достигнут лишь в том случае, если проведенное исследование удовлетворяет определенным требованиям.

Имея в виду, в частности, отношение конкретного анализа к задачам социального планирования, социологи Института философии АН СССР в своей коллективной статье писали: «...Социальное планирование, подобно всякому планированию, должно опираться на предварительное изучение материала, выборочные обследования, эксперименты. Такое изучение должно быть, во-первых, *систематическим*, то есть проводиться через определенные периоды на определенных объектах для получения сопоставимых данных; во-вторых, оно должно быть *поисковым*, направленным на исследование... передовых форм труда и быта...»⁸

Нужно согласиться, названные характеристики конкретных исследований действительно весьма важны. Они сохраняют свое значение и в тех случаях, когда речь идет не о планировании, а о задачах иного рода, хотя за этими границами они, понятно, не всегда бывают *обязательными*: как известно, практические выводы можно сделать и из одноразового исследования; что же касается характера этих выводов, то они могут быть не только позитивными, связанными с утверждением новых форм, но и негативными, связанными с устранением разного рода недостатков.

В то же время приведенное высказывание не содержит, на наш взгляд, указания на едва ли не самую главную характеристику всякого конкретного социального исследования, в том числе и имеющего в виду задачи планирования. Мы говорим о *практической целенаправленности* исследования.

При первом подходе это требование кажется совершенно тривиальным, само собой разумеющимся, даже тавтологичным — мол, кому не ясно, что исследование любого конкретного вопроса должно проводиться таким образом, чтобы дать представление о путях или способах решения последнего. Однако на самом деле все оказывается не так просто.

Прежде всего в сфере социологической деятельности можно встретить множество таких конкретных исследований, которые проводятся... вообще без каких-либо определенных целей. В подобных случаях исследователи берут «участок» социальной действительности, более или менее четко определяя его границы, и начинают «орудовать» здесь со своей «техникой» — манипулировать анкетами, переби-

⁸ Г. В. Осипов, В. В. Колбановский, Ю. Н. Козырев, М. С. Айвазян. Марксистская социология и место в ней конкретных социологических исследований. «Философские науки», 1962, № 5, стр. 29.

рать, как четки, факты, вычислять простые и сложные проценты и т. д., наивно полагая, что такая «обработка» фактуры уже сама по себе способна обнаружить какие-либо проблемы, а то и (в случае удачи!) способы их решения⁹. На самом же деле практическая (не говоря уже о теоретической) отдача таких исследований может быть лишь весьма низкой, если не равняться вовсе нулю¹⁰.

С другой стороны, среди конкретно-социологических исследований встречается множество и таких, которые хотя и ставят перед собой определенные практические цели, но не достигают их; причем это происходит не в силу различных ошибок в методике (последние, разумеется, возможны, но не о них сейчас речь), а исключительно из-за того, что цели ставятся слишком аморфно, неопределенно, недостаточно направленно. Допустим, если исследователь хочет «определить практические способы подъема культурно-технического уровня рабочего класса» и при этом достаточным образом не конкретизирует свою задачу, его выводы и рекомендации не смогут не оказаться — сколь бы тщательной ни была проделанная работа — крайне плоскими, будут содержаться в себе лишь очевидные истины, вроде тех, что культурно-технический уровень рабочих определяется постановкой общего и профессионального образования в стране, развитием системы вечернего и заочного обучения, техническим прогрессом, уровнем доходов и т. д. В сущности, социолог при подобном подходе снова делает расчет на «авось», на

⁹ Следует отметить, что такой подход к объекту исследования находит в западной социологии специальное теоретическое обоснование. Именно сюда относятся, в частности, требования методологов начинать с «нуль гипотезы», их утверждения, что социолог абсолютно ничего не должен знать о проблеме, которую собирается исследовать и т. д. (Подробнее см. об этом Г. М. Андреева. Эмпирический материал и теоретическое обобщение в социальном исследовании.)

¹⁰ «О состоянии и успехах в области конкретных исследований общественных явлений и процессов,—отмечали в этой связи участники упоминавшегося нами пражского Круглого стола социологов-марксистов,—нельзя судить лишь по количеству проведенных опросов и распространенных анкет в той или иной стране. Применение анкет и опросов... само по себе далеко еще не делает любое исследование научным. Для того чтобы изучение какой-либо проблемы на самом деле было подлинно социологическим исследованием, оно должно прежде всего затрагивать социальные отношения и вскрывать социальные закономерности и причинные связи изучаемых явлений. Иначе же все усилия ученых окажутся растраченными на... крохоборческое собирание никчемных сведений...» («Встреча социологов-марксистов», стр. 84).

стихию самого исследования, а эта стихия не может не подвести. Она лишь подтвердит известные и до исследования зависимости и отношения.

Чтобы этого не случилось, конкретно-социологическое исследование должно быть практически целенаправленным. Причем это отнюдь не означает какой-либо предвзятости в подходе к объекту¹¹. Требование целенаправленности имеет в виду другое, а именно — что исследование должно ставить проблемы не в общем, а в *конкретном виде*, делать упор не на установлении общих, лежащих на поверхности зависимостей, а на *выяснении путей преодоления тех реальных, фактических сложностей, в которые упирается практическое решение проблемы*. Но это не все. Максимальный практический эффект конкретное исследование даст лишь в том случае, если оно явится по своему содержанию *способом проверки предполагаемых исследователем путей решения проблемы*. А это значит, что, приступая к поискам ответа на вопрос, исследователь должен не только максимально конкретизировать содержание вопроса но и *разработать гипотезу (или несколько гипотез)* в отношении путей его практического решения¹².

Это требование является важнейшим и при изучении общественного мнения. И здесь, добывая знание о фактическом состоянии дела в той или иной области, социолог не

¹¹ «...Марксистские конкретные социальные исследования... включают всякую предвзятость. Этому, разумеется, не противоречит необходимость заранее определить цель исследования. Определение цели, установление проблемы каждого данного исследования... не означает, будто предрешаются результаты исследования, как утверждают неопозитивисты. Невозможно до познания сети явлений установить результат познания. Это означало бы ликвидацию самого процесса познания. Но направление исследовательского поиска можно и нужно установить, хотя бы в общих чертах с самого начала. Ставить конкретные социальные исследования для иллюстрации уже установленных, познанных и бесспорных положений, разумеется, пустое занятие. Если некоторые товарищи иной раз так поступают, то это значит, что они методологию вопроса не изучили...» (Г. П. Францов. Связь методологии и методики в конкретных социальных исследованиях. В кн.: «Опыт и методика конкретных социологических исследований», стр. 9).

¹² «...Проблема, подлежащая анализу, должна быть логически продумана, с ювелирной точностью расчленена. Это основа всего последующего исследования. Конкретность социального исследования предполагает конкретность темы, постановки вопроса, конкретность цели... Неумение определить конкретную цель, например, обычно вызывает к жизни хаос разнородных материалов, с трудом поддающихся обобщению и анализу» (там же, стр. 14).

может действовать, исходя из одного простого любопытства: «Интересно, что скажет о том-то и том-то общественность?..». Его интерес должен быть четко направлен и опираться на гипотетическую разработку путей решения проблемы. Только при таком подходе — независимо от того, подтверждают результаты опроса первоначальные предположения социолога или опровергнут их — можно будет сформулировать выводы и рекомендации, имеющие действительную практическую ценность.

К сожалению, в практике работы Института общественного мнения имеется немало случаев, когда в результате анализа добытых фактов мы оказывались, что называется, у разбитого корыта: выводы в отношении решения тех или иных вопросов получались у нас настолько тощими и само собой разумеющимися, что ради них явно не стоило проводить исследования. Это случалось каждый раз, когда вопрос понимался нами слишком общо — когда мы или подменяли реальную постановку вопроса, характерную для самой действительности, разного рода мнимыми проблемами (решение которых было, в сущности, заранее известно), то есть не умели добраться до фактических «корней» вопроса, или не имели достаточно четкого представления о том, о каких собственно способах решения вопроса может в принципе идти речь. Напротив, всегда, когда разработка программы исследования отличалась достаточной целенаправленностью, анализ высказываний общественности, констатирующих факты и отношения действительности, позволял сделать весьма важные, с практической точки зрения, выводы.

Приведем на этот счет пример из IV опроса. Полученный нами тогда материал позволил обнаружить много нерешенных проблем и «слабых мест» в развитии движения за коммунистический труд. В результате анализа этого материала стало ясно, какие практические шаги нужно предпринять, чтобы, скажем, преодолеть основные «болезни» движения — формализм, очковитирательство и др.; чтобы решить различные организационные вопросы, связанные с порядком присвоения звания, с контролем за выполнением принятых обязательств и пр.; чтобы способствовать распространению движения вширь и др. Однако главное практическое значение опроса состояло не в этих частных, хотя и важных, рекомендациях.

Разрабатывая программу опроса, мы поставили перед собой более глубокую задачу — определить, в чем заключа-

ется *основной корень* всех лежащих на поверхности недостатков в движении «разведчиков будущего», какова их общая социальная природа. И, как кажется, полученный материал дал ответ на эту задачу. С различных сторон он убедительно показал, что возникновение и широкое распространение движения произошло без достаточного учета объективных социальных условий, существовавших в стране. Под движение не была подведена необходимая научная база — база марксистского анализа, оно оказалось отмеченным зримой печатью субъективизма.

Вся эта картина была вскрыта в результате обращения к общественному мнению. И ясно, что практические выводы из нее не могли ограничиться одними частными рекомендациями. Устранение главных недостатков движения за коммунистический труд, показывал анализ, не могло произойти без немедленного привлечения к делу марксистской социальной теории, без научной разработки и решения всей совокупности проблем, связанных с природой, задачами и формами развития движения. С другой стороны, из анализа вытекал вывод о необходимости принципиального вмешательства и директивных органов — необходимо было поднять движение на высоту, соответствующую понятию «коммунистический», принять меры по сокращению (может быть, даже резкому) его количественных показателей за счет повышения качества и т. д.

**Общественное
мнение
подсказывает
решения**

Вообще те или иные конкретные выводы и рекомендации могут быть извлечены из любого целенаправленного исследования общественного мнения. Однако значение данного типа конкретно-социологических исследований с точки зрения выработки разного рода практических решений этим не исчерпывается. Имеющий дело с весьма специфическим предметом — взглядами и представлениями людей, исследователь общественного мнения может получить знание о путях и способах изменения действительности и, так сказать, непосредственным путем — до и без собственного анализа полученного материала. Достаточно ему лишь изменить постановку вопроса — спрашивать не «что есть?», а «что делать?» или «как быть?», и общественное мнение само начнет заниматься анализом и определением путей решения практических вопросов.

Привлечение общественности к подобной работе в принципе всегда может быть весьма плодотворным. При решении же задач особого рода оно является просто необходимым.

Это относится прежде всего к обсуждению тех проблем, которые *затрагивают ближайшие, непосредственные интересы людей*. В подобных случаях одна абстрактно-теоретическая разработка вопроса явно недостаточна. Необходимо также выяснение желаний масс. То или иное предложение, выдвигаемое общественным мнением, означает, что массы согласны с данным способом решения проблемы и что, следовательно, можно полностью рассчитывать на их поддержку при проведении соответствующих конкретных мероприятий. И оно же показывает, что всякий иной способ решения проблемы встретит недовольство, сопротивление масс, не будет принят ими, по крайней мере, добровольно, без дополнительной обработки их сознания и т. д.

Возьмем, к примеру, проблему нехватки свободного времени в СССР, проблему крайне острую и всеобщую, затрагивающую интересы всех слоев и групп городского населения страны. Какие пути ее решения — увеличения времени досуга — должны быть приняты в качестве основных? До сих пор у нас говорилось преимущественно лишь об одном из них — дальнейшем сокращении рабочего дня. При этом всегда неизменно делалась ссылка на интересы масс — мол, каждый заинтересован в том, чтобы завтра иметь большее время досуга, чем сегодня, а послезавтра — еще большее, чем завтра...

Всесторонний теоретический анализ показывает, однако, что в существующих социальных условиях этот путь не может быть признан в качестве основного для достижения фактического увеличения свободного времени. Изменение структуры уже имеющегося вне рабочего времени в направлении сокращения ряда его непреложных затрат (прежде всего связанных с дорогой от дома до места работы и — в еще большей степени — с трудом в домашнем хозяйстве) таит в себе с этой точки зрения гораздо большие возможности.

И в пользу решения, предлагаемого теоретическим анализом, говорит в том числе то обстоятельство, что именно этот путь наиболее точно *отражает интересы масс*, — ведь последние стремятся не к тому, чтобы меньше работать, а к тому, чтобы иметь больше фактического свободного времени (что не одно и то же!). Как показывают данные проведенного

нами опроса, общественное мнение полностью согласно: главное наступление должно вестись сегодня не на рабочее, а на вне рабочее время, именно на те его элементы, которые отнимают у человека массу сил, не давая ему — в плане развития личности — ничего взамен. В частности, среди проанализированных нами 22 групп горожан, выделенных на основании критериев пола, возраста, рода занятий людей и т. д., не было ни одной, которая бы ни высказалась за предпочтительное, первоочередное (в сравнении с сокращением рабочего дня) сокращение непреложных затрат вне рабочего времени, связанных с производством и идущих на домашнее хозяйство. В целом же за этот путь решения проблемы высказалось 31 процент опрошенных, в то время как за сокращение рабочего дня — лишь 5,1 процента¹³.

Значение подобных высказываний общественности для определения способов решения практических задач кажется совершенно ясным. В обществе, где политика стремится выражать интересы народа, они могут приближаться по своему характеру к суждениям, имеющим силу директивных. И это верно в отношении решения не только разного рода частных задач, касающихся отдельных групп (именно такую форму приобретают, как известно, постановления производственных коллективов и общественных организаций, отражающие интересы и волю их большинства), но и в отношении вопросов, связанных с жизнью общества в целом.

Обращение к общественному мнению при выработке практических рекомендаций является насущно необходимым и в тех случаях, когда речь идет о проблемах, *в решении которых высказывающиеся принимают непосредственное участие*. Тогда согласие масс с тем или иным способом решения проблемы означает, что они готовы взяться за дело, приступить к претворению предлагаемых мер в жизнь.

В этом смысле весьма показательными были высказывания общественности в нашем II опросе относительно способов решения жилищного вопроса в СССР. Основная масса всех предложений, как уже отмечалось, сводилась тогда к идее ускорения темпов строительства¹⁴. Однако особенно ценными и заслуживающими внимательного рассмотрения были те высказывания, в которых речь шла о желании самого населения принимать участие в жилищном строитель-

¹³ Подробнее об этом см. Б. Грушин. Свободное время.

¹⁴ См. Б. Грушин, В. Чижин. Во имя счастья человеческого, стр. 71.

стве. Подобные предложения разбивались на две группы. Первая, более многочисленная, говорила о необходимости использования в строительстве дополнительной рабочей силы, вторая касалась привлечения к строительству денежных средств населения¹⁵.

Нетрудно понять, что подобные предложения имеют принципиальное значение с точки зрения определения практических путей решения стоящих перед обществом задач. И естественно, что в конкретном случае с жильем они вызвали большой интерес тогдашнего председателя Госстроя СССР В. А. Кучеренко¹⁶.

**«Прописные
истины»
и новое
знание**

Вместе с тем обращение к общественному мнению за практическими рекомендациями (как, впрочем, и за теоретическими решениями) сопряжено с одним существенным «но». Мы говорили о нем в самом начале параграфа. Дело в том, что наряду с бесспорно ценными мыслями, дающими новое знание о способах решения проблем, общественность может высказывать и так называемые «прописи» — истины, лежащие на поверхности и известные до всякого исследования. В таких

¹⁵ Там же, стр. 71—72.

¹⁶ Говоря «о привлечении к строительству самого населения», В. А. Кучеренко писал: «Здесь действительно два разных вопроса. Во-первых, использование денежных средств населения. Целесообразнее всего они могут быть использованы в форме кооперативного строительства многоквартирных капитальных домов. В 1958 году Советом Министров СССР было принято по этому поводу специальное постановление. И надо сказать, что форма кооперации получает сейчас развитие. Это подтверждают данные опроса.

Что же касается дополнительного использования рабочей силы, то это вопрос сложный. Ревизор правления Госбанка из Московской области говорит о повышении производительности труда, когда на стройке работают заинтересованные люди. Как сказать! Одной заинтересованности тут мало. Необходимы еще профессиональная квалификация, технические знания, навыки. Во всяком случае, чем больше мы будем внедрять на стройках индустрию, тем меньше там будет оставаться места для так называемых «подсобников» и «разнорабочих».

С другой стороны, подобные предложения нельзя оставить без внимания. Конечно, будущие жильцы дома немало могут сделать для ускорения строительства. Стоит, например, подумать о привлечении их к завершающим работам (отделка, очистка от строительного мусора помещения и территории, озеленение и благоустройство дворов и т. д.). Если бы будущие жильцы принимали участие в приемке здания, то это также способствовало бы улучшению качества работ» (там же, стр. 88—89).

случаях исследование может оказаться практически бесполезным.

Аналогичные упреки в банальности выводов нередко направляются (кажется, даже еще чаще) и в адрес других форм конкретно-социологических исследований. И в принципе они имеют под собой, как мы уже отмечали, серьезные основания: если исследование недостаточно целенаправленно, если программа его аморфна, не покоится на разработке тех или иных гипотетических решений проблемы, конечные выводы действительно могут сводиться к утверждениям, напоминающим пресловутые «Волга впадает в Каспийское море», «лошади кушают овес» и т. п. Однако, с другой стороны, эти упреки надо принимать *cum grano salis*. Несмотря на внешнюю убедительность, они далеко не всегда справедливы. Очевидность (банальность) и истина — вещи совершенно разные!

Один из наших поэтов писал по этому поводу:

Меня со всех сторон
околожи очевидности.
— Это же очевидно! — я слышу, как
восклицают то тут, то там...
Я не верю в очевидности.
Я не верю, что земля
стоит на месте,
а солнце всходит,
хотя и убеждаюсь в этом всякий раз —
стоит лишь мне
выглянуть в окно.
Я охотник за очевидностями.
Надев акваланг и ласты,
я спускаюсь с духовым ружьем
под воду.
Я выслеживаю очевидность,
крадучись и петляя.
Прицеливаюсь и, когда она
разлетается, как тарелка,
на тысячи осколков,
я издаю крик радости:
— Одной меньше! —
И делаю зарубку
на ложе.
Но когда я поднимаю глаза,
вижу, что осколки
опять слетелись, —
тарелка невредима.
И опять слышу вокруг себя,
как восклицают

то тут, то там:
— Это же очевидно!

Подобно поэту, социолог, добывающий истинное знание, также может сказать в результате:

— Вот истина моя!
Вы ж до сих пор
Банальностью владели!

Поэтому, когда о каком-то полученном им факте говорят: «Это же очевидно!» или: «Это же известно!» — он не должен приходить в смущение от одного только такого восклицания. Равно не должен он придавать большого значения и обратным оценкам: «Это неверно!», подкрепляемым ссылками опять же на «всем известные», «очевидные» факты.

Тут всегда необходимо спросить прежде всего: кому известно? Для кого очевидно? Разве не часто приходится сталкиваться со случаями, когда одному человеку очевидным кажется одно, другому — другое, третьему — третье?! Очевидности могут быть многочисленными; они относительны по самому своему характеру и всецело зависят от того, кто судит, как судит и о чем судит. Наука же устанавливает факты и положения, которые принимаются всеми и обязательны для всех; ее истины имеют силу *всеобщих*.

Но дело не только в этом. Фразе насчет очевидности невозможно доверять и тогда, когда за ней стоит единогласное большинство или даже когда что-то кажется абсолютно всем. Достаточно вспомнить, что до Коперника все были уверены, будто Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот!.. И нельзя утешать себя тем, что подобные ошибочные «банальности» разделялись массовым сознанием лишь в далеком прошлом: в век необычайного развития средств массовой коммуникации ложное знание становится достоянием самых широких масс, всех членов общества едва ли не с такой же легкостью, как и истинное.

В отличие от обыденного сознания наука не терпит кажимостей, даже если они сопровождаются эпитетами «очевидный», и стремится к точному, доказанному знанию. «Где отсутствует точное знание,— говорил А. М. Горький,— там действуют догадки, а из десяти догадок девять — ошибки». Правда, добываемые наукой факты, равно как и формулируемые ею положения, *post factum* могут оказаться совпа-

дающими с очевидностью. Но это уже другой вопрос. Истинными они становятся и, следовательно, могут быть признаны отнюдь не в силу этой своей кажущейся очевидности, а исключительно потому, что прошли горнило строгого научного доказательства.

Значит, социология (как и всякая другая наука) не должна бояться произносить *очевидные истины*, подобно тому как элементарная математика не боится утверждать, что сумма двух тупых углов больше суммы двух острых, а $2 \times 2 = 4!$ (эти положения не перестают быть предложениями науки от того, что они являются «очевидными», «банальными», «само собой разумеющимися»). Еще меньше социология должна бояться опровергать «всем известные» банальности, поскольку последние могут быть одной иллюзией, простым «оптическим обманом»¹⁷. Суть дела заключается в другом. Как и всякая наука, социология не должна повторять банальностей, фиксирующих мир кажимостей и господствующих в обыденном сознании, подменять ими анализ по раскрытию и доказательному определению подлинной природы вещей. И, конечно же, она не должна измерять факты, уже измеренные, провозглашать истины, *уже добытые точным (научным) знанием*. Бесплезно и абсурдно каждый раз заново открывать Америку. Однако при этом нужно быть твердо уверенным в том, что она действительно уже открыта, а не только *кажется* таковой.

¹⁷ Например, ознакомившись с результатами нашего VIII опроса, некоторые никак не хотели согласиться с полученными данными, касающимися неразвитости отдельных элементов досуга, считая, что эти данные противоречат «всем известным фактам». В этом случае мы как раз столкнулись с типичной иллюзией, порожденной практикой оперирования огромными цифрами, столь естественными для страны с более чем двухсотмиллионным населением... В Советском Союзе годовой тираж книг превышает 1,25 млрд. экземпляров; в 1960 г. в стране насчитывалось свыше 500 профессиональных театров (91 млн. посещений!), около 1000 музеев (50 млн. посещений!) и свыше 100 тыс. киноустановок (3,6 млрд. посещений!); миллионы человек занимаются в кружках художественной самодеятельности, в спортивных секциях... Все эти цифры действительно огромны, и все они, бесспорно, являются ярким свидетельством успехов страны. Однако вместе с тем привычка ограничиваться в разговоре одними этими цифрами порождает определенный оптический обман в отношении задач, еще не решенных обществом, так как благодаря ей создается видимость полного благополучия. Это становится ясным, как только мы перейдем от абстрактного разговора об «общеизвестных, очевидных фактах» к конкретному и строго научному рассмотрению явлений действительности.

Сказанное относится ко всякому конкретно-социологическому исследованию, в том числе и к исследованию общественного мнения. Вместе с тем социолог, обращающийся за практическими рекомендациями к общественности, подвергается значительно меньшей опасности прийти к бесполезным выводам, чем кто-либо другой. Это связано со спецификой предмета его рассмотрения. Прежде всего с отмеченной способностью массового сознания оперативно реагировать на процессы, происходящие в различных сферах общественной жизни, и аккумулировать практический социальный опыт.

Когда общественное мнение высказывается относительно путей решения той или иной проблемы, оно, разумеется, сообщает при этом исследователю и множество сведений, известных заранее. (Собственно такого рода предложения и высказываются-то именно потому, что они известны всем!) Как правило, это — тривиальности, понятные уже детям, разного рода скрытые тавтологии, общепринятые *locus communis*. В последнем случае общественное мнение или повторяет истины, усвоенные людьми в процессе обучения, а также в результате деятельности средств массовой коммуникации, или просто-напросто воспроизводит непосредственно данную реальность — фиксирует уже принятую на вооружение и практически реализуемую программу действий.

В большой мере именно такого рода сведения были получены нами во II опросе при выяснении путей решения проблем материального благосостояния, в частности в предложениях, связанных с увеличением потребления продуктов питания и промышленных товаров. Почти половина всех затронувших этот вопрос указала как на главный путь его решения на необходимость дальнейшего роста производительности труда, совершенствования производства и т. д. Причем многие предложения формулировались следующим образом: «Прежде всего нужно упорно, настойчиво трудиться. Только своим самоотверженным трудом мы приблизим быстрое решение всех выдвинутых проблем» (работая из Горьковской области) и т. д.¹⁸

Вместе с тем среди высказываний по данному вопросу содержались и сведения другого рода. Например, по части улучшения снабжения населения продуктами и товарами были высказаны две группы предложений: первая касалась

¹⁸ Б. Грушин, В. Чикин. Во имя счастья человеческого, стр. 80.

необходимости детального изучения спроса торгующими организациями, вторая — необходимости совершенствования связей между промышленными предприятиями и органами торговли¹⁹.

На первый взгляд такие предложения могли показаться также само собой разумеющимися — ведь для того, чтобы хорошо торговать, надо действительно изучать спрос покупателя, чтобы повышать качество продукции, надо поставить в зависимость от этого качества систему поощрения предприятия-поставщика и т. д. И все же они явились очень ценными. Почему? Да потому, что в данном случае (как и во многих других) речь шла о предложениях, хотя и очевидных теоретически (или с точки зрения практического здравого смысла), но еще *не осуществленных на практике*, то есть о предложениях, настаивающих на иной реальности, нежели существующая.

После сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1965 г.) в стране развернулась широкая работа по совершенствованию экономики, системы планирования и стимулирования промышленного производства. Теперь в газетах и по радио, на собраниях общественных организаций и научных сессиях говорится, в частности, и о вопросах, выдвинутых общественностью в ходе нашего исследования. В результате — названные предложения явно выглядели бы сейчас повторением общепринятого, ставшего «очевидным», «банальным» и т. п. Но тогда, в 1960 г., они содержали в себе бесспорные с практической точки зрения *элементы нового знания*, поскольку поддерживали новый опыт, настаивали на необходимости его расширения, превращения во всеобщую практику. Поэтому эти предложения и должны были стать предметом внимательного изучения проблемы и одним из оснований при выработке практических путей ее решения, при разработке мероприятий, направленных на изменение существующей практики.

Когда речь идет об определении практической ценности тех или иных предложений общественности, необходимо учитывать и отмечавшийся выше момент различия между объектом мнения и углом зрения исследователя. В силу наличия этого момента банальность и очевидность высказываемых предложений может быть лишь кажущейся, видимой.

¹⁹ См. там же, стр. 79—83.

Возьмем пример из нашего VIII опроса. Тогда в ответ на вопрос: «Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга Вы видите?» — мы получили множество конкретных высказываний-предложений. На первый взгляд могло сложиться впечатление, что все эти предложения практически «не интересны», не представляют собой равно никакой ценности, поскольку сводятся к перечислению объективных условий и элементов, без труда обнаруживаемых путем абстрактных размышлений, до и без всяких исследований. Однако такое впечатление было бы ошибочным. Дело в том, что в данном случае задача исследования отнюдь не сводилась к установлению зависимости (действительно во многом тавтологичной) между величиной свободного времени и величинами разного рода непреложных временных затрат, антагонистических по отношению к досугу (хотя, нужно сказать, и в этом смысле общественное мнение «открыло» некоторые новые истины, которые вполне можно было упустить из виду в ходе одних абстрактных размышлений). Точно так же речь не шла и о простом установлении того очевидного факта, что для лучшего использования досуга необходимо увеличение в стране числа кинотеатров и музеев, стадионов и бассейнов, молодежных кафе и клубов и т. д. и т. п.

Первостепенная задача этой части исследования состояла в другом — в том, чтобы определить отношение масс ко всем существующим путям решения проблемы и, следовательно, установить *относительное значение* (с точки зрения общественного мнения) каждого из этих путей. Важность решения этой задачи особенно возрастала в связи с тем, что общество *практически не в состоянии* решать все перечисленные выше проблемы в равной мере сразу, одновременно, но вынуждено прибегать к определенной последовательности, к распределению во времени своих сил и возможностей.

Ясно, что при таком подходе к проблеме зафиксированные мнения никак нельзя уже было назвать очевидными, само собой разумеющимися, известными до исследования. Напротив, они давали *новое знание*, знание, к которому нельзя было прийти, не проводя конкретного исследования, в ходе одних абстрактных рассуждений. И отсюда — все практическое значение собранных предложений. Лишь благодаря им мы узнали, к примеру, что в ряду перечисленных путей улучшения использования досуга самое важное значение, с точки зрения масс, имеет увеличение свободного времени;

что, скажем, расширение материальной базы досуга является в условиях страны гораздо более существенным, нежели увеличение доходов населения; или — в рамках конкретизации проблемы базы досуга — что массы в первую очередь заинтересованы в увеличении числа театров и концертных залов (об этом заявило 9,6 процента от общего числа опрошенных), клубов и библиотек (9 процентов) и т. д. и в последнюю очередь — в увеличении числа ночных ресторанов и баров (0,2 процента), в улучшении снабжения спортивным инвентарем (0,5 процента), в расширении сети музеев и галерей (0,9 процента) и т. д.

Наконец, специфика общественного мнения как объекта социологического анализа такова, что результаты его исследования могут иметь определенное, большее или меньшее, практическое значение и тогда, когда общественность высказывает совершенно уже известные истины — «прописи». Правда, в этих случаях надо говорить о практической ценности выводов не в отношении исследуемой проблемы, а в отношении характеристики самого массового сознания, в отношении его оценки, определении путей и методов его изменения и пр. Например, выше мы упоминали о предложениях из II опроса, касающихся внедрения в строительство индустриальных методов. Ясно, что, отражавшие уже существующую практику, эти предложения не имели никакого практического значения с точки зрения определения актуальных путей решения жилищной проблемы в стране. Однако отсюда не следует, что полученный результат был все бесполезным. Отнюдь! Он обнаруживал, что массы поддерживают проводимую государством политику в области строительства, считают ее правильной. И такое сведение имело определенную, причем именно практическую, ценность, поскольку свидетельствовало об эффективности продланной пропагандистской работы, об определенном уровне сознательности населения и т. д. Напротив, отрицательный результат опроса потребовал бы разработки мероприятий, направленных на усиление просветительной работы в массах, и т. п. Впрочем, о такого рода практической ценности изучения общественного мнения мы будем говорить ниже, в следующем параграфе.

31. СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Чтобы общественное мнение сыграло роль эффективного регулятора отношений между людьми, вообще говоря, не требуется специального вмешательства исследователя-социолога. Подобного рода «действие» случается постоянно, ежедневно, в массовом масштабе и в полной независимости от того, обрабатываются ли с помощью соответствующих средств высказывания общественности или нет. Особенно, если дело касается жизни так называемых «малых групп». Как правило, здесь общественное мнение совершенно стихийно оказывает самое существенное воздействие на поведение и отдельного индивида (в частности, на характер его взаимоотношений с другими членами коллектива) и различных совокупностей лиц. Такого рода эффективности общественного мнения весьма способствует то обстоятельство, что в рамках микросреды практически не существует проблемы каналов или средств выражения мнений, как нет там и необходимости в каких-либо дополнительных усилиях, направленных на уточнение содержания мнений, определение его границ и т. д. В рассматриваемой сфере общественное мнение обычно как бы «висит в воздухе» и доступно непосредственному восприятию каждого члена группы.

Картина меняется, стоит только перейти к социальному организму в целом. Здесь возможность для общественного мнения стихийно выступать в регулятивной функции резко сокращается и сохраняется преимущественно в форме давления на общество или его отдельные слои разного рода народных традиций, национальных предрассудков и т. д. Это происходит оттого, что механизм общественных отношений, равно как и структура массового сознания, взятые в рамках общества в целом, отличаются исключительной сложностью, непрозрачностью. Теперь, чтобы общественному мнению лишь проявиться с достаточной определенностью и тем более произвести соответствующий эффект — повлиять на «поведение» той или иной социальной группы или того или иного индивида, необходим целый ряд сложных условий. В обществе должна существовать, например, развитая демократия, в частности, широко разветвленная система каналов для свободного выражения массами своего мнения. Не менее важно и то, чтобы в нем были достаточно развиты общественные отношения и самосознание масс, в частности,

чтобы процесс воспитания, формирования и выдвижения социальных лидеров включал в себя в качестве обязательного элемента уважительное отношение руководителя к массам и т. д. И, конечно же, необходимо, чтобы существовал интерес к общественному мнению, чтобы были выработаны и отшлифованы способы его инспирации и измерения, методы определения его точного содержания, степени его полноты, объективности и т. п.

Последний фактор тем более важен, что на практике очень часто реально существующее общественное мнение и то, что принимается или выдается за него, оказываются вещами далеко не совпадающими. Однако суть дела, разумеется, не в этом. Главное — в современном обществе активное изучение общественного мнения представляет собой часть и условие процесса развития и совершенствования механизма власти, механизма политического, экономического, идеологического и т. п. управления обществом, или — еще шире — процесса развития и совершенствования всей системы социальных отношений в самых различных их аспектах — как в плане отношений между различными социальными группами и слоями, так и в плане отношений между коллективом, группой и отдельной личностью, в частности между массами и руководителями.

**Форма
осуществления
практического
народовластия**

В социалистическом обществе активное изучение общественного мнения, открывающее широкие дополнительные возможности для выражения мыслей и воли народа, создает прежде всего новые

эффективные каналы для осуществления прямой, непосредственной демократии. Известно, что директивные решения масс по тем или иным вопросам чаще всего оформляются как раз в виде высказываний общественного мнения — в ходе референдумов, всеобщих выборов, голосований в органах власти и органах народной самостоятельности и т. д.

Вместе с тем благодаря такому изучению создаются наилучшие условия и для функционирования представительной демократии — различных органов законодательной и исполнительной власти, призванных выражать интересы и волю народа. «В народной массе мы все же капля в море, — говорил на XI съезде партии В. И. Ленин, — и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс,

и вся машина развалится»²⁰. В этих словах — суть политического значения изучения общественного мнения при социализме. Ведь для того, чтобы *выражать* то, что народ знает, нужно *знать* сознание народа. Такое знание приходит из множества различных источников. И одним из наиболее существенных является изучение общественного мнения, прямое измерение мыслей и настроений масс, их желаний и надежд.

Формулируя это принципиальное отношение партии и государства к народному общественному мнению, В. И. Ленин писал: «...Жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд»²¹.

И речь шла о постановке этой задачи в качестве важнейшей не только в теоретическом плане. Для В. И. Ленина формула Маркса о народе как творце исторического процесса никогда не была лишь образным выражением. Всей практикой своей деятельности в первые годы существования Советской власти он активнейшим образом проводил ее в жизнь. При этом исключительное внимание уделялось В. И. Лениным именно проблемам изучения общественного мнения.

Широко известно его внимательнейшее отношение к письмам, запросам, предложениям, жалобам трудящихся, его стремление к постоянным живым контактам с рабочими, крестьянами, солдатами и т. д. Известно и то, с какой серьезностью и с каким интересом относился В. И. Ленин к работе социалистической прессы, расцениваемой им в качестве важнейшего аккумулятора и выразителя общественного мнения масс. В начале 1922 г. он писал, например, В. А. Карпинскому, бывшему в то время редактором газеты «Беднота»:

«т. Карпинский!

Не напишете ли мне кратко (2—3 странички максимум), сколько писем от крестьян в «Бедноту»?

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 112.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 348.

что важного (особенно важного) и нового в этих письмах?

Настроения?

Злобы дня?

Нельзя ли раз в два месяца получать такие письма (следующее к 15.III.1922)?

а) среднее число писем

б) настроения

в) важнейшие злобы дня»²².

Наконец, В. И. Ленин давал массу прекрасных образцов и того, как можно и нужно на деле использовать мнение масс при определении политики партии и государства²³.

**Совершенствование
механизма
социального
руководства**

Однако выяснять мнение масс необходимо не только для того, чтобы проводить это мнение в жизнь. На практике не меньшее значение имеет и другая сторона дела — совершенствование с по-

мощью изучения массового сознания механизма социального управления.

Допустим, речь идет о выяснении отношения народа к какому-либо практическому шагу, намечаемому или уже сделанному тем или иным руководящим органом или лидером. Ясно, что принципиальный результат такого исследования, если оставить в стороне некоторые промежуточные решения, может быть двояким: положительным (когда массы поддерживают данный шаг) или отрицательным (когда они выражают свое несогласие с ним). И любой из них имеет крайне важное значение. В первом случае институт власти получает подтверждение правильности своей политики и, если мероприятие только намечается, гарантию его успешного проведения в жизнь. Во втором случае обнаруживается существование «ножниц» между управлением и сознанием людей.

Последняя ситуация может возникать по двум причинам: в силу ошибочных действий органов управления или в силу отсталости (ошибочности) массового сознания. И снова знание о любом из этих вариантов оказывается чрезвычайно важным. Исходя из него руководящие органы должны будут

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 143—144.

²³ Подробнее об отношении Ленина к общественному мнению масс см. Б. Грушин. Знамя века (в сб. «Вечно живой Ильич»). Изд. «Правда». М., 1960, стр. 3—15).

устранить допущенные ими ошибки или позаботиться об изменении сознания масс, о привитии общественности более глубокого понимания ее собственных интересов. И то и другое объективно будет означать совершенствование механизма власти, повышение искусства управления обществом.

Имея в виду эту сторону общественных отношений — отношений между массами и руководителями, В. И. Ленин выразил ее емкой формулой: «Учить массы и учиться у масс». Эта формула отмечает, во-первых, что для партии выражать «то, что народ сознает», отнюдь не означает приспособляться к массовому сознанию, некритически следовать за ним, «плестись у него в хвосте»; такое сознание может быть отсталым, незрелым, и тогда перед органами, осуществляющими социальное руководство, встает задача поднимать сознание масс, воспитывать его — «учить массы». А во-вторых, формула подчеркивает, что люди, наделяемые время от времени атрибутами власти, не становятся одновременно с этим актом обладателями абсолютной истины — ни в том смысле, что они абсолютно все знают и потому не нуждаются в опыте других людей, ни в том смысле, что они абсолютно гарантированы от ошибок и потому не должны прислушиваться к критике снизу — «учиться у масс».

Вместе с тем установление фактов наличия или отсутствия «ножниц» — лишь частный случай в рассматриваемом аспекте изучения общественного мнения. На деле вопрос стоит значительно шире: исследуя состояния массового сознания, руководящие органы получают тем самым возможность определять результативность своей работы в массах, измерять степень ее эффективности и, как результат, оперативно вносить в свою политику необходимые коррективы. Особенно, если речь идет об идеологической, пропагандистской, воспитательной и т. п. работе, то есть о деятельности, затрагивающей преимущественно сферу общественного сознания.

Взять, например, идейно-воспитательную работу. Систематические измерения общественного мнения позволяют сделать в отношении ее самые важные выводы: о ее содержании и методах, об имеющихся пробелах и достижениях, допущенных ошибках и т. д.

Скажем, в III опросе мы могли убедиться в большой эффективности пропаганды, связанной с 49-дневным дрейфом в океане Асхата Зиганшина и его товарищей. Наш опрос проходил много времени спустя после того, как произошел

этот исключительный случай, однако тысяча с лишним опрошенных (из 17,5 тысячи) вспомнили о нем, когда говорили о героизме молодежи. Значит объект и методы пропаганды были избраны удачно, значит усилия пропагандистов дали нужный результат — подвиг четырех солдат оставил глубокий след в сознании людей.

Идеологическая деятельность руководящих органов может оцениваться с помощью изучения общественного мнения не только, так сказать, задним числом, то есть после того, как работа уже начата или даже уже проделана и речь может идти единственно о том, чтобы измерить результаты работы и внести в нее (если необходимо) соответствующие коррективы. С равным успехом анализ массового сознания может *предварять* деятельность органов социального руководства, лежать в основе программирования этой деятельности.

В качестве примера тут можно сослаться на материалы нашего VI опроса, проводившегося, как мы уже сообщали, среди учеников 3-х классов в городе Комсомольске-на-Амуре и в сельском районном центре Комсомольске, Ивановской области. Этот опрос ставил своей целью выявить степень знакомства детей с понятиями, отражающими «пережиточные» социальные явления из самых различных сфер жизни — экономической, культурной, религиозной, моральной, бытовой, национальной и др. Причем речь шла о знакомстве не книжном, а обусловленном в первую очередь окружающей ребенка средой — семейной, школьной, уличной и т. п.

К сожалению, обобщенные результаты этого опроса не были опубликованы, а собранный в ходе его материал (кстати, отличающийся большой сложностью, с точки зрения научного анализа) не получил сколько-нибудь глубокой разработки²⁴. Вместе с тем уже одна только общая, приводимая ниже таблица показывает, что пища для серьезного социального анализа была получена тогда более чем достаточная. Стоит посмотреть хотя бы на цифры, относящиеся к комплексу таких явлений, как «блат», «перекупщик», «спекулянт», или отражающие связи быта и религии («венчание», «крестины» и др.). Они обнаруживают конкретные направ-

²⁴ Опубликованная в «Комсомольской правде» страница затрагивала некоторые вопросы лингвистического порядка и в целом носила, скорее, информационно-развлекательный характер (см. «1000 детей о пятидесяти словах», «Комсомольская правда», 2 августа 1964 г.)

ления, в которых чуждая коммунизму идеология и мораль могут действовать на сознание подрастающего поколения. Следовательно, они позволяют наметить и определенного рода программу воспитательной работы с детьми, определить главные моменты содержания этой работы и в какой-то степени даже ее формы.

Дали верное (или примерно верное) толкование слов
(в % к числу опрошенных)

Вариант А	Город Село		Вариант Б	Город Село	
	Город	Село		Город	Село
Алтарь	0,8	1,6	Бедный	94,0	87,6
Барышник	5,2	8,4	Бесприданница	12,4	15,2
Беспризорник	79,6	54,4	Благовест	1,2	0,4
Благ	51,2	11,2	Благодетель	17,6	4,4
Богородица	3,6	9,6	Бюрократ	3,6	0,8
Венчание	47,2	31,6	Взятка	11,6	8,8
Говенье	1,2	17,6	Единоличник	22,4	16,8
Голь перекатная	3,2	2,0	Знахарь	5,2	5,2
Домовой	14,8	4,8	Исповедь	8,0	0,8
Кацап	2,0	1,2	Крестины	40,0	19,6
Лапотник	4,8	1,2	Кустарь	3,6	0,4
Лачуга	37,2	68,0	Лампада	6,0	10,0
Лихоимец	2,8	0,4	Ловкач	3,2	1,6
Мешочник	5,6	0,4	Нацмен	3,6	4,4
Мирсед	0,8	0,8	Подкулачник	24,8	23,2
Нахлебник	46,0	13,6	Подхалим	24,0	11,6
Нищий	93,6	59,6	Приживалка	12,8	3,6
Панихида	4,8	2,4	Склячица	10,4	1,6
Перекупщик	72,0	40,8	Скопидом	12,0	2,8
Середняк	5,6	14,8	Спекулянт	68,4	47,2
Спецы	6,4	2,8	Сутяга	2,8	0,4
Сплетня	76,8	47,6	Толкучка	3,2	1,6
Старьевщик	40,4	32,8	Троица	24,4	30,8
Ханжа	0,8	1,2	Хохол	43,2	18,8
Частник	4,0	2,8	Холуй	3,2	0,4

**Непосредственное
воздействие
на сознание
масс
и руководителей**

Наконец, изучение общественного мнения само по себе является весьма важным фактором социального воспитания людей — широких масс и руководителей. Проводимое систематически, оно

способствует развитию в обществе демократических норм жизни, демократического способа мышления (разумеется, при условии, что высказывания общественности не остаются достоянием одних социологов, но находят выражение в деятельности различных социальных институтов). Тем самым

создается возможность преодоления, с одной стороны, социальной незрелости, инфантильности, равнодушия общественности и составляющей ее «рядовой» личности, а с другой — невнимательного, неуважительного отношения к мнению масс личности «руководящей».

Как ни мал, ни скромен в этой части опыт работы Института общественного мнения «Комсомольской правды», он все же приоткрывает и эту сторону дела. Факт участия человека в опросе, говорит этот опыт, необходимость высказывать свое мнение по актуальным вопросам общественной жизни способствуют всестороннему развитию личности как гражданина — укрепляют в человеке чувство активной заинтересованности в общем деле, воспитывают сознание собственной роли и важности в механизме социального управления, расширяют кругозор, умение смотреть на вещи не с «кочки» своего узкого «я», а с точки зрения общественного интереса, наконец, усиливают понимание единства взглядов всех членов общества.

Во всем этом лишний раз можно убедиться, если познакомиться с почтой института. Среди массы писем множество таких: «Прежде всего о работе Института общественного мнения. Это — очень правильная и удачно найденная форма не только изучения нашей действительности, но и воспитания молодежи. Каждая тема, обсуждаемая ИОМ, злободневна и идет навстречу жизни, а не просто констатирует факты. Вместе с тем вопросы заставляют задуматься каждого из нас. ИОМ помогает понять главное в данный момент — помогает почувствовать себя хозяином своего будущего и ответственным за это будущее» (из письма инженера Н. Ф. из Москвы). И особенно важны, с рассматриваемой точки зрения, такие признания: «...Я являюсь более или менее регулярным читателем «Комсомольской правды», но первый раз высказываю свои мысли вслух, для широкого обсуждения...» (из письма В. С., 30-летнего электросварщика из Волгограда).

В равной мере, как мы уже сказали, изучение общественного мнения воспитывает и общественных лидеров, руководителей. В условиях, когда оно превращается в постоянно действующий и обладающий реальной силой фактор социальной жизни, руководители начинают с большим вниманием относиться к голосу общественности, стараются реализовать ее пожелания, заручиться поддержкой масс. Данный аспект проблемы тем более существен, что случаи

неуважительного, бюрократического отношения к мнению масс со стороны отдельных руководителей и органов управления, как известно, пока довольно часты.

Возьмем, к примеру, такой факт. В стране сложилось резко отрицательное и довольно устойчивое общественное мнение по поводу так называемых «прочерков», проставляемых в свидетельствах о рождении внебрачных детей. В течение ряда лет в советской прессе, в трудах исследователей, в обширной почте Комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР высказывалось и высказывается требование отменить существующий порядок. И все же все остается по-старому. Конечно, когда речь идет о законодательстве, вопросы должны рассматриваться особенно основательно, всесторонне, с привлечением мнения специалистов; известно и то, что всякое изменение в юридической формуле нуждается в «увязке» с другими существующими законоположениями и т. д. Все это так. Однако одними только сложностями вопроса нельзя объяснить того, что в стране до сих пор (с 1944 г.!) сохраняется неравенство в правах «законнорожденных» и «незаконнорожденных» детей. Бесспорно, немалую роль в этом играет и недостаточно внимательное отношение к голосу масс со стороны наших юридических институтов.

Кстати, проблема изучения общественного мнения и реализации его суждений имеет и более широкий смысл, связанный вообще со взаимоотношением социологической науки и практики. У нас сейчас распространены упреки в адрес социологии — мол, практическая отдача, КПД этой науки крайне малы. Это верно. Но в то же время есть в этих упреках и нечто несправедливое: они отвлекаются от того, что степень использования науки на практике зависит не только от деятелей науки, от качества их работы, но и — далеко не в последнюю очередь — от деятелей практики, от их уважения и интереса к научному анализу. К сожалению, приходится констатировать, что и это уважение, и этот интерес не развиты пока в достаточной мере: практики пока явно не очень охотно идут на сближение с социологией, не торопятся использовать ее выводы и рекомендации.

СПОСОБЫ ФИКСИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Теперь мы должны будем рассмотреть совокупность проблем, связанных с задачей фиксирования общественного мнения, то есть ответить на последний из серии наших вопросов: «Каким образом, с помощью каких методов и средств исследователю удастся «схватить» общественное мнение и объективировать его в ряде высказываний?» Более конкретно, эта общая задача сводится к тому, чтобы рассмотреть, во-первых, каким образом вообще происходит *фиксирование* суждений общественности и, во-вторых, каким образом измеряется отношение мнения, зафиксированного исследователем, к мнению, реально существующему, *по их составу*.

Последняя задача особенно важна. И логически и исторически в каждом конкретном исследовании она предшествует решению всех прочих задач, связанных с измерением общественного мнения. Это ясно: прежде, чем устанавливать точное содержание зафиксированных высказываний, прежде, чем измерять степень их истинности (ложности), компетентности и т. п., необходимо быть уверенным, что эти высказывания представляют *все* секторы исследуемого массового сознания, отражают все существующие (в рамках взятой совокупности) по данному вопросу взгляды общественности. В противном случае речь будет идти о неполном, *фиктивном* общественном мнении, которое чаще всего просто незачем исследовать.

Короче, мы должны теперь охарактеризовать основные методы изучения общественного мнения. При этом сначала мы попытаемся наметить общие контуры применяемых методов, а затем, установив между этими методами отношения «субординации», более подробно охарактеризовать главные из них.

32. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ МЕТОДОВ

Уже первые попытки классификации интересующих нас методов убеждают, что здесь невозможно обойтись с помощью какого-либо одного *fundamentum divisionis*. Этих оснований множество. В качестве их могут выступать и объем исследуемой совокупности (в таких случаях различают, скажем, методы всеобщего и выборочного охвата материала), и характер высказываний общественности (с этой точки зрения можно выделить, например, методы инспирирования и методы фиксирования самопроизвольно выраженного общественного мнения), и технические средства исследования (отсюда — разнообразные методы письменного, устного, очного, заочного и прочего сбора материала) и т. д. В результате получается довольно значительное число методов и еще более значительное число их разновидностей. Вместе с тем, если мы хотим понять существо проблемы фиксирования общественного мнения, не стоит увлекаться количеством и деталями. Напротив, необходимо по возможности увязать, систематизировать все существующие методы, представить их как нечто более или менее целостное. А для этого должны быть приведены в систему и различные основания классификации.

На наш взгляд, наиболее глубоким, изначальным среди них является то, которое связано с характеристикой самого объекта исследования. Что мы имеем в виду? То, что исследуемые социологом факты — мнения, суждения общественности — выступают в момент исследования в двух принципиально различных формах: или 1) как *внешне объективированные* в той или иной деятельности людей, или 2) как факты непосредственно *самого сознания*. Очевидно, в первом случае социолог должен зафиксировать самопроизвольно выраженные мнения и приступить к их анализу, в то время как во втором он должен еще обнаружить, выявить, «создать» их, то есть создать условия для того, чтобы эти мнения получили соответствующее внешнее выражение, объективировались. Отсюда — две большие группы методов изучения общественного мнения:

I. Методы изучения внешне объективированных фактов сознания.

II. Методы изучения непосредственных фактов сознания. Остановимся сначала на первых.

**Методы
изучения
объективированных
фактов
сознания**

Как известно, мнения внешне объективируются прежде всего в специфической *знаковой деятельности* — речи. В первую очередь это — *устная речь*, разговорный язык, посредством которого люди обмениваются друг с другом мыслями в процессе непосредственного общения. Обстоятельные беседы или горячие споры в кругу друзей, случайные разговоры где-нибудь в трамвае или с соседом по квартире — таковы первичные формы выражения суждений. Именно с ними связаны первые методы изучения общественного мнения, определяемые обычно как методы наблюдения¹.

а) **Наблюдение.** В данном случае процесс выражения мнений совершается помимо усилий социолога, без какого-либо его участия — исследователь занимает здесь созерцательную, сугубо пассивную позицию, «смотрит» на изучаемый объект «со стороны». Вместе с тем речь тут идет о фиксации моментальных явлений: устная речь представляет собой такую форму объективирования мнений, которая позволяет «схватить» их лишь в момент высказывания. В данном случае мнения не получают никакой иной внешней формы своего выражения (закрепления), которая бы давала им «вторую (самостоятельную) жизнь» — вне процесса высказывания, и потому они не существуют, вернее, перестают существовать для исследователя, если он не успел зафиксировать их на слух, «пронаблюдать» непосредственно в момент речи.

Общая социология различает два основных типа наблюдения: 1) *внешнее наблюдение* и 2) *участвующее наблюдение*. Оба они сохраняют свое значение при изучении общественного мнения. При этом внешнее наблюдение осуществляется тут, в силу специфики объекта исследования, в многочисленных формах (сознательного или неосознанного, случайного или планомерного) *подслушивания*. Что же касается участвующего (включенного) наблюдения, то оно, как и всегда, состоит в том, что исследователь не ограничивается одноразовыми соприкосновениями с объектом, а входит в состав исследуемой социальной среды и благодаря этому получает возможность на протяжении длительного времени и систематически изучать ее настроения, взгляды,

¹ См., например, D. Mage. The Instruments of Social Science. L., 1958.

интересы и т. п. В сущности, это — многократно повторенное, растянутое во времени подслушивание.

Некоторые буржуазные социологи считают названные методы чуть ли не самыми эффективными в деле изучения общественного мнения, поскольку, с их точки зрения, фигура исследователя-инкогнито как ничто другое способствует получению наиболее объективной, свободной от намеренных искажений и какой-либо тенденциозности информации. Однако с такой высокой оценкой наблюдения согласиться невозможно. И не в силу прописной морали (как, кстати, полагают некоторые критики), утверждающей, что «подслушивать нехорошо», а также не потому, что «в условиях социализма и социологи, и общественные организации того или иного коллектива трудящихся, и администрация — все выполняют единую задачу», в результате чего, мол, исчезает разница в объективности между официальной и неофициальной информацией² (напротив, выше мы видели, что эта проблема сохраняет свою актуальность в нашем обществе). Дело в самом существе рассматриваемых методов.

Прежде всего результаты, получаемые с помощью наблюдения, отличаются не только высокой объективностью, но и, как правило, совершенной случайностью (особенно при внешнем наблюдении). И если первая особенность составляет плюс метода, то вторая оборачивается его ничем не восполнимым минусом. По высказанным вслух и услышанным исследователем суждениям никогда нельзя определить, является это мнение общественным или индивидуальным. И тем более таким способом невозможно зафиксировать картину общественного мнения в целом: исследователь не может быть уверен ни в том, что были высказаны, ни — в еще большей степени — в том, что ему удалось услышать *все* существующие в обществе (или в рамках изучаемой среды) взгляды на вопрос. В результате собранные факты оказываются случайными, «надерганными».

А кроме того, в силу отмеченной выше специфики данной формы выражения мнений (возможность фиксирования мнений лишь непосредственно в момент их высказывания), изучение мнений с помощью рассматриваемых методов — чрезвычайно громоздкое, трудоемкое дело. Исследователю подчас приходится весьма долго ждать момента, когда люди

² См. Г. Андреева. Приемы и методы эмпирических исследований в современной буржуазной социологии, стр. 100.

«заговорят», и каждый раз он должен затрачивать немалые усилия, чтобы технически обеспечить свое участие в беседе по формуле: «присутствуя, отсутствовать». К тому же оба эти момента совпадают крайне редко: обычно люди обмениваются мнениями, когда поблизости нет ни одного социолога, и наоборот — социолог может занять самую удобную для наблюдения позицию, а ожидаемый им разговор не состоится.

Подобная абсолютная «неуправляемость» объекта исследования резко сокращает возможности применения методов наблюдения при изучении общественного мнения. С помощью этих методов можно добиться известного эффекта, но не эффективности. И то лишь в случаях, когда речь идет об аморфном фиксировании общественного мнения — установлении того, «о чем вообще поговаривают в народе». Если же задача состоит в том, чтобы измерить высказывания общественности по какому-то конкретному вопросу, методы наблюдения оказываются практически вообще неприемлемыми.

б) Анализ документов. Другой формой знаковой деятельности, в которой внешним образом объективируются мнения людей, является *письменная речь*. Благодаря ей члены общества получают возможность обмениваться друг с другом мыслями не только в процессе непосредственного общения, но и, так сказать, на расстоянии. Соответственно этому значительно раздвигаются и границы изучения общественного мнения. При этом на первый план выдвигаются методы анализа документов.

В массе письменных свидетельств, фиксирующих мысли и чувства современников, весьма большое место занимают *личные документы*: частная переписка, дневники, записки людей, их письма и заявления в различные социальные институты (например, в органы печати) и т. п. В рамках решения определенных задач подобного рода источники могут сыграть важную роль в деле исследования общественного мнения. Напомним, что В. И. Ленин рекомендовал самым тщательным образом изучать письма населения в редакции газет, а также в органы власти с целью определить «злобы дня», измерить настроения масс и т. д. Велико значение и дневников: они дают возможность понять общее состояние сознания тех или иных слоев населения. Вообще большое достоинство личных документов состоит в том, что содержащаяся в них информация отличается в принципе высокой степенью искренности. Особенно это относится к частной

переписке. Но то же можно сказать и о дневниках или письмах в газету, при условии, что эти документы остаются частным делом человека, не предназначаются для опубликования.

И все же анализ личных документов занимает в общем объеме методов изучения общественного мнения довольно ограниченное место. Это связано с рядом обстоятельств, в целом повторяющих минусы методов наблюдения.

Во-первых, значительная, и как раз наиболее ценная в смысле объективности, часть личных документов крайне труднодоступна для исследования: частные письма и дневники не предназначаются для постороннего глаза.

Во-вторых, при изучении документов исследователь в большинстве случаев не может ставить перед собой каких-либо определенных задач, поскольку «неуправляемое» содержание письменных высказываний и исследовательский интерес совпадают далеко не всегда, и вынужден идти «на поводу» за материалом. В меньшей степени это относится к письмам, поступающим в редакции газет, так как содержание газетной страницы так или иначе влияет на характер почты, круг ее тем и т. д. Однако и здесь основная масса стихийно приходящих писем носит по своей проблематике совершенно «неуправляемый» характер³. В результате их изучение может дать более или менее полное представление о том, что интересует в данный момент корреспондентов, и лишь в значительно меньшей мере, в принципе чисто случайно, ответить на вопросы, которые интересуют исследователя. Это крайне затрудняет, а еще чаще делает просто невозможным использование метода анализа личных документов при проведении целенаправленных, тематических исследований общественного мнения.

Наконец, с помощью рассматриваемого метода нельзя получить полного спектра всех существующих в обществе (или в той или иной отдельной среде) по данному вопросу мнений. Вернее, социолог никогда не может быть уверен сам и доказать другим, что зафиксированные в собранных им документах высказывания отражают с необходимой полнотой все существующие точки зрения. А раз так, значит подобный

³ Мы здесь не имеем в виду случаев, когда газета специально и вполне сознательно организует поток писем, как это бывает, например, при обсуждении той или иной проблемы. Речь идет о мнениях, объективировавшихся самопроизвольно, без участия и помощи исследователя.

материал, с точки зрения исследования общественного мнения в целом, будет носить характер случайного, отличаться ненадежностью.

Отмечаемые недостатки (особенно последний) в общем и целом присущи и методам анализа документов другого рода — *общественных документов*, представляющих собой или материалы, авторами которых являются коллективы, общественность (таковы решения массовых собраний, протоколы заседаний и постановления различных общественных организаций, документальные отчеты учреждений и предприятий и т. п.), или материалы, авторами которых являются отдельные лица, но которые получили общественное выражение с помощью социальных институтов (таковы, например, выступления прессы)⁴. И все же их фактическое значение в деле изучения общественного мнения относительно велико. Это объясняется тем, что общественные документы несравненно более доступны для исследования, чем личные. Немалую роль при этом играет и то, что процесс отбора необходимого материала для тематических обследований общественного мнения в случае обращения к общественным документам значительно облегчен.

в) *Анализ практических действий*. Наконец, есть еще одна внешняя форма, в которой самопроизвольно объективируются мнения общественности. Это — поступки, действия, непосредственная практическая деятельность людей. В таких случаях исследование общественного мнения осуществляется с помощью методов анализа практических действий. Причем эти методы, как и методы анализа документов, могут быть двух видов: это или анализ получивших определенное общественное выражение *действий отдельных личностей* (сюда относятся, например, широко распространенные на Западе исследования выступлений руководителей различных общественных течений и сил, в частности парламентских лидеров), или анализ непосредственных *действий* (манifestации, забастовки, вооруженные выступления и т. д.) *самих широких масс*.

⁴ «...При изучении документации общественных организаций, учреждений и предприятий следует учитывать возможные ошибки (а иногда и сознательные извращения), сделанные лицами, составившими документальные отчеты, протоколы и пр.» (Л. Н. Суворова. Марксистская социология и конкретные социальные исследования. «Философские науки», 1963, № 3, стр. 70). То же нужно сказать и об анализе выступлений прессы.

Ясно, что значение этих форм исследования неравноценно. Качество картины мнений, получаемой путем изучения действий общественных лидеров, определяется множеством условий — начиная с точно фиксируемой степени осуществления в обществе демократии и характера отношений между лидером и представляемой им группой (выражает или не выражает лидер интересы и настроения стоящих за ним масс, если выражает, то насколько полно и точно, и т. д.) и кончая «неуловимыми» «иррациональными» моментами в поведении лидера, определяемыми его сугубо личными свойствами. Наличие или, напротив, отсутствие тех или иных из этих условий способно привести и на практике сплошь и рядом приводит к возникновению несоответствий между позицией лидера и позицией собственно общественного мнения, и это обстоятельство весьма затрудняет изучение последнего путем обращения к данной форме его объективирования.

Напротив, анализ действий масс в большинстве случаев позволяет весьма точно фиксировать выраженное таким образом общественное мнение. Ведь содержание этого мнения прямо формулируется в лозунгах, под которыми проходят демонстрации, в требованиях, с которыми выступают забастовщики, или в разного рода политических программах, за осуществление которых ведется вооруженная борьба. Подобная целенаправленность массовых действий (хотя она, разумеется, может быть более или менее четкой) делает рассматриваемый способ изучения общественного мнения весьма эффективным, свободным от ошибок, особенно, если речь идет о таких решительных действиях, как революционные выступления масс с оружием в руках. Вместе с тем понятно, что в практике исследования общественного мнения данный метод играет все же довольно скромную роль. Это связано с тем, что общественное мнение отнюдь не по любому поводу выражается в столь решительной форме. Во всяком случае, обращаясь к данной форме объективирования мнений, исследователь не получит представления о содержании общественного мнения по многим проблемам, фактически обсуждаемым общественностью и интересующим его самого.

**Методы
изучения
непосредственных
фактов
сознания**

В этом смысле методам изучения внешне объективированных фактов сознания несравненно предпочтительней методы изучения непосредственных фактов сознания. Здесь исследователь с самого начала занимает решающую активную позицию, сам инспирирует высказывания общественности по тому или иному, строго определенному вопросу, сам определяет условия и форму этих высказываний и т. д.— в результате «неуправляемые» суждения общественного мнения становятся полностью «управляемыми» и создается реальная возможность (разумеется, при соблюдении непреложных методологических и методических требований) получить широкую и объективную картину мнений. По своему характеру эти методы в принципе совпадают с так называемыми *методами опроса*; в общем объеме современных исследований общественного мнения они занимают ведущее место, играют определяющую роль.

В нашей социологической литературе термин «метод опроса» употребляется обычно аморфно, без каких-либо дальнейших указаний на его точное содержание. Между тем такая практика недопустима. Прежде всего потому, что нередко этим термином обозначаются и такие специфические формы высказываний общественного мнения, инспирированных исследователем, которые (как, например, теоретические конференции⁵) весьма далеки от обычных представлений об опросе (кстати, в том числе и поэтому, с нашей точки зрения, гораздо точнее применительно к рассматриваемой теперь совокупности способов изучения общественного мнения говорить не о методах опроса, а именно о методах фиксации непосредственных фактов сознания, хотя в целях экономии изложения мы будем пользоваться преимущественно первым термином). А во-вторых, даже и там, где речь идет о «чистом» опросе одним лицом другого лица или других лиц, термин «метод опроса» также выражает, как на это уже обратил внимание В. Ядов, «слишком широкое и достаточно

⁵ Мысль о том, что теоретические конференции являются «эффективной формой выявления общественного мнения по сложным и актуальным теоретическим проблемам», была высказана А. И. Сухаревым в его статье «Теоретическая конференция как форма социального исследования» (см. «Опыт и методика конкретных социологических исследований», стр. 219—233).

неопределенное понятие. В сущности, здесь имеются в виду не один, а несколько различных приемов или методов»⁶.

Это верно. Существует по меньшей мере три оси дифференциации, относительно которых можно описывать различные методы активного выявления и фиксирования общественного мнения. Они определяются или *характером программы*, по которой предлагается высказываться общественности, или *формой*, в которую облекается процесс высказывания, или *объемом программы*, точнее, степенью полноты охвата изучаемой совокупности.

В отношении первой оси дифференциации различаются, с одной стороны, способы фиксирования общественного мнения, высказывающегося по свободной программе, в сущности, даже вовсе без программы, настолько широко бывает ее содержание, а с другой — способы фиксирования общественного мнения, отвечающего на строго определенные вопросы.

а) *Беспрограммный опрос*. Если придерживаться точной терминологии, то методы, относящиеся к данной группе, менее всего могут быть названы опросом, поскольку здесь отсутствует характерное для последнего отношение между опрашиваемым (исследователем) и опрашиваемым (исследуемым). В частности, исследователь здесь не пользуется традиционной формой вопросов, и больше того — само его обращение к аудитории с просьбой высказаться по существу не рассчитано на обязательный ответ, носит, скорее, риторический характер и т. д.

Вместе с тем такое выражение мнений характеризуется и элементами настоящего опроса. Они проявляются прежде всего в том, что общественное мнение выражается здесь не стихийно, не самопроизвольно, но по инициативе исследователя, в ответ на его стремление зафиксировать содержание общественного мнения. С другой стороны, и исследователь здесь не только пассивно слушает, что говорит общественность, но сам организует ее высказывания — не задавая конкретных вопросов, определяет *тему* обсуждения, следовательно, *общие границы высказываний* и т. д.

Последнее обстоятельство, кстати, ясно обнаруживает, что специфика рассматриваемой формы опроса заключается отнюдь не в том, что исследователь тут вовсе не предлагает аудитории никакой программы. Напротив, как видим, он

⁶ В. Ядов. Из опыта работы лаборатории социологических исследований при ЛГУ. В кн.: «Вопросы организации и методики конкретных социологических исследований», стр. 204.

формулирует и общую проблему для обсуждения, и конкретные темы в рамках этой общей проблемы. Дело заключается и не в том, что предлагаемая в таких случаях программа отличается крайне широким содержанием, включает в себя множество вопросов,— известно, что подобным признаком нередко отличаются и программы, предлагаемые для анкетирования. Суть дела в другом — в том, что предлагаемая программа *не является обязательной для говорящего*, не требует, чтобы говорящий с необходимостью затрагивал все стороны обсуждаемой проблемы, высказывался по *всем* пунктам программы и т. д.

Иными словами, беспрограммный характер рассматриваемой формы опроса заключается не в том, что исследователь *не предлагает* исследуемым программы, но в том, что последние *высказываются без программы*, затрагивают каждый в соответствии с собственным желанием ту или иную тему в рамках общей программы. Тот же факт, что предлагаемая программа отличается, как правило, исключительно широким содержанием, а также то, что говорящим предоставляется полная свобода в выборе предмета и формы высказывания, еще более усиливает беспрограммный, или свободный, характер этих высказываний. В результате последние оказываются чаще всего несовместимыми (в смысле неперекрещивающимися) по своему содержанию.

С точки зрения формы, в которую облекается процесс высказывания, существенное значение имеет прежде всего наличие или отсутствие контакта исследователя с говорящим. Если такой контакт имеется, беспрограммный опрос осуществляется в виде *беседы на заданную тему*, если такой контакт отсутствует (процесс выражения мнений происходит без прямого, личного участия исследователя), такой опрос принимает форму *изложения на заданную тему*.

В свою очередь изложение может быть *устным* и *письменным*. Примером первого является как раз участие людей в теоретических конференциях, в работе разного рода собраний и совещаний. Классическим примером второго — организация широкого потока писем в органы печати путем проведения разного рода дискуссий по тем или иным проблемам. Одним из конкретных случаев применения метода письменных изложений (этот метод часто называют *корреспондентским*) является и получившее у нас в последнее время широкое распространение проведение в печати массовых обсуждений проектов законов и важных документов.

б) Программный опрос. Другая группа способов выявления и фиксирования общественного мнения связана с понятием «программный опрос». Это — опросы в узком, в собственном смысле этого слова, где присутствует и фигура исследователя, задающего вопросы, и фигура исследуемого, отвечающего на них. Важнейшей особенностью данной формы изучения общественного мнения является то, что и вопросы и ответы регламентируются здесь определенной программой, то есть характеризуются *однообразной структурой* в каждом акте отношения, возникающего между опрашиваемым и опрашиваемым. Первый формулирует определенную совокупность вопросов, на которую он хочет получить ответ. Второй в обязательном порядке должен ответить на эти вопросы.

Правда, и здесь, в рамках программного опроса, степень определенности программы, или запрограммированности вопросов и ответов, может быть весьма различной. Исследователь может ставить запрограммированные вопросы *в свободной манере*, не придерживаясь в каждом конкретном случае одних и тех же формулировок, вносить в процесс опроса *элементы беседы*, то есть дополнять запрограммированные вопросы какими-то другими суждениями, позволяющими установить более тесный контакт с говорящим, прояснить ему замысел исследования, выявить более точное содержание его мнения и т. д. и т. п. Тогда говорят о методе (или методах) *бесед по определенной программе*, или *интервьюирования*. А с другой стороны, вопросы перед исследуемым могут ставиться и в *жестко фиксированной форме*, в виде совершенно строгих, однообразных формулировок. Тогда говорят о методе (или методах) *анкетирования*. Применение этого последнего метода связано с программой, выраженной в письменной форме, в виде так называемой *анкеты* (анкетной карточки, анкетного бланка, карточки опроса и т. д.).

И интервьюирование, и анкетирование может быть как *индивидуальным*, обращенным к одному лицу, так и *групповым*, обращенным сразу к некоей совокупности, группе лиц. В первом случае ответы на вопросы выражают мнение одного человека, во втором — мнение целого коллектива.

Поскольку беседа по программе может быть только *устной*, весьма важное значение в рамках данного вида исследования приобретает различение *протоколируемых* и *непротоколируемых* интервью. Как подчеркивают многие социо-

логи, при исследовании общественного мнения по щепетильным вопросам лучше прибегать к методу непроотоколированного интервью, потому что факт фиксации высказываний может отрицательно воздействовать на говорящего⁷.

В отличие от интервьюирования, анкетирование всегда связано с ведением протокола ответов опрашиваемого. Однако при этом оно может быть как *устным*, так и *письменным*. В первом случае исследователь обращается к опрашиваемому с устными вопросами (например, по телефону) и сам записывает ответы последнего на анкетный бланк (этот метод нередко называют *интервью-анкетой*). При письменном анкетировании анкетный бланк вручается непосредственно опрашиваемому, и он лично заполняет его. Наряду с названными видами существует еще *смешанное*, письменнорстное анкетирование; «в этом случае опрашиваемое лицо самостоятельно заполняет карточку опроса, но в дальнейшем исследователь, принимая карточку, имеет возможность уточнить детали, поставить дополнительный вопрос и т. д.»⁸.

Говоря о методах анкетирования, можно принимать во внимание и технику проведения опроса; тогда, например, следует выделить анкетирование по программам, содержащим исключительно одни закрытые вопросы (такой метод называется *голосованием*, или *анкетой-молнией*), а в рамках устного анкетирования — опросы с наличием или отсутствием визуального контакта между анкетером и опрашиваемым, и т. д. Однако гораздо более существенное значение имеет учет такой стороны дела, как наличие или отсутствие вообще непосредственных контактов между исследователем и исследуемым. С этой точки зрения различаются программный *личный* и программный *заочный* опросы. Ясно, что в объеме первого входят все перечисленные выше виды интервьюирования и анкетирования. Объем второго совпадает с письменным анкетированием (случаи, когда опрос проводится, например, по почте).

...Таковы в целом, с нашей точки зрения, основные методы фиксирования общественного мнения. В конечном виде их классификация принимает следующий вид:

⁷ См., напр., Mildred B. Parten, *Surveys, Polls, and Samples*. N. Y., 1965.

⁸ В. Ядов. Из опыта работы лаборатории социологических исследований при ЛГУ, стр. 205.

Методы фиксации общественного мнения

I. Методы изучения внешне объективированных фактов сознания

- | | |
|-----------------------------------|------------------|
| А. Наблюдение — | 1) внешнее |
| | 2) участвующее |
| Б. Анализ документов — | 3) личных |
| | 4) общественных |
| В. Анализ практических действий — | 5) отдельных лиц |
| | 6) масс |

II. Методы изучения непосредственных фактов сознания (опросы)

- | | |
|---|---|
| Г. Беспрограммный опрос | |
| а) личный — | 7) беседа на заданную тему |
| б) заочный (изложение на заданную тему) — | 8) устный |
| | 9) письменный (корреспондентский метод) |
| Д. Программный опрос | |
| а) личный — | |
| интервьюирование (индивидуальное или групповое) — | 10) протоколируемое |
| | 11) непротоколируемое |
| анкетирование (индивидуальное или групповое) — | 12) устное (интервью-анкета) |
| | 13) письменное |
| | 14) смешанное |
| б) заочный — | 15) письменный |

Методы исследования с точки зрения охвата объема изучаемой совокупности

Теперь вспомним о третьей оси дифференциации методов активного выявления и фиксации общественного мнения — связанной с *объемом программы*. В известном смысле этот дифферент имеет значение и применительно к методам пассивного фиксации объективированных фактов сознания, поскольку и там число наблюдений или анализируемых документов может быть более и менее значительным. Однако, с другой стороны, в силу отмеченной выше «неуправляемости» объекта исследования, в случае анализа объективированных фактов сознания изучаемая совокупность практически никогда не может быть охвачена достаточно полным образом и — главное — в соответствии с заранее определенной (по объему) программой (невозможно, например, говорить о *всеобщем* наблюдении или об изучении личных документов, представляющих *всех* без исключения членов анализируемой группы, и т. д.). Словом, критерий

объема программы, вернее, *отношения объема программы к объему изучаемой совокупности*, специфичен прежде всего для методов опроса.

Имея в виду эту сторону дела, социология, как и статистика, выделяет исследования со *сплошным* охватом объектов изучаемой совокупности, с охватом *основного массива* (решающего большинства) этих объектов, с охватом их *части* (определяемой в соответствии с теми или иными критериями), а также так называемые *монографические* исследования, охватывающие не всю совокупность в целом и не ту или иную часть ее, а отдельных, единичных (типичных) представителей целого.

Если принять во внимание, что метод основного массива представляет собой в принципиальном отношении одну из конкретных форм исследования *части* целого, то применительно к способам изучения общественного мнения можно говорить о трех основных методах:

- 1) всеобщем опросе,
- 2) выборочном опросе и
- 3) локальном опросе.

В случае всеобщего опроса число опрашиваемых (n) равняется числу членов (N) изучаемой совокупности («вселенной») или бесконечно близко к нему. Классическим образцом применения этого метода в рамках общества в целом являются всеобщие переписи населения, всеобщие выборы, референдумы и т. п.

При выборочном опросе число n всегда представляет собой большую или меньшую дробь от N . Таково в сущности большинство опросов, проводимых национальными институтами общественного мнения в масштабах страны.

Наконец, локальный опрос ограничивается изучением отдельных элементов (или сфер), входящих в структуру исследуемой «вселенной». Объектом исследования здесь является также «вселенная» в целом (например, промышленность данного города), непосредственным же его предметом — какой-то единичный представитель этой «вселенной» (например, одно предприятие). Проводя опрос в рамках избранного локала, исследователь должен прийти к выводам, характеризующим «вселенную» в целом. Это заставляет его придерживаться определенных принципов отбора. Что же касается характера опроса, то в рамках избранного предмета он, понятно, может быть как всеобщим, так и выборочным.

33. ПЛЮСЫ И МИНУСЫ МЕТОДА ВЫБОРОЧНОГО АНКЕТНОГО ОПРОСА

При исследовании общественного мнения в той или иной мере и в тех или иных границах применяются все перечисленные методы. Поэтому каждый из них может и должен детально разрабатываться в теоретическом плане с целью совершенствования методики и техники применения. Однако, с другой стороны, нельзя не видеть, что мера и границы фактического использования названных методов действительно весьма различны.

Так, выше мы уже отмечали, что методы фиксации непосредственных фактов сознания являются несравненно более эффективными и потому значительно более часто применяемыми на практике, нежели методы изучения объективированных фактов сознания. В рамках первых то же самое нужно сказать о методах программного опроса — они позволяют изучать общественное мнение и использовать результаты такого изучения с гораздо большей степенью точности, нежели методы бесед или изложений на заданную тему.

Анкетирование —
основной
способ изучения
общественного
мнения

Гораздо сложнее отдать предпочтение тому или иному методу в рамках собственно программного опроса: интервьюирование и анкетирование имеют, пожалуй, одинаковое количество различных «за» и «против». Однако, как кажется, в целом социологи все же значительно чаще прибегают к анкетированию (прежде всего устному, то есть к интервью-анкете), нежели к интервьюированию. И это в общем-то понятно: анкета позволяет более строго фиксировать содержание высказываемых мнений, чем свободная беседа по программе, а кроме того, анкетирование требует несравненно меньших сил и средств, дает огромную экономию во времени и т. д. Все это позволяет считать *метод анкетного опроса ведущим, основным методом изучения общественного мнения*. Если же при этом принять во внимание фактор охвата объема изучаемой совокупности, то такая роль должна быть признана за методом *выборочного анкетного опроса*.

Правда, априори можно сказать, что с этим нашим последним выводом многие не согласятся. Несмотря на то, что указанный метод нашел и находит самое широкое применение в практике исследований в странах социализма и на Западе, несмотря на то, что с его помощью получено великое

множество исключительно важных и точных результатов, он постоянно со всех сторон подвергается самой резкой критике, причем критике не только конструктивной, но и самой что ни на есть уничтожающей, ставящей под сомнение самое правомочность его применения.

Приведем на этот счет несколько типичных высказываний.

Дж. Бернал: «...Появляется нечто, готовое превратиться в смесь производящей впечатление статистики и самых обычных банальностей, выраженных на напыщенном научном языке и основывающихся на анкетах, которые заполняются маловажными вопросами и случайными или неточными ответами на них»⁹.

А. Уледов: «Следует отметить, что метод выборочного опроса, разрекламированный буржуазной социологией, не может быть признан научным методом изучения общественного мнения, особенно в том его виде, как он применяется сейчас институтами общественного мнения буржуазных стран. Научным он не может быть признан уже потому, что опрашиваемые подбираются среди населения совершенно произвольно, а получаемый материал крайне ограничен и не позволяет сделать выводы об общественном мнении той или другой страны...»¹⁰

Е. Д. Модржинская: Метод выборочных опросов, «хотя и имеющий ряд удобств практического свойства, вызывает вместе с тем весьма серьезные сомнения даже среди буржуазных социологов. Прежде всего он дает чрезвычайно ограниченный материал, чтобы можно было сделать более или менее обоснованные выводы и заключения». Другой порок метода — «его субъективизм, позволяющий игнорировать специфику исследуемого общественного явления путем сведения последнего к чисто количественным проблемам»¹¹.

М. Н. Руткевич и Л. Н. Коган: «...Следует отметить недостатки метода опроса. При его проведении необходима проверка того, насколько типичны опрашиваемые лица для данной группы. Буржуазные социологи проводят интервью со случайно подобранными лицами, а иногда и «приготовли-

⁹ Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 666.

¹⁰ А. К. Уледов. Общественное мнение как предмет социологического анализа, стр. 44.

¹¹ Е. Д. Модржинская. Проблемы общественного мнения на конференции Британской социологической ассоциации. «Вопросы философии», 1956, № 3, стр. 250.

вают» желаемый результат за счет предвзятого подбора опрашиваемых... Что же касается проведения анкетных опросов, то, вопреки распространенному в некоторых научных коллективах мнению, мы не считаем их основным методом сбора социологического материала. Анкета дает возможность довольно быстро получить фактический материал и охватить опросом сравнительно большой круг людей; материал, полученный на основе анкет, проще обработать. Но доброкачественность полученного материала зависит от содержания самих анкет. Вопросы анкеты должны быть четко сформулированы и отвечать целям исследования. Анкеты не следует перегружать обилием вопросов, они должны давать только такой материал, который отсутствует в официальных статистических отчетах»¹².

П. Маслов: «Анкеты — весьма распространенный в капиталистических странах способ наблюдения. Институты общественного мнения всю свою работу строят на собирании и обработке разнообразных анкет. Этот способ наблюдения удобен тем, что он дает возможность незаметно и безболезненно для чьего-либо самолюбия придавать результатам известный уклон, то есть попросту фальсифицировать общественное мнение. Прежде всего создается впечатление полной объективности выбора объекта (среды) наблюдения: анкеты рассылаются всем слоям общества, в том числе и самым немощным... Но... чтобы получить анкету, нужно иметь постоянный адрес, хотя бы тот, по которому выписываются газеты. Между тем довольно значительный слой американцев не имеет адреса. Особенно это относится к тем сельскохозяйственным рабочим, которые кочуют в поисках заработка»¹³.

А. М. Гиневский: Как правило, институты общественного мнения Запада «прибегают не к широким (куда там до всенародных!), а к выборочным опросам, то есть адресуются к отдельным социальным группам общества... Буржуазные социологи афишируют его (метод выборочного опроса.— В. Г.) как чуть ли не основной, во всяком случае всеобщий, способ распознавания общественных точек зрения. Конечно, такие доводы не выдерживают критики. Главным такой метод нельзя признать уже хотя бы потому, что он доставляет в

¹² М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган. О методах конкретно-социологического исследования, стр. 129—130.

¹³ П. Маслов. Статистика и ее роль в конкретно-социологических исследованиях. В кн.: «Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований», стр. 86.

ряде случаев *узколокальный, ограниченный* материал. А требуются ли доказательства того, что при выборочном подходе к исследованию буржуазный аналитик, допуская произвольный подбор опрашиваемых или тенденциозно их группируя, неуклонно сворачивает на обочину субъективизма? К тому же сами вопросы зачастую формулируются таким образом, чтобы заранее предрешить, навести на определенный желательный ответ»¹⁴.

И так далее и тому подобное. Мы специально привели все эти высказывания в таком количестве и в таком развернутом виде, чтобы стала очевидной вся амплитуда критических замечаний, обычно направляемых в адрес метода выборочного анкетного опроса. И, как нетрудно убедиться, многие из этих замечаний бьют явно мимо цели, являются плодом предвзятости, несовместимой со строго научным подходом к делу, поистине (выражаясь словами последнего цитируемого нами автора) «не выдерживают критики». Мы затратили бы слишком много времени и места, если бы начали сейчас детально полемизировать с каждым из этих высказываний, вскрывать содержащиеся в них многочисленные терминологические неточности, алогизмы и прямые передержки (чего стоит одно только суждение А. М. Гиневского: «...главным такой метод нельзя признать уже хотя бы потому, что он доставляет *в ряде случаев узколокальный, ограниченный материал*», — спрашивается, а как обстоит дело во всех остальных случаях?!). Поэтому мы остановимся только на некоторых наиболее общих вопросах.

**Мнимые
минусы
выборочного
анкетирования**

«Ненаучный характер» рассматриваемого метода связывают прежде всего с тем, что он не охватывает исследуемый материал полностью, оперирует ограниченными, частичными данными — опирается на выборку. В таких случаях выборочный опрос противопоставляют (прямо или скрыто) всеобщему опросу. Однако, что, в сущности, хотят сказать этим противопоставлением?

Если то, что полная индукция несравненно надежнее неполной, то это, разумеется, верно. Всеобщий анкетный опрос, проводимый, например, в форме всеобщих выборов.

¹⁴ А. М. Гиневский Об опыте работы «Делового клуба» «Экономической газеты». В кн.: «Опыт и методика конкретных социологических исследований», стр. 109.

референдумов или переписей населения, дает конечно же значительно более точную и убедительную картину, нежели какое-либо, даже самым искусным образом проведенное, выборочное обследование. Однако означает ли это, что всеобщий опрос должен быть признан в качестве основного метода исследования общественного мнения? Отнюдь. Больше того, он заведомо не может играть такой роли, поскольку его применение является чрезвычайно трудоемким и дорогостоящим мероприятием. Известно, как редко проводятся референдумы и переписи населения и как долго обрабатываются собранные таким образом материалы, если обсуждавшаяся программа была хоть мало-мальски сложной (напомним, для примера, что 1-й сводный том с результатами Всесоюзной переписи населения 1959 г. появился только в 1962 г.). Между тем у развитого общества существует потребность в информации о *каждодневном* состоянии общественного мнения. Такая информация может быть добыта лишь с помощью оперативных методов исследования — фиксирования и обработки высказываний общественности. К их числу относятся как раз методы выборочного анкетирования.

Если указанным противопоставлением хотят сказать, далее, что применение методов выборочного анкетирования связано с решением крайне сложной проблемы репрезентации — проблемы, не существующей в рамках всеобщего опроса, — то это, разумеется, также верно. Выборка, к которой прибегает исследователь, действительно должна удовлетворять множеству условий, чтобы соответствовать по своему составу структуре изучаемой «вселенной». Однако это обстоятельство не делает рассматриваемый метод ненадежным, поскольку среди всевозможных форм выборки имеются и такие, которые позволяют добиться вполне удовлетворительного решения проблемы репрезентации. И уж во всяком случае организуемое и строго контролируемое исследователем выборочное анкетирование в этом отношении куда более надежно, чем все остальные методы анализа, также опирающиеся на неполный охват изучаемого материала, — такие, скажем, как всенародное обсуждение и дискуссии, наблюдение и анализ документов.

Если же, говоря об «ограниченности», «частичности» материала, добываемого с помощью метода выборочного анкетирования, хотят поставить под сомнение правомочность неполной индукции вообще, то с этим согласиться никак уже нельзя: такая, с позволения сказать, «критика» по сути пе-

речеркивает всю науку, всякое теоретическое мышление, которое в подавляющем большинстве случаев практически *всегда* оперирует как раз не полным, но частичным материалом, то есть представляет собой типичную *выборку*.

Это обстоятельство не кажется сакраментальным, пока речь идет не о социологии. Во всяком случае, никому не приходит в голову поставить под сомнение выводы биолога относительно особенностей того или иного вида или рода на том основании, что эти выводы базируются на знакомстве исследователя не со всеми без исключения особями данного вида (рода), но лишь с отдельными его представителями. Точно так же никто из марксистов не требует полноты перечисления фактов и от историка, описывающего то или иное явление из жизни общества, всем ясно, что такое требование не только практически неосуществимо (поскольку факты, связанные даже с одним-единственным историческим событием, оказываются поистине бесчисленными), но и ошибочно в принципиальном отношении (ведь если быть последовательным, то выступить с таким требованием можно, лишь приняв точку зрения современного агностицизма или иррационализма, отрицающего повсюду объективные закономерности и провозглашающего единичные факты в качестве вполне уникальных, неповторимых феноменов). Признание существования в мире природы и общества объективных законов и закономерностей, объективной диалектики единичного и общего, а следовательно, и однопорядковых, инвариантных явлений и фактов ведет к активному утверждению не только возможности и действительности, но и совершенной правомерности научного анализа, характеризующего общее по его части. Особенно, если речь идет об анализе так называемых *массовых явлений*, статистических совокупностей, в рамках которых действует закон больших чисел.

Но ведь именно с таким объектом и имеет дело социология вообще и социология общественного мнения в частности. Почему же тогда, спрашивается, принципы научного мышления должны быть здесь иными, нежели, скажем, в биологии или истории? Почему, в частности, тот самый выборочный анализ, который не вызывает там никаких сомнений, должен объявляться здесь «ненаучным»?

Сейчас в СССР насчитывается около 150 млн. человек взрослого населения (считая с 16 лет). Можно утверждать, что среди них нет двух *абсолютно похожих* друг на друга

людей. Допустим. Однако означает ли это, что каждый из них *абсолютно непохож* на других? Разумеется, нет! Ведь уже природа «разбила» людей, к примеру, на мужчин и женщин, позаботилась о том, чтобы дети походили на своих родителей, она же ограничила возможности человечества, скажем, в цвете волос (хотя современная химия борется с этим изо всех сил!), «рассортировав» всех на брюнетов, блондинов и пр., и т. д. Еще больший «вклад» в создание сходства между людьми внесло общество. Оно поставило различные группы людей в одинаковое имущественное (или еще шире — классовое) положение; «заставило» их заниматься одним и тем же трудом, объединив по профессиям; породило у них общность целей, взглядов и оценок, организовав в различные политические, идеологические и прочие партии, течения и т. д. и т. п.

В таких условиях точка зрения, настаивающая на полном охвате единиц изучаемой совокупности как на единственно надежном способе исследования и объявляющая выборочный анализ, как таковой (независимо от качества выборки!), неправомочным, оказывается явно несостоятельной. Она могла бы быть оправданной, если бы существовали ситуации, в которых *каждый* из 150 млн. членов общества имел бы по тому или иному вопросу свое собственное, сугубо уникальное, не совпадающее ни с каким другим мнение. Однако, как мы знаем, существование подобных ситуаций — не более чем плод дурной абстракции. Даже теоретически невозможно представить себе вопросов, которые были бы способны вызвать такой плюрализм мнений (как известно, этого не случилось даже при выяснении тайны тунгусского метеорита!). А потом возникновение такой ситуации означало бы на деле разрушение всего социального: люди просто-напросто не могли бы договориться между собой...

В отличие от этого, существующего лишь в дурной абстракции, общественного мнения, общественное мнение, реально действующее в рамках тех или иных социально-демографических групп (а нередко и в рамках общества в целом), является всегда более или менее монистическим по своей структуре, во всяком случае насчитывающим строго ограниченное число точек зрения. И уже одно только это объективное обстоятельство избавляет исследователя от необходимости обращаться буквально к каждому члену группы, дает возможность составить представление о мнении группы по мнению отдельных, *избранных* ее представителей.

Таким образом, сам по себе выборочный анализ не только не может быть назван «ненаучным», но должен быть признан в качестве в высшей степени эффективного средства научного познания общественных явлений¹⁵.

Правда, во всей этой проблеме есть еще одна сторона дела, связанная с характером использования метода, со степенью владения им: известно ведь, что одно и то же орудие труда способно дать в руках подлинного мастера и неумелого ученика или ремесленника-бракодела совершенно различные результаты. Однако ясно, что при теоретическом рассмотрении метода, как такового, недопустимо смешивать его *существо* и *конкретные* (неудачные) *формы* его применения.

Между тем именно в такую ошибку постоянно впадают критики выборочного анкетирования, в результате чего число мнимых минусов метода резко увеличивается.

В самом деле, о чем говорят приведенные выше высказывания? О том, что при выборочном анкетировании «опрашиваемые подбираются среди населения совершенно произвольно» (А. Уледов), что анкеты «заполняются маловажными и случайными или неточными ответами на них» (Дж. Бернал), о том, что «этот способ наблюдения ...дает возможность фальсифицировать общественное мнение» (П. Маслов), допускает «произвольный подбор опрашиваемых», их «тенденциозную группировку» (А. Гиневский) и т. д. и т. п.

Спрашивается, существуют ли подобные огрехи (сознательно или бессознательно допускаемые) при исследовании

¹⁵ Сошлемся на мнение академика В. С. Немчинова. Существует «неправильное представление,— писал он,— будто в новых, социалистических условиях отпадает потребность в социально организованных массовых статистических наблюдениях (типа сплошных переписей и выборочных обследований)... Является ошибочным ограничение статистики задачами сплошного народнохозяйственного учета... Общая сводка данных государственной отчетности не в состоянии предусмотреть необходимой группировки статистических данных, важных для получения конкретных условий и факторов развития общественной жизни. Возможность организовать углубленную выборочную разработку данных государственной отчетности должны получить не только органы государственной статистики, но и соответствующие научно-исследовательские учреждения» (В. С. Немчинов. Социология и статистика, «Вопросы философии», 1955, № 6, стр. 29). Обоснование необходимости выборочных исследований с точки зрения возможностей использования закона больших чисел см. в статье О. О. Яхота «Об объективной природе статистических закономерностей» («Вопросы философии», 1956, № 4).

общественного мнения? Бесспорно. И в большом количестве. И, кстати сказать, далеко не только в работах буржуазных социологов. Однако правомочно ли упрекать печатный станок за то, что на нем изготавливаются фальшивые деньги?! Не очевидно ли, что корень зла кроется в самих фальшивомонетчиках?!

Смешение этих разных вещей, допускаемое рассматриваемой тенденциозной критикой, не дает возможности принимать последнюю всерьез. Ей всегда могут и должны быть противопоставлены многочисленные ссылки на иную практику исследования общественного мнения, основанную на строго научном применении метода выборки, когда опрашиваемые подбираются не произвольно, но в соответствии с нормами репрезентации, отражающими объективную структуру изучаемой «вселенной»; когда анкеты заполняются важными и безошибочно составленными вопросами; когда, наконец, общественное мнение не фальсифицируется, но подвергается предельно точному измерению.

Точно так же не касаются действительных минусов метода выборочного анкетирования и те его критики, которые подменяют анализ существа метода сетованиями по поводу трудностей, возникающих при его использовании.

«Следует отметить недостатки метода опроса,— пишут, например, М. Н. Руткевич и Л. Н. Коган.— При его проведении необходима проверка того, насколько типичны опрашиваемые лица для данной группы...» Однако какой же это недостаток метода? Критический отбор и оценка исходного материала предполагаются в *любом* научном исследовании, при использовании *любого* метода. Вместе с тем не критикуем же мы, к примеру, исторический метод за то, что исследователю бывает сложно отобрать и предварительно оценить подлежащие историческому воспроизведению факты. Или те же авторы дальше пишут, что рассматриваемый метод плох тем, что «доброкачественность полученного материала зависит от содержания самих анкет. Вопросы анкеты должны быть четко сформулированы...» и т. д. Все здесь верно, кроме одного — что отмеченные моменты имеют какое-либо отношение к недостаткам метода. Разве результаты метода интервью, который М. Н. Руткевич и Л. Н. Коган противопоставляют анкетному в качестве более совершенного, не зависят от того, как проводится интервью, от содержания беседы, от умения исследователя вести ее и т. д. и т. п.?

**Действительные
минусы
выборочного
анкетирования**

Другое дело, что методу выборочного анкетного опроса присущи некоторые, так сказать, органические недостатки, связанные не с извращениями, не с умелым использованием этого метода, но с самим его существом. Выяснить их весьма важно, поскольку они позволяют понять объективные границы и условия применения рассматриваемого метода.

Бесспорно, главный из этих недостатков (мы многократно говорили о нем выше, упоминания о нем содержатся и в приведенных критических высказываниях) — субъективизм метода. Он заключается прежде всего в том, что «техника анкет, — как справедливо пишет чехословацкий социолог П. Махонин, — всегда несколько упрощает сложную действительность, всегда дает несколько поверхностное и субъективно окрашенное представление о действительности. При помощи анкет мы, собственно говоря, узнаем, что человек захочет нам сказать или, в лучшем случае, что он действительно думает о своих поступках, а не то, что он действительно делает. Иначе говоря, узнаем не факты, а их субъективное отражение. Эту слабую сторону анкет можно в некоторой степени ограничить обдуманностью содержания и структуры анкеты, но никогда нельзя ее свести к нулю»¹⁶.

С другой стороны, дело не только в этом, не только в фигуре опрашиваемого. Как мы видели выше, моменты субъективизма тесно связаны и с фигурой самого исследователя, поскольку на качестве результатов опросов всегда лежит зримая печать приемов и методов его работы. Причем речь идет не об умении или неумении исследователя работать, не о степени его владения методом, короче, не об *ошибках* в исследовании (подобный субъективизм неизбежен при использовании любого, даже самого объективного метода). Речь идет о другом — о том, что в данном случае объект исследования (а им является субъективный мир людей, мир их эмоций и мнений), в силу своей специфики, способен испытывать и постоянно испытывает на себе влияние фигуры исследователя. Между объектом и субъектом исследования здесь возникает и действует связь, аналогич-

¹⁶ П. Махонин. О социологических исследованиях рабочего коллектива пражского завода «Соколово». В кн.: «Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований», стр. 169.

ная той, которая существует и действует между поведением микрочастицы и измеряющим ее прибором...

Вместе с тем, когда мы говорим о субъективизме, неизбежно связанном с применением метода выборочного анкетного опроса, нужно иметь в виду и, так сказать, противодействующие этому минусу обстоятельства.

Первое из них заключается в том, что подобный субъективизм является отличительным признаком не собственно выборочного исследования, но *методов опроса вообще*, независимо от того, осуществляются ли они в форме выборки или всеобщего опроса, в форме программного анкетирования или беспрограммных изложений на заданную тему. Сплошные переписи населения¹⁷, всенародные обсуждения, теоретические конференции, дискуссии в печати, интервьюирование, всеобщие выборы и референдумы — все они в большей или меньшей степени неизменно связаны с элементами субъективизма. Свободными от этого недостатка надо признать только методы, направленные на анализ непосредственно объективной действительности, да и то не все, а лишь те из них, в которых измерение объекта опирается на учет строго объективных, не связанных с фигурой исследователя (как, скажем, при наблюдении¹⁸) признаков.

Во-вторых, отмечаемый минус метода может быть в той или иной степени (иногда значительной) *ослаблен* исследователем при помощи разного рода методологических и методических приемов. В главе 5 мы подробно останавливались на условиях и способах повышения объективности результатов опросов — как в плане приближения содержа-

¹⁷ «Поскольку перепись проводится специально для этого выделенными и подготовленными лицами, а при заполнении ряда граф анкеты требуется документальное подтверждение,— пишет в этой связи Л. Н. Суворов,— степень ее объективности, конечно, неизмеримо выше, по сравнению с другими видами анкетирования, не подкрепляемыми документально. Однако и здесь возможен определенный процент субъективизма (определение возраста при утере документов, его подтверждающих, образования, национальности, трудового стажа, социального положения и т. д.)» (Л. Н. Суворов. Марксистская социология и конкретные социальные исследования, стр. 71).

¹⁸ «В процессе непосредственного наблюдения отрицательную роль могут сыграть индивидуальные особенности наблюдателя (недостаточная квалификация или малые навыки, усталость, заинтересованность в получении желательных показателей и пр.)» (Л. Н. Суворов. Марксистская социология и конкретные социальные исследования, стр. 70).

ния мнений к отражаемой в них действительности, так и в плане приближения мнения, высказываемого вслух, к мнению, действительно существующему.

Наконец — и это самое главное — рассматриваемый минус выборочного анкетирования сохраняет свою силу в *определенных границах*, действует в *известных рамках*, а именно: преимущественно при исследовании объективного мира, при измерении фактов и явлений бытия.

К сожалению, многочисленные критики метода чаще всего упускают из виду данное обстоятельство. Совершенно справедливо полагая, что анкетирование вообще и выборочное анкетирование в частности не может быть признано в качестве основного метода проведения социологических исследований, они незаметно для себя переходят от социологии вообще, имеющей дело преимущественно с измерением явлений объективной действительности, к социологии общественного мнения. Однако весь фокус в том и состоит, что такой трансцензус неправомерен: предметом последней является субъективный мир людей, и естественно, что обращенный к сознанию метод анкетирования, играющий при измерении фактов и явлений общественного бытия второстепенную, вспомогательную роль (в сравнении с разного рода объективными методами — статистическим, хронометража и пр.), становится основным, когда речь заходит об измерении общественного мнения, фактов и явлений массового сознания. В этих границах рассматриваемый минус метода превращается даже (при прочих равных обстоятельствах) в его своеобразный плюс. Но только в этих границах. Во всяком случае, метод анкетирования нет смысла применять там, где явления могут быть измерены с помощью более надежных объективных методов. Об этом достаточно говорилось в главах 3 и 6.

Следующим (после субъективизма) минусом выборочного анкетирования — минусом, связанным преимущественно уже не с опросным, но с выборочным характером исследования, является то, что этот метод, как пишет Е. Д. Модржинская, «дает чрезвычайно *ограниченный материал*, чтобы можно было сделать более или менее обоснованные выводы и заключения».

Правда, сформулированный таким образом, этот упрек методу весьма неточен: из него остается неясным, в каком отношении «ограниченным» оказывается получаемый материал. Если речь идет о чисто количественной стороне дела

(величине объема рассматриваемого материала), то, понятно, она не может быть отнесена к минусам метода: ничто не мешает исследователю расширить изучаемый материал, «распространить» метод на предельно широкий ансамбль опрашиваемых лиц. Во всяком случае, уступающий различным формам всеобщего опроса, метод выборочного анкетирования с этой точки зрения, то есть с точки зрения возможности охвата объема изучаемой совокупности, обладает как раз значительными преимуществами по сравнению со многими другими, более ограниченными в этом отношении, методами, например интервьюирования, наблюдения и т. п.

И все же мысль об ограниченности материала, добываемого с помощью выборочного анкетного опроса, не лишена оснований. Дело в том, что средствами выборочного исследования весьма сложно точно зафиксировать всю гамму существующих в обществе по тому или иному вопросу мнений. В настоящее время в социологии разработаны различные способы организации выборки (мы будем говорить о них ниже), каждый из них в разной, большей или меньшей, мере обеспечивает совпадение картины выявляемых мнений (качественной и количественной) с картиной мнений, объективно существующей в данный момент в обществе. Однако следует признать, что в рамках выборочного опроса цель эта практически никогда не может быть достигнута с полной гарантией, что называется, «на все сто процентов».

Это верно, прежде всего, по отношению к *качественной* мозаике мнений. «Выхватывая» тем или иным способом людей из определенного «социального контекста», исследователь исходит из предположения, что в выборке окажутся представленными все важнейшие группы мнений. И в общем-то такое предположение (особенно при некоторых формах выборки и сравнительно большом объеме опрашиваемого ансамбля) оправданно: как мы видели, качество (содержание) мнений определяется в первую очередь объективным социальным (в широком смысле слова) положением людей. Однако при всем при том тут имеется и немалое «но». Оно заключается в том, что всякая выборка основывается на учете довольно ограниченного количества объективных критериев, характеризующих социальное положение людей. Обычно это — критерии пола, возраста, рода занятий, образования и т. п. Мир же мнений форми-

руется под влиянием значительно большего количества факторов. В результате границы выбираемых исследователем объективных групп не совпадают с границами существующих в обществе групп мнений. А раз так, то не может быть полной уверенности и в том, что, представив в выборке все основные части «социального контекста», мы тем самым представим в ней полностью и всю реально существующую картину мнений. Последняя в условиях выборочного опроса всегда неизбежно будет «ограниченной», огрубленной.

И то же нужно сказать в отношении *количественного* измерения групп мнений. В силу того же указанного несовпадения границ мнений с границами групп, выделяемых по объективным признакам, и ограниченного учета в процессе выборки объективных факторов, реально влияющих на формирование взглядов людей, многие формы выборочного опроса даже при условии фиксирования всех различающихся в содержательном смысле мнений не позволяют определить точные пропорции, в которых эти различные мнения реально относятся друг к другу. Абсолютно же точными такие измерения не могут быть никогда. Такой результат может быть получен лишь в рамках всеобщего опроса.

Наконец, у метода выборочного анкетирования есть еще один весьма серьезный недостаток, с которым невозможно не считаться при проведении социологических исследований. Это... *кажущаяся легкость применения* данного метода, его исключительная простота, всеобщая доступность. Чего, мол, проще: отпечатал анкету, распространил ее, собрал, подсчитал итоги, опубликовал результаты — и дело с концом!.. Именно это представление лежит в основе двух противоположных по своей направленности и одинаково вредных по своим последствиям тенденций.

С одной стороны, социологом становится, вернее, объявляет себя буквально каждый, кто однажды вздумал провести какой-либо опрос. Журналисты и хозяйственники, партийные и комсомольские работники, директора кинотеатров и милиционеры — все как один занимаются теперь анкетированием. Разумеется, причины этого явления сложны. Дело не только в том, что социология стала модой. Главное — люди пытаются удовлетворить многолетний голод на знание конкретных процессов, происходящих в обществе, заполнить долгое время существовавший в этом отношении вакуум. Поэтому и относиться к этому объективному

процессу «социологизации» всяческой деятельности нужно очень внимательно, с пониманием его существа, без решительных постановлений «прекратить анкетирование». Однако вместе с тем эта социологическая «самодеятельность» не может и приветствоваться. Измерение социальных процессов вообще и явлений общественного сознания в частности — дело исключительно науки. Какая-либо профанация, фальсификация действительности тут столь же вредны, как и недавнее неведение. А при отсутствии строго научного подхода к делу, при отсутствии необходимых теоретических, методологических и методических знаний эта профанация и фальсификация неизбежны. Кажущиеся столь легкими «роздал», «собрал», «подсчитал» на деле сопряжены, как мы видели, с огромными трудностями, и, если эти трудности не преодолеваются средствами науки и даже не замечаются, исследование не может дать сколько-нибудь надежных результатов, способно лишь дискредитировать подлинно научную социологию.

Смысл другой тенденции в отношении к методу анкетирования состоит в том, что те же журналисты, считая себя вполне компетентными в таком деле, как составление анкеты, определение схемы опросов или решение проблемы репрезентации, полагают возможным вмешиваться в процесс собственно научного творчества, определять для социологов, что «хорошо», а что «плохо»¹⁹.

Все отмеченные минусы метода выборочного анкетирования, разумеется, снижают эффективность его действия, затрудняют применение его в практике конкретных исследований. Однако они не меняют данной нами общей оценки

¹⁹ В этой связи нельзя не вспомнить высказывания академика С. Г. Струмилина, относящиеся к 1923 г., по поводу безграмотной критики анкетного метода одним из журналистов «Рабочей газеты»: «Нам всем до смерти надоели разные анкеты, собираемые по всякому поводу и без всякого повода и затем зачастую даже вовсе не разрабатываемые. Поэтому готовность обругать любую анкету у многих из нас весьма большая. А в некоторых кругах это в одно время вошло даже в моду. Но нужно различать анкеты и анкеты. И нельзя в государстве, стремящемся осуществить социализм, со слишком большим высокомерием относиться ко всякому учету и статистике... Мы должны всячески приветствовать каждую грамотную попытку в этом направлении. Задачей же рабочей прессы, как нам кажется, является всячески поддерживать такие попытки, а не обескураживать их инициаторов невежественным глумлением в том духе, образчики которого мы выше приводили» (С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. Госполитиздат, М., 1957, стр. 234—236).

этого метода: выборочное анкетирование является одной из наиболее распространенных форм проведения конкретно-социологических исследований вообще и основным способом фиксирования и изучения общественного мнения. Этому в большой мере способствует то обстоятельство, что рассматриваемый метод отличается от всех других рядом существенных преимуществ, о большинстве из которых мы уже говорили. Это — возможность широкого охвата изучаемой совокупности, помноженная на несравненную экономичность и оперативность исследования, большая четкость фиксирования фактов сознания, легкость технической обработки полученных результатов и т. д.

Вместе с тем, отмечая плюсы и минусы выборочного анкетирования, мы должны иметь в виду, что этот метод ни при исследовании общественного сознания, ни, тем более, при исследовании общественного бытия *не является единственным*, должен применяться в сочетании с другими методами (статистическим, наблюдения, анализа документов и др.), тогда эффективность и точность его действия значительно повышаются²⁰.

34. ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Итак, по самому своему определению выборочное анкетирование представляет собой опрос части исследуемой «вселенной» (общества в целом или его какой-либо отдельной сферы). Такое исследование может проводиться со сравнительно узкой задачей — получить знание исключительно относительно рассматриваемой части целого, и тогда, понятно, все выводы будут считаться имеющими силу лишь для взятой совокупности. Однако в подавляющем большинстве

²⁰ «Анкета является социологической только в том случае, если она дает возможность сопоставить в массовом порядке определенные субъективные ответы с определенными объективными данными и обуславливаемыми ими субъективными процессами сознания. В зависимости от цели, задач и объекта конкретного социологического исследования анкета может выступать как основной или как вспомогательный метод социального познания. Но и в первом и во втором случае данные, полученные в ходе анкетного опроса, должны быть проверены, подтверждены, дополнены данными, полученными при помощи других методов» (Г. В. Осипов, В. В. Колбановский и др. Марксистская социология и место в ней конкретных социологических исследований, стр. 27).

случаев выборочные опросы (как и любые выборочные исследования вообще) ставят перед собой иную цель — на основании изучения части получить знание о «вселенной» в целом. В известном смысле такие исследования напоминают процесс фотографирования: они дают уменьшенное изображение объективной картины, а затем это изображение подвергается особому «увеличению», позволяющему судить о картине во всех ее деталях.

Но вместе с тем такое сравнение и не очень точно: любое самое мелкое изображение на фотографической пленке уже с самого начала отражает всю картину в целом, и поэтому дальнейшая работа здесь сводится к простому увеличению; напротив, в случае выборочного «фотографирования» действительности мы получаем вначале изображение лишь части общей картины, лишь отдельных ее элементов и затем, в ходе «увеличения», по этой части, по этим отдельным элементам восстанавливаем всю картину в целом. Очевидно, в последнем случае исключительно важное значение приобретает качество этого «уменьшенного изображения» — ведь далеко не по каждой части целого можно составить верное представление о всем целом.

В практике социологических исследований и в нашей стране, и за рубежом довольно часто можно встретиться с опросами, которые строятся на основе так называемой *стихийной выборки*. Характер этой выборки может быть различным: ансамбль опрашиваемых лиц может образоваться по принципу «добровольности» (в опросе принимают участие «все, кто хочет»), по принципу «доступности» (исследователь обращается не к тем людям, которые «нужны», а к тем, кто находится «под рукой», кого он по условиям исследования в данный момент в состоянии опросить) и т. д. Но неизменной общей и определяющей чертой подобных выборок является, безусловно, случайный характер опрашиваемых «экземпляров» относительно отдельных элементов структуры исследуемой «вселенной».

Нет спору, опросы на основе стихийной выборки имеют право на существование, так как позволяют социологу получить определенное знание о действительности. Иногда, в рамках решения отдельных задач, они, как мы увидим, оказываются даже вполне достаточными, особенно если опрашиваемый ансамбль довольно велик по своему объему. И все же нетрудно понять принципиальную ограниченность подобных опросов: при прочих равных обстоятельствах, они не

дают точного изображения изучаемой «вселенной» или, если говорить строже, дают неточное ее изображение.

В главе 4 мы уже отмечали, что общество представляет собой сложную систему с многократно расчлененной структурой. Сферы и группы, образующие эту структуру, отделены друг от друга самыми различными границами: социальными (классовыми), имущественными (группы дохода), половыми, географическими и т. п. Там же говорилось и о том, что и в условиях социалистического общества разные группы людей могут придерживаться (и на практике придерживаются) в отношении различных конкретных вопросов неодинаковых мнений. Из всего этого как следствие вытекает, что, если мы хотим судить по выборке о «вселенной» в целом, необходимо, чтобы выборка была репрезентативной, то есть в той или иной форме и в той или иной степени представляла, отражала все существенные черты структуры изучаемой «вселенной».

Следует признать, что стихийная выборка (особенно если объем опрашиваемых недостаточно велик) обеспечивает такое отражение в наихудшей форме, в наименьшей степени. Она, выражаясь словами В. И. Ленина, обеспечивает «выхватывание отдельных фактиков», отдельных «примеров», в то время как речь должна идти о том, чтобы «брать не отдельные факты, а всю совокупность... фактов, без единого исключения...»²¹ В результате получаемая с ее помощью «фотография» дает не только уменьшенное, но и заведомо искаженное изображение картины — на «фотографии» могут оказаться (и всегда оказываются) неоправданно гипертрофированными одни элементы (части) картины и вовсе отсутствовать другие. Если продолжать нашу аналогию, можно сказать, что с помощью стихийной выборки, никак не регулируемой исследователем, получается изображение, подобное тому, как если бы мы фотографировали лежащего человека, направив объектив на его ступни: на фотографии оказались бы запечатленными огромные подошвы и не было бы... головы.

Гораздо более удовлетворительно проблема репрезентации, то есть соответствия состава опрашиваемого ансамбля составу изучаемой совокупности, решается с помощью *организуемых исследователем* выборок — стратифицированной (ограниченной, или по методу квот), вероятностной (случай-

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350—351.

ной) и др. Такого рода выборки (они называются также социальным *шаблонированием*) организуются уже на основании тех или иных *моделей* изучаемого целого, которые должны соответствовать целому как в отношении его качественных, так и в отношении его количественных характеристик. Иными словами, эти выборки, во-первых, представляют все необходимые элементы структуры целого (группы общества) и, во-вторых, представляют их в необходимом количестве — достаточно большом, чтобы можно было судить об обществе в целом и отдельных общественных группах, и в пропорциях, отражающих объективные пропорции этих групп в общественной структуре.

Остановимся сначала на первой стороне дела — на проблемах качественной репрезентации.

**Структура
общества
и структура
массового
сознания**

Ее смысл состоит в том, что группы опроса, входящие в состав опрашиваемого ансамбля (выборки), должны необходимым образом представлять *группы*, объективно образующие структуру исследуемой «вселенной» (общества в целом

или его отдельных сфер). Наша задача, очевидно, заключается в том, чтобы рассмотреть содержание слов «необходимым образом», то есть ответить на вопросы: какие именно группы «вселенной» должны быть представлены в выборке? Как конкретно обеспечивается это представительство? и т. д.

Для исследователя общественного мнения исключительное значение приобретает прежде всего различие в целостном общественном организме, с одной стороны, групп, образующих *социально-демографическую структуру общества*, то есть объединяющих людей одного положения, и, с другой стороны, групп, образующих *структуру массового сознания*, то есть объединяющих людей одних взглядов. Границы тех и других групп совпадают, как мы уже говорили, далеко не всегда.

Мы видели, что расчленение общества в социально-демографическом отношении весьма многопланово. Применительно к современному советскому обществу можно говорить, например, о классах, о группах по характеру труда, величине дохода, семейному положению, полу, возрасту, образованию, типу местожительства (например, город и село), району жительства и т. д. и т. п. Оставляя пока в стороне вопрос о том, какие именно группы и в зависимости от чего должны быть представлены в том или ином опросе, отме-

тим, что, с точки зрения исследователя общественного мнения, все эти социально-демографические группы обладают одним важнейшим общим свойством — они характеризуются *объективно измеряемыми параметрами*, в результате чего идентификация человека в отношении той или иной группы, во-первых, как правило, не представляет особых трудностей, а во-вторых, не зависит от содержания высказываемого человеком мнения, то есть возможна до проведения собственно опроса. В отношении этих групп вполне уместна отличная бразильская поговорка, согласно которой вещи должны называться своими именами: человек — это человек, а кошка — это уже совсем другое...

И все же при определении структуры опрашиваемого ансамбля, при составлении *карты групп опроса*, представляющих соответствующие социально-демографические группы, оперирование этими последними может быть сопряжено с известными методологическими трудностями. В результате в сферу определенного и вполне объективного привносится доля неопределенности и субъективизма.

Первая группа таких трудностей связана с *природой исследования*, которое не может воспроизводить действительность во всех ее деталях, вынуждено огрублять ее, «укладывать» в рамки научных абстракций. Разумеется, это происходит не всегда. Часто исследователь, имея дело с теми или иными группами общества, всецело руководствуется при их различении теми границами, которые четко даны в самой объективной действительности. Таковы, например, группы по характеру места жительства; сколько бы тут исследователь ни «мудрил» (если только такой «разрез» для него вообще важен), он все равно воспользуется объективно существующими на данной ступени общественного развития границами, отделяющими город от деревни.

Иное дело — группы по возрасту. Вообще говоря, объективно они разграничены также более чем четко: люди, родившиеся в 1930 г., составляют одну группу, родившиеся в 1931 — другую, в 1932 — третью и т. д. Однако весь «фокус» в том, что фактически ни одно социологическое исследование не может воспользоваться этими объективными границами, разделяющими группы одногодков: такая дробность практически никогда не нужна и даже может быть вредной. Значит, исследователь должен прибегать в данном случае к самостоятельным группировкам, должен «доделывать» то, что не сделала до конца «природа»: объединять и

разъединять существующие объективно группы по собственному усмотрению. Например, в I опросе мы выделяли такие возрастные группы: 1) 14—25 лет, 2) 26—32 года, 3) 33—45 лет и 4) старше 45 лет; во II опросе возрастные группы были уже иными: 1) до 30 лет, 2) 31—55 лет и 3) старше 55 лет; в III опросе — снова иными: 1) до 17 лет, 2) 18—22 лет, 3) 23—30 лет и т. д.

Стоит ли говорить, что подобные группировки менее всего зависят от чистого произвола исследователя, что они определяются в соответствии со строго объективными характеристиками исследуемой «вселенной». Но, с другой стороны, понятно, что оперирование подобными группами (они могут быть названы *объективно-условными*) связано с решением задач, отсутствующих в случаях, когда речь идет о таких объективно безусловных группах, как «мужчины» и «женщины» или «холостые» и «семейные», — составление «собственных» группировок с границами, меняющимися от исследования к исследованию, может быть сопряжено с неудачами, с ошибками субъективистского толка и т. д. Главная трудность при этом для исследователя состоит в выборе основания деления²².

Другого порядка методологические трудности, возникающие при оперировании группами опроса, соответствующими социально-демографическим группам в обществе, связаны с природой самих этих объективных групп, вернее, с *природой общества*. Дело в том, что последнее представляет собой подвижный социальный организм, структура которого находится в процессе непрерывного развития. Особенно это верно применительно к обществу современному, отличающемуся высокими темпами развития. В ходе этого развития происходит исчезновение одних социальных (и даже демографических, например связанных с размещением населения) групп и возникновение других. Причем очень часто этот процесс идет путем возникновения разного рода *промежуточных групп*, объединяющих признаки и тех и других. Такого рода промежуточные группы являются также вполне объективными, они могут быть фиксированы посредством строго измеряемых параметров. Но, с другой стороны, ясно, что они вызывают в работе исследователя-социолога большие трудности: незавершенные социальные

²² Подробнее см. об этом: Б. Грушин. К проблеме качественной репрезентации в выборочном опросе (в кн.: «Опыт и методика конкретных социологических исследований», стр. 66—69).

процессы должны описываться им в качестве завершенных, а объективно «размытые» границы между некоторыми группами должны превращаться в его руках в границы совершенно четкие и определенные.

В своем месте мы говорили уже, например, о сложностях, существующих ныне при различении таких традиционных групп, как «рабочий» и «инженерно-технический работник». Возникновение на границах этих групп некоего «срединного» социального типа: «рабочего-инженера», «рабочего-студента» и пр.—вызывает немало трудностей при идентификации опрашиваемых. В самом деле, куда, скажем, следовало отнести тех 43 рабочих из нашего III опроса (как, впрочем, и 35 колхозников), которые имели высшее образование, или те несколько сотен рабочих, которые одновременно являлись студентами-заочниками высших учебных заведений? Или как следует поступить с теми нынешними студентами, у которых за плечами имеется большой производственный стаж и определенная профессия и которые по своему основному положению в жизни являются работниками производительной сферы?

Наряду с такими промежуточными группами, связанными с длительными процессами развития социальной структуры, в обществе в каждый данный момент существуют и некоторые *временные группы*, вызывающие в ходе исследования аналогичные трудности. К их числу может быть отнесена, например, группа военнослужащих, обычно очень широко представляемая при опросах, проводимых через газету.

Границы этой группы никак нельзя назвать «размытыми», напротив, они очень точны. Но специфика ее состоит в том, что пребывание в ней человека носит сугубо временный характер: основную массу лиц, входящих в эту группу, составляют не кадровые военнослужащие, а люди, на определенный срок призванные в армию с целью обучения. В результате имеющих дело с такой группой исследователь должен проводить дополнительную работу с целью точной идентификации в социальном отношении опрашиваемых лиц.

Теперь о группах, образующих структуру массового сознания, или группах мнения. Обеспечение их представительства в опросе и само их выявление в структуре изучаемой «вселенной» связано с еще большими методологическими трудностями.

Дело заключается прежде всего в том, что массовое сознание может иметь поистине бесчисленное число структур, поскольку последние каждый раз меняются в зависимости от содержания сознания (объекта мнения, предмета высказывания). Например, общественное сознание, связанное с проблемой развития в стране движения за коммунистический труд, отличается совершенно иной структурой (число групп, их характер, границы между ними и т. д.), нежели общественное сознание, имеющее своим объектом проблему семейных отношений. Объемы групп мнений, их границы, а также их отношение к тем или иным социально-демографическим группам в этих случаях будут явно различными.

Иначе говоря, социальное и демографическое положение человека представляет собой в каждый данный момент величину постоянную, независимую от проблем, по которым приходится размышлять и высказываться человеку; напротив, его мнение — величина переменная, оно зависит от объекта сознания, и если в отношении одного вопроса человек занимает «правую» позицию, то в отношении другого он может быть совершенно «нейтральным», а в отношении третьего — крайне «левым». (Это, разумеется, несколько не исключает факта существования более или менее целостных систем ценностей, характерных для той или иной социальной или демографической среды в целом.)

Отмечаемая подвижность структуры общественного мнения, конечно, не делает эту структуру необъективной или неуловимой. Напротив, каждый раз, в применении к тому или иному определенному аспекту рассмотрения, все эти группы мнений, взглядов, вкусов, привычек и т. д. существуют вполне объективно, вне сознания исследователя, и имеют вполне объективные четко очерченные границы. Однако в отличие от социально-демографических групп они не имеют объективно выраженных признаков, и это создает для исследователя поистине огромные трудности в деле обеспечения репрезентативности этих групп.

Задача усложняется в связи с тем, что структура массового сознания не совпадает с социально-демографической структурой общества, и поэтому даже самое совершенное представительство в опросе всех социально-демографических групп само по себе еще не гарантирует того, что в должной степени окажутся представленными и все необходимые группы мнений, объективно существующие в обществе по данному вопросу. Между тем понятно: без осуще-

ствления этого последнего условия выборка-«модель» окажется построенной неудовлетворительно и исследование будет обречено на неудачу.

Приведем такой пример. В III опросе облик советской молодежи мог получиться близким к действительному при условии, что в ансамбле опрашиваемых будут представлены важнейшие социальные и демографические группы, образующие «вселенную» «молодежь»: половые, возрастные, по роду занятий, по образованию и т. д. Однако для получения полной картины этого было недостаточно. Дело в том, что «вселенная» «молодежь» объективно включает в себя еще и такие группы, как, говоря житейским языком, «хорошая молодежь» и «плохая», «зрелая» и «наивная», «активные строители коммунизма» и «тунеядцы», «мужественно преодолевающие трудности» и «нытики» и т. д. и т. п. Понятно, что все эти группы также должны были быть представленными среди участников опроса. Однако тут-то и возникала проблема: с одной стороны, они обязательно должны были быть представлены, а с другой — идентификация того или иного человека в отношении той или иной из групп мнений невозможна до проведения самого опроса или, иначе говоря, возможна лишь после выявления типа сознания опрашиваемого. Ведь не существует никаких внешних однозначных признаков, которые бы позволили исследователю считать того или иного человека «оптимистом» или «пессимистом», «наивным» или «зрелым» и т. д. Социально-демографическое положение человека здесь не решает дела, во всяком случае наверняка. Нельзя же, скажем, всех школьников 15—17 лет объявить «наивными», а всех рабочих того же возраста — «зрелыми» (хотя какая-то доля истины в таком подходе может и содержаться). Тем более нельзя отождествить какую-либо из объективно фиксируемых групп с группами «хорошей молодежи», «нигилистов» и др. И все-таки, повторяем, у исследователя должна быть уверенность *еще до опроса*, что ни одна из необходимых групп сознания не будет потеряна в опросе. Как обеспечивается эта уверенность? К этому вопросу мы вернемся ниже.

**Определение
групп
опроса**

Первая практическая задача, которую исследователь должен решить при составлении карты групп опроса (при определении качественной структуры выборки), — это ответить на вопрос: какие именно объективные группы исследуемого целого, в первую очередь соци-

ально-демографические, с необходимостью должны быть представлены в опрашиваемом ансамбле?

Ясно, что перед исследователем никогда не может стоять задача представить в выборке *все* возможные группы «вселенной». Такая задача, во-первых, практически неразрешима — ведь число этих групп безгранично велико, а во-вторых, она абсурдна с теоретической точки зрения — какой смысл, например, в условиях социалистического общества в опросе о возможности предотвращения войны учитывать различие в положении людей по величине дохода или по жилищным условиям?! Так исследователь сталкивается с проблемой отбора необходимых групп, причем всегда довольно ограниченного их числа.

Очевидно, решающую роль в процессе такого отбора играют *предмет и задачи, цели* исследования. Именно эти факторы в первую очередь определяют число и характер групп опроса.

Так, в I опросе речь шла о выявлении идейной, моральной, психологической и т. д. картины, связанной с отношением населения страны к возможности предотвращения новой военной катастрофы. Этот предмет исследования делал необходимым включение в ансамбль опроса различных половых, возрастных, социальных групп, а также групп, связанных с характером участия человека в минувшей войне и размером понесенных им утрат. Никак нельзя было пренебречь в этом опросе и спецификой положения городских и сельских жителей, а также фактором «географии». Впрочем, оценка каждого из названных «разрезов» общества в качестве необходимого для опроса требовала своего специального обоснования.

Возьмем, к примеру, географический момент. Известно, что мнение людей в отношении возможности будущей войны определяется в первую очередь мерой их политической осведомленности, общей грамотности, а также состоянием их психологии.

Что касается первых двух факторов, то, очевидно, они непосредственно не связаны с «географией» в собственном смысле этого слова: в Советском Союзе все экономгеографические районы отличаются примерно одинаковым уровнем грамотности, образованности населения, и с этой точки зрения было бы безразлично, где проводить опрос — в Казахстане, на Дону или в Якутской АССР. (Этого нельзя сказать о группах по типу местожительства — крупный город,

рабочий поселок, село и т. д. Учет этого «разреза» являлся обязательным.)

Иное дело — психология людей. Население района, непосредственно «пережившее» полет Пауэрса, в тот период, наверное, несколько иначе смотрело на вещи, нежели население районов, не испытывавших непосредственных волнений по этому поводу. Или другой момент. Известно, что главные удары в современной атомной войне будут направлены прежде всего на крупные центры и промышленно развитые районы. Ясно, что данное обстоятельство вполне может сказываться на возможной относительно большей нервозности жителей таких центров и районов, точно так же, как оно может порождать относительно большее спокойствие у жителей малонаселенных районов, не имеющих на своей территории военно-стратегических объектов. Во всяком случае такая гипотеза допустима, и, так как она представляет немалый интерес, исследователь не вправе пренебречь ею. Наконец, бесспорным кажется влияние на общее настроение человека (в отношении возможности будущей катастрофы) меры его непосредственного знакомства с войнами вообще. В этом смысле весьма существенным оказывалось различие между районами, по которым прокатилась минувшая война, с одной стороны, и районами глубокого тыла — с другой. Словом, с разных точек зрения включение в структуру выборки географического «разреза» было существенно важным, поэтому он и был учтен нами в нашем I опросе.

Во II опросе в выборке необходимо было представить прежде всего все основные социальные группы, из которых состоит советское общество (ведь очевидно, что по своему материальному положению рабочие отличаются от учащихся, пенсионеры — от инженеров, колхозники — от военнослужащих и т. д.). Поскольку речь шла о динамике жизненного уровня населения, необходимо было обеспечить представительство и половых и возрастных групп, а также групп, связанных с семейным положением людей (ведь одно дело — холостой человек или семья, где половина работающих, и другое — семья с преобладающим числом иждивенцев). Наконец, первостепенное значение имели и группы по типу жительства. Чтобы получить право судить о действительной динамике жизненного уровня населения в стране в целом, необходимо было учесть разницу, во-первых, между городом и деревней, между крупным центром и городом периферийным и т. д., а во-вторых, между различными

географическими районами страны. Последнее соображение было особенно важным, потому что, ограничив область исследования лишь некоторыми районами, легко можно было впасть в ошибку при обобщении выводов: разница в положении вещей в Сибири и на Севере, на Украине и Дальнем Востоке могла быть существенной.

В IV опросе в первую очередь необходимо было выделить три группы, соответствующие трем возможным позициям людей по отношению к движению за коммунистический труд: 1) не принимающие участия в движении, стоящие в стороне от него; 2) борющиеся (индивидуально или в составе коллективов) за почетное звание; 3) коллективы коммунистического труда. В VI опросе выборка строилась с учетом групп по месту жительства (город, село) и по роду занятий родителей; в VII — с учетом групп по возрасту, полу, приобретаемой профессии (специальности), по роду занятий родителей, социальному положению (роду занятий) до поступления в университет, по источникам доходов (заработок, стипендия, помощь родителей и пр.), по типу жительства (родительский дом, общежитие, собственная площадь, снимаемая площадь и т. д.) и т. д.

Немаловажную роль в определении групп опроса играет и другой фактор — те объективные и субъективные возможности, которыми располагает в своей работе исследователь. Легко понять, что включение в выборку некоторого типа групп (например, географических, особенно в случае превращения опроса во всесоюзный), как и вообще любое увеличение числа групп опроса, может значительно усложнить все исследование, потребовать массы дополнительных усилий, средств, времени и т. д. Далеко не каждый исследователь и не каждый социологический центр располагают в этом отношении *carte blanche*. В ткань социологии здесь вплетается конкретная экономика — стоимость исследования, сроки его проведения и прочие не менее серьезные вещи. Все это заставляет при определении групп опроса мыслить не только в категориях «желательного», но и в категориях «возможного».

Сложение обоих названных факторов — предмета и целей исследования, с одной стороны, и возможностей исследования, с другой, — приводит к одному очень важному различию в характере групп опроса (структуре выборки): среди них целесообразно различать *группы основные и группы конкретизирующие* (дополнительные). Включение в

ансамбль опроса последних групп обогащает исследование, в то время как включение первых делает исследование единственно возможным. Или иначе: исключение из выборки конкретизирующих групп приводит к сужению значения исследования, к обеднению его выводов, исключение же групп основных — к ликвидации самого исследования, к превращению его в ненаучную, несерьезную «игру с анкетами».

Приведем пример из нашего V опроса. Его предметом являлись проблемы семьи (общие и частные) в современном советском обществе. Поскольку речь шла о некоторых общих оценках состояния семьи в СССР, совершенно необходимо было обеспечить участие в опросе всех основных социальных групп, а также групп по семейному положению. Совершенно очевидно, что исследование бы не состоялось, если бы эти «разрезы» «вселенной» были исключены из карты репрезентации, если бы, скажем, опрашиваемый ансамбль включал в себя одних только служащих или если бы мы не имели никаких сведений относительно семейного положения опрашиваемых. Словом, названные группы в данном опросе и при поставленных целях исследования являлись основными. То же нужно сказать и относительно групп половых, возрастных, по месту жительства (крупные города, прочие города, село).

В структуру выборки нами были включены и группы, связанные с количеством в семье детей (нет детей, один ребенок, два ребенка, трое и больше детей). Разумеется, их никак нельзя было бы признать основными, если бы задачи опроса ограничивались получением ответов лишь на такие вопросы: «Чем Вы объясняете случаи распада молодых семей?», «Нуждается ли в изменениях существующий порядок регистрации брака? Если да, в каких именно?», «Как подготовлены, с Вашей точки зрения, молодые люди, вступающие в брак, к созданию семьи? Если недостаточно, то в чем это выражается?». Однако в программу опроса были включены и иные вопросы: «Какие стороны воспитания детей в советской семье Вы считаете лучшими, самыми прогрессивными?», «С какими трудностями воспитания детей встречается, на Ваш взгляд, в настоящее время семья?», «Какие пути преодоления этих трудностей Вы предлагаете?». Их постановка существенным образом меняла дело: группы по количеству детей становились основными, без них не могло состояться исследование. Альтернатива была простой: или снять с «повестки дня» перечисленные выше вопросы о детях — и

тогда свободно можно было упростить выборку, освободив ее от одного из критериев, то есть четырех лишних групп; или оставить среди задач исследования эти вопросы — и тогда группы по количеству детей в семье автоматически превращались в основные.

Иное дело — группы, связанные с продолжительностью пребывания людей в браке. Они также были включены нами в структуру выборки, но их отнюдь нельзя было признать основными, такими, без которых невозможно было проводить исследование. Конечно, они прибавляли некоторые новые моменты в анализе материалов опроса, позволяли произвести дополнительные корреляции, уточнить некоторые выводы — но не больше. Их можно было бы опустить точно так же, как были опущены и такие (к слову сказать, тоже небезынтересные) группы, как группы по образованию или по характеру труда (люди физического и умственного труда). Эти последние группы, бесспорно, также обогатили бы анализ, и если мы отказались от них, то только в силу невозможности справиться с более детальным и многоплановым исследованием. Кстати, тут важно подчеркнуть, что конкретизирующие группы по своему определению отличаются от групп, которые вообще *несовместимы* с данным опросом, с его предметом и задачами. Например, было бы нелепо в нашем опросе о семье расчленять «вселенную» на узкопрофессиональные группы (металлисты, текстильщики и пр.). Такое усложнение выборки привело бы не к обогащению исследования, а к его безнадежному засорению.

Проведенное различие внутри групп опроса, выделение среди них групп основных и конкретизирующих является весьма важным для исследователя; при определении структуры выборки он должен обеспечить представительство того *минимума* необходимых групп (основные группы), без которых исследование сводится на нет, а также, в соответствии с условиями опроса, того количества и характера конкретизирующих групп, которые позволят повысить степень точности и глубины анализа изучаемого объекта.

**Репрезентация
социально-
демографических
групп**

После определения групп опроса, то есть составления программы репрезентации, исследователь должен организовать исследование таким образом, чтобы практически, на деле обеспечить представительство всех необходимых групп. Эта задача решается с помощью тех или иных методов выборки.

Современная социология различает множество таких методов. Помимо уже упоминавшихся нами, это — многоступенчатое шаблонирование (когда из первой выборки делают вторую, из второй — третью и т. д.), многофазное шаблонирование (когда общие сведения собираются в рамках первоначальной выборки, а какие-то более конкретные — лишь у части «экземпляров», входящих в выборку) и др. Однако все они могут быть разделены на два принципиально различных вида: 1) методы, при которых выборка *заранее организуется* исследователем в соответствии с той или иной моделью изучаемой «вселенной», и 2) методы, при которых репрезентация необходимых групп обеспечивается *стихийным путем*.

а) Вероятностная выборка. К числу первых, являющихся основными методами выборочного исследования, относятся прежде всего вероятностная, или случайная, выборка и стратифицированная выборка (метод квот). К сожалению, Институт общественного мнения «Комсомольской правды» не пользовался в своей работе методом случайной выборки — обстоятельство, связанное не только с тем, что метод квот значительно проще и оперативнее, но и с тем, что построение вероятностной модели невозможно без наличия соответствующей статистики, а также без участия математиков.

Характеризуя данный метод, Жан Таверн писал в ноябрьском номере журнала «Science et vie» за 1964 г.: «Образец, построенный по методу вероятности, основывается на подсчете результатов отдельных случаев. Нет ничего более точного, более математичного, чем случай. Приведем очень простой пример: в мешочке содержится 100 шариков — 10 красных и 90 белых. По опыту известно, что если вынуть из мешочка 10 шариков, то не обязательно 9 из них будут белыми и 1 красный. Если повторить эту операцию достаточное число раз (после каждого раза возвращая шарики в мешочек и перемешивая их), то будут случаи вытаскивания двух или трех красных шариков или же случаи без единого красного шарика. Можно констатировать, что случаев без единого красного шарика должно быть 34,9 процента, с одним красным шариком — 38 процентов, с двумя — 19 процентов, а, например, с пятью красными шариками — 0,2 процента. Таким образом определяется теоретический образец колебаний. Иными словами, вероятность вытащить 5 красных шариков математически определяется как отношение числа действительных случаев к числу возможных случаев.

Чем больше производить опытов, тем меньшей будет ошибка. Однако не следует бесконечно увеличивать число опытов: вероятность сокращения заданного размера ошибки будет уменьшаться гораздо быстрее... Это означает, что невозможно гарантировать 100-процентную правильность образца. Заданная точность образца может быть очень высокой и достигать 99 процентов. Как правило, ошибка составляет около 2—3 процентов.

На практике подсчеты, необходимые для такого определения представительности, очень сложны. В приведенном выше примере шарики составляли однородную среду. Но предположим, что некоторые из них тяжелее других и что объем их неодинаков: в этом случае у них уже не будет одинаковых шансов быть вытасченными. Это имеет важнейшее значение: если взять 100 тыс. человек, то надо, чтобы все они имели абсолютно одинаковые шансы быть выбранными по жребью, точно так, как в лотерее. Различные практические подсчеты, произведенные такими математиками, как Уилкс, могут дать непосредственное представление о представительности образца.

Большая трудность метода вероятности, имеющая решающее значение для будущего развития зондажей, заключается в недостаточности документов для осуществления выбора лиц в строгом соответствии с волей случая. В самом деле, карточки переписи населения не всегда содержат последние данные...

Если подлежащее зондированию население не переписано, используют карты больших масштабов. На эти карты наносят по возможности одинаковые единицы пространства; каждую из этих единиц пронумеровывают и вытягивают наудачу «пространство — образец», все население которого будет опрошено.

В городах выделяют отдельные участки улиц, внутри этих участков — блоки домов, затем этаж, затем квартиру. Могут быть некоторые изменения, в зависимости от того, имеется ли в начале соответствующая опись. Главное заключается в том, чтобы «вероятность» представительности образца была гарантирована научно»²³.

б) Стратифицированная выборка. Основу метода квот составляет построение качественной модели изучаемой «вселенной». В соответствии с этой моделью исследова-

²³ *Jean Taverner*. Le sondage de l'opinion publique. «Science et vie», 1964, N 11.

тель сам заранее определяет все параметры (критерии), которыми должны характеризоваться опрашиваемые. Иначе говоря, анкета в таком опросе предлагается людям, принадлежащим к заранее обусловленным группам («стратам») — такого-то пола, такого-то именно возраста, такого-то социального положения, проживающим именно в таком-то районе, может быть, даже именно в таком-то городе и т. д. и т. п., в зависимости от задач опроса. В результате полностью исключается появление в ансамбле каких-либо случайных (в смысле: не соответствующих заданным нормам) лиц.

Все это делает стратифицированную выборку надежным инструментом фиксирования и измерения общественного мнения. Однако, с другой стороны, она содержит в себе и серьезный недостаток. Только что цитированный нами Жан Таверн, отмечая, что данный метод «очень широко используется французским институтом общественного мнения (ФИОМ) и его филиалом, занимающимся изучением рынка, а также большинством частных институтов общественного мнения», пишет: «Принцип этого метода следующий: сначала строят уменьшенную модель подлежащего опросу населения; затем выделяют каждому обследователю (сеть обследователей ФИОМ состоит из 300 человек) определенное число лиц — его квоту, — подлежащих опросу в данном географическом районе. Например, ему выделяют трех инженеров, двух водопроводчиков, пять домохозяек, двух учителей и одну незамужнюю женщину старше 34 лет. Обследователю назначают только цифры, конкретно не называется ни одно лицо. Появляется сильное искушение интервьюировать первого попавшегося инженера — того, который находится на стройке, а не того, который корпит над чертежами в своем бюро, — наиболее симпатичного водопроводчика, домохозяйку, которая не закрывает дверь перед вашим носом, и т. д. Иными словами, точность представительства здесь совершенно не гарантирована...»²⁴

Это — главное. Действительно, ни анкетер, проводящий опрос, ни тем более исследователь, разрабатывающий нормы репрезентации, практически никогда не могут устранить до конца действие разного рода случайных (в смысле: незапрограммированных) факторов и тем самым гарантировать себя от отклонений, нарушающих строгость модели. Например, работчие, опрашиваемые анкетером и внешне ничем не отли-

²⁴ Там же.

чающиеся от других рабочих, от «рабочих вообще», в действительности могут относиться к какой-то микрогруппе, характеризующейся специфическими условиями, делающими данных рабочих нетипичными представителями их класса, и т. д.

Отмечаемое обстоятельство резко увеличивает объем всей подготовительной работы исследователя, связанной с отбором опрашиваемых «экземпляров», особенно если речь идет об опросах в рамках такой огромной страны, как СССР. И особенно тогда, когда не существует однозначного решения проблемы районирования (выделения географических групп опроса) и «местных» центров, организующих проведение опросов. Ясно, что, даже если число запрограммированных «разрезов» ансамбля относительно невелико (так что каждый опрашиваемый характеризуется малым числом параметров), вести подбор необходимых «экземпляров» из Москвы совершенно немыслимо, тем более что существует непреложное требование: не подвергать опросу в разных исследованиях одних и тех же лиц. Точно так же не может стать общим правилом и та многократно применявшаяся Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» практика, при которой опрос проводится с помощью анкетеров, командированных из Москвы в различные районы страны.

Непременным условием применения метода квоты в опросах, проводимых во всесоюзном масштабе, является наличие в стране широко разветвленной и достаточно квалифицированной сети анкетеров. К сожалению, Институт общественного мнения «Комсомольской правды» до сих пор не располагал даже подобием такой сети. В силу этого и использование рассматриваемого метода в работе института было крайне затруднено. Фактически мы пользовались им (в строгом смысле слова) только однажды — в IV опросе, да и то в отношении лишь части опрашиваемого ансамбля: коллективов коммунистического труда. Тогда в соответствии со всеми необходимыми критериями были составлены строгие списки коллективов-адресатов (опрос проводился по почте), причем дело значительно облегчалось тем, что объем опрашиваемого ансамбля был весьма невелик: всего 400 адресов.

в) **С м е ш а н н а я** **в ы б о р к а**. Зато значительно чаще институт пользовался в своей работе методом смешанной выборки, совмещающим в себе признаки стратифицированной и стихийной выборки. Смысл этого метода состоит в том,

что опрашиваемые «экземпляры» подбираются лишь по части необходимых параметров, в то время как репрезентация другой части параметров (групп) обеспечивается чисто стихийным путем.

Может быть, наиболее полно смешанная выборка была применена нами в VIII опросе, посвященном проблемам свободного времени городского населения СССР. Программа репрезентации включала тогда в себя следующие группы («разрезы» «вселенной»):

- 1) экономгеографические;
- 2) по типу городского поселения (города с населением до 10 тыс., от 10 до 100 тыс., от 100 до 500 тыс. и свыше 500 тыс. человек);
- 3) по роду деятельности (рабочие, техническая интеллигенция, интеллигенция, занятая не на производстве, служащие, учащиеся, пенсионеры, домохозяйки);
- 4) половые (мужчины, женщины);
- 5) возрастные (16—24, 25—29, 30—39, 40—59, 60 и старше лет);
- 6) по образованию (высшее, незаконченное высшее, среднее, неполное среднее, начальное и ниже, а также безграмотные);
- 7) по семейному положению (несемейные, семейные);
- 8) по количеству детей до 16 лет (не имеющие детей, имеющие одного, двух-трех и более трех детей);
- 9) по жилищным условиям (отдельный дом, отдельная квартира, часть квартиры, общежитие, нет постоянного жилья).

Чтобы обеспечить представительство всех этих необходимых групп, нужно было решить целый ряд методологических задач и, прежде всего, найти соответствующую «схему» проведения опроса, которая бы удачно решала проблему «географии». Конечно, имея мы достаточное число анкетеров во всех районах страны, нам не пришлось бы думать над поисками такой «схемы». Но, с другой стороны, включение в ансамбль опроса всех без исключения крупных территориальных единиц (союзные и автономные республики, края, области и национальные округа) даже и не требовалось, учитывая специфику предмета. Ведь с точки зрения проблемы свободного времени многие административно-территориальные, равно как и экономгеографические, единицы характеризуются вполне однородными условиями — однородными по крайней мере в той степени, чтобы освободить исследователя

от необходимости проводить опрос во всех районах. Следовательно, речь шла о том, чтобы найти такую «схему», которая бы, охватив часть районов страны, позволяла судить по этой части обо всех других районах, не представленных в ансамбле. При этом необходимо было учесть серьезную специфику в положении районов Севера и Юга, Запада и Востока страны, в положении преимущественно индустриальных и сельскохозяйственных районов, районов, удаленных от центров культуры и, напротив, являющихся такими центрами, и т. д. и т. п.

Учитывая все это, мы прибегли к «схеме» опроса, получившей условное название «Креста»: нами были избраны для исследования районы, расположенные по 50-й параллели, пересекающей Советский Союз от границы с Польшей до Сахалина, и 60-му меридиану, проходящему через Урал. Несмотря на то что идея оказалась реализованной не полностью²⁵, эта «схема» довольно удовлетворительно решала проблему репрезентации экономгеографических групп.

Исследованию подлежали самые разнообразные районы — Запада (Львовская, Полтавская, Киевская, Харьковская и др. области), Центра (Воронежская и др. области), Крайнего Севера (город Инта), Урала (Свердловская, Челябинская области), Дона и Поволжья (Волгоградская область), Юга (районы Средней Азии), Западной Сибири и Алтая, Дальнего Востока (Хабаровский край) и т. д. Важный дополнительный эффект «схемы» состоял в том, что она обеспечивала широкое представительство национальных республик: помимо районов с русским населением опрос затрагивал Украинскую ССР (5 областей), Казахскую ССР (Западно-Казахстанская, Актюбинская, Карагандинская и др. области, Целинный край), Узбекскую ССР (Хорезмская область), одну автономную республику (Коми) и одну автономную область (Горный Алтай). При этом мы учли, что «Крест» не представлял районов, инвариантных таким специфическим «группам», как Москва, Прибалтика и Закавказье, и потому дополнительно включили их в исследование.

Таким образом, в целом опрос должен был пройти в 30 городах СССР, из них в 27 — на «Кресте»: в 21 — на парал-

²⁵ В силу крайне большой удаленности и труднодоступности из исследования выпали, например, о. Сахалин и некоторые горные местности Восточной Сибири; по ряду обстоятельств опрос не прошел также в Читинской обл., Бурятской АССР и Туркменской ССР, что, разумеется, не могло не снизить значения некоторых выводов.

лели, в 5 — на меридиане и в 1 — в условной точке их пересечения. С целью упорядочения отбора был использован масштаб частоты, равный интервалу в три географических градуса. В соответствии с таким подходом в сферу исследования попадали населенные пункты, расположенные, например, в условных районах пересечения параллели с 24-м, 27-м, 30-м, 33-м и т. д. градусами долготы. Наиболее последовательно этот принцип был осуществлен в европейской части Союза; на Севере и в Восточной Сибири в результате меньшей плотности населения и наличия больших территорий, полностью свободных от каких-либо городских поселений, города для исследования брались со значительно меньшей плотностью (расстояние между ними возрастало с трех до шести, десяти и даже более географических градусов).

Что же касается типа конкретных городов, включаемых в опрос, то при их отборе мы учитывали различные критерии — административное значение города (столица республики, областной, районный центр и т. п.); его положение по отношению к культурным центрам; характер основных коммуникаций, связывающих город с «остальным миром» (в частности, фактор наличия или отсутствия железной дороги) и пр. Однако, разумеется, главным для нас был объективный критерий величины города. Как уже отмечалось, в зависимости от количества жителей все исследуемые города были классифицированы по четырем основным группам (Москва анализировалась особо): 1) с населением свыше 500 тыс. жителей (2 города — Харьков и Свердловск); 2) с населением от 100 до 500 тыс. (7 городов — в том числе Львов, Актюбинск, Караганда, Благовещенск и др.); 3) с населением от 10 до 100 тыс. (9 городов — в том числе Белая Церковь, Миргород, Камышин, Инта, Ургенч и др.) и 4) с населением до 10 тыс. жителей (9 городов — в том числе Акташ, Александров-Гай, Сухтелинский и др.).

Метод стратифицированной выборки был применен нами в этом опросе и в отношении трех следующих критериев: полового, возрастного и по роду деятельности. В результате каждый опрашиваемый выбирался по пяти необходимым параметрам.

Однако, как мы сказали, в числе необходимых в данном опросе фигурировали и еще некоторые критерии, связанные с образованием, семейным положением, количеством детей и жилищными условиями. В отношении репрезентации этих групп расчет был сделан на стихийную выборку — «на авось».

Иными словами, мы полагали, что при соблюдении некоторых методических правил все эти группы окажутся представленными в ансамбле сами собой. При этом огромное значение приобретало тщательное соблюдение того всеобщего принципа опроса, согласно которому каждый опрашиваемый «экземпляр» должен выбираться из всей совокупности лиц, характеризующихся одинаковыми параметрами, совершенно случайно. Так, например, если известно, что в СССР в браке состоит около 60 процентов взрослого населения, то при непредвзятом, случайном, исключающем возможность какой-либо систематической ошибки, подходе к опрашиваемым (с точки зрения их семейного положения) можно рассчитывать, что в ансамбле окажется само собой хотя, возможно, и не соответствующее объективным пропорциям, но вполне достаточное для анализа число лиц, находящихся в браке.

Вообще важно отметить, что при соблюдении ряда условий метод смешанной выборки позволяет исследователю в определенной мере регулировать элементы содержащейся в нем «стихии». Это можно показать на примере групп по образованию. В нашем опросе все шесть групп (высшее, незаконченное высшее, среднее, неполное среднее, начальное и ниже образование, а также безграмотные) должны были оказаться представленными «сами собой». Каким образом? Что касается первых трех-четырёх групп, то за них волноваться не приходилось: они заполнялись автоматически за счет групп технической и занятой не на производстве интеллигенции, а также учащихся. Гораздо сложнее обстояло дело с людьми малообразованными. Понятно, что исследователь мог легко потерять их, если бы впал в систематическую ошибку, например выбирал бы среди групп рабочих и служащих людей лишь таких профессий, которые предполагают наличие среднего образования. Однако вместе с тем он мог создать и благоприятные условия для стихийного обеспечения представительства групп с низким образованием, например выбирая наряду с квалифицированными профессиями профессии, не требующие квалификации, наиболее низкооплачиваемые и т. д.

Метод смешанной выборки применялся нами и в I опросе, хотя и в несколько иной форме²⁶.

²⁶ Об этом см. *Б. Грушин. К проблеме качественной репрезентации в выборочном опросе*, стр. 84—86.

г) Стихийная (организованная) выборка. Нельзя думать, что проблема репрезентации встает перед исследователем лишь в тех случаях, когда он имеет дело с организуемой им самим на основе той или иной модели выборкой. Представление о качественной структуре изучаемой «вселенной» должно быть у исследователя *во всех случаях*. И точно так же во всех случаях он должен сопоставлять состав (структуру) выборки с объективным составом изучаемой «вселенной», то есть решать проблему репрезентации.

В частности, и при стихийной выборке исследователь еще до проведения опроса должен иметь программу репрезентации, определить те необходимые основные группы, которые обязательно должны оказаться представленными в опросе (эта сторона его работы находит свое выражение в тех «формальных» вопросах, которые вставляются в анкету наряду с содержательными: «Род Вашей деятельности?», «Пол?», «Семейное положение?» и т. д.). Точно так же и при стихийной выборке исследователь должен всегда возвращаться к проблеме репрезентации *post festum*, после того, как опрос уже проведен, чтобы проверить, какие из намеченных необходимых групп и каким образом (в достаточной ли степени) оказались представленными в ансамбле.

Но не только. В некоторых случаях проблема репрезентации при стихийном опросе может решаться (хотя, разумеется, далеко не в такой степени, как, скажем, при стратифицированном опросе) и *в ходе* проведения самого опроса, путем выбора соответствующей его «схемы». В таких случаях можно говорить об организованных стихийных опросах.

Наглядным примером в этом отношении может быть опыт нашего II опроса, в частности решение в нем проблемы репрезентации экономгеографических районов страны. Предмет исследования в этом опросе был таков, что, не обеспечив представительства данных групп, нечего было и братья за работу. Таким образом, речь шла о том, чтобы исследователь, обратившийся к стихийной выборке, еще до опроса располагал бы необходимыми гарантиями на этот счет.

Такие гарантии давала избранная «схема» опроса: анкету о жизненном уровне было решено распространить среди пассажиров поездов дальнего следования, направляющихся со всех девяти вокзалов Москвы в самых разнообразных направлениях. Правда, подобная идея таила в себе наряду с плюсами и целый ряд опасностей. Их было по меньшей мере три. Во-первых, очень высоким грозил оказаться процент

москвичей. Однако пилотажи показали, что в действительности этого не произойдет.

Во-вторых, крайне непредставительными в количественном отношении могли оказаться группы крестьян, жителей села, — как потому, что эти группы, видимо, вообще менее других пользуются железнодорожным транспортом на дальних линиях, так и — особенно — потому, что опрос проходил в конце лета, когда в деревне была страдная пора и дорогá каждая пара рук. Так оно в действительности и произошло: из 1399 анкет, подвергшихся анализу, только 32 были заполнены колхозниками. Ясно, что такое количество лишало возможности делать какие-либо выводы относительно динамики жизненного уровня в рамках этой социальной группы. Но мы предвидели этот просчет и вынуждены были пойти на «жертвы», ограничив анализ по существу исключительно городским населением.

Наконец, в предложенной «схеме» таилась опасность еще одной систематической ошибки. Уже после проведения опроса некоторые статистики резко критиковали нашу идею на том основании, что, мол, железнодорожным транспортом в стране пользуются только определенные группы населения (социальные, возрастные, по доходам и т. д.), во всяком случае не все группы в одинаковой степени²⁷. Но данная опасность была явно преувеличенной, а главные доводы критиков нашей «схемы» не имели под собой достаточных оснований.

В самом деле, что касается утверждения относительно неравного положения (в данном аспекте) социальных (по роду занятий) групп, то за исключением колхозников (что было оговорено специально) оно вряд ли верно вообще и во всяком случае не подтвердилось в опросе. В условиях стихийного представительства все основные группы самостоятельного населения оказались представленными не только достаточно полно, но даже в частичном соответствии с объективно существующими пропорциями²⁸.

²⁷ См. «Вестник статистики», 1961, № 6, стр. 82—84.

²⁸ Так, 34 процента от общего ансамбля являлись рабочими, 13 процентов — инженерами и техниками, 33,3 процента — служащими, 7,5 процента — военнослужащими, 3,2 процента — учащимися, 6,5 процента — пенсионерами и домохозяйками. То же нужно сказать и в отношении основных демографических групп — здесь не было каких-либо резких неравномерностей, которые привели бы к полному выпадению тех или иных групп: в числе опрошенных оказалось 59 процентов мужчин и 41 процент женщин; 41,7 процента человек в воз-

Что же касается групп по доходам, то тут дело обстоит сложнее. В общем виде, разумеется, можно предположить, что железнодорожным транспортом на дальние расстояния в стране пользуется наиболее обеспеченная часть населения. Однако, с другой стороны, здесь нельзя было не учитывать и ряда противодействующих тенденций.

Во-первых, что поезда (вагоны) бывают разными — от пассажирских с общими вагонами, весьма дешевыми, до курьерских со спальными вагонами прямого сообщения, весьма дорогими и действительно недоступными каждому. Мы учли это обстоятельство и включили в ансамбль опроса пассажиров различных типов вагонов, к тому же в соответствии с существующими пропорциями различных вагонов в условном среднем пассажирском составе, характерном для СССР.

Во-вторых, что известная часть пассажиров едет не на собственные средства (командировки, разного рода льготные билеты, билеты с различными дотациями общественных организаций и т. д.) — обстоятельство, также в некоторой мере снимающее проблему разницы в доходах.

В-третьих, что возможная систематическая ошибка ослаблялась за счет сочетания маршрутов различной степени дальности: наряду с составами, идущими в Воркуту, Берлин и Пекин, было взято немало и таких, что шли в Ленинград, Рязань, Тулу и другие города, проезд до которых из Москвы весьма недорог.

Наконец, помогало и еще одно обстоятельство, связанное с самим предметом опроса. Дело в том, что, хотя опрос и был индивидуальным, хотя вопросы формально и были обращены к одному человеку, полученные ответы, как правило, все же отражали не индивидуальное бытие опрашиваемого, а бытие его семьи. Этот момент значительно расширял фактическое представительство в ансамбле различных категорий и групп опрошенных, тем более что свыше 34 процентов людей представляли в опросе семьи, где число иждивенцев превышало число работающих. Следовательно, в опросе в косвенной форме отражалось положение и тех групп населения, которые в силу особенностей своего образа жизни или материального положения (домохозяйки, пенсионеры и др.) вообще не пользуются железнодорожным транспортом или пользуются им в крайне ограниченных размерах.

расте до 30 лет, 53,6 процента — в возрасте от 31 до 55 лет и 4,7 процента — в возрасте старше 55 лет.

Зато избранная «схема» увенчалась полным успехом в смысле репрезентации различных экономгеографических районов страны. Результаты в этом отношении оказались даже гораздо значительнее, чем можно было ожидать. Организованная таким образом стихийная выборка дала ансамбль, в котором оказалось представленным население всех без исключения союзных республик, 15 из 19 автономных республик, всех 6 краев, всех 49 областей Российской Федерации, 19 областей Украины, 10 областей Казахстана, 6 областей Белоруссии и т. д. Правда, мы допустили в этом опросе одну грубую ошибку, резко снизившую общую эффективность результатов, — взяли крайне малый объем опрашиваемого ансамбля (всего 1500 анкет) и тем самым сделали большинство экономгеографических (как и некоторых других) групп совершенно непредставительными в количественном отношении. Но это уже другой вопрос. «Схема» же, повторяем, оказалась эффективной, расчет на нее оказался правильным.

д) Стихийная (неорганизованная) выборка. До сих пор мы говорили о выборке, которая если и была стихийной (или включала в себя элементы стихийной — как смешанная), то все же оставляла за исследователем возможность в процессе проведения опроса как-то регулировать «стихию». Однако в практике изучения общественного мнения довольно распространенными являются и такие опросы, в которых исследователь почти совершенно лишен этой возможности. Таковы, в сущности, все «уличные» опросы, проводимые по принципу: «обращаться к каждому (каждому второму и т. д.) встречному». Но, разумеется, в первую очередь сюда должны быть отнесены те широко распространенные опросы, которые проводятся путем публикации анкеты в массовой печати (реже по радио или телевидению) с призывом откликнуться на нее «всем желающим». Позиция исследователя в таких случаях сводится к позиции ожидания ничем не гарантированных результатов стихийного представительства. Единственное, что тут можно сделать, — это заранее определить границы некоторых групп (например, в III опросе мы просили заполнить анкету лиц не старше 30 лет).

Метод стихийной неорганизованной (или пассивной) выборки обычно подвергают суровой критике ввиду его «тотальной» тенденции к систематическим ошибкам разного рода. И не без оснований. При прочих равных обстоятельствах этот метод действительно меньше, чем какой-либо иной,

страхует исследователя от «выпадения» из ансамбля тех или иных необходимых (основных) групп населения.

Правда, некоторые советские исследователи склонны относить эту особенность рассматриваемого метода лишь к условиям капиталистического общества. «Среди буржуазных социологов,— пишет, например, М. Х. Игитханян,— распространено мнение, будто итоги открытого опроса (имеется в виду публикация анкеты в печати.— Б. Г.), если он не носит всеобщего характера, не могут быть репрезентативными». Такое мнение «имеет под собой реальную почву — именно такими они (то есть итоги газетного опроса.— Б. Г.) и бывают в странах капитала, где каждый буржуазный орган печати выражает точку зрения определенных привилегированных социальных групп, но отнюдь не мнение широких народных масс. Принципиально иначе обстоит дело в социалистическом обществе, где печать носит всенародный характер и отражает единые в своей основе мировоззренческие, политические и нравственные взгляды всех классов и социальных групп»²⁹.

Однако нетрудно убедиться, что подобные взгляды недопустимо огрубляют, упрощают действительность и грешат тенденциозностью — как в отношении описания печати капиталистических стран (невозможно ведь сбрасывать со счетов существование в этих странах прогрессивной, народной прессы), так и в отношении особенностей использования метода неорганизованной стихийной выборки при социализме. Дело в действительности обстоит значительно сложнее, чем это кажется М. Х. Игитханяну.

Прежде всего рассматриваемый метод опроса рассчитан лишь на людей, читающих прессу, а к последним, как известно, относится далеко не все население Советского Союза. Границы возможного ансамбля опроса сужаются еще более, если учесть, что опубликованная на страницах того или иного органа анкета оказывается обращенной не ко всем читателям страны, а лишь к той их части, которая читает данный орган. Это последнее обстоятельство может быть роковым для судьбы опроса: ведь и в Советском Союзе (хотя и в меньшей степени, чем в некоторых других странах) ту или иную газету читает пусть не строго ограниченная, но все же весьма определенная часть населения. А это значит, что многие необходимые группы могут быть утрачены в опросе, в результате чего вся картина окажется искаженной.

²⁹ М. Х. Игитханян. Духовный облик советской молодежи, «Вопросы философии», 1963, № 6, стр. 81.

Проведение опросов через газету «Комсомольская правда» обнаружило, например, что ее распространение среди колхозников, как и вообще среди сельского населения, довольно ограничено и качественно отстает от распространения в городе. В том числе этим обстоятельством объясняется тот постоянный факт, что любой опрос через газету находил минимальный отклик у этих категорий населения. В III опросе, например, колхозники составили всего 3,4 процента от общего объема ансамбля, а жители села — 11 процентов, в V опросе — соответственно 1,4 процента и 9,2 процента. Ясно, что этот факт наносит существенный вред общей репрезентативности опроса через газету.

Положение еще хуже, когда речь заходит о репрезентации групп по образованию. К сожалению, тут из ансамбля опроса сплошь и рядом выпадают люди с образованием ниже семилетнего и особенно начальным. Например, в нашем III опросе группы лиц с образованием ниже среднего были представлены лишь 27,8 процента опрошенных³⁰. Между тем, по данным последней Всесоюзной переписи населения, они составляют гораздо более значительную часть населения.

Не будем вдаваться в причины явления, но отметим, что значительно меньшую активность, нежели это требовалось бы нормами научной репрезентации, проявляют в опросах через газету и женщины. Например, в III опросе их было в три раза меньше (4361), чем мужчин (13 085), в V — в два с лишним раза (соответственно 3616 и 8488) и т. д.

И конечно, особенно остро метод неорганизованной стихийной выборки «бьет» по репрезентативности разного рода групп мнений, групп сознания. В письме, пришедшем в Институт общественного мнения, экономист А. Фатеев из г. Грязи Липецкой области писал: «то, что институт ставит своей задачей изучать взгляды читателей по тем или иным вопросам общественной жизни,— это очень хорошо. Беда только в том, что участвуют в таких опросах в основном передовые люди из молодежи. А ведь у нас есть отсталая молодежь, не читающая газет, не участвующая ни в каких обсуждениях, никогда не высказывающая своего мнения. Крайне желательно знать, что думает эта часть молодежи...» Это — совершенно справедливое замечание. В каждом опросе через

³⁰ Зато лица с высшим образованием составили 8,9 процента, а с законченным средним — 63,3 процента от общего числа опрошенных,

газету происходит систематическое отклонение в сторону наиболее активной, наиболее сознательной части населения, то есть систематическая ошибка, заключающаяся в потере совершенно определенных групп населения, и это существенным образом искажает получаемую картину.

Можно ли на основании всего сказанного сделать вывод о полной непригодности метода неорганизованной, стихийной выборки? На наш взгляд, никоим образом нельзя. Ведь любой метод опроса заключает в себе те или иные минусы, и если мы все же не отказываемся от надежды на научное постижение феномена общественного мнения, то это происходит, во-первых, потому, что мы ценим те плюсы, которые неизменно заключает в себе каждый из методов, а во-вторых, потому, что стараемся и умеем так или иначе ослаблять их недостатки. Очевидно, такой же подход должен быть проявлен и в отношении рассматриваемого метода. В частности, что касается его минусов, то одни из них могут быть устранены с помощью некоторых дополнительных усилий исследователя, а другие — «нейтрализованы» путем строгого фиксирования всех имеющихся изъянов и принятия в соответствии с ними необходимых поправок в выводах.

В самом деле, на базе имеющегося у института опыта можно заранее предвидеть, какие группы в опросе через «Комсомольскую правду» окажутся представленными неудовлетворительно или не представленными вовсе. Однако из этой ситуации имеются выходы.

Возьмем, к примеру, тот факт, что газету читают преимущественно (хотя и не исключительно) люди молодых возрастов и что в силу этого в любом опросе группы старших возрастов могут быть утрачены. Существует способ раз и навсегда *устранить* этот минус газетного опроса: достаточно лишь с самого начала отказаться от тем, рассчитанных на все возрастные группы населения, то есть проводить исследования исключительно среди молодежи. Можно не сомневаться, что такая «усеченная» программа репрезентации возрастных групп будет выполнена в условиях стихийной выборки полностью.

С другой стороны, существуют способы *усилить* репрезентацию некоторых групп, обычно представляемых неудовлетворительно. Прежде всего путем организации довыборки — дополнительной рассылки нужного числа экземпляров газет (или отдельно напечатанных анкет), скажем, в колхозы и совхозы страны. Определенную роль в этом на-

правлении может сыграть и более тщательное программирование анкетного листа: известно ведь, что широта участия в опросе групп с низким образованием в большой мере зависит от степени сложности выдвигаемых проблем, от ясности формулировок вопросов и т. д. Работа над анкетой дает возможность «регулировать» и участие в опросе разного рода групп сознания. Но об этом ниже.

Тем более критика стихийной выборки не должна заслонять бесспорных сильных сторон этого метода. Он не имеет себе равных в смысле экономичности распространения и сбора анкет. Он может оказать значительные услуги при изучении специфических вопросов формирования и функционирования общественного мнения, связанных с деятельностью печати — одного из наиболее важных средств массовой коммуникации в современном обществе. Но не только.

Выше мы говорили, что «природным» минусом метода неорганизованной стихийной выборки является то, что при его применении ансамбль опрашиваемых заполняется наиболее сознательной, наиболее грамотной и активной частью населения. Однако разумное использование этого метода в определенных границах, при решении строго определенных задач, может превратить этот минус (как и некоторые другие) в огромный плюс.

Характерным примером в этом отношении может быть V опрос Института общественного мнения, посвященный проблемам семьи. По программе репрезентации к числу основных групп в этом опросе были отнесены группы: по роду деятельности (8 групп), по возрасту (3 группы), половые, по семейному положению (4), по числу детей (4), по месту жительства (3), по продолжительности брака (3). Словом, программа репрезентации была довольно сложной. Можно ли было надеяться на то, что она будет выполнена в рамках метода стихийной выборки? Только при одном условии, кстати, обязательном для успеха всякой стихийной выборки: если объем опрашиваемого ансамбля в целом будет достаточно велик. Гарантией обеспечения такого условия при публикации анкеты в газете может быть только характер самой исследуемой проблемы — ее актуальность, острота, важность для миллионов людей и т. д. Проблема, составлявшая предмет V опроса, как раз отличалась всеми этими признаками. И результаты были вполне удовлетворительными. Основная часть запрограммированных социальных и демографических групп была представлена в опросе в достаточном количестве.

Расчет на интерес к теме всех слоев населения оказался верным³¹.

Но не заключал ли в себе этот стихийно образовавшийся ансамбль каких-либо изъянов, ведущих к непоправимым систематическим ошибкам?

Учитывая тему опроса, а также то обстоятельство, что ответы на многие вопросы анкеты должны были в той или иной мере отражать глубоко личную семейную ситуацию (благополучие, неблагополучие) людей, можно было опасаться, что в силу нежелания их говорить правду до конца может произойти отклонение от истины в сторону приукрашивания действительности или ее «нейтрализации».

Однако подобное опасение меньше всего могло возникнуть применительно к методу неорганизованного стихийного опроса. Обычно вызывающая упреки особенность этого метода, согласно которой в опросе принимают участие лишь желающие, в данном случае, в отношении *данной темы*, обертывалась своей выгодной стороной: объективность высказываемых суждений лишь повышалась от того, что полностью отсутствовал момент обязательности, принудительности, от того, что в опросе принимали участие только те, кто *хотел* высказать свои взгляды, передать свой опыт и кто, следовательно, не видел оснований как-то умышленно исказить эти взгляды и этот опыт.

Разумеется, избранная форма опроса не устраняла другого явления — неумышленного (неосознанного) отклонения мнения высказываемого от мнения действительного, а также субъективного мнения от объективной картины — отклонения, порожденного не нежеланием сказать правду, а, к примеру, неумением ее понять или выразить. Однако это уже совсем иная проблема. Как мы показали выше, с ней исследователь сталкивается в любом опросе, независимо от метода его проведения. А потом такого рода отклонения от объективной истины или от истинного мнения не имеют определенной направленности, они несистематичны и поэтому

³¹ Всего в опросе приняло участие 12 104 человека. Из них оказалось: 8488 мужчин и 3616 женщин; 1472 человека в возрасте до 22 лет включительно, 6160 — от 23 до 30 лет и 4472 — старше 30 лет; 2285 — холостых, 9318 — семейных, 394 — разведенных и 107 — одиноких матерей; 3979 человек, не имеющих детей, 4416 — имеющих одного ребенка, 3268 — имеющих двух детей, 441 — трех и более; 3431 — рабочих, 2597 — инженеров и техников, 2203 — служащих, 585 — студентов, 936 — домохозяйек и т. д.

могут представлять какую-либо опасность лишь в опросах с малым ансамблем, когда, как легко понять, возрастает удельный вес любого, в том числе ошибочного, суждения. Если же ансамбль опрошенных достаточно велик, то все возможные отклонения такого рода именно в силу своей стихийности, ненаправленности неизбежно нейтрализуют друг друга, «взаимно погашаются», давая некую среднюю величину, близкую к действительной.

То же нужно сказать и о другой возможной систематической ошибке, связанной с методом газетного опроса, протекающей из-за того, что в этом опросе всегда принимает участие наиболее сознательная, активная, грамотная часть населения. Эта ошибка присутствовала в нашем III опросе и, бесспорно, снизила качество выводов. Избегнуть ее тогда не удалось потому, что рассматриваемая особенность метода стихийной выборки пришла в противоречие с задачами исследования: по облику ансамбля опроса составить представление об облике всей советской молодежи. Совершенно другая ситуация возникла в V опросе. Здесь мы не ставили своей задачей: по признакам, непосредственно присущим лично участникам опроса (их семьям), определить признаки, характеризующие советскую семью вообще. Речь шла о другом: на основании взглядов участников опроса, основанных как на опыте личной семейной жизни, так и на более широком опыте жизни множества окружающих семей, составить представление о проблемах семьи в современном советском обществе. Задача, как видим, ставилась теперь совсем иначе, и в этом свете можно было только приветствовать тот факт, что на нашу анкету откликнулись главным образом наиболее компетентные, образованные люди — люди, которым было что сказать по поводу выдвинутых проблем, которые много думали над ними, выработали соответствующие точки зрения и т. д.

Таким образом сказанное выше не дает основания смотреть на метод неорганизованной стихийной выборки совсем уже пессимистично. Скорее, даже наоборот: в рамках исследования определенных тем, при соблюдении определенных условий этот метод может быть весьма эффективным.

е) Монографический метод. Как мы уже упоминали, смысл этого метода состоит в том, что об исследуемой «вселенной» судят по выборке, в которой представлены лишь отдельные (единичные) компоненты «вселенной» (такой опрос поэтому нередко называют локальным). Если же

иметь в виду форму организации самого опроса, то здесь возможны все перечисленные выше виды выборки.

Институт общественного мнения использовал элементы локальной выборки в VI и VII опросах. При этом в VI опросе речь, как уже говорилось, шла о том, чтобы определить характер и степень зараженности детского сознания разного рода «пережиточными» элементами. Исследуемой «вселенной» тогда являлись дети в возрасте 9—10 лет, и для правильного суждения об этой «вселенной» в целом, вообще говоря, необходимо было подвергнуть опросу детей на всей территории Советского Союза или, вернее, РСФСР, поскольку мы с самого начала ограничили объем исследования рамками одной России. Необходимо было принять во внимание различные экономгеографические районы страны, различное положение города и деревни, различные типы городских поселений (например, новые, так называемые соцгорода и старинные российские города, пережившие процесс социалистического переустройства, но не освободившиеся полностью от форм старого быта) и т. д.

Однако мы поступили иначе. В качестве основного необходимого «разреза» «вселенной» был выбран лишь один: город — село, а «схема» опроса получила свое простейшее выражение: было решено взять школьников *одного* только города (Комсомольск-на-Амуре) и *одного* только сельского района (Комсомольского района Ивановской области). Разумеется, эти локальные сферы «вселенной» были выбраны не случайно, за ними стояло определенное обоснование. И успех применения такого метода зависел как раз от того, насколько добротен был сделан этот выбор, насколько типичными для республики в целом оказались избранные «единицы»³².

В VII опросе речь шла о сравнительной характеристике советского и французского студенчества в их отношении к

³² Проблема типичности выбранного для исследования объекта является вообще главной при использовании монографического метода. К сожалению, часто приходится сталкиваться со случаями, когда эта проблема решается неудовлетворительно. Характерным примером в этом отношении может являться, в частности, работа ряда украинских философов, посвященная проблеме свободного времени. Нетипичность выбранных для исследования предприятий, отклонение их от «среднестатистического» образца в лучшую сторону привели к тому, что выводы, экстраполируемые авторами на более широкую совокупность явлений, оказались крайне неточными, а действительность — значительно приукрашенной (см. «Философские науки», 1963, № 1).

жизни и труду. Здесь также можно было бы включить в ансамбль опроса студентов самых различных районов обеих стран (например, взять столичное и провинциальное студенчество), самых различных профилей, специальностей (например, студенчество технических и гуманитарных вузов) и т. д. Однако поскольку речь шла о сравнении двух «вселенных», отличающихся друг от друга самими социально-политическими структурами, ясно, что подобные различия и оттенки внутри каждой из них приобретали уже второстепенный характер. Для целей исследования было достаточно ограничиться локальными опросами, например опросами столичных студентов обоих государств, или даже еще уже: студентами столичных университетов. При этом исследователь, конечно, должен был обратить серьезное внимание на обеспечение максимальной сопоставимости результатов (было бы ошибочно, например, сравнивать, с одной стороны, МГУ, а с другой — какой-либо провинциальный университет Франции или, с одной стороны, университет, а с другой — какой-либо узковедомственный институт и т. д.).

**Репрезентация
групп
сознания**

Совершенно по-особому при проведении опросов стоит проблема репрезентации групп, составляющих (в избранном аспекте) структуру массового сознания.

Как мы отмечали, эти группы не имеют внешних, объективно выраженных признаков, и поэтому исследователь не может обеспечить их представительство систематическим путем, то есть путем подбора нужных «экземпляров». Еще меньше он может доверить идентификацию человека в отношении той или иной группы самим опрашиваемым; помещая в анкетном листе вопросы типа: «Пол?», «Возраст?», он не может с таким же успехом спрашивать: «Оптимист или пессимист?», «Активен или равнодушен?» и т. д.

Группы мнений обеспечиваются в опросе большей частью по принципу стихийности. Поэтому проблема состоит в том, чтобы исследователь еще до опроса имел необходимые гарантии на тот счет, что все включенные им в программу репрезентации группы так или иначе окажутся представленными в ансамбле, что все основные объективно существующие мнения «pro» и «contra» будут выявлены. Эти гарантии создаются путем выполнения целого ряда условий и процедур на всех этапах работы исследователя — при разработке программы опроса (в частности, определении групп опроса), при составлении анкетного листа (в частно-

сти, определении способов постановки вопросов), при организации и проведении самого опроса, наконец, при обработке полученных материалов.

Что касается, в частности, работы над программой, то тут существеннейшее значение имеет определение групп опроса, выделяемых по внешним признакам. Чем более детально будет программируемая дифференциация социально-демографического состава изучаемой «вселенной», чем более «тонко» будет избираться основание группировок (в смысле оценки влияния того или иного критерия на формирование суждений по данному вопросу), тем более полной будет репрезентация групп мнений.

Не меньшее значение (особенно при использовании метода стихийной неорганизованной выборки) имеет и разработка содержания анкеты. Оно должно по возможности максимально сокращать число людей, не желающих отвечать на анкету — полностью отказывающихся говорить с анкетером или дающих заведомо не соответствующие их действительному мнению ответы. Ведь именно таким образом происходит потеря в ансамбле необходимых групп мнений.

Крайне выражение рассматриваемого явления — отказ человека от участия в опросе. На первый взгляд в таком отказе нет ничего страшного: «не хочешь — не надо!», тем более что всегда есть возможность найти другого человека, характеризующегося теми же социально-демографическими параметрами, который с удовольствием согласится ответить на анкету. Однако в действительности такое «уклонение» — вещь весьма опасная, особенно если оно отличается какой-либо определенной направленностью или имеет массовый характер. На втором собрании Социологической ассоциации СССР кто-то из докладчиков приводил факты, когда из 300 распространенных анкет исследователь получил обратно лишь десятую часть, — ясно, что такое исследование не могло уже считаться научным. В подобных случаях исследователь вообще всегда должен специально проанализировать характер и причины отсева и на основании этого анализа решить вопрос о возможности дальнейшего продолжения работы³³.

Различные методы проведения опросов сопряжены с различной величиной возможных потерь опрашиваемых. При методе стихийной неорганизованной выборки эта величина

³³ См. В. Ядов. Из опыта работы лаборатории социологических исследований при ЛГУ, стр. 206.

огромна, хотя и не поддается точному измерению. Она довольно значительна и в случаях, когда анкета рассылается по почте, раздается опрашиваемым на большой срок и т. д. Но исследователь может свести ее к минимуму, когда опрос проводится с помощью анкетера, располагающего большим набором средств для получения (все же!) ответа. И все-таки успех решения проблемы во всем ее объеме — и прежде всего в смысле сокращения отсева — зависит не от этих формальных моментов. Решающее значение тут, как мы уже сказали, имеет прежде всего характер содержания предлагаемой анкеты, способ постановки интересующих исследователя проблем.

Выше не раз уже говорилось, что по своей форме вопросы анкеты могут быть очень разными. Но независимо от этого различия по форме все они должны обеспечивать максимум условий для выявления всех возможных, всех существующих в действительности мнений по данному вопросу.

Например, при выработке программы I опроса некоторые товарищи предлагали не ставить «под сомнение» существование в современном обществе возможности предотвращения войны и ограничить содержание исследования проблемами условий и путей укрепления мира. Однако известно, что существует группа людей, которая не верит в возможность сохранения мира, которая полагает, что войны избежать не удастся. Ясно, что, если бы мы поставили вопрос лишь таким образом: «На чем основывается Ваша уверенность в возможности предотвратить войну?», мы сразу же сузили бы репрезентативность объективно существующих групп сознания и исключили из ансамбля те 3,2 процента опрошенных, которые на первый вопрос нашей анкеты: «Удастся ли человечеству предотвратить войну?» — дали отрицательный или неопределенный ответ.

Или другой пример. В III опросе мы могли ограничить содержание исследования лишь вопросом об идеалах, о целях жизни молодых людей и вовсе не ставить вопроса об отношении молодежи к своему поколению — определение задач исследования лежит за границей организации самого исследования. Но, с другой стороны, если уж мы решили включить в программу этот последний вопрос, то теперь мы должны были сформулировать его таким образом, чтобы здесь полностью могла проявиться существующая разница во взглядах людей. Опять же, поставь мы этот вопрос в форме: «Чем Вам нравится Ваше поколение?», — и существ-

веннейшие группы «вселенной» оказались бы «за бортом». Точно так же мы не сузили программы опроса рассмотрением лишь сильных, положительных черт советской молодежи, но поставили вопрос и о наиболее распространенных отрицательных ее чертах — в противном случае мы могли бы потерять большое число групп молодежи, не представляющих себе разговора о поколении без острой критики и самокритики.

Вообще следует признать, что всякая тенденциозность или односторонность в содержании анкеты неизменно отталкивает от опроса определенную часть населения, и нередко эта часть оказывается очень важной с точки зрения задач исследования. Поэтому анкета должна отличаться свободным, смелым подходом к раскрытию темы — это условие значительно снижает число «воздержавшихся» от опроса и способствует выявлению подлинных мнений.

Но если одни выражают (прямо или косвенно) нежелание высказывать свои взгляды из-за «ортодоксальности», «тенденциозности» и т. д. анкеты, то другие приходят к тому же решению по соображениям прямо противоположного характера, руководствуясь принципом «как бы чего не вышло». Участие в опросе подобных групп отчасти обеспечивается также определенным способом постановки вопросов в анкете. Однако главным тут является уже другое — способ проведения самого опроса, обеспечение анонимности ответов, создание соответствующих отношений между анкетером и опрашиваемым и т. д. Впрочем, обо всем этом мы говорили уже достаточно.

Наконец, проблема репрезентации групп сознания решается и в процессе анализа полученного материала. Не будучи в состоянии подобрать для выборки необходимые «экземпляры», представляющие различные группы мнений, до опроса, исследователь располагает множеством возможностей выявить все группы мнений, присутствующие в выборке, после опроса. Эта задача решается им с помощью качественного, содержательного, и количественного анализа полученных анкет.

35. ПРОБЛЕМЫ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Как уже говорилось, проблем, связанных с количественным представительством изучаемой «вселенной», две: одна из них касается *абсолютной величины* рассматриваемого

ансамбля, представляющего «вселенную» в целом или ее отдельные части, вторая — *относительного объема* различных частей (групп), представляющих в ансамбле соответствующие структурные «единицы» изучаемой «вселенной».

**Величина
объема
исследуемого
ансамбля**

Смысл первой проблемы ясен: величина выборки должна быть достаточной, чтобы по ней можно было судить об объекте. Остается лишь раскрыть значение слова «достаточный».

На первый взгляд решение проблемы довольно просто: чем более полно будет представлена в выборке изучаемая «вселенная», то есть чем больше будет выборка, тем лучше. Как раз из этого тезиса исходил американский журнал «*Lite-gary Digest*», когда, решив выяснить, кто одержит победу на выборах — Рузвельт или Лэндон, провел в 1931 г. опрос нескольких миллионов американцев. Однако оказалось, что огромный объем выборки сам по себе еще не гарантирует точности результатов. «*Literary Digest*» ошибся, допустив элементарную систематическую ошибку — взяв за основу выборки телефонный справочник и «упустив из виду», что наличие телефона заведомо предполагает принадлежность к определенному общественному классу, а следовательно, и к совершенно определенному типу уменстроений.

И в том же самом году тогда еще никому не известный Дж. Гэллап с точностью до двух процентов предсказал победу Рузвельту на основе опроса всего... 3000 человек! И это было только начало. С 1935 г. в США проходило полтора десятка президентских избирательных кампаний, и каждый раз (за исключением 1948 г.) данные Института Гэллапа, опубликованные за день до выборов и основывающиеся на столь же ограниченной выборке, неизменно указывали победителя. Причем до 1948 г. точность измерения определялась в $\pm 3,9$ процента, после же 1948 г. благодаря применению более совершенной техники опроса она поднялась до $\pm 1,7$ процента; на выборах Кеннеди — Никсон Институт Гэллапа предсказал 51 процент голосов за Кеннеди и 49 за Никсона, то есть совершил ошибку менее чем в один процент.

Подобные результаты полностью развенчивают всякую «гигантоманию» в выборочном анкетировании, неоправданность стремлений некоторых социологов к оперированию ансамблями, насчитывающими десятки тысяч человек или (если ставить вопрос в общей форме) ненужно близкими к

объему изучаемой совокупности. При условии тщательного построения модели «вселенной» (населения страны в целом, исследуемого производственного коллектива и пр.) выборка может быть весьма ограниченной по отношению к объему «вселенной» (у Гэллапа — порядка 0,005 процента).

Вместе с тем она не может быть и слишком маленькой — ошибка, которая допускается чаще всего, — поскольку в случае малых цифр резко возрастает вероятность действия разного рода случайных факторов (взаимно погашающихся при больших объемах) и экстраполяция выводов на более широкую совокупность будет неправомерной. Нельзя, скажем, судить о картине общественного мнения в СССР на основании фиксирования мнения десяти или ста человек или делать выводы о социальной действительности на основании знакомства с отдельными, единичными фактами. Между тем с подобной «легковесностью» можно встретиться не только в суждениях журналистов, но и социологов³⁴.

Где же лежат истинные границы величины выборки? К сожалению, эта сторона дела не получила пока никакой разработки в нашей социологической литературе. Одни из авторов, не будучи в состоянии вовсе обойти проблему, ограничиваются в ее решении абстрактными ссылками на статистику или теорию вероятности: «Теория статистики рекомендует точные приемы определения и установления доли выборки для достижения определенной точности результата»³⁵. Другие, напротив, дают предельно конкретные рекомендации, не сопровождая их какими-либо обоснованиями: «Достаточная репрезентативность данных об уровне и структуре затрат вне рабочего времени применительно к данным района (города) обеспечивается при охвате 0,5 — 1 % жителей. При целевых обследованиях, проводимых на определенных

³⁴ Например, французские социологи, занимающиеся проблемами труда, рискнули сделать широкие выводы относительно процессов в рабочем классе страны на базе всего... 58 (!) анкет. К сожалению, на таком же несерьезном уровне было проведено и «параллельное» исследование советского социолога. Его контрматериал, опубликованный в журнале «Вопросы философии» (Н. Ф. Наумова. Два мира — два отношения к труду. «Вопросы философии», 1963, № 1), скорее можно было отнести к разряду чисто журналистской полемики, нежели к социологическому исследованию, и естественно, что он был критически встречен в литературе (см. Г. М. Андреева. Эмпирический материал и теоретическое обобщение в социальном исследовании, стр. 350—351).

³⁵ Г. Осипов, Ю. Козырев и др. Задачи и методы конкретно-социологических исследований, стр. 27.

предприятиях, необходимо охватить обследованием примерно 8—10% изучаемой категории работников, так как в данном случае имеется в виду обеспечить большую конкретность выводов»³⁶.

Что касается статистики, математики и пр., то они действительно позволяют рассчитать и общий объем выборки, и коэффициент репрезентативности для разного рода «малых групп», и величину возможной ошибки. Вместе с тем существуют некоторые аспекты проблемы, которые являются компетенцией не математики, но именно социологии, вернее, методологии этой науки.

Дело прежде всего в том, что объем выборки не может быть установлен раз и навсегда, исходя из абстрактной величины изучаемой «вселенной», как ее некая константная доля. Согласно математике, нельзя сказать, что выборка всегда должна быть равна, например, $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{100}$ или $\frac{1}{1000}$ и т. д. величины изучаемой совокупности, поскольку в зависимости от этой последней искомая дробь будет то огромным (в абсолютном выражении) числом (если, скажем, проводится всесоюзный опрос), то «мнимой» величиной (если в опрашиваемом коллективе соответственно 9, 90, 900 и т. д. человек).

Но это только один момент. Объем выборки не может быть установлен раз и навсегда как некая константная величина и относительно однопорядковых по объему «вселенных». Нельзя сказать, что выборка при исследовании «вселенных», насчитывающих миллионы «единиц», должна равняться всегда, к примеру, 0,005 процента объема «вселенной», выборка, связанная с исследованием «вселенных» в тысячи «единиц», — 0,05 процента объема «вселенной» и т. д.

Этого нельзя сделать потому, что математике предшествует социология. Величина выборки — величина переменная, которая зависит не только от величины исследуемой «вселенной» (что рассчитывается математикой), но и от ряда иных обстоятельств. В первую очередь от качества (структуры) изучаемого объекта, от степени его неоднородности, дифференцированности (вспомним иллюстрацию с шарами, доставаемыми из мешочка). А это качество устанавливается социологическим анализом: математика может моделировать любую реальность, но прежде эта реальность должна быть зафиксирована и соответствующим образом описана, классифицирована.

³⁶ Г. А. Пруденский. *Время и труд*. «Мысль», М., 1964, стр. 310.

В этой связи надо сказать, что решение проблемы объема опрашиваемого ансамбля при проведении всесоюзных анкетных исследований является сегодня крайне затруднительным. Отсутствие точных представлений о реальной и детализированной структуре современного общества (а также отдельных его «секторов») не дает возможности с достаточной степенью точности определить общую величину и строение выборки. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» испробовал в своей работе несколько различных вариантов. В условиях проведения организованных опросов на основе стратифицированной модели общества объем выборки равнялся 1000 (I опрос), 1500 (II опрос) и 3000 (VIII опрос) человек, а в условиях стихийного опроса — 17 500 (III опрос), 12 100 (V опрос), 10 500 (VIII опрос) человек и т. д. На основании этого опыта твердо можно сказать, что применительно к методу квот объем в 1000 или 1500 человек является явно недостаточным, что речь должна идти, по-видимому, об объеме порядка 3000—5000 человек. Однако этот вывод не может считаться окончательным. И не только в силу указанного обстоятельства, касающегося неточностей используемой модели, но и потому, что имеющийся опыт крайне ограничен: опросы проводились нами, как правило, различными методами, к тому же с различной глубиной расчленения «вселенной», — это не позволяет осуществить теперь сколько-нибудь надежные сопоставления.

Объем выборки зависит, далее, от *метода*, с помощью которого проводится исследование. В результате величина привлекаемого к рассмотрению материала будет различной — воспользуемся ли мы статистическим методом, имеющим дело с фиксированием и описанием объективных фактов, или, скажем, методом анкетирования, имеющим дело с фиксированием и описанием фактов сознания. Соответственно по-разному будут решаться проблемы количественной репрезентации и применительно к тем или иным разновидностям указанных методов.

Например, в статье «К вопросу о задачах земской статистики» В. И. Ленин дал высокую оценку исследованию сельского хозяйства, проведенному в Пензенской губернии по пяти степеням подробности: сплошное обследование всех хозяйств по минимальной программе, затем обследование каждого третьего, девятого, двадцать седьмого хозяйства со все возрастающей степенью подробности и, наконец, детальнейшее монографическое описание 25 хозяйств. «Если пен-

зенские статистики,— писал В. И. Ленин,— обследуют всю губернию по вышеуказанной программе, то собранные данные будут — без преувеличения можно сказать — близки к идеальным»³⁷. Однако ясно, что столь высокая степень плотности выборки достижима далеко не всегда. Поэтому В. И. Ленин в своей работе очень часто пользовался и выборкой меньшего объема: например, в «Развитии капитализма в России» он анализировал данные земской статистики по 21 уезду 7 губерний (из 50 губерний только европейской части России), характеризующие 558 570 крестьянских хозяйств из более чем 10 млн., то есть равные 5,5 процента исследуемой «вселенной»³⁸. Аналогично и в рамках метода анкетирования: величина опрашиваемого ансамбля в случае применения систематической выборки (вероятностной или стратифицированной) будет значительно отличаться (а именно: будет значительно меньше) от величины ансамбля, складывающегося стихийным путем, при относительно одной и той же степени точности результатов.

Наконец, еще одним важнейшим фактором, определяющим величину объема опрашиваемого ансамбля, являются *цель, задачи исследования, вернее, та степень конкретизации выводов* (соответственно: глубины дробления «вселенной»), которой хочет добиться исследователь. Применительно к какой из дробных групп, образующих структуру «вселенной», необходимо будет делать выводы? — вот вопрос, на который нужно ответить в этой связи прежде всего.

В условиях стихийной выборки, понятно, нельзя произвести соответствующих расчетов до опроса. Поэтому единственной гарантией того, что нам удастся судить не только о «вселенной» в целом, но и о каких-то более или менее дробных составляющих ее группах, может служить лишь предельно большой объем анализируемого ансамбля. Исходя из нашего опыта можно предположить, что он должен равняться примерно 10—20 тыс. человек. Тогда довольно представительными оказываются группы, характеризующиеся не только двумя, но и тремя-четырьмя измерениями (параметрами).

Например, выше мы приводили данные в отношении объема «простых» (по одному критерию выделенных) групп,

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 275.

³⁸ См. А. Г. Здравомыслов, М. П. Петров. Труды В. И. Ленина — классический образец марксистского конкретного социального исследования. «Философские науки», 1963, № 2.

образовавшихся в нашем V опросе. Однако вполне представительными тогда благодаря большой величине ансамбля в целом являлись и «сложные» группы. Вот как оказались представленными группы 23—30-летних участников опроса с учетом их пола и места жительства:

	Крупные города	Прочие города	Село	В целом
Мужчины	1118	2991	391	4500
Женщины	502	961	197	1660
В целом	1620	3952	588	6160

Напротив, мы допустили грубую ошибку во II опросе, ограничив объем опрашиваемых лишь 1500 человек. Тогда многие важнейшие группы, даже «простые», в результате нарушения объективных пропорций (совершенно неизбежного в рамках стихийного опроса) оказались представленными крайне неудовлетворительно, что значительно снизило качество выводов. Наряду с 476 рабочими, 467 служащими, 184 инженерами и техниками, 583 лицами до 30 лет и т. д. (группами, представленными, как видим, довольно неплохо) в ансамбле оказалось всего 45 учащихся, 47 неработающих, 66 человек в возрасте старше 55 лет и т. д. Ясно, что судить по этому количеству о многомиллионных группах населения было невозможно.

Однако это было не все. Если применительно к половым, возрастным, социальным и по семейному положению группам речь шла о неудовлетворительной репрезентации лишь части групп, то применительно к группам экономгеографическим аналогичная ситуация сложилась в отношении их абсолютного большинства. Между тем этот критерий был «заложен» в исходную гипотезу в качестве одного из важнейших, и специально в расчете на него была подобрана соответствующая «схема» опроса. Как мы отмечали выше, «схема» не подвела: благодаря ей оказались представленными все крупные и дробные экономгеографические группы. Зато подвела «арифметика»: большинство из этих групп насчитывало явно недостаточное количество «единиц». Так, Москву, например, представляли 179 человек, 22 области Центра — 386, Украину — 115, Урал — 100, Северо-Запад — 90, зато Север — всего 38, Поволжье — 56, Закавказье, Кавказ и Дон — 80,

Западную Сибирь — 85, Восточную Сибирь — 54, Дальний Восток — 44, Белоруссию — 43, Казахстан — 27, Среднюю Азию — 38, Прибалтику — 22, Молдавию — 15 человек. Следовательно, принятый объем ансамбля позволял делать какие-то выводы в лучшем случае применительно к стране в целом и отдельным, наиболее представленным группам, но исключал такую возможность в отношении большинства запрограммированных групп.

В отличие от стихийного опроса систематически проводимое исследование позволяет произвести соответствующие расчеты еще до опроса. Тут в зависимости от того, какая из «мелких» групп интересует исследователя, могут быть заранее определены объем и этой группы и соответственно всех «крупных» групп, в которые она входит, а также всего ансамбля в целом.

Допустим, речь идет об анкетировании городского взрослого населения СССР на основе метода квот, причем исследователь предполагает первоначально ограничить объем выборки 1000 человек. Достаточна ли такая величина? Помимо всего прочего, ответ на этот вопрос будет зависеть и от того, насколько конкретными предполагаются быть выводы.

В соответствии с объективной структурой, установленной Всесоюзной переписью населения 1959 г., 1000 взрослых горожан «распадаются» на 426 мужчин и 574 женщины. В возрастном же отношении пропорции следующие:

Возраст	Абсолютное количество (в млн. чел.)	% к общему числу
16—24 лет	18,3	25,0
25—29 »	9,6	13,1
30—39 »	16,4	22,5
40—59 »	20,9	28,6
60 лет и старше . .	7,9	10,8
В целом	73,1	100,0

Таким образом, из 1000 опрашиваемых 250 должны быть в возрасте до 24 лет, 131 — в возрасте от 25 до 29 лет, 225 — 30—39 лет, 286 — 40—59 лет и 108 — старше 60 лет.

Пойдем дальше. Допустим, что объект рассмотрения таков, что исследователь должен отнести к числу основных и

группы по образованию. Объективно среди 73 млн. взрослого городского населения высшее образование имеют 3,2 млн., то есть 4,3 процента, незаконченное высшее — 1,3 млн., то есть 1,8 процента, среднее — 12,9 млн., то есть 17,6 процента, а безграмотных — 0,8 млн. человек, то есть 1,1 процента. Значит, в структуре ансамбля при принятом объеме выборки все эти группы будут представлены соответственно в количестве 43, 18, 176 и 11 человек. Столь же небольшими будут и некоторые из групп, выделенные по критерию «социально-профессиональное положение» («род занятий»), поскольку в данном случае «вселенная» дробится на большее число составляющих: рабочие, техническая интеллигенция, интеллигенция, занятая не на производстве, служащие, учащиеся школ, студенты, пенсионеры и старики-иждивенцы, домохозяйки, лица, занятые в личном подсобном хозяйстве (в маленьких городах), и т. д. и т. п. Так, на 1000 горожан придется порядка 40—50 инженеров и техников, порядка 50—60 всех учащихся и т. д.

Значит, уже с точки зрения анализа некоторых «простых» групп объем ансамбля в 1000 человек должен быть признан недостаточно репрезентативным в количественном отношении. И тем более если в задаче исследования входит анализ мнений разного рода «сложных» групп, например, не просто людей в возрасте от 16 до 24 лет (таких у нас, как известно, 250 человек), но, скажем, мужчин этого класса (их будет уже 125 человек), или мужчин этого класса, проживающих в городах с населением свыше 500 тыс. жителей (их будет уже 25 человек!), или, наконец, мужчин этого класса, проживающих в городах названного типа и являющихся служащими (таких будет всего 3 человека!), и т. д.

Произведя подобные расчеты, исследователь должен будет решить вопрос о количественной репрезентации «вселенной» в целом и отдельных составляющих ее групп. Он или повысит представительность «мелких» групп, соответственно увеличив объем опрашиваемого ансамбля в целом, или оставит неизменным принятый объем выборки и соответственно определит «нижнюю» границу анализа групп.

Например, в нашем VIII опросе объем выборки равнялся 3000 человек. Поскольку мы ставили своей целью измерить содержание мнений не в рамках каждого включенного в выборку города, а в рамках страны в целом (как и выделенных в этой «вселенной» основных групп, например типов городских поселений), величина данного объема была более или

менее близкой к удовлетворительной. Однако только «более или менее». Дело в том, что многие необходимые группы при указанном объеме получали все же весьма слабое представительство.

Так до расчленения ансамбля на группы городов все прочие группы «укладывались» в 3000 вполне нормально. В частности, группы по полу и возрасту выглядели следующим образом:

	В целом	16—24	25—29	30—39	40—59	60 и старше
В целом	3000	750	393	675	858	324
Из них:						
мужчины	1278	375	195	285	309	114
женщины	1722	375	198	390	549	210

Когда же на эти группы был наложен еще один критерий, связанный с типом городского поселения, сразу же произошло стремительное сокращение объемов групп. Теперь они выглядели уже так:

	В целом	16—24	25—29	30—39	40—59	60 и старше	
Города I	В целом	606	153	78	135	174	66
	Из них:						
	мужчины	258	75	39	57	63	24
женщины	348	78	39	78	111	42	
Города II	В целом	771	192	102	174	219	84
	Из них:						
	мужчины	327	96	51	72	78	30
женщины	444	96	51	102	141	54	
Города III	В целом	1167	291	153	264	333	126
	Из них:						
	мужчины	498	147	75	114	120	42
женщины	669	144	78	150	213	84	
Города IV	В целом	456	114	60	102	132	48
	Из них:						
	мужчины	195	57	30	42	48	18
женщины	261	57	30	60	84	30	

Дальнейшее же совмещение критериев, в частности добавление ко всем названным основаниям деления еще одного — связанного с социальным положением людей, доводило уменьшение абсолютных цифр до критического уровня. Например, о всей учащейся молодежи страны, проживающей в городах IV (меньше 10 тыс. жителей), приходилось судить по группе в 27 человек; обо всей технической интеллигенции, проживающей в городах II (от 100 до 500 тыс. жителей), — по группе в 36 человек; о всех женщинах-служащих, проживающих в городах-гигантах, — по группе в 38 человек; а о них же в возрасте, скажем, 30—39 лет — даже по группе в ...9 человек.

Следовательно, при подобной глубине расчленения исследуемой «вселенной» всесоюзный опрос должен охватывать большее, чем 3000, количество человек. На наш взгляд, как уже говорилось, речь может идти об ансамбле порядка до 5000 человек. Однако, повторяем, окончательное решение этого вопроса требует проведения множества дополнительных исследований — теоретических вычислений и практических экспериментов.

**Пропорциональное
представительство**

Ясно, что обеспечение репрезентации тех или иных групп, образующих «вселенную», в пропорциях, соответствующих объективным, возможно лишь в рамках систематической выборки. Приводившиеся только что иллюстрации дают достаточное представление о принципах, лежащих в основе соответствующих расчетов при составлении «карт» такой репрезентации. Единственное, что к этому нужно теперь добавить, — это подчеркнуть *активную, избирательную* позицию исследователя при разработке количественной модели «вселенной».

Приведем такой пример. Допустим, к числу основных групп в выборке отнесены группы по типу городского поселения. Каким образом должна быть решена проблема пропорционального представительства этих групп?

Первое, что может прийти в голову, — это обратиться непосредственно к цифрам, выражающим количество поселений того или иного типа в стране. Тогда окажется, что, например, в 1959 г. картина была следующей. Если не считать Москву, в стране насчитывалось всего 4618 городских поселений, а по отдельным группам:

Тип поселения	Количество	% к общему числу
До 10 тыс. жителей	3043	65,89
От 10 до 100 тыс. жителей . . .	1428	30,92
От 100 до 500 тыс. жителей . .	123	2,66
Свыше 500 тыс. жителей	24	0,53
В целом . . .	4618	100,00

Значит, если бы исследователь захотел строго пропорционально представить в выборке каждый из этих типов городов, ему пришлось бы включить в выборку *минимум* 193 городских поселения (1 — четвертой группы, 5 — третьей, 60 — второй и 127 — первой). Ясно, что это привело бы к недопустимому дроблению ансамбля (скажем, при объеме ансамбля в 1000 человек в подавляющем большинстве поселений первого типа пришлось бы опрашивать всего по ...одному человеку!) или потребовало бы его колоссального увеличения (хотя бы до 15—20 тыс. человек).

Вместе с тем проблема представительства различных типов городов может быть решена (к тому же гораздо более надежно) иным способом. Достаточно все расчеты в выборке производить исходя не непосредственно из количества городских поселений того или иного типа, а из величины населения, проживающего в каждой из групп городов.

Объективная картина (по данным на тот же 1959 г.), исключая Москву, будет тогда следующей:

Тип поселения	Число жителей в них (в млн. чел.)	Число жителей в них (в % к городскому населению в целом)
До 10 тыс. жителей	14,4	15,2
От 10 до 100 тыс. жителей	37,0	38,9
От 100 до 500 тыс. жителей	24,4	25,7
Свыше 500 тыс. жителей . .	19,2	20,2
В целом . . .	95,0	100,0

Значит, при том же ансамбле в 1000 человек городские поселения первого типа будут представлять теперь 152 человека, второго — 389, третьего — 257 и четвертого — 202. Каким образом распределятся эти группы по тем или иным конкретным городам, будет зависеть от того, сколько именно таких городов войдет в выборку. Если, скажем, мы возьмем один город-гигант, то ансамбль опрашиваемых в нем составит 202 человека, если мы возьмем два таких города, то на каждый придется уже по 101 человеку, если три, то по 67, и т. д. и т. п.

Разумеется, речь не может идти о том, чтобы каждая из групп городов была представлена всего лишь *одним* городом (особенно две первые группы, объективно включающие в себя *тысячи* поселений): подобное представительство значительно повысит вероятность действия разного рода случайных факторов, которые не могут быть учтены исследователем. Однако, с другой стороны, ясно, что при тщательном отборе пунктов опроса (стратифицированная выборка) или тем более при их определении на основе вероятностной модели количество этих пунктов может быть *довольно ограниченным*. Как уже сообщалось, в нашем VIII опросе, например, в выборку было включено 2 города-гиганта, 7 городов с населением от 100 до 500 тыс. жителей, 9 городов с населением от 10 до 100 тыс. жителей и 9 поселков городского типа с населением до 10 тыс. жителей. Такое количество пунктов опроса давало уже возможность установить типичную картину мнений для того или иного типа городских поселений страны.

В практике исследования общественного мнения встречаются и такие случаи, когда систематическая выборка строится с *нарушением пропорционального представительства* групп опроса. Частным примером этого может быть выборка с так называемым *равным* представительством групп. Мы прибегли к ней в I опросе, где ансамбль в 1000 человек был разбит на 10 социально-профессиональных групп по 100 человек в каждой. Известным плюсом подобного метода является удобство проведения сравнительного анализа групп. Однако он практически не дает возможности (во всяком случае без огромных дополнительных усилий) делать какие-либо выводы в отношении всей опрашиваемой совокупности: эти выводы будут заведомо неточными по сравнению с реальными характеристиками изучаемой «вселенной».

Последний минус в еще большей степени присущ

стихийному опросу. В какой бы форме ни проводился последний, нарушение объективных пропорций в репрезентации групп является его постоянным атрибутом. Могущий в той или иной степени повлиять на общий объем ансамбля в целом, а также на величину отдельных групп, исследователь в рамках данного метода практически совершенно бессилен перед лицом заведомо непропорционального представительства групп опроса. Это лишает его возможности делать выводы о «вселенной» в целом, вынуждает ограничивать анализ характеристикой отдельных групп — абсолютной и сравнительной.

Например, в нашем газетном варианте VIII опроса состав выборки оказался резко смещенным от объективных пропорций фактически по всем показателям: в группах по роду занятий — в сторону самодеятельного населения, в группах по полу — в сторону мужчин (61,1 процента от общего числа опрошенных), в группах по возрасту — в сторону молодежи (16—29-летние составили 82,6 процента), в группах по образованию — в сторону наиболее образованных (лица с образованием ниже среднего составили всего 31,6 процента) и т. д. Иными словами, в отличие от стратифицированной выборки (опрос по «Кресту»), представлявшей в целом, хотя и с известными огрехами, довольно близкую модель городского населения страны, 10 с лишним тысяч человек, ответивших на анкету в газете, были наиболее активной, молодой и образованной частью этого населения. Ясно, что, имея дело со столь непредставительной «моделью» «вселенной», мы не могли оперировать общими цифрами газетного опроса с целью характеристики городского населения страны в целом. Однако применительно к указанным группам (особенно учитывая их абсолютный объем) можно было делать довольно точные выводы. В этом отношении метод стихийной выборки (при условии значительного объема групп и точного фиксирования их границ — социальных, демографических, связанных с типом сознания и т. д.) вообще можно считать довольно надежным.

* *
*

Очевидно, в исследовании подобного объема заключение может быть лишь предельно кратким. Собственно говоря, в нем нет даже особого смысла, поскольку все, что намеревался сказать автор, уже было сказано выше. Единственное,

что следует добавить к изложенному,— это то, что оно является лишь *одной из начальных попыток* в изучении общественного мнения, действующего в условиях советского общества. Поэтому к нему и относиться нужно как к началу, где, возможно, подчас даны не столько решения, сколько постановки вопросов, где встречаются лишь вчерне намеченные контуры отдельных проблем и т. д. Впереди — более тщательный и всесторонний, связанный с практической перестройкой мира, анализ массового сознания, в том числе того его феномена, который называется общественным мнением.

• Оглавление •

ПРЕДИСЛОВИЕ. СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИ	3
ВВЕДЕНИЕ	17
ГЛАВА I. ПРИРОДА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	
1. Еще одна форма общественного сознания?	22
2. «Партийная» идеология и «объективная» наука	25
3. Обыденное сознание или теоретическое знание?	28
Линии водораздела — 29. Поле формирования общественного мнения — 32.	
4. Общественное мнение — осознанное бытие	35
5. Две формы отражения действительности	41
Прямое отражение — 41. Косвенное отражение — 44.	
6. Сложный характер отражения	46
Многозначность толкования суждений — 47. Момент ситуативности — 48. Явление транзитивности — 51.	
7. «Genus proximum» общественного мнения	56
Состояние массового сознания — 57. Исторический характер определения — 62.	
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	
8. Границы общественного мнения в условиях современного капитализма	67
Антагонизм мнений — 67. Наступление на общественность — 69. Отчуждение, доведенное до конца — 71.	
9. Общественное мнение в социалистическом обществе	74
Каналы выражения мнения масс — 76. Условия функционирования — 78. Гарантии действенности — 80.	
10. Функции общественного мнения	86
Воздействие мнения на социальные институты — 87. Содержание высказываний — 90. Форма высказываний — 96.	
11. Возрастание роли общественного мнения	96
ГЛАВА 3. ОБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	
12. Мнение о бытии и мнение о сознании. «Порог доступности»	100
13. Объективный и субъективный анализ. «Принцип целесообразности»	104
14. Объект общественного мнения и угол зрения исследователя	110
15. Первый критерий: общественный интерес	114
Несовпадение общественного и личного интересов — 115. Элементы важности, актуальности — 121. Общественный интерес и личная заинтересованность — 124. Практический эффект критерия — 131.	

16. Второй критерий: дискуссионность	132
Специфика суждения-мнения — 132. Дискуссионность и единодушие — 136.	
17. Третий критерий: компетентность	140
Уровень знания и понимания предмета — 141. Компетентность — величина переменная. Зависимость от социальных условий — 145. Зависимость от объекта и субъекта высказывания — 150. Критерий компетентности и задачи исследования — 157.	
18. Изменение объекта мнения «вширь» и «вглубь»	163
ГЛАВА 4. СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	
19. Индивид или группа? ;	166
Положение общественных лидеров — 167. «Общество в целом» — 170.	
20. Монизм или плюрализм мнений?	172
Позиция абсолютного монизма — 172. Фактическое положение вещей — 175. «Формирование» мнений и «сформировавшееся» мнение — 177.	
21. База и границы множественности мнений	178
Природа плюрализма — 179. Социально-демографическая структура общества — 180. Сфера плюрализма — 186.	
22. Чье мнение может считаться общественным?	191
«Прогрессивные» и «реакционные» силы — 192. «Большинство» и «меньшинство» — 193. «Соответствие интересам народа» — 194. Относительный характер субъекта мнения — 196. Проблема количества — 199. Проблема качества — 203.	
23. Задачи интегрирующего и дифференцирующего анализа	207
Определение границ единодушия — 207. Определение границ расхождения мнений — 209. Проблема типологии — 212.	
ГЛАВА 5. ВЫРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	
24. Логическая природа суждения-мнения	214
Основные типы высказываний — 215. Форма и содержание высказываний — 219.	
25. Vox populi — vox dei? Континуум истинности	222
26. Общественное мнение: действительность. Характер и источники ошибок общественного мнения	225
Молва, слухи, сплетни — 227. Непосредственный опыт индивида — 230. Опыт «других» — 237.	
27. Мнение высказанное: мнение действительное. Характер и источники «возмущения» общественного мнения	250
Три рода помех — 251. Неспособность к точному высказыванию — 253. Невозможность точного высказывания — 256. Нежелание высказываться правдиво — 267.	
ГЛАВА 6. ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	
28. Способ познания действительности — объективной и субъективной	276
Ключ к миру бытия — 276. Общественное мнение констатирует факты — 281. Фиксирование мира сознания — 284.	
29. База развития теории	286
Путь к раскрытию социальных закономерностей — 286. Общественное мнение устанавливает зависимости — 288.	
30. Определение путей решения практических вопросов	292
Выводы из анализа. Целенаправленность исследования — 292. Общественное мнение подсказывает решения — 297. «Прописные истины» и новое знание — 300.	

31. Средство развития общественных отношений 308
 Форма осуществления практического народовластия — 309. Совершенство механизма социального руководства — 311. Непосредственное воздействие на сознание масс и руководителей — 314.
- ГЛАВА 7. СПОСОБЫ ФИКСИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**
32. Общая характеристика основных методов 318
 Методы изучения объективированных фактов сознания — 319. Методы изучения непосредственных фактов сознания — 325. Методы исследования с точки зрения охвата объема изучаемой совокупности — 330.
33. Плюсы и минусы метода выборочного анкетного опроса . . . 332
 Анкетирование — основной способ изучения общественного мнения — 332. Мнимые минусы выборочного анкетирования — 335. Действительные минусы выборочного анкетирования — 341.
34. Проблемы качественной репрезентации 347
 Структура общества и структура массового сознания — 350. Определение групп опроса — 355. Репрезентация социально-демографических групп — 360. Репрезентация групп сознания — 380.
35. Проблемы количественной репрезентации 383
 Величина объема исследуемого ансамбля — 384. Пропорциональное представительство — 393.

Грушин Борис Андреевич.

МНЕНИЯ О МИРЕ И МИР МНЕНИЙ. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., Политиздат, 1967.

400 с.

1МИ

Редактор *Г. Курбатова*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *Е. Каржавина*

Сдано в набор 21 января 1967 г. Подписано в печать 27 июня 1967 г. Формат 60 × 84^{1/16}. Физ. печ. л. 25. Условн. печ. л. 23,25. Учетно-изд. л. 22,30. Тираж 42 тыс. экз. А 11806. Заказ № 163. Бумага № 2. Цена 71 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий».
 Москва, Краснопролетарская, 16.



Б.А.Грушин • МНЕНИЯ О МИРЕ И МИР МНЕНИЙ